Л. А. БУЛАХОВСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

К ЛИТЕРАТУРНОМУ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

«РАДЯНСЬКА ШКОЛА»

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К ЛИТЕРАТУРНОМУ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Проф. Л. А. БУЛАХОВСКИЙ

ИСТОРИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К ЛИТЕРАТУРНОМУ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Разрешен Наркомпросом УССР в качестве пособия для студентов педвузов и университетов и для преподавателей средней школы

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УЧЕБНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
„РАДЯНСЬКА ШКОЛА"
ХАРЬКОВ · 1937 · КИЕВ

Библиографическое описание этого издания помещено в „Літописі Укр. друку", „Картковому репертуарі" и других показателях Украинской Книжной Палаты

15.201 — 35.200

Редактор *А. Петренко*

Техредактор *Карцев*
Корректор *Г. Йовенко*

Если в этой книге будут дефекты, просим возвратить ее для замены на адрес: Книжная ф-ка им. Г. И. Петровского. Харьков, угол улиц Ф. Энгельса и К. Маркса.

„Радянська школа". Издание № 335. Зак. № 305. Уполн. Главлита № 4271. Тир. 35.200. Печатн. листов 20¼. Бум. лист. 10⅛. Форм. бум. 62×94 1/16. Знаков в 1 бум. листе 104.000. Сдано в производство 7/II 1937 г. Подписано к печати 7/II 1937 г.

Цена 3 руб. 60 коп. Переплет 75 коп.

Книжная фабрика ДВРШ им. Г. И. Петровского. Харьков.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Задача предлагаемого курса — дать в руки студента литературно-лингвистического факультета дополняющее лекции пособие, которое, во-первых, помогло б ему сознательно отнестись к языковой стороне изучаемых памятников литературной русской речи, во-вторых, дало б исторический комментарий к фактам современного литературного языка, вне истории его непонятным, неясным или вообще выигрывающим в перспективности и ясности при привлечении соответствующего исторического материала.

Автор думает, что книга оказалась бы полезной в их работе также и преподавателям языка с филологической подготовкой.

Выходить в комментировании за пределы славянской системы автор считал нежелательным, хотя и не избегал этого в отдельных случаях.

Отправные пункты, которые автор берет для освещения фактов русского языка,— древнейший язык индоевропейской группы и древнейший славянский язык, — являются условным обозначением древнейших этапов процесса языкового развития. В таком смысле и должны пониматься эти этапы.

Выбор освещаемых в книге моментов, в отдельных пунктах условный, диктовался преподавательским опытом автора и тем кругом вопросов, с которыми к нему в течение ряда лет обращались преподаватели русского языка и начинающие ученые.

Во всем существенном этот выбор совпадает с программой по истории русского языка для педагогических институтов УССР 1936 г., и это дает право автору рассчитывать на то, что его книга прямо обеспечит потребности преподавания высшей школы УССР.

Иллюстративный материал взят главным образом из памятников Московской Руси, как наиболее важных для истории

именно русского языка. Что касается периода восточнославянской письменности от XI до XIX в., то при наличии на Украине на литературно-лингвистических факультетах параллельного курса украинского языка, соединяемого с изучением старославянского, этот период в углубленной характеристике в данном пособии особенно не нуждается.

Целью автора был прежде всего, как ясно из заглавия книги, исторический комментарий к современному литературному языку. Правописно-палеографической стороны памятников автор прямо не имел в виду и нашел возможным поэтому, считаясь также с большими техническими трудностями точного воспроизведения текстов, не окупающимися непосредственной полезностью при учебной работе, цитацию максимально упростить: старинная орфография что касается знаков ѣ, ъ, ѳ заменена в части книги, посвященной синтаксису, новою, старославянское йотированное **е** заменено буквою **є**, вм. **оу**, читавшегося как **у**, дается **у**, введена современная пунктуация и т. п. Там, где для сути дела была важна старинная орфография (в фонетике, отчасти в морфологии), при цитации она сохраняется.

Библиографические справки автором ограничены вообще важнейшими книгами и статьями, но в случаях, где его освещение расходится с заслуживающими серьезного внимания другими точками зрения, выдвинутыми в более специальной литературе, он не отказывался от ссылок.

Надо однако заметить, что автором отнюдь не имелось в виду уделить внимание научным контроверсам в полной или даже в большой мере. В самом изложении контроверсы затронуты только в минимальной мере; сноски, которыми автор тоже старался не злоупотреблять, отсылают к полезным дополнениям и к иным толкованиям.

Автор думает, что в условиях нынешней недостаточной разработанности ряда вопросов истории русского языка в советском языкознании он не избег отдельных формалистических трактовок. За все обоснованные указания критики и товарищей по работе автор будет глубоко благодарен.

Так как „Исторический комментарий“, хотя и представляет собою вторую часть работы автора о русском языке для вузов, оказался оторванным от „Курса русского литературного языка“ по причинам издательского порядка, несколько параграфов из него пришлось включить в ранее вышедший „Курс“. Теперь они воспроизводятся и здесь.

Автор.

I. ОБЩИЙ ОЧЕРК ИСТОРИИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА ДО КОНЦА XVIII ВЕКА.

§ 1. Историю русского литературного языка времени раннего феодализма (XI — XIV вв.) нельзя охарактеризовать, отмечая только те его особенности, которые с бо́льшим или меньшим правом могут считаться принадлежностью говоров, легших в основу русского языка в его обоих нынешних наречиях. Хотя фонетические черты восточнославянских диалектов, таких, например, как новгородский, или говоров - предков украинского языка, проявляются в ранних памятниках с достаточной выразительностью и отражают естественную для феодализма раздробленность средств языкового общения, но в целом письменный язык феодальной Руси даже с чертами диалектов - предков великорусского не есть еще язык, который с достаточным правом можно было бы назвать русским, противопоставляя его, напр., украинскому.

Основа этого языка вообще не восточнославянская: и исторические свидетельства и данные самого языка по памятникам не оставляют сомнения в том, что Русь в конце X века получила свой литературный язык извне, что язык этот по своему происхождению литературный болгарский IX в., построенный на основе македонского диалекта Солуни, что и овладение им и пользование были возможны в тех чертах, которые отражены в памятниках, только при очень сильном влиянии школы с учителями - болгарами.

Те элементы живой восточнославянской речи, которые необходимо должны были проникать в принесенный извне письменный язык, вопреки, казалось бы, естественному ожиданию, кроме некоторых фонетических черт, не носят на себе отчетливой диалектной окраски. Один из авторитетных знатоков

древнерусской литературы и языка акад. В. М. Истрин так характеризует русский язык XI—XIII вв.: „Примеров... провинциальных разновидностей общелитературного языка мы... не имеем и говорить о них не можем, исходя лишь из теоретических соображений, подкрепленных историческими фактами... Разумеется, и в разговорном языке каждого местного высшего слоя общества существовали свои провинциализмы, которые могли входить и в письменность, как, напр., слово „олонесь" в значении „в прошлом году" в Новгородской летописи (Синод. сп. XIII века), но таких слов, как доказывают древнейшие памятники, было незначительное число. В общем же книжный литературный язык был один и тот же на всем пространстве Руси"[1].

Констатируемый Истриным факт может толковаться по-разному. Менее всего имеет за себя то соображение, что в X—XIII вв. восточнославянский язык еще был мало расчленен на диалекты и что единство литературного языка поддерживалось по сути единством самого разговорного языка, более или менее одинакового и в Киеве, и в Новгороде, и в Полоцке. Конечно, во время, о котором идет речь, „народный язык" отдельных восточнославянских племен (предков русских, украинцев и белорусов) не мог еще так сильно различаться от диалекта к диалекту, как это имело место с дальнейшим историческим распадом старых племенных, политических и экономических связей; но уже a priori маловероятно, чтобы на огромных пространствах, занятых восточнославянскими племенами, при достаточно несовершенных путях сообщения, при системе феодального хозяйства, язык не оказался сильно раздробленным. Да если бы было и не так, все равно искусственный книжный язык Руси XI—XIII вв.,— а таким он был больше, чем всякий литературный язык вообще, потому что в основе не был своим,— мало выигрывал бы от близости или даже единства разговорного языка на другой народной основе. Причины единства древнерусского литературного языка как обще-восточнославянского — иные: „Киевские князья,— объясняет Истрин,— посылали по городам или своих сыновей или посадников, приводивших с собой и дружину, а киевская духовная власть наделяла те же города высшим и низшим духовенством, приносившим с собой разнообразного содержания книги. Те и другие, кладя основание высшему слою общества, сливались с мест-

[1] В. М. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы. 1922, стр. 82.

ными уроженцами и создавали тот же книжный литературный язык, который существовал и в Киеве, лишь с очень незначительными местными особенностями. Что же касается словарного материала, то он в сильной степени зависел от вращавшейся в каждой местности письменности, а эта письменность... появлялась в одно и то же время всюду — и на юге и на далеком севере... Существенное значение... оказывала книга: провинциальный русский книжник — и в Новгороде, и в Ростове, и во Владимире, и в Галиче — учился по тем же книгам, по которым учились и киевские книжники, из таких же книг почерпал всю свою книжную мудрость, и естественно, что и писать он должен был на том же языке, на котором была написана вся тогдашняя литература".

Не меняется заметно положение и с XIII века — с запустением Киева и с сосредоточением русской государственности на северо-востоке в иной племенной области. И на новых местах, самые названия которых даются нередко из памяти о юге, культивируется тот же традиционный язык, который принадлежал письменности Киевской Руси: „Язык таких произведений северо-востока XIII века, как „Моление Даниила Заточника", „Послание Симона к Поликарпу", „Поучения Серапиона Владимирского", „Житие Авраамия Смоленского", ничем не отличается от языка таких памятников, как: „Поучения Феодосия", „Поучение Мономаха", „Слова Кирилла Туровского" и т. п.; точно так же, напр., самостоятельная часть „Летописца Переславля Суздальского" (начала XIII века) по языку ничем не отличается от „Повести временных лет" как в ее древнейшей части, так и в позднейших" (Истрин, стр. 83).

Язык книги продолжает оставаться традиционным и долгое время спустя не порывающим с установившимся в киевскую пору составом слов и форм, насколько, разумеется, это удается желающим сохранить его именно таким книжникам, работающим в новых политических и культурных центрах.

Наряду с книжным церковнославянским должен был, однако, существовать и выступать в качестве влиятельного близкий или во всяком случае гораздо более близкий к народному, не чуждавшийся областной окраски язык деловых документов и законодательных актов. Наиболее распространено мнение, что и для этих произведений древнерусской письменности нужно принять как основу заносной болгарский язык, с которым, однако, в документах такого рода обращение было намного более свободно, так что уже очень рано он

выступал в них с очень значительной примесью разговорного русского языка. Этой концепции в последнее время противопоставлена серьезно обоснованная точка зрения проф. С. П. Обнорского[1], который на основании анализа языка главным образом древнейшего из дошедших до нас списков „Русской правды" приходит к выводу о том, что уже в XI веке при великом князе Ярославе Владимировиче в употреблении был в документальной письменности язык вполне русский, „русский во всем своем остове".

„Этот русский литературный язык старшей формации", как показывает исследование Обнорского, „был чужд каких бы то ни было воздействий со стороны болгарско-византийской культуры, но, с другой стороны, ему не были чужды иные воздействия — воздействия, шедшие со стороны германского и западнославянского миров". Большие вероятности говорят за то, что этот наиболее чистый тип русского письменного языка создался первоначально на севере (в Новгороде), тогда как юг (Киев), вероятно, издавна, вопреки тем слишком широким обобщениям, которые из своего исследования „Русской правды" делает Обнорский, только преодолевал и в письменности этого рода воздействие полученного извне „образцового" книжного языка на южнославянской основе. Как бы, однако, дело ни обстояло для самого конца X и для XI века, в дальнейшем и документальная русская письменность не обнаруживает цельной русской основы, и примесь элементов болгарских и в ней выступает с большой отчетливостью.

С другой стороны, письменность религиозная и те немногочисленные виды светской, которые находились с ней в тесной идеологической и стилистической связи, в процессе своего приспособления к русской языковой почве утрачивают чистоту своей южнославянской основы, допускают все большее и большее проникновение фонетических и лексических восточнорусских элементов, и пути их развития вплоть до конца XIV века обещают тип литературного языка, если не очень сильно, то по крайней мере заметно сближающегося с языком феодальной верхушки.

Существенное значение в истории русского языка имело, однако, совершавшееся в течение XV века возвращение литературной речи к южнославянским книжным источникам.

---

[1] С. П. Обнорский. Русская правда как памятник русского литературного языка. „Изв. Акад. наук СССР", 1934, стр. 749 — 776.

Во многом „обрусевший“ к XV веку письменный церковнославянский язык, бывший в обращении на территории Руси, в XV веке переживает сильную реакцию. Он заметно отрывается от сделанных приобретений живой речи, архаизируется, усложняется синтаксически в духе византийского „вития словес“ и на письме выступает в оболочке усложненной орфографии с чуждыми его фонетике особенностями южнославянской графики.

Эта реакция совпадает с возобновлением сношений с центрами грекославянской религиозной образованности, где списываются и откуда присылаются на Русь книги, окруженные ореолом образцовости и в их содержании и в их языке. Как желанные гости и учителя принимаются на Москве южнославянские церковные деятели, влияющие, естественно, в направлении приближения литературного языка к привычным для них и представляющимся им авторитетными южнославянским образцам. Влияние это оказывается настолько сильным и длительным, что, как утверждает акад. И. Ягич, „без правильной оценки его становится непонятным то большое количество славянских элементов, слов и оборотов, которое до сих пор существует в русском литературном языке“ [1].

Влияние подобной силы не могло, конечно, быть случайным и корней его нам надо искать не только в авторитетности южнославянских церковных деятелей, приехавших в страну культурно отсталую, с духовенством, которое само чувствовало свою недостаточную образованность в области обслуживаемого им культа, но и в самих тенденциях русского духовенства конца XIV и начала XV века. В борьбе за свое влияние церковники увидели в южных славянах с их языковыми тенденциями желанных союзников. Книжные образцы, привезенные ими, „ответили чаяниям и русского духовенства, жаждавшего реформы, понимавшего, что почва ускользает из-под его ног под напором светского своего соперника — литературного языка, воплотившего в себе язык церковный...“ Реформируя орфографию и язык церкви в направлении их большей усложненности, обособленности от живого и повседневного, духовенство (вернее, те, кто задавал в нем тон) могло „чувствовать себя удовлетворенным: над народной стихией и над светским литературным языком одержана великая победа: церковный

---

[1] И. В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка, 1889, стр. 152 — 153.

язык не смешается с языком подъячего съезжей избы, пишущего грамоты, совершающего сделки на простонародном грубом языке"[1].

Не все однако возвращенное вспять к старославянским источникам следует отнести только на счет исправителей XV века. Нельзя упускать из виду, что и в XVII веке снова остро стоял подымавшийся и в XVI веке вопрос о правильности богослужебных текстов и что новый их пересмотр фактически в ряде случаев вел к архаизации их языка.

Хотя победу архаизаторских тенденций XV—XVII вв. нужно поставить в связь с упомянутыми домогательствами духовенства, но очень вероятно, что его победа на этом этапе оказалась возможной в значительной мере благодаря соответствию его нормализаторских устремлений общим объединительным устремлениям нарождавшейся в течение XV века централизованной бюрократической монархии.

Укрепившись в XVI веке и в лице Иоанна IV достигнувши наиболее яркого выражения, самодержавие смотрит на духовенство как на силу, подлежащую использованию в своих интересах, и, задерживая или истребляя в своей практике то, в чем церковники могли пойти путем, противоречившим этим интересам, повидимому, и в области языка намерения церковников согласует с духом своей политики. Показательно во всяком случае, что „исправительская" работа в области церковного языка приходится и в XVI веке и после (в XVII веке, при царе Алексее) именно на моменты усиления бюрократической монархии.

§ 2. Для характеристики **древнерусской лексики** так, как она отразилась в памятниках московской Руси, важно уяснить себе те жанры, в которых она культивировалась в хотя бы относительной независимости от лексики определенно церковной, южнославянской (главным образом болгарской).

Памятниками этой лексики являются прежде всего жанры практические (прикладные): грамоты (документы юридического характера, манифесты), законодательные акты сборного рода (судебники), официальные донесения, переписка; из теоретических: летописи и родственные им типы литературного творчества, произведения с наставительными целями, произведения описательного характера (главным образом, описательно-повествовательного).

---

[1] А. Шахматов. Курс истории русского языка, I, изд. 2, стр. 205—206.

Из грамот московской Руси особый интерес представляют, естественно, древнейшие. К ним принадлежат семь завещаний московских князей (древнейшее — Духовная Ивана Калиты, ок. 1327 г.), договоры московских князей с удельными и Литвой и др.

Относительно большими собраниями лексического материала юридического характера являются Судебники 1497 г. (Иоанна III), 1550 г. (Иоанна IV), 1589 г. (Федора) и 1649 г. (Алексея Мих.).

Среди официальных донесений могут быть упомянуты такие, напр., как отчет Я. Молвянинова Иоанну Грозному о посольстве его к папе Григорию XIII (1582 г.), для XVII века — многочисленные интересные материалы, относящиеся, напр., к восстанию Степана Разина, к делу патриарха Никона и под. и, как выдающийся памятник более художественного, чем собственно делового языка, „История об Азовском осадном сидении донских казаков". Драгоценными памятниками старинного эпистолярного слога являются, напр., для XVI века письма вел. кн. Василия Ивановича к его жене, исключительная по представляемому ею интересу переписка Иоанна Грозного с Курбским, послание Грозного игумену Кирилло-Белозерского монастыря; для XVII — переписка патриарха Филарета с его женою и под.

Среди литературы мемуарной важно, напр., вошедшее в так называемый Софийский временник „Хожение за три моря" тверитина Афанасия Никитина (между 1466 — 1472 г.) с характерной лексикой бытовой экзотики; для XVII века — замечательный памятник древнерусского языка — „Житие" протопопа Аввакума. Чрезвычайно обильны и разнообразны материалы летописного характера, литература назидательно-повествовательная и под.[1].

Словарь понятий бытовых нам открывается из этой литературы по преимуществу в документах административного, в меньшей мере — юридического порядка и в таком, напр., исключительном в этом отношении памятнике, как „Домострой". В отличие от черт, характерных для современности, нам не приходится его изучать по древнерусской беллетристике с надеждами, которые мы вправе возлагать на подобное изучение современной литературы, с ее широким и многосторонним отражением

---

[1] Подробные данные и библиографию см. главным образом по художественной литературе в курсах древней русской литературы А. Н. Пыпина (т. I и II), В. А. Келтуялы (2 изд., 1913), Е. В. Петухова (3 изд., 1916), А. С. Орлова (1916), П. Н. Сакулина (ч. I, 1928) и др.

быта. Древнерусская беллетристика в основном или нравоучительна и корнями своего слога уходит в церковность, или, даже когда она носит светско-сюжетный характер и служит занимательности, стилистически еще сильно связана с традицией повествовательно-морализирующего жанра, а сама установка на динамический сюжет, на захватывающую смену событий сказочного рода мало способствует обрисовке реальных повседневных вещей.

То, что применительно к допетровской Руси можно назвать терминологической лексикой, охватывает, если не говорить о терминологии церковно-богословской, ограниченные сферы: у нас есть относительно многочисленные источники старинной грамматической терминологии[1], хорошо представлена терминология юридическая[2]; но по отношению, напр., к терминологии технической, которая, конечно, должна была существовать в ряде производств, в коих и русские люди были „промышленны", приходится в общем довольствоваться скудными случайными данными.

Сферы эмоциональной лексики, которые можно различить в древнерусском, не отличаются большим разнообразием: исключительно богата и доминирует над остальными питающаяся соками старинного южнославянского языка синонимика торжественных понятий, с прозрачной эстетической тенденцией — „чем старее, тем выше, торжественнее"; иногда рядом с торжественной, но представляя в известной мере самостоятельный слой, выступает синонимика красивости, подчиненная собственно-эстетическим эмоциям; в полемической литературе известное место занимает лексика бранно-презрительная; тщателен отбор почтительного и уничижительного, с исключительной выразительностью проходящий по линиям классового расслоения и иерархии. Меньше, чем в народном языке, находит свое выражение, главным образом, впрочем, в словообразовании, эмоция ласковости.

Древнерусский литературный язык, как и всякий вообще, в слоге, избиравшемся для отдельных его жанров, проходил

---

[1] Ср. И. Ягич. Рассуждения южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. СПБ. 1895. С. Булич. Очерк истории языкознания в России. СПБ. 1904. И. Ягич. История славянской филологии. СПБ. 1910, гл. II. Н. Грунский. Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков. СПБ. 1911, т. I, гл. I.

[2] См., напр., А. Н. Андреев (ред.). Терминологический словарь частных актов московского государства. Рос. Акад. наук, П., 1922.

через удачи индивидуального творчества, делавшиеся затем предметом подражания и перенимания для других авторов, проходил через отложения устоявшихся и широко развившихся стилистических систем, причем, конечно, те или другие особенности слога определенных жанров не оставались всегда в них замкнутыми, но, понравившись, пролагали себе нередко путь в другие, не всегда даже им родственные. В „Духовной" вел. кн. Семена Ивановича на фоне общего документального языка почти неожиданно выступает образное: „Чтобы не перестала память родилии (родителей) наших и наша и свеча бы не угасла (не прекратился род)". Ив. Пересветов повторяет, видимо любуясь образом: „И как учали быти в воли, в цареви имени, всякий стал против недруга стояти и полки недругов розрывати и смертною игрою играти и чести себе добывати". „А кто у царя против недруга крепко стоит, играет смертною игрою, полки недруга разрывает, верно служит, хотя от меньшего колена, и он его на величество поднимает, и имя ему велико давает, и жалования ему много прибавливает, ростит сердце воинником своим".

Стилистические приемы песенного эпического и лирического творчества живою струею пробиваются вдруг среди летописного „Сказания о Псковском взятии", и пафосом глубокой скорби звучит поэтический диалог: „О, славнейший граде Пскове великий! почто бо сетуеши и плачеши? И отвеща прекрасный град Псков: Како ми не сетовати, како ми не плакати и не скорбети своего опустения? Прилетел бо на мя многокрыльный орел, исполнь крыле львовых ногтей, и взят от мене три кедра Ливанова: и красоту мою, и богатество, и чада моя восхити, Богу попустившу за грехи наша..." (12).

Образы и фигуры песенно-былинные, отзвуки, казалось бы, вовсе утраченной к XVII веку поэзии „Слова о полку Игореве" и подражаний ему с исключительной силой вдруг выступают в не подающем к тому повода по теме донесении азовских казаков о выдержанной ими в 1641 г. осаде („История об Азовском осадном сидении"). Ср., напр.: „Все наши поля чистыя орды ногайскими изнасеяны: где у нас была степь чистая, тут стало у нас одним часом, людьми их многими, что великие леса темные. От силы их многия и от рыскания их конскаго земля у нас под Азовом потряслася и погнулася; из реки у нас, из Дону, вода на береги выступила от таких великих тягостей, и из мест своих вода на луги пошла" (4). „И давно у нас, в полях наших летаючи, клекчут орлы сизые и грают вороны

черные подле Дону тихаго; всегда воют звери дикие, волцы серые, по горам у нас брешут лисицы бурыя, а все то скликаючи, вашего бусурманскаго трупа ожидаючи“ (9) и под.

В этом сочетании индивидуальной и коллективной словесной работы выплавляются древнерусские стили, но вообще лишь медленно отлагаются особенности, по которым можно отличить их от южнославянского наследства. Для начала XIII века мы имеем прекрасный образец древнерусской художественной лексики и синтаксиса в так называемом „Молении Даниила Заточника“, обращении жителя Переяславля Суздальского к князю Ярославу Всеволодовичу. „Моление“ это лексически остается едва ли не полностью в плену южнославянского книжного языка. За четыре века, которые отделяют „Моление“ от такого, напр., тоже светского памятника с художественной словесной установкой, как „Урядник Сокольничья пути“, мы видим некоторые успехи русской художественной речи, но и тут констатируем, что на общем русском фоне „Урядника“, хотя и очень далеком от того, что́ нужно предполагать для русской разговорной речи верхних классов второй половины XVII века, традиционно выступает как средство вызывать художественную приподнятость синонимика понятий, корнями своими уходящих в большей или меньшей мере в эмоции церковного лирического слога, лишь с относительно небольшой примесью лексики разговорной.

Ср., напр.: „... Хотя мала вещь, а будет по чину честна, мерна, стройна, благочинна, никто же зазрит, никто же похулит, всякий похвалит, всякий прославит и удивится, что и малой вещи честь и чин, и образец положен по мере“ (2).

„Безмерно славна и хвальна кречатья добыча. Удивительна же и утешительна и челига кречатья добыча. Угодительна же и потешна дермлиговая перелазка и добыча. Красносмотрителен же и радостен высокого сокола лет... По сих доброутешна и приветлива правленых ястребов и челигов ястребьих ловля...“ (6).

„О славные мои советники, и доброверные и премудрые охотники! Радуйтесь и веселитеся, утешайтеся и наслаждайтеся сердцами своими добрым и веселым сим утешением в предыдущия лета“ (9).

„И став на место и поправяся добролично и добровидно, кликнет начальнаго сокольника четвертаго и молвит...“ (16).

„...И станет поодаль царя и великаго князя человечно, тихо, бережно, весело, и кречета держит честно, явно, опасно, стройно, подправительно, подъявительно к видению человеческому и ко красоте кречатьей“ (17).

Еще естественнее, чем в лексике художественной, традиционность путей русского литературного словаря абстрактных понятий.

Богатый словарь абстрактных понятий, громадное наследство греческого философского богатства, перешедший через византийскую богословскую схоластику в старославянскую письменность древней Руси, был достаточен и сам по себе, чтобы удовлетворить потребности повторявшей зады „философской“ мысли московских книжников, и имел в себе много такого, что с исключительной легкостью позволяло образовывать слова по типу уже ранее обращавшихся в книге. Не приводя примеров из литературы церковной, где подобной лексикой заполнена чуть ли не каждая строка, ограничимся двумя выдержками из сочинений определенно светских.

Вот, напр., слог характеристики Бориса Годунова в „Гранографе“ Сергея Кубасова[1]: „Царь Борис благолепием цветущи и образом своим множество людей превозшед, возрасту посредство имея, муж зело чюден и сладкоречив, вельми благоверен и нищелюбив, и строителен вельми о державе своей, и многое попечение имея, и многое дивное от себе творяше; едино же имея неисправление и от бога отлучение: ко врачем сердечное прилежание и ко властолюбию несытное желание, и на прежде бывших ему царей ко убиению имея дерзновение; от сего же и возмездие восприят“.

Ср. и из „Урядника Сокольничья пути“: „А честь и чин, и образец всякой вещи, большой и малой, учинен по тому: честь укрепляет и утверждает крепость; урядство же уставляет и объявляет красоту и удивление; стройство же предлагает дело; без чести же малится и не славится ум; без чина же всякая вещь не твердится и не укрепится; безстройство же теряет дело и возставляет безделье...“ (2).

Пути образования отвлеченных слов, проторенные и легкие, соблазняли нередко старинных книжников создавать слова, лишенные действительной новой содержательности по отношению к уже существовавшим, но казавшиеся вносящими нечто от торжественности близких к ним по форме понятий и выполняющими таким образом известную эстетическую роль. Ср.: „... Якоже солнце, сияше православие в области и дръжаве вашего отчьства и дедства и прадедства великаго твоего

[1] (Первая четверть XVII века): „Есть же книги сея слагатай, Рода Ярославскаго исходатай“, тобольский боярский сын, но автор ее, повидимому, как установил Ключевский, кн. Ив. Мих. Катырев - Ростовский.

господьства и благородия . . .“ (Соб. посл. 1480 г.). „И в закосненных прародительствиях земли обретателя, блаженныя памяти отца нашего, великаго государя Василия“ (Посл. Иоанна Грозного кн. Андрею Курбскому, 7).

Особенно легко умножались сложные слова, и среди них такие незамысловатые для всякого, кто чувствовал потребность во внешне новом и вместе с тем эмоционально стоящем на путях церковной традиции, как бесконечные сочетания с *благо* — типа *благочестие, благочиние* и под., с *добро — доброумие, добротворение*, с *зло — злодеяние, злообразие* и т. д.

Рядом с ними извлекались из унаследованного запаса и „ковались“ наново такого же типа прилагательные и наречия, пышные и громоздкие, казавшиеся тоже отражающими работу философствующей мысли, служившие или впечатлению важности учено-торжественного слога или, рядом с этим, специальным эстетическим задачам. Ср.: „Красносмотрителен же... высокаго сокола лет... Добровидна же и кобцова добыча... По сих доброутешна... ястребов и челигов ястребьих ловля... Поправяся добролично и добровидно . . .“ („Урядник Сокольничья пути“).

Ближайшее семантическое родство суффиксов абстрактного значения позволяло легко создавать параллельные понятия, синонимы, вряд ли имевшие какое-либо, даже небольшое смысловое различие и в большей мере служившие, если из них не отбирался по тем или другим случайным мотивам определенный вариант, целям собственно-эстетическим. Ср., напр., видимо ритмически пригодившийся дублет в Послании Иоанна Грозного игумену Кирилло-Белозерского монастыря: „... Ино подобает вам, нашим государем, и нас, заблудших во тьме гордости и сени смертней прелести тщеславия, *ласкосердства* же и *ласкосердия*, просвещати“.

§ 3. Если в большой мере история русского литературного языка есть история борьбы южнославянской литературной основы и живых потоков русского языка повседневного, то эта история невозможна также, особенно с конца XVI века, без правильного учета и н о я з ы ч н ы х в л и я н и й, во многом определивших новую физиономию письменной и, надо думать, устной русской речи. Иноземные струи, проникавшие в литературный язык до XVI века, — двух родов: одни (г р е ц и з м ы) вошли уже как чрезвычайно важный фонд новой культуры в лексику и синтаксис самого перенесенного на Русь древнеболгарского языка; другие, проникавшие изустным путем и относящиеся только

к лексике (скандинавизмы, тюркизмы), в общем не носили на себе печати стилистической отобранности и входили главным образом в жанры деловые или так или иначе связанные с бытом. К тому же скандинавское влияние было и неглубоким и преходящим, и ко времени выделения московского письменного языка от него остались в письменном (и, вероятно, в устном) употреблении очень немногие слова: *кнут*[1], *крюк, ларь, ларец, ябеда, ябедничество* (см. Судебн. 1497 и 1550 г.), вероятно, *костер* (др.-русск. значение „куча") и *клеймо* (клейно: „А на дне клейно с финифтом золочоно" (Духовн. кн. Дм. Ив. 1509 г.); „Печати... золоты с царевым клеймом своим" (Ист. об Азовск. сид., 6).

Как старые тюркизмы могут быть из очень многих названы: *тамга* — вид подати (Ярл. Мен. Тим. 1267 г.), торговая пошлина (Дух. Ив. Кал. 1327—1328 г.), клеймо, печать (Ярл. Тайд. 1351 г.), нынешнее *таможня*; *ям* — ямская повинность, денежный сбор на ямскую гоньбу (Ярл. Мен. Тим. 1267 г.), откуда позднейшее *ямщик*; *денга* — по происхождению то же слово, что и *тамга*, впервые — в Догов. грам. 1381—1382 г.; *алтын* — 6 денег (Дог. гр. Дм. Ив. 1375 г.); происхождение слова бесспорно не объяснено: одни (напр., Богородицкий) сближают его с татар. *алты* (шесть), другие (Радлов) — с тюрк. *алтын* (золото); *алачуга, олачуга, лачуга* (Новг. IV лет.) — тюрк. *алачук*; *башмак* (как прозвище в Соф. врем. под 1447 г., в настоящем значении в 1642 г., Плат. цар. Евд.); *аргамак* (1483 г.); *калпак, колпак* (Дух. княг. Юл. Волоц. 1503 г.); *каблук* (Дух. в. кн. Дм. Ив. 1509 г.); *кабак* (Тамож. Весьег. гр. 1563 г.); *кабала* (Судеб. 1550 г., более ранние примеры — Срезн. I, 1169); *кушак* (Опис. имущ. ц. Ив. Вас. 1582—1583 г.); *колчан* (Ор. Бор. Год. 1589 г.); *лошадь* (Лавр. лет.); *набат* (Соф. врем. 1553 г.) — огромной величины медный барабан; *нашатырь* (Дело Ник., № 100); *ревень* (Мат. пут. Ив. Петлина, 29) и мн. др., главным образом термины административные, названия одежды, утвари и под. Изустным же путем попадали в русский язык некоторые грецизмы; впрочем, число последних нужно признать ограниченным: *анис* (Мат. пут. Ив. Петлина, 291); *лента* (древнее письм. *лентии*); *кукла* (в письменности засвидетельствовано с XV в.); *катарга, каторга* (Хожд. Стеф. Новгор., Никон. лет., 1453 г.) — галера и др.

---

[1] По вопросу об этимологии слова ср. Б. М. Ляпунов. Изв. Отд. русск. яз. и слов., XXX (1925), стр. 11—12.

Европеизация русского литературного языка начинается собственно с проникновения в него полонизмов. Борьба за Ливонию русского капитала с капиталом польским, обращение завоевательных планов Иоанна Грозного на запад приводит с 60-х годов XVI века к более близкому, чем раньше, соприкосновению русских с поляками. Враждебные отношения ведут сначала к заимствованию у более культурного народа отдельных понятий военного характера; позже, особенно со времени вооруженной польской поддержки Лжедимитрия, контакт русской общественной верхушки с представителями польского языка становится очень близким и, несмотря на вскоре последовавшее изменение отношений снова во вражеские, не таким преходящим, как можно было бы думать: в течение всего XVII века с польского языка много переводится, и только с начала XVIII века польское влияние уступает свое место другим западноевропейским. Л. Баранович в письме к царю (1617 г.) свидетельствует, что „синклит царского пресветлого величества польского языка не гнушается, но чтут книги ляцкие в сладость". Внук царя Михаила царь Федор Алексеевич и сам владеет польским языком[1].

Говоря о польском влиянии, не следует также упускать из виду, что для XVII века оно не является имеющим значение только само по себе. За ним в это время стоит вся примитивность экономических связей с Европой вообще, и минимальное число прямых заимствований из немецкого свидетельствует, что, напр., такое „окно", как Новгород, для этого времени — менее влиятельный посредник, нежели Польша.

Польша же, давняя выученица немецкой технической цивилизации, привлекает к себе в это время как сосед, у которого можно (с известной, правда, осторожностью) перенять кое-что полезное из прикладных умений. Не случайно „делают про царской обиход полотна мастеровые люди немногие, русские и поляки, а иные люди в свое место наймуют делать их же, мастеров" (Котош., 107). Поляки же, и вместе с ними белорусы и украинцы, главным образом пленные, используются в московском государстве как специалисты по рудному делу, по изготовлению поташа, по строению мельниц и т. д. (ср., напр., отписку приказчика села Павловского Алексея Дементьева боярину Б. И. Морозову 1652 г.: „По твоему государеву указу велено поляков рудников и угольщиков и Торбу отпустить на Нис к рудному делу" (Хоз. Мороз., № 96). „Под селом Ворком на

[1] Г. В. Плеханов. Собр. сочин., XX, 264.

Поре на реке мельница, онбар и платина и всякое мельничное строенья, робота польская... Строил тое мельницу польский мельник Витепского уезду Еуплик Янав“ (Хоз. Мороз., II, № 3). „Пруд и мельница построено при боярине Борисе Ивановиче Морозове: пруд и платина и мельница строенья польское. На мельнице мельник польской мужик, мельников Егупков сын Янька“ (Хоз. Мороз., II, № 3). „А Мартын Пенко у меня для тово здесь и остался и жалованье ему дано, что горазд колес возковых и колымажных делать...“ (Хоз. Мороз., № 55).

Вот несколько примеров старых полонизмов и европеизмов (латинизмов, германизмов и под.), усвоенных русским языком (иногда отдельными авторами) через польское посредство в допетровское время:

Аптека (ср. Аптекарской приказ — Котош., 109); *арака* (*арак*, Хоз. Мороз., № 29; источник слова в конечном счете арабский); *вахта* (Котош., 90, 91); *галенок* (Хоз. Мороз., № 44:... Да рамане̇и прислать почетой галенок; № 90: Да послан, государь, галенок ис Павловского на вино на церковное...; англ. gallon); *галун* (Дело Ник., № 105); *герб* (Котош., 28); *збруя* (Памятн. Смутн. врем., 77, 78:... И с ними всем Полским и Литве в збруе во всей и со всем оружием; Стар. сборн., 1103); *инбирь* (Дело Ник., № 105); *канцлерия* „канцелярия“ (Памятн. Смутн. вр., 90: В канцлерии нашей ей то в веки напишем); *капитан* (Кн. о ратн. стр.— Смирн.; Мат. Раз. III, № 7); *карабин* (Котош., 131); *карета* (в коретах, Котош., 61, и др.); *капрал* (*копрал*, Мат. Раз. III, № 59, в Кн. о ратн. стр.— *корпорал*); *кленот* „драгоценность“ (Памятн. Смутн. врем., 88: Клёнотов и сребра и бархатов золотых дам); вероятно, *купорос* (Дело Ник., № 100); *лилея* (Стар. сборн., 1473: Лилея алая, утеха малая); *майор*, *маэор* (Дело Ник., № 94; Котош., 132; слово известно с XVI в.); *музика*, *музыка* (Котош., 13: А иных игр и музик, и танцов на царском веселии не бывает никогда; Стар. сборн., 1129: Замолкла музыка, как червь до языка); *мушкат* (Мат. пут. Ив. Петлина, 291); *мушкет* (стрельба мушкетная, Ист. об Аз. сид., 4); *мышкет* (Мат. Раз. III, № 84); *отъютант* (Мат. Раз. III); *пансырь* (Библ., 1499 г. — Срезн.), *панцырь* (За кожею панъцыря нет — Стар. сборн., 1058); *пластырь* (Стар. сборн., 1302); *политика* (Котош., 5: .. Иных государств языка и политики не знают); *посторнак* (Мат. пут. Ив. Петлина, 291); *поташ* (Дело Ник., № 41; Хоз. Мороз., № 14); *потентат* (Котош., 27: А землею его царь не владеет, толко по его послушенству Грузинским пишется в титле к християнским потентатом, а к бусурманским не пишетца (ср. 93);

профост (*профосс*; Кн. о ратн. стр. — Смирн., 248); *процесия* (Котош., 66: Или когда видают царя в процесыах); *рейтар* (Котош., 104, 130 и дал., Мат. Раз. и мн. др.); *рота* (Памятн. Смутн. врем., 78); *рохмистр, ротмистр*: Велел тут выехать за город и рохмистру Доморатскому (Памятн. Смутн. врем., 77), рохмистр Доморатцкой (78). А бывают у рейтар началные люди: полковники и полуполковники и майоры, и ротмистры и иные чины, розных иноземских государств люди (Котош., 132); *салдат* (солдат; Кн. о ратн. стр. — Смирн.); вероятно, *скипидар* (Дело Ник., № 100; ср. пол. spikanard, индейский нард, — Грот); *табак, табака* (который пьется: Судн. дело о табаке 1680 г.: А я, сирота твой, табаку не пью... Стар. сборн., 1165: Испила баба табаки да несет, что от собаки. — В конечном счете источник — испан. tabaco); *танец* (Котош., 13); *фиалка* (фьялки — Мат. пут. Ив. Петлина, 291); *фляга* (Домостр., 54); *шанцы* (Кн. о ратн. стр. — Смирн., Мат. Раз., III. № 3, 15 — из шанец); *швадрона* (Мат. Раз. III, № 7), *швандрона* (Мат. Раз. III, № 8) „эскадрон"; *шкатуля* (Дело Ник., № 105); *шпага* (Котош., 62, Аввак., 91); вероятно, *ярманка* „ярмарка" (Судн. дело о табаке 1680 г.) и мн. др.

Слова, относящиеся к военному делу, в большом числе появились уже с переводом на русский язык книги Вальгаузена Kriegskunst zu Fuss (Учение и хитрость ратного строения пехотных людей, 1647 г.).

Из заимствований, вероятно, непосредственно из немецкого языка, восходящих к XVI — XVII в., можно назвать только немногие: *стул* (Отч. Я. Молвян., Посл. Иоанна IV в Кир.-Белоз. мон.); *тарель* („тарелка", Дух. вел. кн. Дм. Ив. 1509 г.; ср.: пять тарелей (Дело Ник., № 105) и торелки (Дело Ник., № 108). Впрочем, подозрение польского посредства остается не устраненным и для них. Немногие же, вроде слов: *бархат* (Пут. зап. Игн., 1392 — Срезн.), *мастер* (известно уже в XIII в.), *шапка* (Дух. Ив. Кал. 1327 — 1328), относятся к более раннему времени[1].

Среди хлынувшей в петровское время волны европейской лексики относительно легко выделить пену — случайные, внесенные в духе моды к иностранному слова, иногда остававшиеся понятными только тому, кто их и употребил впервые в русской речи, но слой заимствований относительно широкого употребления, в существенном не нужных, имевших давние синонимы в русском книжном языке и осужденных поэтому на более или менее

---

[1] Из др.-франц. через средне-верхненемецкое посредство. Подробности — С. Дложевский. Вопрос о происхождении слова „шапка" (отт.).

преходящую роль,—и такие заимствования, которые соответствовали сдвигам в самом круге понятий, относящихся к новой экономике, быту и политической организации страны. О том, что сам Петр иногда изнемогал от варваристического усердия или беспомощности своих приспешников передать новые впечатления обыкновенными словами, мы можем судить хотя бы по его письму к послу Рудаковскому: „В реляциях твоих употребляешь ты зело многие польские и другие иностранные слова и термины, за которыми самого дела выразуметь невозможно: того ради впредь тебе реляции свои к нам писать все российским языком, не употребляя иностранных слов и терминов“. Характерная для петровского времени фигура такого же варваризатора — князь Б. И. Куракин, автор „Гистории царя Петра Алексеевича“. Он пишет, напр., в своем дневнике: „В ту свою бытность был инаморат (в) славную хорошеством одною читадинку (горожанку), называлася Signora Francesca Rota, и так был inamorato, что не мог ни часу без нее быти, и расстался с великою плачью и печалью, аж до сих пор из сердца моего тот amor не может выдти и, чаю, не выдет, и взял на меморию ее персону и обещал к ней опять возвратиться“. Или в своей „Гистории“: „В то время названной Франц Яковлевич Лефорт пришел в крайную милость и конфиденцию интриг амурных. Помянутой Лефорт был человек забавной и роскошной или, назвать, дебошан французской. И непрестанно давал у себя в доме обеды, супе и балы“. „Царевна София... содержана была по обыкновению со всеми дворцовыми доместики“ и мн. др.

Заимствования петровского времени, относящиеся к понятиям, покрывающимся уже существовавшими русскими, и продержавшиеся в литературном языке относительно недолго, численно не велики; их во всяком случае меньше, чем можно было бы предполагать, исходя из априорных соображений о рабском характере подражания этого времени. Как такие можно назвать, напр., слова: *виктория* (лат. victoria) „победа“, *анштальт* (нем. Anstalt) „мера, устройство“, *конкет* (фр. conquête) „завоевание“, *резольвовать* (лат. resolvere, вероятно, через польск. rezolwowac') „решать“, *реконтра* (фр. rencontre) „встреча, схватка“, *фацилита* (лат. facilitas, ит. facilità, фр. facilité) „снисходительность“, *пест* (нем., фр. peste) „моровая язва“, *менаж* (фр. ménage) „бережливость“, *трактамент* (пол., нем. Traktament) „пир, угощенье“ и т. д.[1].

[1] Ср. и замечания современника — В. Н. Татищева, цитированные В. Виноградовым, Очерки по истории русского литературного языка XVII — XIX вв. 1934, стр. 55.

Сферы применения заимствований серьезного значения, державшихся долго и в большом числе сохранившихся в том или другом употреблении до самого Октября или до наших дней, сводятся в петровское время главным образом к понятиям административным в широком значении слова (*администратор, бухгалтер, губернатор, инспектор, канцлер, министр, полицеймейстер* и т. д.; *архив, губерния, инструкция, комиссия, контора, сенат* и под.; *арестовать, баллотировать, конфисковать, штрафовать* и под.; *акт, акциз, амнистия, апелляция, аренда, ассигнация, вакансия, медаль, облигация, ордер, проект, рапорт, тариф, формуляр* и под.); к терминологии морского дела (*гавань, компас, крейсер, порт, эллинг* и мн. др.); к военным терминам (*амуниция, армия, барьер, болверк, брешь, бруствер, гвардия, диверзия, дивизия, инфантерия, кавалерия, капитуляция, корпус, лафет, фейерверк, цейхгауз*; *атаковать, вербовать, штурмовать*); к терминологии физико-математической (*алгебра, оптика, квинта, терция*); географической (*глобус, ландкарта*); медицинской (*апоплексия, ганглион, ланцет, летарг, фебра, лапис, оподельдок, перувианус, хине* и т. д.); в области искусств — архитектурной (*архитрав, база, глиф, пьедестал, фриз*) и т. д.

Во всех этих областях оказалось, разумеется, немало тоже не выжившего отчасти из-за конкуренции других параллельных языковых влияний, позже усилившихся (напр., немецкого за счет польского), отчасти из-за исторической смены в самом круге вещей и понятий, относящихся к названным сферам.

Заимствуются в петровское время слова для новых административных понятий главным образом из Германии, становившейся в это время во многом образцом полицейского государства. При перенимании их, однако, не прекращается, хотя и слабеет, старая роль Польши, как посредника между Россией и Западом, чему способствуют, среди прочего, союзные отношения при начале Северной войны и польско-украинские влияния, упрочившиеся в школе, а также латинские элементы самих усваиваемых немецких терминов, легко напоминавшие уже обращавшиеся в школе в полонизированной оболочке родственные образования. Есть основания утверждать, напр., польское посредство у существительных на **-ия**: *акциденция, амнистия, инструкция, нация* и под., и в глаголах на **-овать**: *адресовать, аккредитовать, претендовать, трактовать* и под.

Морской словарь петровского времени одинаково отражает (исторически документированные) пути его из Голландии и Англии.

Невелико в нем участие языков немецкого (из более других употребительных слов можно назвать, напр., *лавировать, лоцман, шлюпка*), французского (*абордаж, десант*) и итальянского (*андривель, бригантина*).

В области военного дела и его терминологии в первую очередь влияют страны, раньше других заведшие постоянную армию,— Франция и Германия, причем естественно, что влияние последней часто, как и при административной терминологии, вместе с тем сводится к передаче французского, лишь в относительно редких случаях бывшего прямым.

Терминология наук в основном восходила к общеевропейским источникам (латинскому и греческому), в тех или других чертах обнаруживая, что путь ее в Россию шел через Германию и Польшу[1].

§ 4. Приходящийся на конец XVII и начало XVIII века перелом в истории русского языка — отход от традиционного книжного языка и интенсивную работу над новым, способным удовлетворить потребности нового экономического, политического и бытового уклада, можно понять не иначе, как приняв во внимание характерные для этого времени моменты изменения взаимоотношений классовых сил. До конца XVII века носителями литературного языка в Московской Руси являются: 1) известная часть аристократии[2] и служилых людей, выходцев из разных групп населения, но с оформившимся классовым сознанием; 2) духовенство, уже в силу своих профессиональных функций связанное с книгой и книжной речью, и, вероятно, 3) некоторая часть городской буржуазии (ср. такие фигуры XVI века, как купцы-путешественники Афанасий Никитин или Трифон Коробейников). Администрирующий класс владеет двумя типами

---

[1] Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в петровскую эпоху. Сборн. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук, т. 88, 1910.

[2] Аристократия (боярство и знатнейшее дворянство), хотя уже в Киевской Руси было положено основание ее преимущественному положению относительно школы (летопись упоминает о том, что первый набор учеников, которых князь Владимир поручил обучать прибывшим из Болгарии священникам, составляли дети знати, „нарочитых“ людей), в полной мере им никогда не воспользовалась. Из ее среды изредка выходили выдающиеся писатели, вроде, напр., кн. Ив. Мих. Катырева-Ростовского, но и для второй половины XVII века убийственным осуждением звучит известное место Котошихина: „А иные бояре, брады свои уставя, ничего не отвещают, потому что царь жалует многих в бояре не по разуму их, но по великой породе, и многие из них грамоте не ученые и не студерованые. . .“ (24).

письменного слога: отборным — церковным и практическим, близким к разговорному — слогом приказов; в существенном то же надо предполагать для письменной речи представителей буржуазии; духовенство же, как упоминалось, особенно после одержанной им в начале XV века победы, — в принципе хранитель нормы церковнославянского языка как единственного литературного.

С начала XVI века экономическая сила духовенства (монастырей) начинает определенно осознаваться как угроза благополучию служилого класса. В средине века Иоанн Грозный с трудом удерживается от прямого покушения на монастырские земли, но уже принимает после собора 1551 г. серьезные меры к ограничению монастырского землевладения. За век, отделяющий собор 1551 г. от собора 1661 — 1662 г., осудившего патриарха Никона, церковь, „растеряв в борьбе за свои имущества добрую половину своих привилегий", превратилась „в орудие господства дворянского государства"[1], орудие, подчиненное светской власти, ставшей определенно над нею. В борьбе за интересы классового государства против интересов церковных, поскольку они расходились друг с другом, естественно заострялось и противопоставление письменной речи гражданской слогу церковному. Это было тем естественнее, что разговорный язык не только „низов", но и боярско-дворянской верхушки очень резко отличался от книжного с его южнославянской в основном лексикой рядом неживых форм и искусственным синтаксисом. По свидетельству автора русской грамматики англичанина Генриха Лудольфа для конца XVII века[2], у русских „считается правилом: говорить по-русски, а писать по-славянски". У класса, разговорный язык которого резко отличался от одного из письменных, естественно имелись влиятельные мотивы в пользу некоторого отхода, если не отказа, от классово менее важного, мотивы, властно заявившие о себе, как только историческая ситуация оказалась благоприятной для новых идеологических сдвигов.

В общем класс администрирующий (боярство, дворянство) с теми элементами близких ему классовых прослоек, которые обслуживали его интересы и вместе с ним давали им идеологическое оформление, в истории русского литературного языка подготовлял его сильное сближение с живою разговорною речью

---

[1] М. Н. Покровский, II³, стр. 125 — 126.
[2] Henrici Wilhelmi Ludolphi, Grammatica russica, 1696.

Москвы и близких к ней крупных городских центров. Наоборот, духовенство очень мало и медленно порывало с традицией чужого, занесенного языка, и те литературные жанры, которые оставались его достоянием или культивировались под сильным его влиянием, до самого XVIII века отражают даже в том, что можно назвать чертами развития, в существенном подражание образцам старины. Особняком стоят в XVII веке писания протопопа Аввакума, который, не порывая с церковным языком, широко и намеренно пользуется разговорным родным; но они ведь не представляют собою произведений, „литературность" которых ясна из их направленности.

Рост капиталистических элементов в России, с его потребностью в более интенсивном и широком обращении слова, и потому обращении не в письменном, а в печатном виде, сильно сокращает влиятельность и духовенства вообще и речи духовенства, абсолютно расходящейся с практическими задачами времени. Школьная рутина еще относительно долгое время не дает возможности полностью осмыслить преимущества в книге разговорного языка или языка к нему близкого, и в слоге так называемого петровского времени церковнославянский язык в тех или других частностях иногда отвоевывает себе даже позиции, утраченные им ранее в речи старинной письменности. Во временном усилении позиций церковнославянского языка известную роль сыграли и развившие на Москве литературную и преподавательскую деятельность украинские ученые. Они поддержали церковнославянский язык на Москве его югозападной вариацией, отчасти связанной с новыми литературными жанрами, своей новизной и занимательностью располагавшими тем самым и к форме, в которой они давались. Но представители печатного слова все менее и менее являют собою в первые десятилетия XVIII века выразителей интересов духовенства, и словесное оформление постепенно, хотя не без колебаний и в некоторых жанрах с грубой пестротою, начинает итти вслед уже совершившимся резким идеологическим сдвигам.

Язык петровского времени, при всей неоформленности вошедших в его состав элементов, вполне заметно обнаруживает разницу между слогом деловым — практическим, в который церковнославянизмы попадают по инерции, по неумению заменить их русскими словами, формами и оборотами, и слогом теоретических жанров (включая сюда все соприкасающееся с художественностью, занимательностью и под.), где церковнославянизмы продолжают еще культивироваться как принадлежность

образцового и „высокого“, отборочного. Учебная книга, на языке которой лежит след и переводческой традиции, связанной с церковнославянским языком, и живых потребностей в понятности и практичности, больше, чем другие виды литературного слога, отражает всю резкость столкновения старого с новым. Почти полвека спустя Ломоносов своим учением о „трех штилях“ для средины XVIII века отдает еще дань уверенности, что без церковнославянского наследства „и во всем российском слове никто тверд и силен быть не может“ [1], но о пробившем для утратившей свою мощь классовой группы часе гибели и ее языка уже определенно успел оповестить сейчас же после петровского времени другой теоретик слова XVIII века В. К. Тредьяковский: „На меня, прошу вас покорно, не извольте погневаться (буде вы еще глубокословныя держитесь славенщизны), что я оную (книгу) неславенским языком перевел, но почти самым простым русским словом, то есть каковым мы меж собою говорим“. Свой выбор Тредьяковский мотивирует среди прочего тем, что „язык славенской у нас есть язык церковной; а сия книга мирская“, что он „в нынешнем веке у нас очюнь темен и многие его наши читая неразумеют“, и, наконец, тем, что „язык славенской ныне жесток моим ушам слышится, хотя прежде сего не толко я им писывал, но и разговаривал со всеми“ (Предисловие к „Езде в остров любви“, переводу аллегорической повести Tallemant'а, 1730).

Еще почти целое столетие после этой декларации Тредьяковского сила традиции [2] и инерция условий обучения поместного дворянства, как правило, у местного же духовенства

---

[1] Ломоносов различал три вида слога: „высокий“, „посредственный“ и „низкий“. По его учению, „первый составляется из речений славенороссийских, т. е. употребительных в обоих наречиях, и из славенских, россиянам вразумительных и не весьма обетшалых“. „Средний штиль состоять должен из речений больше в российском языке употребительных, куда можно принять некоторые речения славенские в высоком штиле употребительные, однако с великою осторожностью, чтобы слог не казался надутым“. „Низкой штиль принимает речения третьего рода, т. е. которых нет в славенском диалекте, смешивая со средними...“ Высокий стиль — учит Ломоносов — естественен в греческой поэме, оде, прозаических речах „о важных материях“, средний — в драме, стихотворных дружеских письмах, сатирах, идиллиях и элегиях; „в прозе предлагать им пристойно описание дел достопамятных и учений благородных“. Сфера приложения низкого — комедии, увеселительные песни, прозаические дружеские письма, описания обыкновенных дел.

Источники ломоносовского учения о слоге указывает А. П. Кадлубовский в статье в „Сборнике в честь М. С. Дринова „Почесть“, стр. 85 — 89.

[2] О специальных мотивах, поддерживавших ее, см. в § 7.

(вспомним хотя бы „сельского дьячка, славнейшего грамотея в околотке“, у которого начинает свое учение „Леон“ — Карамзин) обеспечивает церковнославянизмам если не приток в литературную речь, то известную к ним терпимость; но передвинувшийся к европейскому Западу центр интересов правящих кругов все более ослабляет позиции языка, тянущего к интересам изжитым, чуждым текущему дню господствующих классов, и язык этот медленно, но вполне определенно сдает свои позиции, пока, наконец, в первой четверти XIX века не оказывается вынужденным решительно уступить дорогу во всех видах слога (кроме собственно-церковного и отчасти законодательного) языку, сильно сближенному с разговорным.

Все говорит за то, что „обрусение“ русского литературного языка под пером представителей дворянства и тех выходцев из других классов, главным образом из духовенства, которые были вовлечены в процесс выработки нового литературного языка, совершалось при постоянном контакте с речью крестьянскою (говоров центральной России). Давлению именно крестьянской речи в области фонетики обязан русский литературный язык, напр., переходом к произношению подударного е перед твердыми согласными как ё.

Никакого не может быть сомнения, что само дворянство не представляло собою по языку вполне однотипной массы: уровень образования его был далеко неодинаков, и, напр., на дворянских уездных съездах второй половины XVIII века могли как равные разговаривать друг с другом неграмотные помещики типа Скотининых и высококультурные единицы — люди типа Новиковых. Многочисленную середину составляли грамотные, но в большинстве малообразованные служилые дворяне с речью, во многом близкой к местным крестьянским говорам. Их язык, видимо, не шаржируя, а отражая с усмешкой типичное, воспроизводят новиковские „Письма к Фалалею“ в „Живописце“. Слог „Трифона Панкратьевича“ и жены его „Акулины Сидоровны“ пестрит частицами, не получившими доступа в письменный язык образованного дворянина: „То-то была воля-та“. „Нет-ста, кто што ни говори, а старая воля лучше новой“. „Хлеб-ат мы и здесь едим“. „Норовок-ат у него... чертовской“. „Ех, перевелись-ста старые наши большие бояра“ и под. Лексику областного языка отражают фразы его и других членов семейства, вроде: „А вина, бывало, кури сколько хочешь, про себя сколько надобно, да и продашь на сотню места“. „Живут себе да и гадки не мают“. „Что ты ето... накудесил“. „У меня

образов-то и своих есть сотня места". „Кому жить, Фалалеюшка, так будет притоманно жив". „А буде не угодно, то хоша туда просись, куда я тебе присоветую". Ср. и из морфологии: *богати* (им. мн. ч.) и под.; вульгарными же были для XVIII века: *ведиотся, мениотся, спасиотся* и под. (= ведётся, минётся и т. д.).

Язык крестьянства, хотя его старательно и противопоставляли барскому, в период отрешения от церковнославянщины являлся естественным союзником нового литературного языка [1].

Мы не знаем деталей процесса выработки разговорной coine верхов русского общества послепетровского времени, но совершенно ясно хотя бы из того, как не свободны даже от узких диалектизмов русские писатели до самой второй четверти XIX века, что их живая речь и, конечно, вообще речь их класса не оставалась чуждой влиянию окружающей их в их поместьях речи крестьянской. Не только „Трифон Панкратьевич" и „Акулина Сидоровна" пользуются словами, слышанными от их же крепостных, но даже в стихотворный слог, незаметно для авторов-аристократов, проникают крестьянские слова, явно не прошедшие еще через пользование широкого круга дворянства [2].

Как ни крепки еще материальные и идеологические позиции дворянства в XVIII веке, рост капиталистической техники и потребности администрирования принуждают его значительно расширять круг людей, причастных к требующим обладания письменной речью знаниям и умениям. Дворянству в течение XVIII века становится все труднее убедительно даже для себя самого обосновывать свое умственное и моральное превосходство над этими выходцами из „подлых" классов, так как не раз, когда приходится, говоря словами Кантемира, „потереться на оселку", слишком явно бросается в глаза, что величаться-то собственно нечем. Несколько десятилетий в области языка видимость пре-

---

[1] Не следует, однако, думать, что так называемый „народный" язык оставался сам все время свободным от влияния церковнославянизированного языка общественной верхушки. Нет никакого сомнения, что в народную массу просачивались слова и формы, первоначально не бывшие русскими (причастия, церковнославянизмы вроде „*прах* его возьми", *сладкий, время* и мн. др.). Их распространенность говорит и о давности подобного влияния, и о его силе.

[2] Ср.: материал, приводимый Е. Будде, Очерк истории, стр. 66 и дал., и В. Виноградовым, Очерки по истории русск. литер. языка XVII — XIX в., 1934, стр. 110, и такие примеры, как: Колико мы не нарохтимся один другого выше стать... (И. Долгор., Камин в Пензе). Ср. областн. (моск., яросл.) — норохтиться — „намереваться, порываться"; „Помилуйте", рекла, прихолившись, она (И. Долгор., Нечто для весельчаков).

восходства еще обеспечивается культивированием как специально дворянского языка — французского[1], но именно русская литературная речь послепетровского времени — и деловая и художественная — едва ли не в одинаковой мере является достоянием и дворянства и разночинцев, правда, еще слишком от него зависимых идеологически. Писатели, вышедшие из непривилегированных классов, и к ним же относящиеся читатели и зрители, наряду с дворянством, начинают определять в XVIII веке характер развития литературного языка. Сумароков, еще иногда отдававший дань дворянской спеси („Потребен барский ум и барская расправа“), тяготясь гнетом сверху и ища успеха у широкого круга читателей и зрителей, произносит слово „публика“. Кого он имеет в виду, не нужно и догадываться, хотя его предисловие к трагедии „Димитрий Самозванец“ (1771), где он высказывается по поводу „публики“,— выразительный образец, как еще трудно ему даже на закате дней порвать полностью со взглядами своего класса и как, делая шаг вперед в сторону признания значения этой „публики“, он сейчас же вынужден снова отступать назад. „Дворянин! великая важность!“—бросает он и гневно говорит о „несносной дворянской гордости, достойной презрения и поругания“[2]. Защищая, видимо, именно свою „публику“, он доказывает, что она не заслуживает названия „подлого народа“ („ибо подлой народ суть каторжники и протчие презренные твари, а не ремесленники и земледельцы“), и, соглашаясь на название ее чернью, решительно протестует однако против „глупого положения“, что „разумный священник“ ... „естествослов, астроном, ритор, живописец, скульптор, архитектор и пр... члены черни“, так как „истинная чернь суть невежды...“

Своим колебанием между желанием иметь на своей стороне „вкус Княжичей и Господичей московских“ и похвалы московской „публики“ вообще Сумароков, при некоторой расплывчатости своих высказываний, с полной выразительностью обнаруживает совершившуюся смену в потребителе литературы и то

---

[1] Вот почему, напр., талантливому мальчику, впоследствии великому артисту Щепкину дается возможность учиться вообще, но для него решительно заказан класс с французским языком. С полною классовою прямолинейностью преимущества иностранных языков для дворянина обосновывает для начала XVIII века „Юности честное зерцало“.

[2] Выпады такого рода в это время еще не кажутся опасными и не преследуются, подобно тому как разрешаются, напр., транспортируемые из Франции сентенции: „Основатели Империй или Государств должны утверждать власть больше свою на любви своего народа и своих воинов, нежели на любви дворянства“ (Энциклопедия 1763 г., перевед. И. Приклонским) и под.

направление, к которому эта смена должна была привести, демократизуя язык образованной части дворянства.

Оставаясь всю свою жизнь человеком крепостнических убеждений и выразителем дворянских настроений, Сумароков вместе с тем определенно стоит на позициях для своего времени прогрессивных, образующих параллель идеологии дворянских верхов с их культом „просвещенного абсолютизма". Дворянин потому дворянин в понимании Сумарокова, как и в понимании А. Кантемира, что он лучше других — способнее, умнее, обладает „благородством", т. е. суммою определенных высоких черт нравственного порядка („Не в титле — в действии быть должен дворянином") и тем самым служит не только себе, но и подвластным ему, „опекаемой" им массе. Эта позиция „служения", хотя еще и очень далекая от настроений даже будущего „кающегося дворянина", в области литературной формы в широком смысле позволяет ему иначе смотреть на безоглядную пышность ломоносовской школы, — в его поле зрения более широкий круг чувствований, охват его „гражданских" настроений шире, и исключительной риторичности и искусственному пафосу ломоносовского слога он убежденно противопоставляет возможную „благородную" простоту своего языка. Указывают, — и, повидимому, справедливо, — что Сумароков, как представитель своей классовой группы — среднепоместного дворянства, — выступил защитником прав личности, прав дворянина развиваться и быть не только тем, чем хотелось видеть его верхам — власти, и в этой борьбе с олигархией верхов за права индивидуальности он естественно, ища себе союзников в массе, оказался и поборником известных демократических тенденций, хотя, по условиям времени, и невыдержанных и противоречивых. Исторически ему пришлось преодолевать напыщенное (Ломоносов) и индивидуально - неуклюжее (Тредьяковский), — в борьбе за эстетичное в естественном, чем он не мало обязан, конечно, и французским „урокам", он отстаивал свое писательское лицо и, вместе с тем, прокладывал путь великим мастерам конца XVIII и начала XIX века. Последние, правда, не могли последовать за Сумароковым в его рассудочном, полемически заостренном отрицании всякой украшенности в речи[1] — тенденции, разрушительной для художественности вообще, — но что в преодолении ходульного, „пухлого" в русском

[1] Слова „О прекрасные богини, Три прелестные девицы! И меня вы научите Простотою украшаться" (Ода анакреонтическая к Елис. Васил. Хераськовой, 1762) были выражением его поэтической программы.

слоге XVIII века именно он сыграл очень большую роль, вряд ли можно сомневаться.

Особое место в истории русского художественного языка занимает его связь с художественным языком устной народной словесности. Известно влияние народной лирической поэзии, напр., на теорию тонического стихосложения Тредьяковского, который, правда, еще считаясь с отношением к крестьянству своих современников, просит читателя: „Не зазрить меня и извинить, что сообщаю здесь несколько отрывченков от наших подлых, но коренных стихов", или на Сумарокова, который в своих поисках новых форм охотно подражает образцам народной лирики.

Но привлечение устной народной словесности, как отражение интереса к „коренному", к национальному, которое приходилось искать не в речи верхов, все время подвергавшейся иностранным влияниям, а в продуктах творчества, приписываемых народу, не оказалось ни в это время, ни после влиятельным средством переплавки литературного языка. Язык устной народной словесности был и остался в истории русской литературы жанровым, предметом подражания почти исключительно в тех видах художественного слова, которые тесно соприкасались с самой тематикой исторически отложившегося в виде определенных стилей народного творчества.

Обращая время от времени свой взгляд к крестьянской речи как к источнику, который может помочь в преодолении трудностей создания нового художественного языка, первые деятели послепетровской литературы не могут однако не проявлять заботы о классовых позициях языка, принципиально в это время не претендующего еще, по крайней мере с достаточной определенностью, на роль общенационального. В духе французского классицизма на заре своей деятельности Тредьяковский (речь о чистоте русского языка, читанная в 1735 г., переиздана с некоторыми изменениями в 1752 г.) вынужден, намечая пути совершенствования языка, указать как на образцы для него — язык двора (Аннинского!) „в слове учтивейшего и великолепнейшего богатством и сиянием", „благоразумнейших... министров и премудрых священноначальников" и „знатнейшего и искуснейшего благородных сословия", так как иного имеющего свой голос „общества" в это время еще нет и художественная литература целиком зависит от вкуса и произвола дворянской верхушки. „Публика" со своими вкусами, о которой упоминает Сумароков в предисловии к „Димитрию Самозванцу", нарождается медленно.

Господствующий класс от литературного языка требует в начале XVIII века главным образом „пышности", и этим его требованиям отвечает молодой Сумароков, пересаживая на русскую почву идеи теоретика французских дворянских верхов: „Слова, которые пред обществом бывают, Хоть их пером, хотя языком предлагают, Гораздо должны быть пышняе сложены, И риторски б красы в них были включены"[1]. Проблема свободного от вульгаризмов литературного языка возникает сейчас же, как появляются в литературе XVIII века пересаженные с Запада „высокие" художественные жанры. Боязнь вульгаризации, имеющая свои классовые корни в русской почве и культивируемая под западноевропейским влиянием, заставляет тщательно взвешивать допустимость тех или других слов в определенных родах литературы (иногда при полной неразборчивости в других), и Сумароков, напр., осуждает в оде Ломоносова *чудился* („И с трепетом Нептун чудился") как „слово самое подлое, и так подло, как *дивовался*". Фигурирующее позднее даже как пример в грамматике Ломоносова „*грамотка*" („Написав я грамотку, посылаю за море") в „Епистоле о русском языке" (1748 г.) Сумарокова характеризуется как слово простонародное („Письмо, что грамоткой простой народ зовет"); осуждается им у Ломоносова с этой же точки зрения *что* в значении „который" и т. п. Тредьяковский, в теоретических высказываниях о языке более демократичный, чем Ломоносов, резко, однако, выступает против его во многом открывающего путь народным влияниям слога: „Он красотой зовет, что есть языку вред, Или ямщичий вздор, или мужицкий бред", и старается в критической статье о Сумарокове (1750) доказать низкие качества его языка, как открывающего широкий путь просторечию.

§ 5. Начало работы над живым русским художественным языком хронологически совпадает с четким отражением впервые на русской почве французского литературного влияния. Конечно, не только причинами биографического характера нужно объяснить выступление Тредьяковского против исключительной роли греческого и латыни и подчеркнутое в нем восхваление французского языка: „Однако и сей (латинский), равным образом, столько ж непристойно величается сим именем[2]: обличает его спесь Англинской, показывает чванство его Италиянской, доносит на тщеславие его Немецкой, но сильнее всех доказывает его в том гордость Французской". Выступление

[1] Епистола о русском языке (1748).
[2] Будто он „есть и начало, и основание, и верьх всех наук и знаний".

Тредьяковского было одним из первых выражений осознанной потребности порвать вообще с источниками образованности схоластической (в том числе, видимо, с традицией латино-польско-украинской, этой западной прививкой к старому идеологическому стволу церковнославянщины) и перейти к восприятию других уже заявивших свою силу словесных культур: то, что говорилось о правах языков, фактически имело в виду новые литературные жанры[1].

Заканчивая долгий, слишком долгий путь подражания греко-болгарским, после — латино-польским образцам, русская литература и ее язык должны были стать на новый путь ученичества. Что именно путь ученичества был тем, который предстоял „начинателям“ (так прямо и говорил о своем поколении Тредьяковский: „Впредь твердо надеюсь, малый, узкий и мелкий наш поток, наполнився посторонними струями, возрастет в превеликую, пространную и глубокую реку. Довольно с нам ныне и сея единыя славы, что мы начинаем“)[2], сознавалось с полной определенностью.

Русский язык, по мнению Тредьяковского, как и другие европейские, сумеет доказать свои права сравнительно с классическими, „ежели сперва многие переводы с других языков и начнет, и совершит, и сим образом пословия своего сочинения вычистит, а при всем том, многие и различные вещи именами называя, богатое изобилие слов получит“.

Три первых практических деятеля новой художественной литературы (Тредьяковский, Ломоносов и Сумароков)[3] пребывают

---

[1] „Слово о богатом, различном, искусном и несхотственном витийстве“.— Ср. А. Пыпин. История русской литературы. III, 1902, стр. 463 и след.

— Это обновление жанров не оказалось в дальнейшем, однако, ни резко-новаторским, ни выдержанно-галломанским.— Что литература ближайшего времени еще во многом не порывает с украинско-церковнославянским наследием XVII — XVIII века, ясно, напр., из того, насколько русская ода 30-х и 40-х годов связана с подобными произведениями украинских писателей XVII века, насколько распространенные стихотворные обработки псалмов и Библии продолжают приемы югозападной школы и в какой мере в своих шуточных произведениях Сумароков остается зависимым от образцов этого жанра, культивировавшегося в интермедиях народного театра петровского времени. См. Гр. Гуковский. Von Lomonosov bis Deržavin, Zeitschrift für slav. Philol., II, 1925, 326, и его же, Ломоносов, Сумароков, школа Сумарокова. Русская поэзия XVIII века, Л. 1927.

[2] Речь „О чистоте российского языка“, 1735 г.

[3] А. Кантемир — хотя и очень яркое литературное явление — писатель в свое время не печатавшийся и оставшийся без прямого влияния на последующую литературу.

под разными литературно-языковыми влияниями: Ломоносов учится дополнительно к своей славяно-латинской выучке главным образом у немцев, Тредьяковский и Сумароков — у французов.

Принципиального значения не имеет, что наряду с проводниками главным образом французского влияния Тредьяковским и Сумароковым путь новым жанрам прокладывает превосходящий их талантом Ломоносов, определенно тяготеющий к немецкому (в своем художественном творчестве — к поэзии Гюнтера, в теоретических концепциях — к Готтшеду): германское влияние этого времени само по себе является в большой мере передатчиком французского и так же, как и последнее, — и в этом существо дела, — несет с собою обновленные литературные жанры, как такие, требующие культуры иного, не традиционного книжного языка[1].

§ 6. Многие думают, что частично источником нового художественного языка мог быть уже имевший длительное существование и близкий к разговорному, ясный и простой слог учреждений — приказов. Его значение в истории русского литературного языка не следует, однако, преувеличивать: бедный лексически, однотонный по содержанию, лишенный, кроме моментов официального холопства, всякой другой эмоциональности, не пользующийся никакой репутацией изысканности и даже отдаленно не претендующий на нее, он, конечно, ничьего внимания при разрешении задачи о слоге для изящной литературы к себе не привлек. Его традиция продолжается и дальше, но в той именно сфере, которую он обслуживал искони, — язык канцелярии долгое время остается на его грамматических и стилистических позициях[2], в дальнейшем, впрочем, ухудшаясь,

---

[1] О том, что наряду с французским влиянием необходимо считаться для этого периода русской литературы также с немецким и даже с итальянским и английским, см. Гр. Гуковский. Von Lomonosov bis Deržavin, Zeitschr. f. slav. Phil., II, 1925, 324. Дань этим влияниям охотно отдают и Тредьяковский (переводчик Томаса Мора) и Сумароков (как подражатель Глейма, Клопштока и Гольберга). Не прекращается также, а, наоборот, явно усиливается влияние античной литературы (главным образом римской), характеризующееся, снова таки, расширением охвата привлекающих к себе внимание жанров.

[2] Ср., напр., слог доклада 1733 г., мало чем отличающийся, если не считать новых названий должностей, от того, как писали в XVII веке: „... А кто потребны будут имены, о том ему, ген.-майору, подать именную роспись. И по силе оного именного ее и. в-ва указа конюшенной канцелярии служители разбираны, из которых по разбору его, ген.-майора и ген.-адьютанта, явилось из канцелярских служителей к делам годных канцеляристов три, подканцелярист один, копиистов восемь, итого двенадцать человек, а прочие, за старостию и за болезньми, а другие за незнанием в делах и за пьянством негодны ...“

живое в языке приказов времени царя Алексея становится в послепетровское время архаизмами, культивируемыми в духе приемов бюрократизма, уже имеющего, в отличие от предшествующего времени, от кого снизу отделяться письменным языком: грамотеев среди массы становится все больше; к тому же к этим архаизмам присоединяются новые, сознательно вводимые для специализаций канцелярского слога (*яко, понеже* и под.).

§ 7. Обновление жанров в тридцатых годах XVIII века и после в целом имело следствием обновление языка художественной литературы (поэзии), приближение его к русскому за счет по крайней мере наиболее обветшавших элементов церковнославянского. Уже, однако, сороковые — пятидесятые годы характеризуются тенденцией вернуть церковнославянскому языку, хотя отчасти, значение, принадлежавшее ему раньше; полностью о возврате к нему и в это время говорить не приходится, но пиэтет по отношению к старинному языку возрождается вместе с национально-окрашенными настроениями, ищущими пищи в идеализируемом прошлом. Защита национального, прямая или прикрытая, становится заметным мотивом у писателей, особенно с пятидесятых годов, когда роль иностранцев на верхах уже встречает известный отпор со стороны представителей русской аристократии, а в области языка национально-окрашенные настроения имеют следствием, наряду с отталкиванием от иностранного (более или менее определенными пуристическими тенденциями)[1], возрождение вкуса к церковнославянскому как к „своему“[2], удовлетворяющему, по понятиям времени, не только требованию оставаться в пределах „родного“, но и классовому стремлению — чтобы это родное вместе с тем не было „подлым“,

---

[1] Ср. сатирические намеки на немецкую структуру речи Ломоносова и на нерусские обороты Тредьяковского в „Епистоле о русском языке“ Сумарокова (1748): „Один, последуя несвойственному складу, Влечет в Германию Российскую Палладу... Другой, не выучась так грамоте, как должно, По-русски, думает, всево сказать не можно, И взяв пригоршни слов чужих, сплетает речь Языком собственным, достойну только сжечь“.

В басне „Порча языка“ (1769) Сумароков поучает: „Вовек отеческим языком не гнушайся, И не вводи в него Чужого ничего, Но собственной своей красою украшайся“.

О писателях-пуристах второй половины века см. Г. Гуковский. Радищев как писатель, Сб. Ак. наук СССР — „А. Н. Радищев. Материалы и исследования“. 1936 г.

[2] Ср. негодующее замечание Сумарокова в „Епистоле о русском языке“ (1748): „Не мни, что наш язык не тот, что в книгах чтем, Которы мы с тобой не Русскими зовем. Он тотже, а когда б он был иной, как мыслиш, Лишь только от того, что ты ево не смыслиш, Так чтож осталось бы при Русском языке?“

а питало бы „высокие“ настроения. Не все, конечно, деятели художественного языка этого времени одинаково отразили на себе новые тенденции, но навстречу им охотнее пошли те именно (Тредьяковский, Ломоносов), кому в годы своего обучения пришлось пройти через серьезную работу над усвоением церковнославянского.

В „Письме, в котором содержится рассуждение о стихотворении, поныне на свет изданном от автора двух од, двух трагедий и двух епистол“ (1750) Тредьяковский, начинавший с отрицания „славенщизны“, жестоко критикует Сумарокова за допускаемое им просторечие (ср.: „у Автора и сельское употребление есть правильное и красивое“; он „многие речи составляет подлым употреблением“) и корень зла видит в недостаточном знакомстве его с церковнославянским языком: „Толикие недостатки и толь многие как в речах порознь, так и вообще в сочинении, проистекают из первого и главнейшего сего источника, именно же, что не имел в малолетстве своем Автор довольного чтения наших церковных книг, и потому нет у него ни обилия избранных слов, ни навыка к правильному составу речей между собой“[1].

На позиции обязательного знакомства с церковнославянским и его использования стоит и Сумароков (ср. его „Епистолу о русском языке“, 1748), но он настаивает на критическом, рассудительном использовании наследия старины: „Имеем сверьх того духовных много книг. Кто винен в том, что ты Псалтыри не постиг, И бегучи по ней, как в быстром море судно, С конца в конец раз сто промчался безрассудно? Коль *аще*, *точию* обычай истребил, Кто нудит, чтоб ты их опять в язык вводил? А что из старины поныне неотменно, То может быть тобой повсюду положенно“.

С полной определенностью и для своего времени с большою силою через несколько лет (в 1757 г.) М. В. Ломоносов старается обосновать в трактате „О пользе книг церковных в Российском языке“ высокое значение церковнославянского языка, особенно для героической поэмы и прозаических речей „о важных материях“. В большей или меньшей мере дань этому убеждению отдают и второстепенные писатели этого и ближайшего времени.

§ 8. При охране и заботе об отборочном в художественных жанрах, обслуживающих классовые позиции верхов (ода, герои-

[1] П. Берков. Литературно-теоретические взгляды Тредьяковского — статья при издании „Стихотворений“ Тредьяковского, 1935, стр. 313.

ческая поэма и под.), лексике бытовой, просторечию и даже выражениям грубым был открыт широкий путь в течение всего XVIII века в жанрах полемических, юмористических и так или иначе сближавшихся с ними. Эти же жанры сообщали уже в „ломоносовский“ период языку ту близость к разговорной речи, которая расшатывала чужеземную рамку его традиционного синтаксиса. Если комедии А. Н. Сумарокова в отношении лексики и не представляют собою важного этапа как произведения с точки зрения литературной слабые, то намного значительнее в этом отношении роль его „Притчей“ [1], оказавших свое влияние, не говоря об А. А. Ржевском и других непосредственных учениках Сумарокова, на таких мастеров басни последующего поколения, как И. И. Хемницер и И. А. Крылов. Чем могла быть русская сатира уже во второй четверти века и что несла она с собой для развития лексики, показали замечательные произведения этого рода А. Д. Кантемира, хотя и оставшиеся в свое время достоянием узкого круга, но уже бывшие несомненно многообещающим „знамением времени“. Шутливые и полемические стихи Ломоносова — крупное явление уже не только в новой лексике, но и в истории выработки нового, освобождающегося от чужеземных влияний синтаксиса. В литературном поколении, пришедшем на смену ломоносовскому, жанры, обещавшие обновление художественного языка, его большее разнообразие и демократизацию, дают и цвет и плод исключительной яркости и сочности. Д. И. Фонвизин создает прозаическую комедию с богатым языком „низких“ характеров, В. В. Капнист — стихотворную, местами афористически-яркую „Ябеду“; басню представляет остроумный, мастерски владеющий близким к бытовому диалогом И. И. Хемницер; сатира в новой форме оды-сатиры под пером Г. Р. Державина развертывает картинки быта верхов в их повседневности, и лексика ее сближена с кругом бытовых понятий, раньше почти не получавших доступа в книжный язык.

Рядом с этими мастерами важную работу в том же направлении выработки нового языка — гибкого, разнообразного и порывающего со старой напыщенностью — осуществляют

---

[1] „Великий поэт трактовал притчу как беседу с читателем, наполненную более или менее пространными отступлениями и написанную заведомо вульгарным языком. Сюжету у него сознательно отведено последнее место; на первый план выдвинута проблема басенного сказа: введена фикция рассказчика-балагура, не стесняющегося в выражениях и заигрывающего с читателем“. Г. Гуковский. Русская поэзия XVIII века, стр. 155. Ср. и стр. 158.

сравнительно многочисленные „снижатели“ — представители жанров шутливых, пародических, забавных. Популярны и в силу своей популярности влиятельны комические оперы (наиболее удачная — „Мельник, колдун, обманщик и сват“ А. Аблесимова, особенно примечательная попытка использовать для жанровых целей разговорную народную речь); нравится современникам грубоватый, а иногда и просто грубый, „ирои-комический“ „Елисей, или раздраженный Вакх“ В. Майкова[1]; исключительным успехом пользуется изящная, многокрасочная, при общем фантастическом тоне, блещущая бытовой наблюдательностью и разнообразием словаря „Душенька“ И. Богдановича.

Из жанров, не относящихся к сатирическим и шутливым, важную роль при выработке нового стихотворного литературного языка играет любовная лирика, уже под пером Ломоносова и Сумарокова представленная образцами легкого, вместе с разнообразием метрических средств совершенствующегося в синтаксической гибкости языка и достигающая исключительного блеска, эмоциональной насыщенности и яркости жизненных красок в творчестве Державина.

Кроме комедий Фонвизина, сыгравших свою влиятельную роль в истории выработки русского прозаического языка, все наиболее значительное относится в послеломоносовский период к языку стихотворному. Его успехи очень велики. „Забавный русский слог“ Державина, изобразительность его бытовых картин — открытие пути к лексическому богатству позднейшего художественного реализма пушкинского „Евгения Онегина“; игривость строф „Душеньки“ Богдановича — предвозвестница освобождения от синтаксической тяжеловесности ироической поэмы и появления „Руслана и Людмилы“; стихи комедии Капниста подготовляют „Горе от ума“; выразительные изломы стиха и богатая лексика басен Хемницера делают его предтечей И. А. Крылова и И. И. Дмитриева.

В области художественной прозы первые десятилетия второй половины XVIII века не оставили значительного наследства. Было бы однако несправедливо не учесть важной роли в выработке русского непринужденного описательного языка — сатирических журналов, в первую очередь новиковских („Трутень“, „Живописец“), которые имели вместе с тем едва ли не большее значение и в истории русского публицистического слога.

---

[1] Специальные справки об этом жанре в XVIII веке см. в предисловии В. Десницкого к изданию „Ирои-комическая поэма“. Л. 1933.

Говоря о бытовой лексике, стоит отметить, что комедии XVIII века и „Живописец“ сохранили нам и почти прямые свидетельства (установка на карикатуру не позволяет смотреть на них как на свидетельства прямые) разговорного языка „общества“—„щеголей“ и „щеголих“, тех модников, которые сконцентрированно в своей разговорной манере отражали входившее в силу в языке светского общения их времени. Если оставить в стороне макаронический, русско-французский характер речи таких персонажей, как Фирфлюфюшков в „Именинах госпожи Ворчалкиной“ Екатерины (ближайший потомок сумароковского Дюлижа из „Чудовищ“), бросается в глаза в этой манере главным образом обилие аффективных слов вроде: *по чести говорю*; *ужесть, ужесть*, как прекрасны твои листы; ведь мнение-то щеголихино ты у меня *подтяпал*; одну из подруг моих *вытащил на театр*; я чаю, он надеялся, что все *расхохочутся до смерти*; ты *уморил меня*; суди, *душа моя*, по етому, в какой была я школе; *выкинула весь тот из головы вздор* (ср. „Повыкинь вздор из головы“—Фамусова); услужи, *радость*, мне; мы бы тебя *до смерти захвалили*[1] и т. п., в немалом числе постепенно укрепившихся и, в определенных жанрах книжного языка, частично доживших как слог фамильярной, буршикозной лексики даже до нашего времени.

§ 9. Если центр тяжести задач, выпавших на деятелей русского слова в третьем и ближайших десятилетиях XVIII века, сосредоточен главным образом на языке художественном (стихотворном, в меньшей мере—прозаическом), то серьезная, хотя и менее заметная, работа совершается одновременно и в области р а с с у д о ч н о г о с л о г а и в языке с о б с т в е н н о - н а у ч н о м.

Первой и важнейшей проблемой организации научно-публицистической прозы остается проблема обогащения лексики. Стихийные заимствования петровского времени перенасытили русский научный язык иностранными элементами. Остро стоял вопрос, как быть с научной терминологией дальше—оставить ли ее в зависимости от той же стихийности, от случайностей влияния того или другого языка на того или иного ученого переводчика или отнестись к ней с серьезным отбором и позаботиться о том, чтобы сообщить ей, насколько возможно, русский характер. Принципы и детали работы над терминологией позже, в конце века, с достаточной определенностью выяснит

---

[1] Из письма щеголихи в „Живописце“.

Карамзин; в это время работа ведется еще ощупью. Важно, однако, то, что уже определенно заявило о своих правах стремление включить терминологическую лексику в живую ткань русского языка, не всегда, впрочем, в это время еще отчетливо отделяемого от старославянского, и сделать ее естественным орудием русской по форме научной мысли.

По поводу своей работы над „Физикой“ Вольфа Ломоносов замечает: „Принужден я был искать слов для наименования некоторых физических инструментов, действий и натуральных вещей, которые хотя сперва покажутся несколько странны, однако, надеюсь, что они со временем, через употребление, знакомее будут“. Узость ученого круга позволяет Ломоносову действовать еще в большой мере индивидуалистически, но счастливое соединение в лице первого великого русского ученого естествоиспытателя и человека выдающихся филологических способностей обеспечивает новообразования для его времени приемлемые, хотя и отдающие сильно церковнославянским языком, но в меньшей мере, чем этого можно было бы ожидать от умов менее критических.

Заимствование из иностранных языков только отчасти разрешало те словарные задачи, которые были поставлены жизнью в петровское время. Для большинства случаев чисто стихийно могла вноситься чужеземная терминологическая лексика, так как отсутствие традиции в терминологии производств для целого ряда новых технических умений и понятий позволяло без колебаний пересаживать их европейские наименования (ср. мнение Татищева: „Умножение нужное языка есть от приобретения наук и вещей, которые мы от других народов приобрели и приобретаем“); новых наименований требовали учреждения и должности, но с их новизной легко сочетался психологически и заносный характер их названий; в значительной степени, поскольку новая бытовая „утонченность“, новое понимание красивого и культурного должны были совпадать с западноевропейскими, лексические потребности этого рода тоже легко удовлетворялись импортом с Запада. Сложнее обстояло дело с лексическим материалом абстрактного характера (отвлеченными именами существительными), который оказалася нужным совсем в другом, чем раньше, составе, когда во всем ее значении выступила потребность осмыслить новый порядок, подвести под него рассудочные основания, стать в уровень с политическими и моральными идеями, сопровождавшими подобный строй в Европе.

Абстрактная лексика предшествующих столетий оставила XVIII веку исключительно обильное и, что особенно важно, влиятельное наследство, которое легко могло быть использовано для новых целей. Кроме „готового“, за нею была традиция достаточно широкого и свободного словопроизводства, т. е. то именно, что более всего соответствовало потребностям нового публицистического (философского) языка.

Преимущества легкости выбора словесного выражения для новых понятий, предлагаемых в иностранных книгах, уничтожались, однако, в значительной мере органическим пороком всякого искусственного языка — назвать было легко, но трудно было рассчитывать на усвоение и фактически добиться надлежащего понимания вновь вводимого слова. „Темнота“ переводов политическо-философской литературы петровского времени хорошо сознавалась не только читателями, но и самими переводчиками. Гавриил Бужинский в предисловии к своему переводу книги Пуффендорфа „О должности человека и гражданина по закону естественному“ (1726) вынужден, напр., приложить перечень трудно переводимых слов: spontaneitas — *самоволие*, imputatio — *вменение*, norma — *правило*, injuria — *беспраьие*, или *обида*, hypothetica — *виновныя* и *подпричинныя*, conditio — *прилог*, cognatio — *средство*, agnatio — *свойство* и т. д.

Первые образцы новой абстрактной лексики выступали под пером переводчиков петровского времени и таких писателей, как Посошков и Татищев, в составе слога, очень близкого к церковнославянскому, и этот слог, вероятно, сильно поддерживал впечатление, что в этой сфере никакого серьезного сдвига собственно не совершается и что новый круг понятий есть в существенном прививка к старому дереву богословской этики и философии.

Русской абстрактной лексике в дальнейшем предстоял один путь, который только и мог серьезно изменить ее особенности, слишкомároднившие ее и внутренне и внешне с богословской схоластикой,— путь обработки понятий на основах наук, корнями своими связанных с опытом. Проблема новой абстрактной лексики была проблемой освоения и развития на русской почве соответствующих наук и создания научной или психологически родственной ей среды, для которой эти понятия были бы необходимы как орудие постановки и разрешения практически важных вопросов. Такая среда создавалась в России до самого конца XVIII века медленно и количественно не только значительною, но даже заметною не была. Стоит внимания, что немногие выдающиеся философские умы этого века (наиболее

выдающийся из них — Новиков), соответственно новым запросам жизни направлявшие свою энергию главным образом на вопросы этические, отдались, вместо влияний научных, в плен западноевропейской мистики. Масонская мистика под их пером легко одевалась в одежды схоластики предшествующего века, и казавшиеся как будто вновь отрабатываемыми понятия на самом деле представляли собою гальванизацию уже лишившихся настоящих сил абстракций церковного наследства. Морфологическая легкость их пополнения оставалась долго соблазнительной, и количественно абстрактная лексика и в XVIII веке и позже никак не может подпасть под обвинение в скудости.

Заслуживает упоминания сравнительно с современным языком одна черточка абстрактной лексики едва ли не всего XVIII века и в прозе и в поэзии — в нем свободнее абстрактные существительные образуют множественное число, приобретают часто значение персонифицируемых и потому создают впечатление несколько утрачивающих в своей отвлеченности: „... Но приложившего ближе к нему (воплю) свои слухи едваль он в состоянии обольстив оглушить...“ (Тредьяк.); „Воздыханьи ты преврати мне в смехи“ (Сумар.); „Души моей Воображения бессильны...“ (Держ.) и мн. др. Для Ломоносова в особенности, с его вкусом к риторической обработке художественной речи, игра персонификацией абстракций — излюбленный прием, органически связанный со всей системой его поэтики.

Для всех видов лексики отметим, наконец, одну характерную частность, особенно резко отделяющую язык XVIII века, особенно первой его половины, от языка XIX века, — это местоимения, наречия и союзы. По ним заметнее, чем по чему другому, постепенный отход в литературном языке от церковнославянского (реже древнерусского), и главным образом они — характерная примета архаизаторских или, наоборот, новаторских устремлений определенных авторов. Если для позднейшего времени разрыв с традиционным языком находит свое внешнее выражение в отказе от *сей* и *оный*[1], то для времени, близкого к Ломоносову, приходится принимать во внимание значительно большее количество местоименных, наречных и служебных слов (в их составе и в структуре): *кой, кая, кое, откуду, отсюду, оттуду, отъинуда, инуда, колико, толико, двожды, трожды, паки, посем, весьма* (в значении „вполне“), *инако, почто, вне-*

[1] Любопытны по этому поводу соображения Пушкина, склонявшегося, впрочем, для поэзии, хотя и не особенно решительно, к архаизаторским позициям. Ср. „Атеней“, I, 1924, стр. 8—9.

зapy, буде, токмо, понеже и т. д.— длинный ряд шедших на убыль черт старинного слога.

§ 10. Язык ломоносовского периода и до некоторой степени и XVIII века вообще, увенчала, наконец, в области его фонетики, морфологии и синтаксиса нормализаторская работа, совершенная самим Ломоносовым. „Россiйская грамматика", изданная в 1755 (1757) г., как „российская", почти не имела предшественников: выпущенная в 1696 г. в Оксфорде на латинском языке Henrici Wilhelmi Ludolphi Grammatica russica — всего только первая попытка „убедить русских, что можно кое-что печатать к украшению и чести русской нации также на народном русском диалекте, если русские попытаются по примеру других народов обработать собственный язык и издать на нем хорошие книги"; приписываемая Адодурову очень маленькая грамматика, изданная в приложении к немецко-русскому словарю Академии наук 1731 г., хотя и заключает в себе элементы русского языка, но еще сильно зависит от церковнославянской грамматики М. Смотрицкого (1619 г. и послед. издания). На Ломоносова таким образом выпала почти полностью задача урегулировать грамматику русского языка, понимая его как язык, отличный от старославянского. Принципиально важны среди других такие положения, принятые им в его труде: он явно не считает возможным заграждать дорогу в фонетике „просторечию", хотя и вынужден считаться тут с церковнославянской традицией (см. его замечания о *е*-*ё* в § 94, о *го*>*во* в родительном ед. ч. в § 99 и под.); им узаконяются в произношении преимущества Москвы (в частности — аканье); в ряде случаев четко различается произношение и письмо; грамматические правила связываются с фактическим литературным употреблением (ср. об этом Радищев: „Восхотел он их (правила, языку свойственные) извлечь из самого слова, не забывая однако же, что обычай первый всегда подает в сочетании слов пример и речении, из правила исходящие, обычаем становятся правильными",— стр. 178); хотя и осторожно, но часто принимается во внимание связь русского языка со старославянским; в ряде случаев признается возможным употребление параллельных форм и сочетаний, выбор форм — произвольным. Оценивая его труд в целом, нельзя не признать сильной критической мысли, которою он проникнут, возможной для его времени трезвости в ориентации среди многочисленных трудно поддающихся обоснованию и теперь языковых фактов и методической четкости изложения.

Высокую оценку труда Ломоносова в ближайшем поколении дают среди других замечания Радищева[1].

§ 11. Последнее крупное явление, характеризующее яркую вспышку церковнославянского языка в русской прозе XVIII века,— „Путешествие из Петербурга в Москву“ А. Н. Радищева (1790). Мера пристрастия Радищева к архаической стихии при первом знакомстве с этим самым революционным произведением XVIII века просто поражает кажущимся несоответствием между его содержанием и формою. Это несоответствие однако только мнимое: церковнославянский язык в партиях „Путешествия“, насыщенных гражданским пафосом, был для Радищева тем испытанным, отложившимся средством отборочного слога, слога высокого, которым еще не располагал русский язык как таковой. Радищев как человек XVIII века и как трибун ощущал бы снижением глубины и важности развиваемых им идей, если бы они облеклись в формы повседневной или близкой к повседневности речи, речи, которою он очень хорошо владеет, когда изображает бытовое, не возбуждающее ни пафоса, ни негодования.

Ставя вопрос отвлеченно, можно было бы взвесить, в какой мере были бы пригодны для литературных целей Радищева иностранные слова, относящиеся к кругу „гражданских“ понятий; легко однако убедиться, что он не только не находит в них, как человек, чувства, нужного ему для того, чтобы перелить в других все кипящее в нем негодование против жестокости и мерзости существующего строя и весь восторг видящего красоту возможного будущего, но и сознательно избегает их, заменяет русско-церковнославянскими словами. В последних для него аккумулирована энергия высокого, и их он избирает, связывая, как в большинстве люди его времени, идею освобождения крестьянских масс с определенными национально-окрашенными настроениями.

Не приходится удивляться исключительному богатству абстрактной лексики Радищева. Философ и резонер, он в ней нуждается больше других своих современников. Верный церковнославянской традиции в стиле, писатель, который, отчасти даже вопреки своей идеологической направленности, в своем слоге культивирует не только отмирающее, но и уже опреде-

---

[1] Все важное для характеристики и понимания труда Ломоносова в историческом аспекте дают объяснительные примечания акад. М. И. Сухомлинова при IV томе „Сочинений М. В. Ломоносова“, изд. Акад. наук, 1898. Ср. и Н. К. Грунский. Очерки по истории разработки синтаксиса славянских языков, т. I. Журн. Мин. нар. просв., 1910, отт. стр. 21—30.

ленно умершее, Радищев находит в наследстве церковнославянской и церковнославянизированной лексики нужное ему для выражения высоких мыслей и вместе с тем на путях ее походя отрабатывает то, в чем она оказывается недостаточной. Вот типичные для него сгустки такой лексики: „Ведай, что предузнанное блаженство теряет свою сладость долговременным ожиданием, что прелестность настоящего веселья, нашед утомленные силы, немощна произвести в душе столь приятного дрожания, какое веселие получает от нечаянности" (стр. 57) или: „Чуждо будет гражданам ремесло, рукоделие скончает прилежание и рачительность, торговля иссякнет в источнике своем, богатство уступит место скаредной нищете, великолепнейшие здания обветшают, законы затмятся и порастут недействительностию" (стр. 68).

Радищевым заканчивается последний исторический опыт применения церковнославянского языка к принципиально-новым идейным установкам, и в дальнейшем уже не оказывается ничего значительного, для чего бы этот язык оказался использованным вне специальных стилистически-архаизирующих задач.

§ 12. Решающий перелом, разрыв с традицией художественного языка, для которого церковнославянский — если уже не господствующий, то еще очень влиятельный источник, и с традиционным научным и публицистическим, синтаксис которого явно отражает конструкции классической латыни,— связывается, как утверждали современники и как обоснованно утверждают позднейшие исследователи, с деятельностью Н. М. Карамзина[1].

Карамзинская реформа — сочетание, с одной стороны, сознательного отказа от многого, не оправдавшего себя в историческом опыте выработки нового литературного языка, с другой — талантливого показа, каким именно должен быть художественный и научно-публицистический язык, чтобы доходить до широкого читательского круга и удовлетворять требованиям легкости, приятности и ясности. Настоящих учителей слога, которые удовлетворяли бы его, подобно французским, английским и немецким писателям, Карамзин среди своих предшественников не нашел. „Отдавая всю справедливость красноречию Ломоносова", он „не упустил заметить стиль его дикий, варварский, вовсе несвойственный нынешнему веку". Хотелось „писать чище и живее". И та и другая задача совпадали с установкой на

---

[1] См. особенно Я. Грот. Карамзин в истории русского литературного языка. „Филол. разыскания", I, 1885, изд. 3, стр. 62—132.

приближение к разговорной речи[1], и Карамзин, учась грамматике из языка живого общения наиболее развитых представителей своего класса, а слогу — у лучших иностранных авторов, практически разрешил обе задачи. Важно при этом отметить, что они у него почти неизменно оставались также и в поле теоретического освещения.

Сделанное Карамзиным в существенном сводилось:

К сознательному отрыву от церковнославянщины, за которою им оставлялось ее настоящее, достаточно скромное место необходимого средства архаизации, из художественных мотивов допустимого однако только в умеренных дозах[2].

Свою позицию в этом вопросе с полной определенностью Карамзин высказал в известном ироническом замечании о переводе „Клариссы“ Ричардсона и его образцах: „Г. Переводчик хотел здесь последовать моде, введенной в Русский слог големыми претолковниками NN, иже отревают все, еже есть Русское, и блещаются блаженне сиянием славяномудрия“ (1791 г.).

К отказу от образцов неживой речи, по выражению самого Карамзина — от „школярщины“, которую он, впрочем, понимал не только как педантизм в области слога, искусственно воспитываемого отстающею от жизни школою, но и вообще как привязанность „к древностям и чужестранным вещам, не всякому известным“.

К усвоению источников художественной речи, оправдавшей себя стилистическими достижениями. Сюда следует отнести влияния иностранных образцов на французском, немецком и английском языках и отчасти использованное умеренно и со вкусом знакомство с русской народной словесностью. Первым Карамзин обязан значительной помощью (образцами) в разрешении взятой им на себя задачи писать непринужденно, ненадуто, не впадая в вульгарность, нерастянуто и не слишком коротко (линия, которую именно как удовлетворение ее потребностей в области слога оценила сложившаяся ко времени Карамзина „публика“, широкий слой дворянства и некоторое количество выходцев из других классов). Влиянию народной словесности Карамзин обязан, в отличие от старо-

[1] И. Дмитриев („Взгляд на мою жизнь“) точно указывает, что „Карамзин начал писать языком, подходящим к разговорному образованного общества семидесятых годов, когда еще родители с детьми, русский с русским, не стыдились говорить на природном своем языке“.

[2] Характерно, что старинные формы склонения встречаются у Карамзина главным образом в его стихах.

славянской старины, средствами архаизации не напыщенной, не связанной с религиозно-мистическими настроениями, и рядом таких особенностей слога и в лексике и в синтаксисе, которые оказались пригодными для создания некоторой, впрочем, достаточно условной „почвенности".

К значительному сближению повествовательного слога с языком живого, бытового рассказа.

„Недлинные, неутомительные" предложения „Бедной Лизы"[1], хотя в основном подобными владела уже народная повесть XVII — XVIII века, для изысканного слога оказались тою „благородной простотою", которую надо было открыть, преодолев традицию тяжеловесной переводной литературы.

К словарному обогащению русского языка. В его время еще нельзя было считать законченным ученичество и в области художественного и в области публицистически-философского языка. Круг новых понятий продолжал еще в значительном числе поступать в молодую русскую литературу, и проблема словарных средств перевода или подражательной передачи оставалась не намного менее острою, чем была она для Ломоносова и Сумарокова. Избранный Карамзиным путь оказался наиболее практичным: он заимствовал, оставляя без перевода иностранные слова, главным образом терминологического характера[2] и общеевропейские „культурные" слова (Kulturwörter); интенсивно работал, если не находил соответствующих русских, в направлении создания новых кальк с иностранных образцов; к этому типу относятся введенные им (и его ближайшими последователями): *склонность* — фр. inclination, *расстояние* — фр. distance, *развлекать* — фр. distraire, *рассеянный* — нем. zerstreut, *влияние* — фр. influence, *утонченный* — фр. raffiné, *трогательный* — фр. touchant; создавал новые русские слова в духе многочисленных параллельных понятий, уже бывших в живом обращении его современников; таковы: *будущность, общественность, оттенок, усовершенствовать, семейственный, огромность, влюбленность* и др., среди которых, впрочем, оказалось некоторое число не привившихся или державшихся только недолго: *настоящность, намосты* („тротуары"), *младенчественный*; расши-

[1] Такие, напр., для нас просто уже примитивные, как: „Отец Лизин был довольно зажиточный поселянин, потому что он любил работу, пахал хорошо землю и вел всегда трезвую жизнь, но скоро по смерти его жена и дочь обеднели. Ленивая рука наемника худо обрабатывала поле, и хлеб перестал хорошо родиться. Они принуждены были отдать свою землю в наем, и за весьма небольшие деньги".

[2] Подробности см. Грот, „Филол. разыскания", I.

рял смысл существующих; им употреблено, напр., впервые по отношению к поэзии слово *образ*[1], *положения* в соответствии франц. situations в драме (что является одновременно и калькой) и *общие положения* (dispositions générales) в законодательстве, *выработанный* (о слоге) и под.[2]

Оценивая значение Карамзина в том положительном, что им создано, нельзя не признать его исключительно большою фигурою в истории русского литературного языка. При всем том, однако, источники русской речи прославленных мастеров XIX века, как ни много обязаны Карамзину старшие из них (Жуковский, Батюшков, Пушкин и т. д.), существенно отличаются от источников Карамзина, и установки их языка далеко отходят от тех, какими руководился он. Карамзинская установка на „приятность“ (которая дольше всего держится у Жуковского) и эстетические устремления Батюшкова и Пушкина в их стихах, а в особенности в прозе, заметно отличны. В прозе Карамзин слишком заботится о напевности своей речи, о ритмическом расположении частей фразы, не чувствуя, в какой мере эта напевность и ритмичность требуют своих жертв — преобладания риторических средств над естественной синтаксической структурой — и, что еще более важно, меньшего внимания к содержанию, нежели к его оформлению. Напевный слог по самой своей природе убаюкивает мысль, даже яркую и сильную, заслоняя иногда очень важные ее части и стороны, выдвигая по требованиям ритма многое бессодержательное или, по крайней мере, малосущественное. Слог прозы Карамзина в одних жанрах не имеет, в других — снижает напыщенность ломоносовского слога, но ни теоретическое признание эстетичной простоты, ни, тем менее, практическое ее осуществление не принадлежат еще к его достижениям. Гораздо больше может нравиться и сейчас стихотворный язык Карамзина, где требования ритмичности принадлежат самой природе формы и где элементы риторичности в стиле соответствуют искусственному характеру содержания и вытекающим из него требованиям его оформления. Но не одна напевность и риторичность карамзинской прозы, как форма, теснейшим образом связанная с несоответствием самого содержания и сопровождающих его эмоций, отличает эту прозу

[1] „Впервые“ — для его современников, хотя уже за семь веков перед ним к тому же употреблению („творчести образи“) пришел Георгий Херобоск, вошедший в Святосл. Изборн. 1073 г. (П. Н. Сакулин, Атеней, 1 — 2, 1924, стр. 72).

[2] Ср. B. Unbegaun, Le calque dans les langues slaves littéraires, Revue des ét. slav., 1932, XII, 1 — 2, p. 38 — 42.

от достижений позднейших мастеров. Отдавая должное Карамзину в том, „что он приблизил литературу к обществу, как приблизил и язык литературы к живой общественной речи и сообщил ему известное изящество“, А. Н. Пыпин вместе с тем справедливо констатирует: „но его влияние как сентиментального писателя было непродолжительно; для ближайшего поколения повести Карамзина стали только историческим воспоминанием, как самый язык в сущности скоро устарел и в следующем литературном поколении считался уже манерным“. Карамзин по всем своим установкам и в содержании и в форме был писателем определенно классовым, служившим своему классу и работавшим в духе его потребности перенять литературный язык художественный и публицистический к себе, как свой не только по идеологической направленности, но и по форме. Карамзин удовлетворил эту потребность, но не обеспечил дальнейших путей развития языка, не предусмотрев и не почувствовав, что он в силу давления на него новых элементов самого читающего и пишущего „общества“ не останется дальше только дворянским и что разговорный язык дворянства, да еще очень подчищаемый, приглаживаемый, лишен настоящих источников развития, что он быстро исчерпается, особенно в десятилетия усиленного культивирования в дворянстве французского языка, если не обратится к источникам народной, не песенно- или сказочно-народной, а разговорной речи центра России. Разрешить эту задачу обогащения прежде всего художественного языка и особенно языка прозы элементами народной лексики и синтаксиса, демократизировать литературный язык, сделав его средством выражения динамики разнообразнейших понятий и эмоций на живой основе, выпало уже на долю литературных внуков Карамзина. Еще для Пушкина такой язык — проблема, и если даже, что было б справедливо, признать, что он, говоря об этой проблеме, слишком скромно расценивает свою роль в ее практическом разрешении,— то все-таки он прав, подчеркивая остроту ее для своего времени.

Важно отметить при этом, что Пушкин не был жертвой ошибки, дань которой отдал в свое время специально интересовавшийся языком Даль,— будто сближение с „простонародным“ языком есть именно то, что требуется для создания письменной художественной прозы[1].

---

[1] Он предлагал, напр., не одобрившему его устремлений Жуковскому в 1837 г. как образец „народного“ слога в соответствии обычному: „Казак оседлал лошадь, как можно поспешнее взял товарища своего, у которого не было

Он с характерной для него ясностью различал, что диалекты — диалектами, а язык книги — совсем другое и что сближение с народным языком есть, конечно, сближение слога писателя с языком действительного, в самой жизни происходящего общения господствующего класса внутри себя и с другими классами, что дело идет не о слоге определенных, хотя бы и „народных" жанров, а о словаре и синтаксисе, которые вообще могут служить средством „простой", естественной передачи любого нового содержания. „Сказка — сказкой, — сказал он Далю, — а язык наш — сам по себе, и ему то нигде нельзя дать этого русского раздолья, как в сказке. А как это сделать? Надо бы сделать так, чтобы выучиться говорить по-русски и не в сказке. Да нет, трудно, нельзя еще"[1]. Как показала проза Пушкина, к 30-м годам XIX века это было уже „возможно", но пока еще под пером только первостепенного мастера. Вопрос о том, как эту задачу разрешали дальше, — одна из основных тем развития русского языка в XIX и XX веке.

II. ФОНЕТИКА.

§ 1. Фонетические отличия русского языка.

Важнейшие фонетические черты русского литературного языка, отличающие его от других славянских (всех или некоторых) и представляющие продукт дальнейших изменений древнейшей славянской фонетической системы, сводятся к следующим:

1. Носовые гласные **о**, **е** (старославян. ѫ, ѧ) в русском еще в эпоху до появления памятников изменились соответственно в **у**, **я** (а со смягчением предшествующего согласного): ст.-сл. *мѫка, рѫка, лѫкъ* — русск. *мука, рука, лук*; ст.-сл. *рѧдъ, мѧсо, чѧсть* — русск. *ряд, мясо, часть*. Как явление очень древнее, обе эти рефлексации русский язык разделяет с украинским и белорусским.

2. Редуцированные звуки древнейшего славянского языка **ъ** в соответствии **u** (у) краткому других индо-европейских язы-

---

верховой лошади, к себе на круп и следовал за неприятелем, имея его всегда в виду, чтобы при благоприятных обстоятельствах на него напасть" такую более экономную, по его мнению, переделку: „Казак седлал уторопь, посадил бесконного товарища на забедры и следил неприятеля в назерку, чтобы при спопутности на него ударить".

[1] Цитировано Г. Винокуром из книги Л. Майкова „Пушкин", 1899.

ков и ь в соответствии і краткому там, где они не выпали (см. § 2), перешли соответственно в о и е:

ст.-сл. *сънъ, мъхъ, рътъ* — русск. *сон, мох, рот.*

ст.-сл. *дьнь, льнъ, пьнь* — русск. *день, лен, пень.*

(Подробности см. ниже — в § 2).

3. Звук ѣ древнейшего славянского языка в литературном русском перешел в е, не изменяющееся в ё: ст.-сл. *мѣсто, дѣло, лѣто* — русск. *место, дело, лето* (подробности см. ниже — в § 4).

4. Звук е под ударением перед твердым согласным и в конце слова перешел в ё (о со смягчением предшествующего согласного). Это же произошло с е из ь: *орёл* из „орьлъ“, *затёр* из „затьрлъ“ (подробности см. ниже — в § 5). Явление это обще русскому с белорусским.

5. Звуки а и о, различающиеся под ударением, совпали в одном а непосредственно перед ударением и редуцируются в других положениях: *вода* произносится „вада́“, *хожу* произносится „хажу́“, *ворочу* произносится „вəрачу́“, *мало* произносится „ма́лə“. Явление это — диалектное в пределах самого русского языка (подробности см. ниже — в § 6).

6. Звук е в тех же самых условиях, что и а, о, перешел в и (непосредственно перед ударением — и, в других положениях возможен редуцированный звук переднего ряда): *село, весло* > „сило, висло“, *перевал* > „пиривал“ и под. Явление это и в пределах русского языка — диалектное (подробности см. в § 7).

7. Древнейшие славянские группы, с известной вероятностью восстанавливаемые как **tort, tolt, tert, telt** (**ор, ол, ер, ел** между согласными), предполагаемые в тех случаях, где имеем отношение, — литовск. (или другие индо-европейские языки) **ar, al** (в других **or, ol**), **er, el** и под., ст.-сл. **ра, ла, рѣ, лѣ,** пол. **ro, ło, rze, le,** — в восточнославянских имеют соответствия в виде **оро, оло, ере, оло** (полногласие); ст.-сл. *градъ, млатъ, младъ, брѣгъ, млѣко,* пол. ogród (род. ogrodu) „сад“, młot, młody, brzeg, mleko — русск. *город, молот, молод, берег, молоко.* К реконструируемым формам сравн.: лит. gar̃das „плетень“, „загородка“; нем. Garten „сад“; лат. martulus „молот“ из *malt-tlos; др.-прусск. maldai „молодые“; лат. mollis „мягкий“ из *molduis; нем. Milch и под.

Хронология этого изменения спорна. Возможно, что оно хронологически отделено от эпохи первых памятников.

Древнейшие славянские группы типа **ort**, т. е. **or** в начале слова в положении перед согласным, изменялись в зависимости

от характера принадлежавшей им в прошлом интонации (движения тона)[1]. Напр., **ort**, **olt** могли рефлектироваться в виде **ro** (ро), **lo** (ло): *робота* (ср. нем. Arbeit), *лодка* (лит. aldijà, норв. olda „корыто“) и в виде **ra** (ра), **la** (ла): *ратай* (литов. artójas), *лакомый* (лит. álkti „чувствовать голод“).

8. Древнейшие славянские группы **tъrt, tъlt, tьrt, tьlt** (**ър, ъл, ьр, ьл** между согласными), устанавливаемые там, где в балтийских языках были группы **turt, tult, tirt, tilt** и где в ст.-славянском в результате действия специального фонетического закона выступают соответствия **ръ, лъ, рь, ль**,— в русском рефлектируются как **ър, ъл, ьр, ьл**, откуда нынешние **ор, ол, ер, ол**; ср.: лит. gurklȳs „зоб“, др.-прусск. gurkle „горло“, ст.-сл. *гръло* — др.-русск. *гърло* „мех из шеек куниц“, русск. *горло*; готск. *hulma — русск. *холм*; лит. kìrmis, ст.-сл. *чрьвь* — русск. *червяк*; лит. pìrmas „первый“, ст.-сл. *прьвъ* — др.-русск. *пьрвый*, русск. *первый*; лит. vilnìs, англо-сакс. wylm, ст.-сл. *вльна* — др.-рус. *волна*, русск. *волна́*; лит. vìlna „шерстяной волос“, ст.-сл. *вльна* — русск. *во́лна* „шерсть овечья, козья“.

Соответствующие изменения — явление обще-восточнославянское.

9. Начальное древнейшее славянское сочетание **je** (**i̯e**) в восточнославянских языках изменилось через стадию **е** в **о** перед слогом с гласным переднего ряда, если за ним не следовал слог с ударяемым гласным переднего же ряда; так объясняются русск. *озеро, осень, олень, один, ожина* и под. в соответствии ст.-сл. *єзеро, єсень, єлень, єдинъ*, западнославянским: пол. jezioro, jesień, jeleń, jeden,— но: *ежевика, ерепе́ниться* и под.

Редуцированный гласный **ь** оставался без влияния на переход начального **е** в **о**; поэтому: *еж* (из „ежь“), *ель* и под.

10. Начальное сочетание **ju** (**i̯u**) утрачивало **j** (**i̯**): др.-русск. *угъ* „юг“, *унъ* „юный“. Ср. соврем. *ужин* с изменением значения (первоначальное сохранено, напр., в словинском júžina „полдник“). Явление это, ограниченное несколькими словами, в дальнейшем оказалось затертым вследствие церковнославянского влияния, передавшего русскому языку книжные *югъ, юнъ*.

11. Звук **ы** древнейшего славянского языка после **к, г, х** изменился в **и**: ст.-сл. и др.-русск. *кыдати, кыселъ*, русск. *кидать, кислый*; ст.-сл. и др.-русск. *гыбъкъ*, русск. *гибокъ*; ст.-сл. и др.-русск. *хытръ*, русск. *хитер* и под. Переход **кы, гы, хы** в **ки, ги,**

---

[1] Об интонациях древнейшей поры славянских языков см. IV. Ударение.

хи — явление исторической жизни восточнославянских языков. Совершился он, повидимому, раньше всего в диалектах — предках украинского (XII в.), затем, напр., в смоленском говоре (древнейшие примеры в грамоте 1229 г.); в великорусских говорах, насколько позволяют судить памятники, он имел место не раньше XIV века. Возможно, что изменение сначала, как, напр., в польском, охватило только **кы, гы**; по крайней мере, параллельно изменению **ки, ги** в древнейших памятниках **хи** не засвидетельствовано.

12. Древнейшая славянская йотация (положение перед **j** или неслогообразующим **i̯**) обусловила ряд изменений согласных: рефлексацию губных с мягким **л**, известную, кроме восточнославянских языков, еще и южным, переход **дj** в **ж**, **тj** в **ч** и др. (см. ниже — § 10).

13. Древнейшие славянские группы **kt**, **gt** (кт, гт) перед **j** (**i̯**) и гласными переднего ряда изменились в **č** (**ч**): *noktь (ср. лат. nox, род. п. noctis) — русск. *ночь*, *pektь — русск. *печь*, *pekti — русск. *печи* и более новое *печь* (инфин.).

Явление это — обще - восточнославянское.

14. Древнейшие славянские группы **tl, dl** (**гл, дл**) упростились в **l** (**л**). Это изменение обще восточным и южным славянским языкам и относится еще к эпохе до - восточнославянской. Ср. пол. mydło — русск. *мыло*, пол. sadło — русск. *сало*. „Плет - лъ, вед - лъ, мет - лъ" и под. соответственно изменились в *плел*, *вел*, *мел*.

15. Группа **dm** (дм) из **bdm** во всех восточнославянских языках упростилась в **m** (м): *седмь* > семь (ср. греч. ἕβδομος)[1].

16. Группы **kv** (ku̯), **gv** (gu̯) в положении перед **ѣ** из *oi̯ (*ai̯) изменились в **цв**, **зв**: *цвѣт* — пол. kwiat (*ku̯oi̯t), *звѣзда* — пол. gwiazda (к вокализму ср. лит. žvaigzdė). Переход этот русский язык разделяет с другими восточно- и южнославянскими языками, и относится он, по всей видимости, ко времени до - восточнославянскому.

17. x′ (мягкое х) древнейшего славянского языка, явившееся там из **s** (**с**) после мягких гласных при специальных условиях и в положении перед **ѣ** из *oi̯, как в других восточно- и южнославянских языках, в русском рефлектируется в виде мягкого **с**: *весь*, в пол. корень *vš* — wszy - stek; *сѣръ* — пол. szary, др.- герм. *hair.

---

[1] *Седьмой* — вероятно, церковнославянизм. Уже в Остр. Ев. — *семый*. Кроме слова *седмь*, где **dm** из **bdm**, всякое **dm** другого происхождения упростилось в **m** во всех славянских языках: *дать* и под.

18. Перед гласными **е**, **и**, независимо от их происхождения, согласные, кроме отвердевших позднее, выступают в русском как мягкие: *весело, весь, лето, ветер, тихо, синий* и под.

Хронология этой черты, повторяющейся в польском и частично в других, напр., в словацком, но отсутствующей в настоящее время из восточнославянских в украинском, спорна. Возможно, что перед **е**, **и** первоначально согласные были полумягки и что нынешняя их мягкость — результат позднейшего развития.

19. Звуки **ш**, **ж**, **ц** в русском отвердели. Явление это в русской языковой области — очень широкое, но не охватившее всей суммы говоров.

Отвердение **ш**, **ж** свидетельствуется памятниками с XIV века. Отвердение **ц** в памятниках отражается с XVI века.

Таким образом, уже древнейшими диалектными из указанных черт можно считать: 12-ю, 14-ю, 16-ю, вероятно — 17-ю; относящимися к эпохе восточнославянского единства (в условном значении этого термина, т. е. к эпохе, когда черты, возникавшие в определенном пункте восточнославянской территории, могли еще получать широкое распространение, делаясь общими восточнославянскими): 1-ю, 2-ю, 7-ю, 8-ю, 9-ю, 10-ю, 11-ю, 12-ю, 13-ю, 15-ю; остальные — позднейшими русскими (великорусскими).

§ 2. Редуцированные гласные ъ и ь.

Редуцированные звуки древнейшего славянского языка **ъ**, **ь** на восточнославянской почве подверглись очень важным для всей фонетической системы изменениям: они отпали в конце слова — вм. двусложных *сынъ — сы-нъ, конь — ко-нь* и под. явились односложные *сын, кон*^{ь} — и выпали в средине слова, если за слогом, который они составляли, в прошлом не было слога со слабыми **ъ**, **ь**, подлежавшими отпадению или выпадению. Слабыми являлись **ъ**, **ь** прежде всего, как сказано, на конце слова; в положении перед таким слогом **ъ**, **ь** усиливались и переходили на восточнославянской почве в **о**, **е**: *мъхъ, сънъ, льнъ, дьнь* изменились в *мох, сон, л*^{ь}*он, д*^{ь}*эн*. При подобном условии третий от конца слог являлся тоже слабым и подлежал выпадению: *жьрьць* переходило в *жрец*^{ь}, *пришьльць* — в *пришлец*^{ь}, *шьвьць* — в *швец*^{ь}.

Если второй от конца слог не имел за собою слога с **ъ**, **ь**, то его **ъ**, **ь** были слабыми и подлежали выпадению. В таком

случае сильными становились **ъ**, **ь** предшествующего слога: *жьньця* (род. ед.) переходило в *женця*, *шьвьця* (род. ед.) — в *шевця*, *ръпъта* (род. ед.) — в *ропта* и под. То же имело место и во всякой другой паре рядом стоящих слогов с редуцированными гласными: *въ Дъбряньску* > *во Брянску*, *въ Мьшаньскъ* > *во Мшанескъ*, *съ мъною* — *со мною* и под.

Первые надежные случаи перехода русских **ъ**, **ь** в **о**, **е** относятся ко второй половине XII века. Что касается выпадения редуцированных, то в памятниках оно раньше свидетельствуется для начальных слогов (XI и XII век): написания вроде *князь*, *всеволодъ* вм. *кънязь*, *вьсеволодъ*, и только позже (со второй половины XII века) — для срединных: *пожни*, *божниця* вм. *пожьни*, *божьниця*.

Кроме положения перед слогом с **ъ**, **ь** слабыми, **ъ**, **ь** были сильными еще под ударением; ср. *дъ́скы*, откуда *доски*, *ть́ща*, откуда *тёща*.

В ряде случаев первоначальные отношения, характерные для рефлексации редуцированных, затерты действием смысловых сближений (ассоциаций). Так, в современном литературном языке выступают *жнеца* вм. „женца“ под влиянием именительного ед. ч. *жнец* (из *жьньць*), *чтеца* вм. „четца“ под влиянием *чтец* (из *чьтьць*), *ропот* вм. „рпот“ (так, напр., в Ев. 1307 г.) — ср. древние фонетические формы косвенных падежей *ропта*, *ропту* и т. д.,— *Смоленск* и длинный ряд других подобных наименований вм. *Смольнеск* (из *Смольньскъ*) и под. под влиянием косвенных падежей (*Смоленска* из *Смольньска* и под.); ср. еще в XVII веке: *Брянескъ* (Мат. Раз. I, № 1), *Мшанескъ* (Мат. Раз. III, № 3) и под.

Отношения, характерные для редуцированных, отчасти оказались перенесенными на случаи, где раньше были обыкновенные **о**, **е**: *ров* — *рва* (вм. старых *ровъ* — *рова*, ср. укр. *рів* — *рову*), *лед* — *льда* (вм. стар. *ледъ* — *леда*, ср. укр. *лід*, *льод* — *леду*, *льоду*), *потолок* — *потолка* (вм. ст. *потолок* — *потолока*, ср. „руки в боки — глаза в потолоки“), *камень* — *камня* (вм. ст. *камы* — *камене*, ср. укр. *камінь*, *каменя*)[1].

---

[1] Что касается древнерусской формы род. падежа от „шесть“ — *шти*, широко представленной в памятниках, начиная с XIII века и до самого XVIII, то ее не следует рассматривать как продукт аналогии. Ягич, мне кажется, справедливо объяснял ее (Крит. заметки, 66), говоря, что „в шести **ш** поглощает **с** и образует косвенные падежи **шти** (вм. **шести**)“. Он подразумевал при этом, видимо, наряду с моментом ассимиляции, условия специального темпа произношения количественных числительных. Ср. современное произношение „$д^{ь}$и́$с^{ь}т^{ь}$и“ (десяти) и др.-русск. *четь* (из косвенных падежей *чти* и под.) „четверть“.

В большинстве подобных случаев (*потолка, камня* и под.) влиятельною оказалась ассоциация с соответствующими суффиксами (**ъкъ — ъка**: *кусок — куска* и под.; вероятно, **ьнь — ьня**: *баловьнь — баловьня, увальнь — увальня* и под.). Ср. еще нефонетическое *заяц* (произносится „заец") — род. *зайца* (по аналогии **ец** — род. **йца**), *пепел* — род. *пепла* (ср. *козел — козла* и под.).

В случае *сот*, род. *сота* и т. д. из *сътъ, съта* и т. д.— формы типа *сота* (др.-русск. *ста*) установились, видимо, из-за отталкивания от омонима *ста* и т. д. „сотня".

В других случаях выравнивание в пользу гласного поддерживалось тем, что иначе образовывался бы в отношении звукового сходства слишком большой разрыв между формою именительного (ед. или мн. ч.) и другими: *дъска* фонетически изменялось в „дска" и далее в „цка" (форма, хорошо засвидетельствованная в памятниках — см., напр.: Ожерелье на цкахъ, на золотыхъ, Моск. грам. 1509 г.,— Яг.), но потом под влиянием *дъ'скы* —„доски" восстанавливалось *доска*. К *тьсть* род. п. звучал *тьсти*, откуда далее „тсти" и „цти" (Иофора сти своєго.— Пандекты 1296 г.).

Играли роль и мотивы избегания трудных сочетаний: *чернеца, мертвеца* вм. фонетических: „чернца, мертвца", *двери* вм. „дври" (так, напр., в Новг. Кормчей ок. 1282 г.) и под.

В *сосать* из *съсати*, вероятно, имеем влияние *съсъка* > *соска*.

Случаи употребления с **о** предлогов и префиксов — *во имя, во веки, совет, совесть* и под., где за ъ предлога или префикса не следовало слога с редуцированным же, большею частью представляют собою результат книжного искусственного чтения писавшегося ъ. В отдельных случаях можно думать о сохранении **ъ > о** по аналогии.

Группы **ръ, лъ, рь, ль**, повидимому, в русском переходили независимо от ударяемости и открытости или закрытости слова в **ро, ло, ре, ле**: *крошить* из „кръшити", *бросать* из *„бръсати", *блоха* из „блъха", *глотати* из „глътати", *тревога* из „трьвога", *блестеть* из „бльстѣти" и под.

Из др.-русск. *Пльсковъ* ожидалось бы действительно существовавшее *Плесковъ*. Что касается современного *Псков* (уже в XIV веке *Пьсковъ*), то, по объяснению Шахматова, это „изменение принадлежит к числу тех особенностей, которые... отличали псковское наречие от севернорусского, сближая его с польским" (Очерк древн. пер., § 374). Менее правдоподобна догадка Саблера о древнейшем корне Pisk —, как заимствовании из германского (значение „рыба"), и параллельном Plisk — как народной этимологии под влиянием „плескать".

В результате утраты ъ, ь после р, л, м, н, которым предшествовали согласные, имели место следующие изменения.

1. В конце слова л фонетически утрачивалось: *моглъ > мог, пеклъ > пек* и под. Там, где под влиянием аналогии, напр., в именительном пад. ед. ч. и родительном мн. ч., л восстанавливалось или удерживалось вопреки фонетической тенденции, перед ним являлось е (так, как будто ему предшествовал ь, что и засвидетельствовано в памятниках), а после к, г, х — о (так, как будто звуку л здесь предшествовал ъ, тоже засвидетельствованный в памятниках): *вёсел* из „веслъ", *узел* из „узлъ", *стёкол* из „стьклъ" (род. мн. ч.), *угол* из „углъ". При этом есть основания думать, что ль в таком положении, переходя до выделения перед собою редуцированного звука в слоговое л, фонетически в говорах утрачивало мягкость; ср. Теребовелъ (Ипат. лет.— Шахм.) из „Теребовль", опухолъ (Домостр., 23) из „опухль", соврем. сев.-русск. диал. *земёл* из „земль" и под. (Ср. Морф., § 11).

Для остальных сонорных, кроме утраты, которая не засвидетельствована, рефлексации параллельны: из „вѣтръ" явилось *ветер*, из „сестръ" (род. мн. ч.) — *сестёр*, из „хитръ" — *хитёр*, из „свекръ" — *свёкор*, из „угрь" — *угорь*. Переход рь в ър дает право подозревать *вихор* (ср. *вихры*) из „вихрь".

Осмь (род. *осми*) > *восемь* (с сохранением мягкости под влиянием косвенных падежей и отношений *семь:семи*; к стадии „осьмь" ср. *восьмой*). *Плѣснь > плесень* (с мягкостью из косвенных падежей). Род. мн. *баснь, пѣснь* изменился фонетически в *басен, песен* (см. Морф., § 11), *окнъ* — в *окон*; ср. и *огонь* из *огнь* (с мягкостью н из косвенных падежей)[1].

В очень значительном числе случаев, относящихся к рассматриваемому положению, в литературном языке приняты книжные нефонетические формы: *кругл, смугл, журавль, мысль, рубль, быстр, остр, вепрь, волн* (род. мн.), *игр* (род. мн.) и под.

2. В средине слова в основном имели место все те же переходы, что и на конце слова, видимо, кроме утраты л.

К утрате мягкости ср.: *гуселки* (от „гусли"), *басенка, песенка* (см. также Морф., § 11). Ср. и аналогическое *петелка* (при *петелька*)[2].

---

[1] В случае с группой гн возможно, впрочем, специальное смягчение. Ср. N. van Wijk. Altkirchenslavisch ognь, Zeitschr. f. slav. Philol. 1932, IX, 1—2, S. 98—102.

[2] Из литературы — А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, 1915, §§ 369, 370 и K. H. Meyer. Zur Entstehung der sekundären Halbvokale im Ostslavischen. Arch. f. slav. Philol., XXXVIII (1923), S. 250—257.

Ъ в положении перед гласными.

1. В положении перед **и** **ъ** исстари образовал с ним звук **ы**. Ср. в памятниках: вызбѣ (Домостр., 58) — в избе, с темъ ве́черъ а сынымъ инόи вечеръ (57); в ызбу к царю (Мат. пут. Ив. Петлина, 275); и с-ыныхъ посадцкихъ людей (Котош., 88).

Явление это полностью существует и теперь: *сыскать, сыграть, отыскать, отыграться.*

Подобным же образом *с Иваном, от Ильи* произносятся *сыва́нəм, атылйи* и даже по аналогии таких сочетаний — *Госиздат* читается „госызда́т".

2. В предлогах и префиксах **ъ** перед следующим **о**, по свидетельству уже древнейших восточнославянских памятников, переходил в **о**: изо обою (13 слов Григ. Богосл. XI в.), изостанеть (Мстисл. грам. ок. 1130 г). Ср. еще в XVII веке: Ото осады свободилъ (Мат. Раз. III, № 3).

Это явление, представляющее редкий в системе русской фонетики случай нового зияния, в дальнейшем не выжило, но в словах чисто литературных (церковнославянизмах) следы его остаются и теперь; ср.: *вообще, сообща, воображать, сооружать, воочию.*

Спорные случаи соответствий русских ъ, ь редуцированным старославянским.

Древнерусские (и древнейшие славянские) **ъ, ь** исторически восходят, как уже упоминалось, соответственно к древнейшим **у** (*u краткому) и **и** (*i краткому): лит. budrùs — ст.-сл. и др.-русск. *бъдръ*, лит. duktė̃ — ст.-сл. *дъщи*, др.-русск. *дъчи*; лит. lìnas — ст.-сл. и др.-русск. *льнъ*; санскр. vidhava, лат. vidua, ст.-сл. и др.-русск. *вьдова*. Но есть несколько спорных случаев, где рефлексы русских редуцированных не соответствуют качеству редуцированных в старославянском. Важнейшие относящиеся сюда факты: *довьльнъ* (ст.-сл. и др.-русск.) — русск. *доволен*; ст.-сл. *мъдльнъ* — др.-р. *мьдльнъ* (*мьдьлити*), современ. *медленный, медлить*; ст.-сл. *трьсть* — др.-русск. *тръсть*, современ. *трость.*

Первый легко объясняется влиянием слова *воля*. В случае *медлить* и под. можно думать об уже древнейшем славянском варианте низшей ступени чередования **о** — **е**. На это же для *тръсть — трьсть* определенно указывает литовск. trušis при triušis „тростник".

§ 3. Напряженные редуцированные.

Специальный вопрос представляют русские соответствия отношениям при **ы** и **и** всех славянских языков в положении перед **j(i̯)**. Эти звуки с большою вероятностью возводят к первоначальным **ъ** и **ь**, приобретшим иную окраску перед j (к так называемым „напряженным редуцированным“); ср.: *новъ + jь, скоръ + jь* < ст.-сл. *новый, скорый*; *синь + jь, давьнь + jь* > ст.-сл. *синий, давьний*. Другие восточнославянские языки (белорусский и украинский) в рефлексах этих звуков не совпадают с русским, который, как свидетельствуют и памятники и говоры, рефлектирует такое **ъ** (условно его обозначают **ъ̂**) и **ь** (**ь̂**) соответственно как **о** и **е**: *новой, скорой, синей, давней*. (Литературные написания *новый, скорый, синий, давний* — церковнославянизмы, удержавшиеся из тенденции избегать омограмм *новой, синей* и т. д. род. и твор. ед. ч. жен. р.). Ср.: Да ферези бархатъ червчатъ гладкой да кафтанъ отласъ золотной (Отч. Я. Молв.). Исподъ пластинчатой соболей (Выходы). Хорунжей, Григорей Пенской (Мат. Раз. III, 60)... Одинъ бояринъ исъ первые статьи родовъ третей или четвертой человѣкъ... да околничей, или два, да думной посолской дiакъ (Котош., 65). Ломоносов пишет в своей „Росс. грамм.“ (§ 156): истинный *или* истинной, но только прежней, божей. Написания типа *маленькой, великой* и под. встречаются еще до последней четверти XIX века. На **ой** указывает и литературное произношение: робкәй, упругәй, тихәй и под.

Под ударением и на письме выступает **о**; ср.: *молодой, живой*; к **е** ср.: *чужой* из *чужей, большой* из *большей*.

Повидимому, звуки такого же происхождения имелись и в формах типа ст.-сл. *мыѭ, крыѭ, биѭ, бриѭ, лиѭ;* ср. укр. *мию, крию, брию*. В русском, кроме упоминаемых ниже случаев, соответственно выступают *мою, крою, брею*.

В сильном положении, т. е. перед слогом со слабыми редуцированными, рефлексация в виде **о** и **е** проведена в русском последовательно: *молодой, живой, мой, крой, бей, лей, брей, соловей, гостей* (род. мн.), *путей* из молодъ̂ + jь, живъ̂ + jь и (с ослабившимся конечным и̯)... брь̂jи, соловь̂jь, гость̂jь и под. В слабом положении, с одной стороны, имеем *вою, крою, мою, ною, брею*, с другой — *бью, лью, шью*. Повидимому, для слабого положения имела значение ударяемость или неударяемость предшествующего согласного; так, из мъ̂jѫ, ръ̂jѫ, въ̂jѫ, брь̂jѫ и под. являлись *мóю, рóю, вóю, брéю* (ср. прош. вр. *мы́ла, ры́ла* и

под.), т. е. под ударением напряженные редуцированные сохранялись. В неударяемом положении напряженные редуцированные выпадали: вь̂jж, ль̂jж, пь̂jж (ср. прош. вр. *вила́, лила́* и под.) изменялись во *вью, лью* и под. В диалектах известна и рефлексация *м'ю, ум'ю*. В этих формах вряд ли отражена старина. Скорее это аналогические образования.

Формы литературного языка *бью, шью* вместо ожидаемых „бею", „шею" (ср. прош. вр. *би́ла, ши́ла*) тоже аналогического происхождения: возникли они под влиянием других слов — типа *лью* к „лить", *пью* к „пить" и под. Ср. фонетическое *ше́я* из шь̂jа и укр. *ши́ю*, белор. *шыю* „шью".

§ 4. Рефлексация звука ѣ.

Древнейшему славянскому и древнерусскому звуку ѣ в литературном русском соответствует **е** (с его вторичными изменениями в неударяемом положении): *лѣто, сѣно, дѣло* теперь звучат как *лето, сено, дело*.

Отступления *гнёзда, звёзды, приобрёл, надёванный, издёвка, прозёванный* и под. из *гнѣзда, звѣзды, приобрѣлъ* и под. представляют собою продукты грамматической аналогии; ср.: *весло́: вёсла — гнездо́:х; весна́:вёсны — звезда́:х; плела́:плёл — приобрела́:х; жева́ть: жёванный — надева́ть: х* и под.

Есть серьезные основания думать, имея в виду факты памятников, свидетельства грамматиков и под.[1], что в Москве произношением ударяемого ѣ до самой средины XVIII века было **іе**, а не **е**, как теперь, причем до XV века, повидимому, не имело значения даже различение ударяемости и неударяемости ѣ. Дифтонгическое произношение ударяемого ѣ, по всей вероятности, было особенностью только высшего слоя носителей литературного языка, сохранившего его как архаическую черту в конце концов еще старого киевского произношения, поддержанного на новой почве сходными чертами севернорусских говоров. С таким произношением рано начала конкурировать в Москве окончательно победившая только в XVIII веке южнорусская (южновеликорусская) рефлексация **ѣ > е**, носи-

---

[1] Викт. Виноградов. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. „Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук" (1919), XXIV, стр. 188 — 348.— К приведенному у него материалу стоит прибавить еще „Лиро-дидактическое послание кн. Е. Р. Дашковой" Н. Николева („Русская поэзия" С. Венгерова, V, стр. 792 и след.).

телями которой были широкие городские слои, отражавшие в своей речи влияние южнорусских говоров.

Специальный вопрос представляет судьба **ѣ** после **j** в конечных слогах (положение, которое мы имеем в родительном падеже ед. числа женского рода, в именительном - винительном мн. ч. женского рода и в винительном мн. ч. мужского склонения местоимений и членных прилагательных). Здесь, повидимому, имело место, как принимал Шахматов, изменение **jѣ** в **je**, откуда под ударением **jo**; ср.: *jejѣ > jeje > jejo*. Принятию такого перехода, по моему мнению, не противоречит факт, смущавший специально обследовавшего вопрос об **ѣ** Викт. Виноградова — наличие при окончании **оѣ** замены в грамотах XIV века ятя буквою **е** и сохранения ятя (или замены его через **и**) в окончании **иѣ**. В случаях с **оѣ** (из **оjѣ**) в ряде слов произносилось (под ударением) **jo**: *тоё, самоё* и под., тогда как при **ыѣ, иѣ** (из **ыjѣ, иjѣ**) подобного перехода не было, так как не было случаев конечной ударяемости.

Специальный вопрос представляет ранняя (уже с XIV века) замена **ѣ** звуком **е** в слове *целовать* и дальнейший переход *целовать* в *цоловать*, откуда — почти до конца XIX века встречавшееся написание *цаловать*. Вполне удовлетворяющего объяснения этих переходов нет; возможна догадка о специальной роли **л**, оказывавшего исстари в русском свое влияние в направлении перехода **ь** в **ъ**, **е** в **о**. В данном случае эта тенденция могла осуществиться особенно под влиянием последующего ударяемого **у** (*целую, целуешь* и под.).

После звуков **ш, ж, ч, j** **ѣ** уже в древнейшем славянском перешел в **а**; ср. в классе с инфинитивами на **ѣ-ти** (при настоящем времени с приметой **i**) — *слышать, дрожать, молчать, стоять*. Единственное отступление в русском языке представляет глагол *кишеть* (*кышѣти*), принадлежащий только восточнославянским языкам и являющийся в них, видимо, относительно поздним приобретением неизвестного происхождения.

Давним фонетическим ограничением рефлексации **ѣ > е** является переход **ѣ** в **и**.

Переход **ѣ** в **и** перед ударяемым и следующего слога — явление обще-восточнославянское и, повидимому, относится уже ко времени до появления первых восточнославянских памятников. Переход этот мы видим в случаях:

Сидишь, сидит и т. д. из **сѣдиши, сѣдитъ** (сѣдить) — ср. др.-русск. *сѣдѣти* и параллели в других славянских языках: пол. siedzieć и под.

Мизинец из **мѣзиньць** (ср. ст.-сл. и живые славянские языки: ст.-сл. *мѣзиньць*, серб. *мезимац* „младший сын“ и под.)[1].

Вития, др.-русск. **витии** из **вѣтии** (так в старославянском); ср. группу *отъвѣтъ, вѣче* и т. п.

Дитина — пишут, однако, *детина*[2] (ср. укр. *дитина*, а не „дітина“), откуда и *дитя* при *дѣти*.

В др.-русских памятниках, „не знающих перехода **ѣ** в **и** или знающих этот переход в очень ограниченном размере“, известны случаи: надивѝчье горѣ́, Царств. Лет. XVI в., ср. другое ударение *дéвица*; синѝца Алф. (от „сѣнь“; ср. сѣ́ницам — там же, и дольную сѣ́ницу, Сборн. 1647 г.)[3].

Что касается случаев, где ожидаемого перехода нет, то они находят свое более или менее правдоподобное объяснение. Так, слово **зѣница**, во-первых, имело колеблющееся ударение **зѣнѝца** и **зѣ́ница** (ср. серб. *зје̏ница*) — Слов. русск. языка Акад. наук, II, вып. 9, стр. 2953, — а во-вторых, вряд ли было исконным словом у восточных славян (ср. *зѣнки*, укр. *зінка*, белор. *зянóк*). **Пѣвѝца** сохранило свое **ѣ** под влиянием *пѣвьць*.

Бѣжишь и т. д., видимо, имело давнюю параллель в системе форм, относившихся к *бѣгу, бѣгут*, инфинитиву *бѣчи* (ср. укр. *бігти* и русск. диалект. *бечь*), т. е. * бѣжеши, * бѣжеть и под.

Формы, вроде **грѣшѝшь, грѣшѝт** и т. д., **грѣшѝть, смѣшѝшь, смѣшѝт** и т. д., **смѣшѝть**, как производные от *грѣхъ, смѣхъ*, не порвали с ними связи; **спѣшѝшь, спѣшѝт** и т. д., **спѣшѝть** были поддерживаемы такими образованиями, как *спѣшьно* и под.

В инфинитивах, вроде **лѣпѝть, мѣсѝть, замѣнѝть** и под., и формах повелительного **лѣпѝ, лѣпѝте** и под. **ѣ** сохранилось под влиянием форм настоящего времени *лѣплю, лѣпишь* и т. д.

Слово **снигирь** из **снѣгирь** (чаще писали этимологически) не представляет примера закона о переходе **ѣ** в **и** перед слогом с ударяемым **и**, так как переход **гы** в **ги**, по всей вероятности, — явление более позднее, чем действие этого закона. Написание **снигирь**, повидимому, — результат забвения этимологии слова, с одной стороны, а в говорах, где неударяемое **ѣ** отличалось своим рефлексом от **и**, продолжение старой тенденции — с другой.

---

[1] К этимологии слова ср. теперь E. Lewy u. M. Vasmer. Zeitschr. f. slav Philol., 1931, VIII, 1—2, 129—130.

[2] Так, уже в др.-русском: дѣтина малъ (Судебн., 1497,$_{52}$).

[3] Л. Васильев. О значении каморы в некоторых древнерусских памятниках XVI—XVII веков. Сборн. по русск. яз. и слов. Акад. наук СССР, I, вып. 2, 1929, стр. 101—102.

§ 5. Рефлексация *Е*.

Из **е**, восходящего одинаково к старым **е** и **ь**, в русском под ударением в положении перед твердым согласным и на конце слова фонетически возникало **ё** (**о** со смягчением предшествующего согласного): *весёлый* (но *веселье*), *мёд*, *лён*, *прочёл*, *бельё*.

Чтобы уяснить себе все типичные особенности, относящиеся к русскому **е**, нужно принять во внимание еще несколько специальных условий.

Характерны вариации группы **-ер-** (из **-ьр-**) между согласными. В этой группе **е** переходит под ударением в **ё** только тогда, если за **р** следует твердый зубной, т. е. *твёрдый*, *чёрный*, *мёрзнуть*, *мёртвый*, *зёрна*, но *четвэрг*, *первый*, *верх*, *церковь*, *верба*, *смерть* (ср. произношение „*в^{ь}эр^{ь}х*, *чит$в^ь$эр^{ь}к*, *ц^{ь}эр^{ь}къф*, *в^{ь}эр^{ь}бэ*, *п^{ь}эр^{ь}вый*“ и под.). Заметим, что произношение „чит$в^ь$эр^{ь}к, в^{ь}эр^{ь}х“ и под. как литературное не узаконено. Ср. Е. Будде, „Очерк истории современного русского языка. XVII — XIX век“, 1908: „Ныне мы уже не пишем и не печатаем **ь** после **р** в этих и подобных словах, хотя и произносим **р** мягко, наблюдая в то же время и произношение твердого **р** в этих случаях у лиц с литературным образованием и даже у уроженцев города Москвы“ (стр. 32—33)[1].

Далее, хотя звук **ц** теперь в русском языке (в отличие от украинского) всегда тверд независимо от положения, в прошлом он был мягким и действует на предшествующее **е** именно как мягкий. Поэтому мы имеем *молодец*, а не „молодёц“, *скупец*, а не „скупёц“, *сердец* (род. мн.), а не „сердёц“ и под. С другой стороны, тоже бывшие в прошлом мягкими звуками **ш**, **ж**, память о мягкости которых отчасти сохраняет до сих пор орфография (**ши**, **жи**, **шь**, **жь**), влияют на предшествующее **е** как твердые: мы произносим **ё** в *ведёшь*, *вернёшь*, *грабёж*, *лёжа*, *дёшев*[2]. К влиянию диалектного твердого **ш** следует отнести и литературное *тёща*; перед долгим мягким **ш** московского говора ожидалось бы **е**, но в ряде говоров, где **щ** произносится как долгое

---

[1] Произношение в этих случаях **р**^{ь} перед задненебными распространеннее, чем перед губными.

[2] Отдельные отступления *чешет*, *тешет*, *брешет* (ср. диалект. *чошет*) могут отражать влияние родственного типа *мечет*, *трепещет*, поддержанное говорами, где **ж**, **ш** отвердели поздно и не влияют как твердые на предшествующее **е** (ср. диалект. *н^{ь}ис^{ь}эш* и под.). Из подобных диалектов в литературный язык попало, вероятно, *головешка*.

твердое **ш**, **ё** вполне естественно; из них-то оно, повидимому, и заимствовано.

По поводу нашего произношения *женский, деревенский, смоленский* следует припомнить, что отвердение **с** здесь — относительно новая черта, чуждая, напр., многим севернорусским говорам (ср. и укр. *людський, сільський* и под.).

Слоги **ги, ки, хи** влияют на предшествующее подударное **е** как твердые, т. е. соответственно своему древнему произношению **гы, кы, хы**; поэтому имеем *щёки* (форму, повлиявшую и на *пощёчина*). Менее доказательны случаи вроде *кровоподтёки, жохи*, где возможно также влияние единственного числа.

Нет перехода **е** в **ё** в начальном **не-** в префиксальных существительных и под. и в случаях переноса на него ударения с глаголов: *нéмочь, нéхотя, нé дал.* Отчасти тут могли сыграть роль слова с **не-** из **нѣ-**: *негде, некогда, нечего* и под. В случаях вроде *нé дал* и под., вероятно, издревле ударение не отличалось устойчивостью.

Нужно также принять во внимание, что в словах *нéнависть, нéдоросль* мы имеем продукты старославянского влияния.

Древнеболгарский (церковнославянский) язык не знал изменения **е** в **о** с предшествующей мягкостью (**ё**). Поэтому многочисленные заимствованные из него слова произносятся до сих пор на древнеболгарский лад, с тем, однако, отличием, что **е** смягчает, как вообще в русском, предшествующий согласный и неударяемое **е** произносится близко к **и**. Таковы: *небо, перст* (но *напёрсток*), *дерзкий, серна, пещера, полезный, лев* (но собственное имя онароднилось, ср. вариант — *Лёв*[1]).

В старом литературном языке (почти вплоть до половины XIX века) церковнославянское произношение было в употреблении значительно большем, чем теперь. В ряде слов, где, напр., Пушкин произносил (или мог произносить) **е**, теперь, подчиняясь общей фонетической тенденции русского языка, мы произносим только **ё (о)**: „На холмах пушки, присмирев, Прервали свой голодный рев" („Полтава"); „И ты пришел, сын лени вдохновенный, О Дельвиг мой, твой голос пробудил Сердечный жар, так долго усыпленный, И бодро я судьбу благословил" (19 окт. 1825 г.). Особенно многочисленны случаи такого чтения в его юношеских стихах. Ср. также у его современников рифмы вроде *Лафайэт* и *кладет* (Д. Давыдов), *небес* и *нес* (Ф. Тютчев) и под. У Батюшкова в стихотворении „В обители ничто-

[1] Боратынский рифмует „Лев" (имя брата Пушкина) с „плов".

жества унылой“ на расстоянии нескольких строк рифмы: „*слез — роз*“ и „*небес — слез*“.

Довольно консервативными мы остаемся в произношении некоторых слов книжного происхождения, вероятно, непосредственно не восходящих к старославянскому: ср. *учебный, врачебный, душевный, плачевный*. Правда, акад. А. И. Соболевский (Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук, XXVIII, стр. 398) толкует их как правильные русские формы перед былым **ьн** (стар. *тьмьный*), но широкое распространение произношения *тёмный* (ср. еще, напр., народн. *неуёмный*) и книжный характер приведенных им примеров не позволяют считать его мнение бесспорным.

Сказанное об **е** в словах, заимствованных из церковнославянского, относится к заимствованиям из других языков: *пекарь, опека*[1], *конверт* (кан$\overset{ь}{\text{в}}$эрт), *газета* (га$\overset{ь}{\text{з}}$этә), *рента* ($\overset{ь}{\text{р}}$энтә), *лента* ($\overset{ь}{\text{л}}$энтә), *момент* (ма$\overset{ь}{\text{м}}$энтә), *пресса* (п$\overset{ь}{\text{р}}$эсә), *секция* ($\overset{ь}{\text{с}}$экцыйә), *тема* ($\overset{ь}{\text{т}}$эмә), *проблема* (праб$\overset{ь}{\text{л}}$эмә), *метр* ($\overset{ь}{\text{м}}$этр), *спектр* (с$\overset{ь}{\text{п}}$эктр) и под.

Наряду с отмеченными особенностями фонетического происхождения или объясняемыми заимствованием мы найдем известное количество случаев, обязанных действию смысловых ассоциаций и производящих впечатление отклонений от общих фонетических законов. Таковы:

1. Переход **е** в **ё (о)** перед мягким согласным в дательном и местном падеже ед. ч., оканчивающемся на **е**: *омёла* и так же *омёле* (вместо фонетического „омеле“), *обжора (обжоре), берёза (берёзе), подоплёка (подоплёке)*. Ясно, что фонетические формы утрачены под влиянием остальных форм склонения, где **е** находилось перед твердым согласным.

2. Другой тип выравнивания имел место в творительном падеже ед. ч. женского склонения на **я**: под влиянием „стороною“, „рекою“ и под. вместо ожидаемого „землею“, „свечею“, „вожжею“ имеем *землёю, свечою, вожжою*. Ср. фонетические формы *моею, твоею*.

3. Под влиянием „несёт“, „несём“ и под. вместо фонетических „несете“, „плетете“, „рвете“ явились и получили в литературном языке исключительное господство — *несёте, плетёте, рвёте*. Под влиянием „тёр“, „тёрла“, „тёрло“ и во мн. ч. имеем „*тёрли*“.

---

[1] Польск. Ср. и *невод* — повидимому, финское слово.

4. Иногда ё(о) проникало в близко родственные слова: *тётя* — под влиянием *тётка*, *горшочек* — под влиянием *горшок*, *мешочек* — под влиянием *мешок*, *околёсица* — под влиянием *околёсная* (ср. „понес околесную“) и под.

5. Под влиянием *дёрнуть* явилось нефонетическое *дёргать*. Новое литературное *подчёркивать* (ср. параллельное *подчеркивать*) могло возникнуть по аналогии с *отдёргивать* и под.

Ряд ученых принимает для к о н е ч н о г о **е** двоякий переход его в севернорусских говорах: в одних, по их утверждению, **е** переходило в **я**, в других — в **ё** (и то и другое одинаково в ударяемом и неударяемом положении). К первым, по их мнению, восходят *меня, тебя, себя*, др.-русск. 1 л. мн. ч. *есмя*, формы типа *колья, зубья, деревья*, а также др.-русск. *крестьяня, бояря*; ко вторым — *бельё, жильё* и под.

Вопрос, однако, о рефлексе **е** > **я** (**а** с предшествующей мягкостью) и сейчас нельзя считать решенным. К трудностям, смущавшим еще Ягича („Критические заметки по истории русского языка“) скорее, думаю, можно прибавить новые, нежели устранить уже названные.

Укажем важнейшие:

1. *Меня, тебя, себя* — явление обще-севернорусское, тогда как переход **е**>**я** принимается только для части севернорусских говоров. Уже Ягич догадывался о том, что изменение *мене, тебе, себе* в *меня, тебя, себя* — явление, все-таки связанное с действием аналогии: „Тут, мне кажется, — писал он, стр. 49—50, — втихомолку влияла аналогия не исчезнувшего сразу винительного падежа „мѧ, тѧ“. Ср. особенно -сѧ.

2. *Есмя* (1 л. мн. ч.) существует в памятниках не только наряду с *естя* (2 л. мн. ч.), которое может быть результатом его влияния, но и не менее часто наряду с *есте*, а это было бы совершенно непонятно при наличии фонетической причины. Что касается *есмя*, то если это действительно живая русская форма, она, теоретически рассуждая, может быть архаизмом с окончанием, параллельным греч. окончанию 1 л. мн. ч. *-men* (-μεν). Скорее, однако, это только пересадка болгаризма, такая же, как и 1 л. ед. ч. *есмь*, с передачей по слуху болгарского произношения.

3. Др.-русск. *крестьяня, бояря* и под. — из *крестьяне, бояре*; *татаровя, бусурмановя* — из *татарове, бусурманове*. Эти формы появляются в памятниках с конца XV века, но характерно, что их недавнее распространение в диалектах было неодинаково: **аня, яня, яря** и под. относились (относятся) едва ли не

исключительно к средне-великорусским и южнорусским говорам, а редкие **-овя** — к севернорусским. В первых можно подозревать или узкий фонетический закон, вероятно, только южнорусский,—„переход неударяемого **е** в **я** за ударяемыми **а, я**“, или влияние образований на **-ья** типа *братья, друзья* (первоначально собирательных, засвидетельствованных издавна); в *татаровя* и т. п. (ср. и параллельное *татаровья*) — скорее всего — влияние *сыновья* и под.[1] Не исключена также возможность, что формы на **-аня, -яня, -аря, -яря, -овя** вошли в старую письменность как контаминации прежних на **-ане, -аре, -ове** и новых на **-ана, -ара, -ова** и под. Широко представленные в севернорусских диалектах, последние вряд ли, хотя и не отражены в древнерусских памятниках, уступают по древности формам на **-аня** и т. д.; есть даже основания думать, что они древнее их (ср. Морф., § 9)[2].

4. Против принимаемого Шахматовым и др. фонетического закона **о / е > я** говорят: формы 2 л. мн. ч. изъявительного и повелительного на **-те**, формы сравнительной степени на **-ѣе, -ае**, такие одиноко стоящие случаи, как *четыре, двое, трое* и под., факты, которые слишком трудно объяснить как нефонетические.

§ 6. Аканье и иканье.

Под московским аканьем в узком смысле термина разумеется явление перехода **о** непосредственно перед ударением в **а**, а в других положениях неударяемости — в редуцированный звук ряда **а**, производящий на слух впечатление звука, близкого к **ы** (ә): *парок* (поро́г), *важу* (вожу́), но *кәласок* (колосо́к), *гәласок* (голосо́к), *высокә* (высо́ко), *тихә* (ти́хо) и под.

Первые немногочисленные случаи аканья (спорные) отмечаются (Соболевским) в списанном в Москве с украинского оригинала Сийском ев. 1339 г. Из них наибольшее доверие внушает „въ апустѣвшии земли“ в записи к нему. Случаи вполне надежные,

---

[1] Как аналогию отметим, что в чешском тоже именно тип на ané, ové и под. с долготой подобного конечного **е** позднейшего происхождения: Moravané, Pražané, národové, stavové — дает повод к догадке о влиянии типа с окончанием **-ьje** и что в словацком вся совокупность относящихся сюда фактов очень напоминает русские отношения: Slovania, Turčania, dedinčania, panovia, kmotrovia „кумовья“, synovia под влиянием bratia, zatia.

[2] Что касается происхождения форм типа *крестьяна, бояра, сватова* (ср. и литер. *хозяева*), то это продукты влияния собирательных (см. Морф. § 4). Ср. с первым — *господин — господа*, со *сватова* и под. — *татарва* (литер. *листва, плотва*).

не оставляющие сомнения в своей природе, относятся к Московскому Ев. 1393 г.: прикаснуся, прадающимъ и под., и ряду памятников более поздних. Косвенные указания на аканье извлекаются и из „духовных“ московских великих князей, в которых собственные имена, не имевшие опоры в церковнославянской традиции, обнаруживают или колебание **о — а**, или **о** против этимологии; ср.: *Брошевую* (назв. деревни) в духовной Ивана Калиты, но *Брашевая* в духовных вел. кн. Ивана Ивановича, Дмитрия Донского и Василия Дмитриевича; *Шагатью* (тв. ед.) и рядом *Шаготью* во второй духовной Дмитрия Донского.

Одновременно с аканьем, как переходом **о** в **а**, и в говорах и в памятниках выступает переход неударяемых **е**, **ѣ**, **я** в **и**: уповаите вм. уповаете, имати вм. имате, радости вашия вм. вашея (Сийск. Ев.), послушаите вм. послушаете, бесѣдуить вм. бесѣдуеть, всия земля (род. ед.) вм. всея и под. (Паремейник 1378 г.).

В говорах широко представлено еще **яканье** — переход неударяемого **е** в **а** с мягкостью предшествующего согласного: *нясу, вяду, сяло, вясло* и под. Якающие говоры в истории литературного языка заметной роли не сыграли, хотя отражения яканья в письменности (напр., в грамотах) относительно нередки. И иканье и яканье в южнорусских говорах и говорах белорусских представлены значительно различающимися типами, но московской письменности, отражающей говор с последовательным иканьем в слоге, непосредственно предшествующем ударению, и эти вариации, вообще говоря, чужды. Что касается различия в характере неударяемого **е**, отмечаемого (Д. Ушаков) еще для начала двадцатого века в качестве приметы двух поколений (старшее произносило $\overset{\text{и}}{\text{е}}$, т. е. как закрытое **е**, близкое к **и**, младшее — чистое **и**), то этот факт можно толковать как свидетельство, что московское **е** в таком положении вполне в звук **и** перешло только в самое последнее время и что **и** памятников передает в подобных случаях только акустическое впечатление писцов. Меньше имело бы за себя предположение длительного влияния графики.

Проникновение аканья в письменность, несмотря на традиционность этимологического правописания, сказалось в том, что в дальнейшем установились некоторые неэтимологические написания (главным образом в словах этимологически изолированных и заимствованных):

Барсук — вм. др.-р. *борсукъ*; ср. пол. borsuk, укр. *борсук* из тюркск. barsuk.

Бразды „возжи" (ср. *бразды правления,* выражение, бывшее в употреблении в царской России в торжественном языке и сделавшееся ироническим уже в средине XIX века): ст.-сл. *бръзда,* в Погод. Прол. XIV в.: брозды въ уста вложеше. Еще Ломоносов пишет (о коне Елисаветы): Крутит главой, звучит броздами, И топчет бурными ногами, Прекрасной всадницей гордясь (Ода 27 авг. 1750 г.).

Завтрак вм. др.-р. *заутрок* из *заутрькъ*; ср. пол. zajutrek, род. zajutrka (-е- в польском из ъ).

Заря; ср.: *зóрю,* укр. *зоря,* пол. zorza и под.

Кавычки вм. *ковычки* (изредка пишут и так); ср. *заковыка.*

Калач, при *колач,* ср. сев.-русск. *колач* и параллельные факты в других славянских языках. Родственно со словом *коло* „круг" (ср. *колесо*).

Каракатица вм. *корокатица* (корень *корок*; ср. болг. *крака* „ноги"). *Корокатица* было рекомендовано как правильная форма Гротом.

На карачках и *на корачках*; ср. серб. корак „шаг".

Карман; ср. др.-пол. korman — род верхней одежды, из тюрк. karman.

Касатка вм. *косатка*; ср. *коса.*

Качан, при *кочан*; ср. *кочень,* др.-русск. *кочанъ* „membrum virile", серб. *кочань* и под.

Крапива, при *кропива,* ср. укр. *кропива.* И то и другое из „коприва" (ст.-сл. *коприва,* болг. *коприва* и т. д.).

Лапта; ср. чеш. lopta, хорв. lopta.

Лапша; ср. укр. *локша,* русск. диал. *локша* и *лохша* из тюрк. lakša.

Палаты вм. *полаты* — ср. ст.-сл. *полата,* вероятно, из лат. мн. ч. palatia. Возможно, что с этим словом в родстве и *палач*[1].

Паром, при *пором,* укр. *порон,* др.-р. *поромъ*; как указывают чешск. prám, пол. prom, — форма с полногласием.

Работа вм. *робота*; ср. сев.-русск. *робота,* укр. *робота* и под.

Ракита вм. *рокита* (из древнейшего orkyta с циркумфлексовым or: укр. *рокита,* чешск. rokyta).

Расти вм. *рости*; ср. *вырос, рост* и под.

Славяне вм. *словяне*; др.-русск. *словѣне*[2].

---

[1] Н. М. Каринский. За историзм в науке о языке. „Революция и язык" № 1, 1931, стр. 36 — 38.

[2] Этимология имени спорна. Наиболее правдоподобно толкование (Розвадовского) — от названия реки Slova. Суффикс *-ѣн* (*-ин*) указывает на „житель, обитатель" и под.

Стакан из *дъстъканъ*; ср. *достоканъ* (Дух. в. кн. Ивана Ивановича); пять достоканцевъ да рюмка, стеклянные (Дело Ник., № 105), но там же: дюжина стакановъ; четыре чашки да пять стакановъ среднихъ. Сев.-русск. *стокан.*

Тараторить; ср. чешск. trátořiti, указывающее на полногласие в русском, т. е. *тороторить.*

Тарахтеть — укр. *торохтіти.*

Тароватый, при *тороватый*; ср. диал. *тóрово* — „щедро".

Сюда же, вероятно, следует отнести и **забота** вм. „зобота"; ср.: др.-русск. *зоблю, зобати* „ем" и диал. сев.-русск. „не зоблись обо мне" — не заботься.

В собственных именах: **Авдотья, Алена** вм. древних *Овдотья, Олена*; **Вазуза, Масальск** вм. древних *Возуза, Мосальск.*

Некоторые слова, заимствованные из тюркских языков, издавна, вероятно, колебались в произношении и писались двояко: **баранъ — боранъ, казакъ — козакъ**; ср. и **камыш** при укр. **комиш.**

К аканью восходит в своих основах (вопреки утверждению Соболевского, [4], стр. 83) и диалектное явление замены старинного **а** под ударением новым **о** в настоящем времени глаголов: *плотит, дорит, содит* и под.; ср.: *платит, дарит, садит* и под. Здесь мы имеем расширенные аналогией отношения типа „нашý" (пишется *ношу*): *нóсит.* В литературном произношении узаконено (со времени Грота) „плотит" (еще Буслаев считал его относящимся к „просторечию") и „пасодит" (Шахм.). Все глаголы, в которых мы наблюдаем эту замену, раньше имели ударение на примете **и**: ср. укр. (диал.) платúть (3 л. ед. ч.), словин. platí и под., русск. же *дарúт, садúтся* и т. д., и соответствующее изменение гласного стоит в связи с аналогическим же изменением места старого ударения. Соответствующие факты в севернорусских говорах (окающих), по всей вероятности, как и само новое в них место ударения, занесены из южнорусского наречия. Вм. старинного **а** нефонетически **о** внесено в слово **ласковый** (ср. укр. *ласкавий*) — влияние суффикса **-ов(ый).**

В склонении узаконенной в литературном языке считается замена этимологического **а** аналогическим **о** только в слове *каймá : кóймы* (вм. *каймы*).

Отражение произношения **я** как **е** (далее — **и**) имеем, напр., в написаниях: *ветчина* из *вядчина* „вяленое, копченое мясо", *десна* из „дясна", так в др.-русск. (XIV — XV в.); ср. укр. *ясна*, пол. dziąsło; под влиянием отношений „*веснá : вёсны*" и под. возникло и *дёсны*; *ресница* (раньше писали так же неправильно *рѣсница*; др.-русск. рясница, ст.-сл. рѧсьница, пол. rzęsa „се-

режка у растения“); *тетива* (ст.-сл. тѧтива, укр. тятива, пол. cięciwa); *ястреб* (др.-русск. ястрябъ, Русск. Пр. по сп. около 1282 г. и др., пол. jastrząb).

В отдельных словах **е** вм. **я** своим проникновением обязано еще влиянию схожих суффиксов: др.-русск. Вороняжь (Лавр. сп. лет.) — нынешнее *Воронеж* (ср. суффикс **-еж-**), *колодязь* > *колодезь* и *колодец* (ср. суффикс **-ец**, род. п. **-ц**(а) из **-ьць, -ьца**). Слово *заяц* (ст.-сл. заѩць, пол. zając), сколько можно судить по укр. *заяць — зайця* и севернорусск. *заяц — зайца*, подвергалось влиянию суффикса **-ьць, -ьца** в косвенных падежах, может быть, и независимо от перехода **я** > **е**. Формы типа „заець, заицы“ засвидетельствованы: первая — с XV в., вторая — с XVI.

Как результат приравнения к „**я** > **е** (**и**) без ударения — **е** (**ё**) под ударением“ явились неэтимологические **е** (**ё**) в случаях *запречь, запрёг* вм. *запрячь, запряг, потрёс* вм. *потряс* (ср. у Пушкина: „кобылку бурую запречь“ и рифма — „печь“; у Державина: „Магомета ты потрес“, рифма „Росс“)[1].

В *метель — мятель* разница написаний стоит в связи с различием этимологии: первое связывается с *мёту*, второе — со старинным *мяту* (ср. *мятущаяся душа, сумятица* и под.).

§ 7. Чередования гласных.

Унаследованные чередования гласных русского языка, т. е. отношения гласных, которые встречаются в родственных словах или формах, свое осмысление в большинстве получают даже не в древнейшей славянской, а более древней системе гласных индо-европейских языков.

Самое распространенное в индо-европейских языках чередование — так называемое к а ч е с т в е н н о е (чередование **е** и **о**) — признанного объяснения не имеет. Зато в основном ясны другие чередования — к о л и ч е с т в е н н ы е (чередования краткости и долготы). Приняв во внимание, что индо-евр. долгое **е** рефлектируется в древнейшем славянском, и соответственно в старославянском, как **ѣ**, а долгое **о** как **а**[2], получаем ряд **е : о : ѣ : а**,

---

[1] Но в *лежу—лягу, сел—сяду* сохранена старина: ст.-сл. *лежѫ — лѧгъ, сѣлъ — сѧдѫ*. В формах лѧгѫ, сѧдѫ новый гласный в корне явился из сочетания старых **е** с так называемым инфиксальным (вставным) **n** (**н**), выполнявшим морфологическую функцию. Последний хорошо засвидетельствован в санскрите, латыни и др. индо-европейских языках.

[2] *ѣ* в старославянском письме — знак особого звука. Этому звуку в других языках соответствуют определенные рефлексы: в литературном русском под ударением **е**, в украинском — **і** и под. Примеры рефлексации индо-евр. $\bar{e}$

засвидетельствованный или полностью: ст.-слав. *текѫ*: *токъ*: *истѣкати*: *растачати* („расточать“ — собственно „разливать“), или частично: *скочити*:*скакати*, *лѣзти*:*лазити*, *рѣзати*:*разити*, *сѣсти*:*садити*. В русском, подставляя соответствующие рефлексы, имеем: др.-р. *теку* (совр. произношение „тику“): *ток*:*истекать* (произносится „истикат“); *вскочить* (произносится „фскачит“):*скакать*, *лезть*:*лазить* и под.

Другой тип отношений объясняется для древнейшего славянского, и вместе с тем для русского, старой системой чередований дифтонгов: как позволяет отчетливо различить еще, напр., древнегреческий, дифтонги (т. е. сочетания типа *ai*, *oi*, *ei*, *āi*, *ōi*, *ēi*), кроме качественного чередования, чередовались еще со второй своей частью, выступавшей в долготном или краткостном виде, т. е. исходные отношения представляются в виде: 1) **oi**:**ei**:**ī**:**i**, 2) **ou**:**eu**:**ū**:**u**. Подставляя рефлексы соответствующих звуков[1], получаем для древнейшего славянского в положении перед согласным (эти отношения вполне сохранены в старославянском): 1) **ѣ**:**и**:**и**:**ь**, 2) **у**:**ю** (**у** со смягчением предшествующего согласного):**ы**:**ъ**.

(долгого е) в виде ѣ: лат. vērus „истинный“, готск. tuz-wērjan „быть недоверчивым“ — *вѣра* (русск. *вера*, укр. *віра*); лат. sēmen „семя“, литовск. sémens „льняное семя“ — *сѣмѧ* (русск. *семя*, укр. *сім'я*).

[1] Примеры рефлексации +ō — древнейшего слав.* ā: греч. ζωστός „подпоясанный“, литовск. júostas „подпоясанный“, ст.-слав. по-ясъ; греч. δῶρον, ст.-слав. *даръ*; греч. γι-γνώ-σκω „знаю“, лат. (g) nō-sco, ст.-сл. *зна-ти*.

Рефлексы: +oi — древнейш. слав. *ѣ: греч. λοιπός „остальной“ — ст.-сл. *отълѣкъ* „остаток“; греч. οἶδα из „uoida“ — ст.-сл. *вѣдѣ* „я знаю“; +ei — древнейш. сл. *ī: греч. στείχω „ступаю“ — ст.-сл. стигати „достигать“; литовск. šeirỹs „вдовец“ — ст.-сл. *сиръ*.

Рефлекс +ī — древнейшее слав. *ī: др.-инд. grīvā „затылок“, латыш. grīvis „высокая трава“ — ст.-сл. *грива*; греч. ἰλύς „ил“ — ст.-сл. *илъ*.

Рефлекс +i — древнейший слав. звук *ь: литовск. švitėti „блестеть“, др.-инд. çvitrás „белый“ — ст.-сл. *свьтѣли*; греч. πίναξ „балка, доска“, др.-инд. pinakam „ствол“ — ст.-сл. *пьнь*.

Рефлекс +ou — древнейш. слав. *ū: греч. ταῦρος „бык“, лат. taurus, ст.-слав. *туръ*; +eu — древнейш. слав. 'ū (u со смягчением предшествующего согласного): греч πεύθομαι „узнаю, осведомляюсь“ — ст.-сл. — блюдѫ „стерегу, блюду“; греч. ἀ-κεύ-ω — ст.-сл. чу-ти.

+ū — древнейш. слав. ȳ (ы): др.-инд. mūš „мышь“, греч. μῦς, лат. mūs — ст.-слав. *мышь*; др.-инд. sūnuš, литовск. sūnùs — ст.-сл. *сынъ*.

+u — древнейш. сл. звук *ъ: лит. budrùs „бодрый“ — ст.-сл. *бъдръ*; лат. mus-cus „мох“ — ст.-сл. *мъхъ*.

Примеры: 1. Ст.-сл. *свѣтъ* : *свитати* „рассветать“: *свьтѣти* „светить“.

2. Ст.-сл. *боудити* (будити): *блюсти* : *въз-быдати* „просыпаться“ : *бъдѣти* „бодрствовать“.

Первоначальные дифтонгические сочетания **om, on, ol, or**, т. е. сочетания **o** с сонорными, в основном входили в подобные же чередования „**em, en, el, er**: вторая часть их“, которая становилась слогообразующей — **m̥, n̥, l̥, r̥** и в древнейшем славянском отражалась в положении перед гласными или в виде **ъm, ъn, ъl, ъr** в качестве продукта редукции **o** (сокращения, сопровождавшегося качественным изменением), или в виде **ьm, ьn, ьl, ьr** — в качестве продукта редукции **e**.

Перед согласными **om, on, em, en, ъm, ъn, ьm, ьn** превратились в носовые гласные: **ǫ** из тех, которые в первой части имели **o, ъ**, и **ę** — из тех, которые в первой части имели **e, ь**. Таким образом, древнейшие чередования этого типа выступали на славянской почве в виде:

I. **он (ом):ен (ем):ън (ъм):ьн (ьм):ѫ:ѧ**.

II. **ол:ел:ъл:ьл**

ор:ер:ър:ьр

Переводя эти древнейшие отношения на русские рефлексы, получаем:

I. **он (ом):ен (ем):ън (ъм):ьн (ьм)** — перед гласными,

у:я (а со смягчением предшествующего согласного) — перед согласными.

II. **ол:ел:ъл:ьл** — перед гласными,

оло:ъл — перед согласными,

ор:ер:ър:ьр — перед гласными,

оро:ере:ър:ьр — перед согласными.

Из них наиболее редки **ъм, ън, ъл, ър.**

Иллюстрируют эти чередования такие примеры (следует иметь в виду при этом, что обычно один и тот же корень бывает представлен только отдельными — не всеми возможными — рефлексами):

I. *Искони*; *коньць*[1] — *начѧти* из (*na-ken-ti), русск. *начать* — *начьнѫ*, русск., с выпадением **ь**, *начну*. *Жьнѫ*, русск. *жну* — *жѧти*, русск. *жать*; *жьмѫ*, русск. *жму* — *жѧти*, русск.

---

[1] Значения „начало“ и „конец“ во многих языках восходят к тому же корню: ср. серб. *начети* „начать“ и *дочети* „окончить“. Об этих семантических отношениях см. Н. Марр, К семантической палеонтологии в языках неяфетических систем. Изв. ГАИМК, т. VII, вып. 7—8.

жать. Възѧти, русск. *взять — възьмѫ*, русск. *возьму. Надъменный*, русск. из церк.-слав. *надменный* (первоначальное значение — „надутый“) — *надѫти сѧ*, русск. *надуться. Гонити*, русск. *гонять — женѫ — гънати*, русск. с выпадением **ъ**, *гнать. Трѫсъ*, др.-русск. *трус* („землетрясение“) — *трѧсти*, русск. *трясти.*

Русск. *помол — молоть — мелю* (ст.-сл. *помолъ — млѣти — мелı-ѫ*). *Полоз* — др.-русск. *пълзти* (ст.-сл. *плазъ — плѣзати — плъзти*). *Воротить — веретено* — др.-русск. *вьртѣти* (ст.-сл. *вратити — врѣтено — врьтѣти*). *Раздор* — др.-русск. *дьрати*, русск. *драть — деру* (ст.-сл. *раздоръ — дьрати — дерѫ*). *Середа* — др.-русск. *сьрдьце*, русск. *сердце* (ст.-сл. *срѣда — срьдьце*).

Колоть — русск. *клык* (из **кълыкъ*) (ст.-сл. *клати — кълыкъ*).

В случаях удлинения гласного в морфологических целях — возникают чередования **ь — и** (**т. е.** $^{+}\text{i} : {}^{+}\bar{\text{i}}$) и **ъ — ы** (**т. е.** $^{+}\text{u} : {}^{+}\bar{\text{u}}$); ср. ст.-сл. *начьнѫ — начинати*, русск. *начну — начинать*, ст.-сл. *бьрати — забирати*, русск. *брать — забирать*; ст.-сл. *ръвати*, русск. *рвать — разрывать.*

§ 8. Замечания о некоторых мелких явлениях в области гласных.

1. В соответствии диал. *робёнок* и др.-русск. *робя, робенъкъ* (уменьшительное от *робъ* „раб“; к семантике ср. чешск. otrok „раб“) литературный язык имеет *ребёнок.* Фонетический ли это факт, сказать определенно трудно. Единственная параллель подобной ассимиляции — *теперь* из *топерь* (ср. др.-русск., Лавр. спис. лет. — топьрьво). Как бы ни объяснять последний случай (*теперво* засвидетельствовано уже в Прологе XIII в.)[1], по поводу первого возможна догадка о нефонетическом влиянии слова *жеребёнок.*

2. Русские говоры, наряду с этимологическим **ри**, знают переход его в **ры**: *грыб, скрыпка* и под. Видимо, из таких именно говоров в литературный язык попало вместо старинного *крило* (ср. ст.-сл. *крило*, пол. skrzydło со смягчением r>rz) нынешнее *крыло.* Так уже в старинном языке; ср., напр.: исполнь крылѣ львовыхъ ногтей (Сказ. о Псковск. взят., 12). Другие слова с подобным переходом в литературном языке не удержались; напр.: Уже бо скрыпѣли телѣги (Задонщ., 10). Ср. еще у Державина, напр.: Рев ветров, скрып дерев дебелых (Водопад), у Пушкина: И ревом скрыпок заглушен... (Евг. Онег.), и др.

---

[1] В одних эта черта проведена последовательно, в других — в отдельных словах, причем условия изменения точно не установлены (ср. Изв. Отд. русск. яз. и слов, XXXII (1927), стр. 325.

Что касается частого в др.-русском (и диалектного теперь) *товарыщ* при *товарищ*: И нововыборный, Иван Гаврилов сын Ярыжкин, и съ товарищи, поклонится государю до земли (Урядн., 19, и под.). И те сторожи, Обрамко Иванов с товарыщи, сказали... (Пам. Смутн. врем., 185). Стоял он на карауле с товарыщи (Дело Ник., № 36). А с товарыщи, целовальники и сторожи... (Котош., 93), то тут скорее следует думать о влиянии суффикса **ыш** (**щ** произносилось здесь как **ш**), чем о фонетическом диалектном отвердении **р**.

3. Русское **серебро** не представляет собою отражения полногласия; ср. ст.-сл. сърebро (сьребро). На вариант *сърѣбро, сьрѣбро* указывают укр. *срібло* (древне-укр. *срѣбро*), чешск. stříbro. Возможно предположительное объяснение **ере** в этом слове как результата влияния на необычную группу многочисленных полногласных форм. Относительно этимологии слова см. Преображенский, Этимол. слов русск. яз., II, стр. 278—279.

§ 9. Отношения согласных.

Ряд различий в согласных, которые мы встречаем в родственных русских словах и формах, представляет факты уже древнейшего славянского языка. Чередования **к** и **ч** определяются древнейшим законом перехода **к** в **ч** перед гласными переднего ряда (палатальными): *наука*: *учить, волк*: *волчий*. Чередование **к** (**ч**) и **ц** восходит к двум разным законам: а) переходу **к** в **ц** перед **ѣ** или **и** (последнее только в конечных слогах) из $^{+}$o͡i, $^{+}$a͡i: др.-русск. местн. пад. ед. ч. *вълцѣ*, имен. пад. мн. ч. *вълци* (ср. греч. οἴκοι „до́ма", οἶκοι[1] „дома́") или б) переходу **к** в **ц** после гласных переднего ряда, если за ним не следовало гласных звуков **ъ, ы** или согласных: *лик*: *лицо*, др.-русск. *овьця*: *овьчий* (ср. др.-инд. avikā).

Параллельно этим выступают чередования **г—ж**: *друг*: *дружина*, др.-русск. *дружьба*; *лгать*: *ложь*; **г—з** (из **дз**): *луг*: др.-русск. местн. пад. ед. ч. *лузѣ*, им. мн. *лузи*; *друг*: др.-русск. местн. пад. ед. ч. *друзѣ*, им. мн. *друзи*; *княгиня* (из кънѧгыни): *князь*; **х—ш**: *слух*: *слышишь, ухо*: *уши*; **х—с**: др.-русск. *послухъ* „свидетель": местн. пад. ед. *послусѣ*, им. п. мн. ч. *послуси*; др.-русск. *духъ*: местн. п. ед. ч. *дусѣ*, им. п. мн. ч. *дуси* и под.

---

[1] Различие интонации начального слога здесь указывает, соответственно законам др.-греческого языка, на разный характер количества (долготы) конечного.

§ 10. Роль древнейшего славянского j (i̯).

Под влиянием последующего j (i̯) уже в древнейшем славянском произошел ряд изменений согласных. Частично эти изменения до сих пор определяют характер живых чередований русского языка. Сюда относятся:

1. Изменения **к, г, х** в **ч, ж, ш**: *токарь — точу, точишь*; *мокнуть—мочу, мочишь*; *логовище — положу, положишь*; *друг — дружу, дружишь*; (на)*спех — спешу, спешишь*; *сухой — сушу, сушишь*, т. е. *точу, мочу, положу, дружу, спешу, сушу* из древнейш. слав. *tokjǫ, *mokjǫ, *logjǫ, *drugjǫ, *spěchjǫ; ср. i как примету класса во 2 л. ед. ч. и далее. Соответственно: *плачу* из *plakjǫ, *колышу* из *kolychjǫ и под.

2. **с, з** — в **ш, ж**: *писать — пишу, опоясать — опояшу, вязать— вяжу, грузить — гружу*. Древнейш. слав. формы: *pisjǫ, *vęzjǫ и под.

3. **р, л, н** — в **р, л, н** мягкие: *говорю, творю, солю, пилю, женю* (ср. *говоришь, творишь* и под.) — древнейш. слав.: *govorjǫ, *tvorjǫ, *soljǫ и под.

4. Изменения групы **т + й, д + й** (tj, dj) относятся тоже к древнейшему славянскому языку, но рефлексация их в отдельных славянских языках разная. В русском **т + й** дало **ч**, **д + й — ж**: *свечу — светишь, плачу — платишь, хочу — хотеть, брожу — бродишь, гляжу — глядишь*.

5. В существенном эти же замечания относятся к группам **ск + й, ст + й, зг + й, зд + й**. В литературном русском языке их рефлексы — долгое мягкое **ш (щ)** — из **скй, стй**, долгое мягкое **ж** — из **згй, здй**: *искать — ищу, пустить — пущу, простить — прощу, визг — визжу, ездить — езжу*. (Московское литературное произношение — иь̲шу, виь̲жу и под.).

6. Явлением же древнейшего славянского языка следует считать изменение групп **стр + й, зн + й** и под. (т. е. зубные + зубной сонорный + j), (strj, znj) в **штьр, жньн** (štŕ, žń) и под.

Отражение этого явления представляет книжное (церк.-слав.) *изощренный, изощрю* и под. из *izostrjenъ, *izostrjǫ и под. Продолжение этой самой тенденции имеем в старинных формах, вроде: А в котором числе он кажнен будет, и тыб отом писал к нам, великому государю (Мат. Раз. I, № 4). Стенка Разин и с товарыщи поиманы и смертью кажнены (Дело Ник., № 94). Ср. и укр. *дражню*. В „Юн. чест. зерцале“ (29): „...Их пересмехая, тем дражнят“.

После выпадения **ъ** вновь образовавшаяся группа **сл** перед **ю, є**, перешла тоже в **шл**: *слать*, но **шлю, шлют** из **сълѭ, сълѭтъ** и под. Ср. подобный переход исконного **сл** в книжном слове: Аще и помышлю быти патріархъ... (Дело Ник., № 19). Совр. *мышление, промышлять* и под.

7. Восточно- и южнославянским является смягчение губных в положении перед древнейшим славянским **й** — **j** (i̯) в виде **бл**ь, **вл**ь и т. д.[1]

По аналогии губных, принадлежавших уже древнейшему славянскому языку, это же смягчение распространилось и на звук **ф**, полученный в заимствованных словах; ср.: *люблю, леплю, ловлю, ломлю, графлю* к *любишь, лепишь, ловишь, ломишь, графишь*.

Специальный вопрос представляет отношение **ск** — **ст** в нескольких словах: *блеск — блистать, пускать — пустить, ласка — ластиться* и др.

Повидимому, формы типа ст.-сл. *бльстѣти* — продукты аналогии: этимологическою является группа **ск**: ср. лит. blyškéti; по аналогии отношений **ст** — **щ** при формах вроде *блищати* (ср. словин. bliščati) возникали новые с **ст.** То же самое имеем в *ластиться*. Отправной пункт аналогии сохранен в белор. *прылашчыцца*. Наоборот, при *пускать — пустить* более первоначально **ст**, так как *пустить* представляет собою отыменное образование к *пуст* „пустой". При *пущать*, др.-русском и преобладающем в народном русском, возникло по аналогии отношений **щ** — **ск** новое *пускать* (встречается уже в Новгор. лет. по Синод. списку). Ср. подобным образом возникшее при *пужать* к *пудить* „гнать" нефонетическое, вполне установившееся в литературном языке только с XIX века, *пугать*[2].

Не объяснена бесспорно нынешняя русская форма *перчатка*. В основе слова лежит *перст* „палец" — **пьрст-ятъ-ка* > *перщатка*. Ср. др.-русск.: Рукавицы перщетыя вязеныя, шолкъ шемоханской съ золотомъ (Выходы, под 1675 г.). Рукавицы персщатыя съ кистьми серебряными, низаны по мѣстамъ жемчюгомъ, подложены атласомъ лазоревымъ (Дело Ник., № 105).

---

[1] Полностью ли характеризовал этот переход древнеболгарский язык (в современном он отсутствует вовсе) и не был ли он ограничен специальными условиями, остается до сих пор не вполне решенным.

[2] Б. Ляпунов. Отзыв о сочинении Н. М. Каринского „Язык Пскова и его области в XV веке" (С.-Пб., 1909 г.). Сборн. отчет. о прем. и наград. за 1909 г., 1911, стр. 525—526.

К тому же звуку восходит и известное до сих пор на севере (напр., в псковском наречии) *першатки*[1]. Возможно, что в данном случае имела место позднейшая подстановка русского **ч** вместо **щ**, ощущавшегося как книжное. Ср. *падчерица* вм. „падщерица" (падъщерица).

§ 11. Последствия утраты редуцированных гласных для качества предшествовавших им согласных звуков.

Вследствие отпадения редуцированных гласных предшествовавшие им согласные оказались в абсолютном конце слова. Результаты такого положения сказались в следующих явлениях:

1. Конечные звонкие стали звучать в случаях, если за ними не следовали во фразе звонкие же, как глухие: *бобъ* > *боб* > *боп*; *городъ* > *город* > *горот* и под.

В ближайшей связи с этим стоит появление нового звука **ф**: *домовъ* теперь произносится „дамоф", *улов* — теперь „улоф".

2. Конечные губные отвердевали во всех случаях, где их не поддерживала аналогия других форм: *дамь* изменилось в *дам*, *ѣмь* в *ем*, *возъмь* (твор. пад. ед. ч.) — в *возом*, *рукавъмь* — в *рукавом* и под.

Как свидетельствуют памятники, явление это относительно позднее, значительно более позднее, чем отпадение звука **ь**. В московском говоре оно засвидетельствовано только с XIV века. Показания памятников убеждают, что и те факты, которые мы констатируем теперь, не представляют собою фонетического явления одной эпохи: отвердение губных наступило, как результат своеобразной диссимиляции, раньше после палатальных гласных, чем после гласных велярных, т. е. некоторое время было еще *дамь, возомь*, но уже *ѣмъ* (ем), *конемъ*[2].

В единственной категории, где теперь литературный язык сохраняет конечные мягкие губные — имен.-винит. падеж ед. ч. образца *кровь*, сохранение мягкости — результат влияния других форм парадигмы (*крови*), с одной стороны, и мягкости окончания в этом типе склонения при других согласных (*плеть, грязь*) — с другой.

Выпадение редуцированных сопровождалось такими изменениями согласных:

---

[1] В. Чернышев. Псковское наречие. Труды Комиссии по русскому языку, 1931, т. I, 197 стр.

[2] *ь* и *ъ* в таких написаниях, конечно, уже только знаки мягкости или твердости согласных.

1. Глухие, оказавшись в положении перед звонкими, стали произноситься звонко: *молотьба* стало произноситься с мягким **д**, *косьба* — с мягким **з**, *съдоровъ* — „здароф“ и под.

Древнейшие примеры отражения этой ассимиляции в памятниках встречаются с XIII века. Все они относятся к памятникам севернорусским.

2. Звонкие, оказавшись в положении перед глухими, переходили в глухие: *бъчела* изменилось в пчела, *узъко* изменилось в „уско“, *коробъка* в „коропка (каропкə)“ и под. В памятниках этот переход находит свое отражение несколько позже, чем первый, — с XIV века. Аналогия украинского языка позволяет предполагать, что он и фактически совершался позднее. В связи с ассимиляцией звонких согласных стоит появление звука **ф**: *ковъка* > кофка, *ловъко* > лофкə.

3. Губные и зубные согласные (кроме **л**) отвердевали в положении перед зубными: *ровный* из *ровьн-*, *славный* из *славьн-*, *верный* из *вьрьн-*, *грязный* из *грязьн-*. Отвердели эти же согласные перед **(ь)ск**, **(ь)ств**: *бабский* (из *бабьск-*), *земский* (из *земьск-*), *земство* (из *земьство*), *родство* (из *родьство*), *женский* (из *женьск-*) и под.[1]

4. Согласные, разные в разных диалектах, получили смягчение перед следующими мягкими. Наиболее распространено в таком положении смягчение **с** и **з**: $\overset{ь}{з}\overset{ь}{д}эла\overset{ь}{т}$ (сделать) из „съдѣлати“, $\overset{ь}{с}\overset{ь}{в}э\overset{ь}{с}и\overset{ь}{т}$ (свесить) из „съвѣсити“. Перед **j** (й) смягчались все согласные, способные выступать как мягкие: $о\overset{ь}{б}йа\overset{ь}{в}и\overset{ь}{т}$ (пишется *объявить* или *об'явить*), $ра\overset{ь}{з}йа\overset{ь}{с}\overset{ь}{н}и\overset{ь}{т}$ (пишется *разъяснить* или *раз'яснить*), $\overset{ь}{п}$*йаный* (пьяный).

5. Звук **к** подвергся диссимиляции в **х** в положении перед **к** и **т**: из *мякъко* получилось „мяхко“, из *ногъти* — „нохти“, из *къто* — „хто“. Контаминацию старого *мягок* и форм типа *мяхко*, старого *ноготь* и форм типа *нохти* представляют мяħок и $но\overset{ь}{ħ}от$.

В литературном языке произношение „хто“ уступило место орфографическому *кто* (ср., вероятно, более раннее параллельное изменение **гд** в **ħд** — коħда, тоħда; — группа **гд** существовала уже в ст.-слав.: *къгда, тъгда*).

---

[1] В сев.-русских говорах (отчасти и в других) изменение этих групп совершилось в другом направлении — они отразились в виде **„ськ“**, **„сьво“**: *женьськой, отецесьво.*

6. **ч** перед **т** диссимилировалось в **ш**: *чьто* перешло в „што".

7. С XIV — XV века памятники свидетельствуют переход **чн** в **шн**.

Сохранение в литературном языке **ч** перед **н** находим теперь или в результате действия грамматической аналогии: *начну — начинать, ночной — ночь,* или как факт книжного влияния: *вечно, млечный* (путь) и под.

В нескольких случаях установлению книжных форм могла способствовать и опасность омонимии: ср. *научный, точно* и под.[1]

8. Сочетание **чч** диссимилировалось в **тч**: *кабачьчик* изменилось в *кабатчик, потачьчик* — в *потатчик,* причем подобные формы оказались в дальнейшем, за единичными исключениями, узаконенными в письме.

9. **Щ** перед согласными изменилось в **ш**: „клещьня" (ср. *клещи*) перешло в *клешня* (у рака); из „пещьня" (ср. *пест*) явилось *пешня* „лом для колки льда"; из „пригорщьня" (ср. *горсть,* пригърща — в Жит. Феод. Печ. по сп. XII в.) — *пригоршня*; из „тъщьно" (ср. *тоска*) — *тошно,* из „плющька" — *плюшка,* из „горщька" (род. ед.) — *горшка,* откуда затем, по аналогии подобных форм, — *горшок* (ср. укр. *горщок*), из „плащьмя" (ср. др.-русск. *плащь* „пластинка") — *плашмя.* Заслуживает внимания, что это единственное фонетическое явление в области согласных, вызвавшее последовательную дизэтимологизацию (разрыв старых смысловых связей).

Примечание. *Потчевать* „угощать" восходит к корню „чьсть"; ср.: почщивается, Григ. Богосл. XIV в., потщиваху, кн. Паралипоменон в перев. с лат.; сев.-русск. *потшую.* Видимо, **чщ** давало, подобно **чч**, переходившему в **тч**, — **тщ**. Установление в литературном (народном) языке ч отражает, вероятно, или дальнейшую (не общерусскую) диссимиляцию, или руссификацию этого слова под влиянием сознаваемого отношения „церковнослав. **щ**: русск **ч**" (см. в § 10 о слове „перчатка").

Из случаев выпадения согласных (главным образом — зубных), оказавшихся после выпадения редуцированных гласных в поло-

[1] Вопросу о переходе **чн** в **шн** посвящено специальное исследование С. П. Обнорского — Сочетание **чн** в русском языке, Труды Комиссии по русскому языку Ак. Наук СССР, 1931, стр. 93 — 110. Обнорский думает, что „ударяемость слова на слоге непосредственно за сочетанием **чн** фонетически обеспечивала сохранность ч в данном положении". Мнение это, однако, не подтверждается фактами: если теперь у нас обычно *мучной,* то в рукописях И. А. Крылова было *мушной*; укр. *рушниця* „ружье" указывает на стар. „рушни́й" и под.

жении перед другими согласными, отметим только такие, которые могут представлять затруднения при истолковании:

Берцовый — из „бедрьцовый“.

Гончар из „горнчар“; ср.: у горнчара, в Моск. грамоте до 1460.

Стакан (др.-русск. *дъстъканъ*); *досканец* — из „дъстъканьць“, напр., у Державина, Видение мурзы; на параллелизм форм с дъ и без дъ указывает текст из Дела Ник., № 105: Пять достоканцевъ да рюмка, стекляные и: Дюжина стаканов, Четыре чашки да пять стаканов среднихъ.

Хорь, хорек — из *дъхорь*; ср. укр. тхір, пол. tchórz и под.

Чан. Первичная форма *дъщан* от *дъска.* В грамоте XV в. засвидетельствовано тшанъ (Собол.), в Домострое — во тчанехъ (60), во тщанехъ, тчаны (Собол.). В № 102 „Дела Ник.“ читаем: тщанъ квасной, 2 щана, в № 105 — щанъ елевой тритцать ведръ.

Форма *щан* до сих пор сохраняется в олонецком говоре (Собол.). Повидимому, литературная форма — продукт отвлечения из сочетания *из щана* — „ищчана“ — с осмыслением *из чана.*

Очнуться — ср. диал. *прочхнуться* и *прочухаться* (Собол.).

Специального замечания заслуживает еще группа **бв** > **б**: *объвьртъка* > *обертка, объволочька* > *оболочка.*

Обетшала (Домостр., 58), обетшані (59), обетшалые (Ломон.).

Позже **бв** восстанавливается в результате смысловых ассоциаций: *обветшать, обволакивать* и под.

§ 12. Ассимиляция и диссимиляция согласных; метатеза, гаплология.

1. **Ассимиляция согласных**[1], непосредственно не соприкасающихся, характерна главным образом для случаев забвения этимологии слова. Сюда относятся немногочисленные слова литературного языка: *чечевица* из др.-русск. *сочевица*; *почечуй* — из „потечуй“ (Собол.)[2]; *шершень* — из „сършень“; ст.-слав. *сръшень* (срьшень); ср. и др.-русск. *серша* „оса“, чеш. sršeň, пол. sierszeń и под.; *шершавый* из „сьршавъ“; ср. *сєрхъко* (Mikl. Lex. palaeoslov., 877).

Все примеры, относящиеся к литературному языку, представляют, как видим, ассимиляцию зубных (гл. обр. **с**) последующим шипящим.

---

[1] О диссимиляции гласных см. выше.

[2] Иначе Berneker, Slav. etym. Wörterbuch, II, 118.

Перепелица возводят к „пелепелица“; ср. *Пелепелкинъ* в грамоте конца XV в. и *пелепелка* в песнях начала XVII в., записанных для Рич. Джемса; *пелепелица* (так 3 раза) при *перепелицу* в Сбор. XVII в. Бусл. Хрест., 1409 стр.; но случай этот спорен, потому что почти во всех славянских языках в начале **р**. Об ассимиляции соприкасающихся согласных см. § 11.

2. **Диссимиляция** на расстоянии встречается в литературном языке почти только в заимствованных словах и относится главным образом к случаям с плавными не перед подударным гласным: *верблюд* из ст.-слав. *вельблѫдъ* (древнейший известный восточнославянский пример в Помянн. Киево-печ. лавры XVI в.); *февраль* — из лат. februarius, новогреч. φερβάριος (засвидетельствовано с XIV в. в южнорусск.); *флюгер* — из швед. flögel. Ср. и случай выпадения **р**: — *кочегар* — из „кочергар“.

Только приблизительно можно указать условия диссимиляции в *пожолкнуть, пожолклый* из *жьлт-*. Наиболее правдоподобно, что **т** здесь перешло в **к** в положении между двумя **л** и из формы *пожолклый* уже аналогически было перенесено в инфинитив. Слово *назойливый* (из *на-зольь-ливь-ый) дает основания догадываться о диссимиляции **льль** > **йль**; что касается народн. *гульливый, шальливый* (Грот *шалливый* считал литературным), то в них **л**, видимо, восстановлено ассоциацией с соответствующими глаголами.

Диал. *досточка* из *дъскъчька* возникло диссимиляцией двух **к**.

Шерсть из *сьрсть* (ст.-слав. *срьсть*), вероятно, возникло не диссимиляцией, а в результате влияния *шершавый*[1].

О диссимиляции **кк** и **кт** см. § 11.

3. Немногочисленны в русском литературном языке случаи **метатезы** (перестановки), тоже относящиеся главным образом к заимствованиям. Таковы: *тарелка* — пол. talerz, нем. Teller. Ср.: пять тарелей (Дело Ник., № 105) и торелка, четыре торелки оловяных (там же), но: на талерке, около своей талерки (Юности честн. зерц., 14).

Футляр — пол. futeral, нем. Futteral. Метатеза, особенно частая вообще при плавных, поддержана в данном случае, видимо, влиянием окончания *яр* (адаптированного в ряде заимствованных слов под суффикс).

Канифоль — из итал. colofonia или нем. Kolophonium. Ср. *колофония* у Ломоносова.

[1] Специальная работа о диссимиляции в русском — С. Обнорский. Заметки по русской диалектологии. 3. Slavia, XI, 1932.

Марганец — нем. Manganerz. Метатезе способствовало осмысление конца слова как суффикса (*-ец*), часто сочетавшегося с суффиксальным элементом *-ан-* (*-анец*).

Что касается *крокодил* и *мрамор*, то вероятнее, что они уже заимствованы с перестановкой: ср. греч. κροκόδειλος при средн.- греч. κορκόδειλος; в др.-русск., впрочем, встречается *коркодилъ*; русскому *мрамор* соответствуют греч. μάρμορος, лат. marmor, но форма *мраморъ* была уже в старославянском. „...Ни расцвечена марморами саду" у Кантемира, вероятно, новый латинизм.

Повидимому, с перестановкой же заимствовано из украинского *бондарь* (ср. русск. диал. *бодня* „род бочки", пол. bednarz „бондарь" и под.).

Из русских метатезную форму обнаруживают: *жмурить* из *„мьжурити", *ладонь* из „долонь", *сыворотка* из „сыроватка". (О всех них как явлениях народной этимологии см. в § 13). Ср. еще: *твере́зый* из „терезвый", обычно — *трезвый* (из ст.-слав.); предполагают для этого слова влияние *твёрдый* (характерно в этом отношении псковск. *патверёже* „потверже"), и былинное *гусли яровчатые* из „яворчатые" в результате утраты этимологического понимания слова.

4. К явлениям **гаплологии** (упрощения одинаковых и сходных групп звуков) относятся в литературном языке тоже относительно немногочисленные случаи: *дикобраз* (из „дикообраз"), *радушный* (из „радодушный"), *сиворонок* (из „сивоворонок"), *залихватский* (из „залихохватский"), *пряник* (из „пьпряникъ"; ср. *пьпьрь* из греч. πέπερι „перец"), *курносый* из др.-русск. *корноносый*, ст.-слав. *кръноносъ* (ср. *окорнать* „обрезать").

Слова *минералогия* (собственно „минералология"), *трагикомедия* (ср. „трагико" и „комедия") в гаплологическом виде существовали уже в языках-передатчиках. *Трагикомедия* в таком виде выступает уже у римского комика III — II в. до нашей эры Плавта.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

§ 13. Народная этимология.

Так называемая народная этимология проявилась, можно предполагать, в таких словах, установившихся в качестве литературных:

Близорукий из **близорокий*, в свою очередь восходящего к **близозорокий* (корень тот же, что и в старославянском *зракъ*),

подвергшемуся действию гаплологии; осмыслилось ассоциацией с *рука*.

Веер — нем. Fächer. Как и в чешском vějíř — под влиянием *веять*.

Верстак — нем. Werkstatt. Осмыслилось сближением с *верстать*.

Всклокоченный (наряду со *всклоченный*). В основе слова лежит понятие о клоке, клочьях. Ассоциировалось с чуждым по смыслу *клокотать*.

Гортань вм. гртань „гортань" под влиянием *горло*. Форма *гъртань* засвидетельствована с XIII в.

Жмурить из **мьжурити* (чешск. mžourati) ассоциировалось с *жму* („сжимать веки"). Этот случай, однако, не совсем надежен, так как именно группа *-жьм* широко представлена и в других славянских языках (ср. Преображ., Этим. слов., I, 235).

Крестьянин; первоначальное значение „христианин" ассоциировалось с *крест*. Ср. в древнерусском: А христианом отказыватися из волости... за неделю до Юрьева дня осеннего и неделя после Юрьева дня осеннего (Судебн. 1497 г., 57). А срочные им, хрестьяном, отписывать и безсудные давати неволокитно, а от безсудных им у хрестиан не имати ничего (там же, 36).

Кропива (чаще пишут **крапива**). Южно-и западнославянские языки свидетельствуют о более первоначальном *коприва* (ст.-слав., болг. и др.). Ср. укр. *окрiп*, род. ед. ч. *окропу* „кипяток".

Кустарь. Искажение нем. Künstler „искусник" и под.

Ладонь из *долонь* (ср. др.-русск.: „А папа в то время, как поклонился Яков, долонью благословил", Отч. Я. Молвян.), укр. *долоня*, ст.-слав. *длань*, болг. *длан*, серб. *длан* и т. д. Перестановка в настоящее время общерусская. Решающею была, вероятно, ассоциация с *ладить* (ср. детск. *ладушки*, диал. *ла́донька* и *ладо́нька*). Считают, что перестановка совершилась раньше осмысления (ср. Слов. русс. яз. Акад. Наук, V, I, 1915, стр. 82), но это вряд ли так: судя по материалу этого же словаря (стр. 83), *долонь* в говорах засвидетельствована очень слабо — приводится только вытегор. *лодонь* при *ладонь* — и может быть вторичным фактом.

Муравей вм. „моровей"; ср. ст.-слав. *мравий* и под. Слово осмыслилось ассоциацией с *мурава*.

Оплеуха, вероятно, вм. „оплевуха". Ассоциировалось с *ухо* (Собол.).

Паутина, вм. „паучина“; ср.: диал. *паучина*, укр. (диал.) *павчина* и т. д. Догадка Соболевского о влиянии тут диал. *паут* „овод“, имеющего очень узкое распространение и далекого семантически, не убеждает.

Если доверять параллельному случаю в словинском языке, то можно догадываться скорее о народном сближении с *тина* („вязкая перепутавшаяся трава“); „паучина“ могло в момент такого осмысления представляться имеющим значение „большой паук“.

Противень. Вероятно, искажение нем. Bratpfanne „сковорода“.

Прохвост. Заимствовано с XVII века не непосредственно из нем. Profoss „тюремный унтер-офицер, наблюдающий за арестованными солдатами“, а, повидимому, из голландского или из диалекта, близкого к голландскому, где provoost: „Полковникову профосту, стоварищи и споданными по сту флоринов“. Кн. о ратн. строен. (Смирнов, Сб. Ак. Наук, 88, стр. 247). Ассоциация с „хвост“ чисто внешняя.

Свидетель — ст.-слав. и др.-русск. *съвѣдѣтель.* Изменение произошло в результате очень естественного осмысления через *видеть* вместо *вѣдѣти* „знать“.

Смирный. В др.-русском *съмѣренъ* и *съмиренъ,* ст.-слав. *съмѣрити.* Повидимому, более первоначальные образования от корня „мѣр-а“ в смысле „умерять“ осмыслены ассоциацией с *мир.*

Создам, создаст и под. Корень *зьд-*; ср. *здание,* ст.-слав. *зьдание,* серб. *зидати* „строить“ и под. Слово осмыслилось как „со-с-дать“ и перешло в спряжение по образцу *дать, дам.* Осмысление относится уже к др.-русск. языку: създаде Адама (Тихонрав. — Преобр.).

Сорокоуст „сорокдневная заупокойная церковная служба“ — ср. греч. σαραχοστή „сорокодневие“. Внешняя связь с „уста“. В памятниках встречается рано (ср. Дух. Арт. черн. ок. 1350 г. — Срезн.).

Сыворотка (укр. *сироватка*). Вероятно, из **сыроворотка* через осмысление „свернувшееся молоко“ (сворачиваться) и „сыр“, откуда далее путем гаплологии нынешняя форма.

Шалопай (ср. диалект. *шалопан*). В основе восходит, вероятно, к франц. chenapan „негодяй“. Осмыслилось ассоциацией с *шалить, шалун* [1].

---

[1] Не останавливаясь на народной этимологии в дальнейшем, отметим здесь попутно случаи только семантического порядка. Этимологизировались, не изменив своего внешнего вида, такие, например, заимствования:

III. МОРФОЛОГИЯ.

ИМЯ СУЩЕСТВИТЕЛЬНОЕ.

§ 1. Родительный падеж ед. ч. имен существительных муж. рода на -у.

Совершенно ясно, что окончание род. падежа ед. ч. -у у большин-
ства имен существительных, при которых оно употребляется в
литературном русском языке (всегда наряду с а), проникло
из ъ-основ, т. е. из старого склонения муж. рода, параллельного
о-основам,— из парадигмы: им. ед. *сынъ*, род. *сыну*, дат. *сы-*
нови и т. д. Не случаен поэтому факт, что род. пад. ед. ч. типа
снегу (при *снега*), *духу* (при *духа*), *меду* (при *меда*) образуется
только от имен мужского рода, но неизвестен в литературном
языке, при всей близости парадигм, от имен среднего рода.
С вопросом о влиянии на родительный падеж ед. ч. мужского
склонения ъ-основ связаны однако значительные трудности.
Не вполне ясна причина, почему в ряде славянских языков от-
носительно малочисленная группа ъ-основ[1] образовала, не-
смотря на омоморфему в дательном, для родительного падежа
параллельный ряд с семантической диференциацией сходного
направления. Исчерпывающего разрешения относящихся к этому
вопросу трудностей в науке еще нет, но в пределах русского
языка можно указать на одно обстоятельство, проливающее из-
вестный свет на вопрос об образовании данной морфологиче-
ской категории. Все типические черты ее употребления (только
от неодушевленных и собирательных: *пуху*, *народу*; от на-
званий предметов, употребляющихся по мере и весу при опре-
деленном или неопределенном указании на последние: *воску*,
чаю; от абстрактных: *шуму*, *доходу*; в сочетаниях с предлогами,
близящихся к наречиям: *из лесу*, *с краю*) объединяются в одной
общей: кроме сочетаний наречного типа, род. падеж ед. ч. на
-у образуют только с л о в а, о б ы ч н о н е и м е ю щ и е м н о-
ж е с т в е н н о г о ч и с л а. Можно, таким образом, предпола-

---

Колика из лат. colica „резь в кишках". Ассоциация с „колоть" чисто внешняя.

Пекло из ст.-слав. *пькло* „ад, преисподняя". Корень тот же, что в лат. pix, греч. πίσσα „смола".

Сальный „грязный, циничный". Заимствовано из фр. sale. Ассоциируется с „сало". Ср. и выражения вроде: „В этом анекдоте больше сала, чем остроумия".

[1] Это слова: волъ, верхъ, домъ, медъ, полъ, ледъ и, вероятно, чинъ, санъ, садъ, ядъ, рѧдъ, разъ, солодъ, пиръ, даръ и др.

гать, что утилизация старого семантически не мотивированного параллелизма прошла по линии выделения особой смысловой категории слов, имеющих одно только единственное число. Из вещественных понятий среди **ъ**-основ, вероятно, оказались влиятельными *меду, солоду*[1]. Что касается сочетаний с предлогами, то для них тоже довольно легко указать конкретный путь аналогии: среди старых **ъ**-основ такие, напр., слова, как *домъ, разъ* и *вьрхъ* (ст.-слав. *врьхъ*) в сочетаниях вроде *из дому*[2], *съ разу, съ вьрху* могли рано стать образцом для сочетаний наречного типа. Что касается омоморфемности родительного на **-у** с дательным, то она никакого серьезного значения не имела, так как дательный падеж, не управляемый предлогом, у имен абстрактных, собирательных и под. очень редок в фактическом употреблении.

Влияние **ъ**-основ на **о**-основы в родительном падеже единственного числа датируется в восточнославянских памятниках очень рано (XI веком). В памятниках говоров, определенно легших в основу великорусского языка,— с XIII: отъ лну (Новг. грам. 1265 г.).

§ 2. Предложный и местный падежи един. ч. мужского склонения.

Устранение старых форм местного (предложного) падежа на **зѣ, цѣ, сѣ** от основ, оканчивавшихся на **г, к, х** *(друзѣ, вълцѣ, дусѣ),* шло с древнейшего времени, повидимому, двумя путями: отчасти так же, как в женском склонении на **а**, являлись формы с **г, к, х,** заимствованными из других форм парадигмы, отчасти, как справедливо указывал Шахматов, потребность освободиться от форм с **з, ц** и **с** открывала больше, чем в других случаях, дорогу замене их формами на **у** из **ъ(у)**-основ. Ср. в Новгор. Прологе 1262 г.— в торгу, в Русск. Правде по списку ок. 1282 г.—на търгу, в договоре Новгорода с тверским князем 1265 г.— на Торожку и под.

Форма на **у** с ударением на нем, отвечающая на вопрос *где?*

---

[1] К значению в древней Руси культуры меда ср. хотя бы „Русск. Правду"— статьи „о бърти" и „рѣзѣ" (процентах). Из древнейших примеров распространения влияния *меду* и *солоду* особенно интересны: отъ воску, отъ хмѣлю в полоцкой грамоте ок. 1331 г. Подробнее в статье „Розвідки в ділянці граматичної аналогії в слов'янських мовах". „Мовознавство", № 8, 1936, стр. 49 и дал.

[2] Как остаток старины, и простое *дому* употребляется еще, напр., Ломоносовым (Обнорск., I, 117) и Карамзиным (Бусл.[2] I, § 96).

(местный падеж)[1], представляет приобретение, вероятно, уже
эпохи русского языка, предшествующей памятникам. Это окон-
чание усвоено словами, допускающими его из основ на **ъ (у)**,
причем первоначально, как установил Кульбакин, главным об-
разом теми, которые имели так называемую циркумфлексовую
(долгую нисходящую) интонацию или рефлекс краткости в под-
ударном гласном корне[2]. Последнее обстоятельство, повиди-
мому, следует поставить в связь с тем, что основы на **ъ (у)**, от
которых шла индукция, почти сплошь принадлежали именно к
такому интонационному типу. Другая особенность — принад-
лежность окончания **у** только „неодушевленным“ — объясняется,
во-первых, малой употребительностью у „одушевленных“ пред-
ложного падежа в значении, функционально близком к мест-
ному; во-вторых, тем, что два слова среди **ъ (у)**-основ, отно-
сившиеся к названиям существ — *сынъ* и *волъ* — раньше, чем
явилась тенденция к образованию новых форм местного падежа,
подверглись влиянию **о**-основ и не могли служить образцом
для новых форм такого типа.

Обнорский полагает (Именное склонение в современном рус-
ском языке, I, 1927, стр. 230—233), что для древнейших отно-
шений не имели значения те черты, которые позднее в литера-
турном языке стали ограничительной приметой местного па-
дежа: не играли сначала роли ни определенные предлоги про-
странственного значения (**в, на**) — формы на **у** были известны
после различных предлогов; ни велярный исход основы (**г, к, х**);
ни наличие или отсутствие между предлогом и именем су-
ществительным имени прилагательного. С этими утверждениями
вряд ли следует согласиться безоговорочно. Для новгородского
говора древнейший материал, приведенный Соболевским, гово-
рит, кроме старых основ на **ъ (у)** — *миръ, пиръ*, как раз о пре-
имущественном появлении форм на **у** еще у основ на велярные.
Далее, древнейшие севернорусские примеры относятся именно
к предлогам **в** и **на**, и притом без промежуточных прилага-

[1] Циркумфлексовая интонация в формах полногласия отражена в русском
в виде ударения **о́ро, о́ло, е́ре**: *по́рох, го́лод, бе́рег*.
Рефлексом краткостей в древнейшем славянском были звуки **о** и **е**, как
восходящие первый — к **а** и **о** кратким: а) греч. ἄξων, лат. axis — *ось*; лат.
arare — *орать*; б) греч. δόμος, лат. domus — *домъ*; греч. ὁδός „дорога“ — *хо-
дить*; второй — к **е**: греч. μέθυ, лит. medùs — *медъ*.

[2] Обычно от слов, не имеющих в других падежах конечного ударения.
Случаи вроде *в полку, в углу* в древнерусском, повидимому, не представляли
исключения; показания других славянских языков говорят об ударяемости корня
у них в ряде падежей.

тельных. То, что мы найдем в позднейших памятниках[1], уже отражает, по всей видимости, отчасти новые аналогические влияния (род. падежа), отчасти диалектный сдвиг в литературном русском языке в целом — примесь стихии южнорусской. Южнорусская стихия определенно только с XVIII века в рассматриваемой группе фактов, действительно, под книжным церковнославянским влиянием, как справедливо утверждает Обнорский, отступает снова, и таким образом в литературном языке факты снова вводятся в рамки, отложившиеся в основном в севернорусских говорах[2], но не без значительных отклонений в ту и другую сторону.

§ 3. Именительный падеж множ. числа *о*-основ.

Старое окончание **-и** сохранилось только в формах *соседи, черти* и архаич. *холопи*, которые, однако, были восприняты как формы мягкого склонения и получили поэтому при себе родит. мн. *соседей, чертей, холопей,* дательн. мн. *соседям, чертям, холопям* и т. д. Что последние формы — новообразования, а не остатки старины, ясно, кроме всего прочего, из примет фонетических: *соседям,* а не „сосежам" (**дй** отразилось бы в виде **ж**), *чертям,* а не „черчам" (**тй** отразилось бы в виде **ч**), *холопям,* а не „холоплям" (**пй** дало бы **пль**).

Окончание **-и** после **г, к, х** — фонетического происхождения: **ы** после звуков **г, к, х** перешло в русском в **и**, и свидетельством сохранения былого **и** не является: *волки, долги, страхи* восходят к прежним формам винительного падежа мн. числа *вълкы, дългы, страхы* (см. § 7).

Вытеснению в подавляющем большинстве слов старого **и** окончанием винительного **ы** могли способствовать такие моменты:

---

[1] В памятниках XVII века, а отчасти и в XVIII в., круг форм на у вообще шире, чем теперь в литературном языке. Ср.: а) сохранение окончания старой основы на ъ (у): А бывает та печать у думного дьяка беспрестанно повешена на вороту и в дому (Котош., 114); о святительском и священническом чину (Домостр., 11); б) у у слов с циркумфлексовой (в прошлом) интонацией, теперь выступающих с е; см. *на вороту* в примере из Котошихина, 114; в пороху зельное осмотрение... имети (Пис. и бум. П. I), (ср.: *вóрот, пóрох* и под.); в) при неударяемом окончании: в статейном списку (Дело Ник., № 39), во Брянску (Мат. Раз. I, № 1) и под.; г) при предлоге о: о сыску чести (Котош., 88), о сыску изменников (102)... Чтоб они о том государском и святейшаго патриарха указу исполняли (Дело Ник., № 94). О никаковом миру с шведами слышати не хощет (Русск. Вед.), просить о корму (Пис. и бум. П. I) и под.

[2] О специальных отклонениях в псковском говоре см. Собол.[4], стр. 172.

1) У слов, основа которых оканчивалась на **г, к, х**, име-
нительный множ. имел согласный, отклонявшийся от остальных
форм: *вълци, дълзи, страси.* Форма винительного (*вълкы, дългы,*
страхы) могла поэтому представляться предпочтительной и быть
заведена по аналогии именительного - винительного ед. числа.

2) С установлением в языке в единственном числе диференци-
ации „именительный - винительный у „неодушевленных“: роди-
тельный - винительный у названий существ“, подавляющее боль-
шинство существительных, относившихся именно к „неодуше-
вленным“, во множественном последовали аналогии единствен-
ного.

3) Повидимому, действовала тенденция проводить в „твер-
дом“ склонении окончания, не вызывавшие смягчения предше-
ствующих согласных.

Отражено вытеснение форм именительного мн. на **-и** фор-
мами винительного на **-ы** в восточнославянских памятниках уже
с XI века (отдельные примеры), но на русской (великорусской)
почве оно выступает отчетливо главным образом в севернорус-
ских памятниках, — с XIII века: Чины раставлены быша (рост.
Жит. Нифонта, 1219 г.): Быша ми осьли и рабы (Паремейн. 1271 г.).

Именительный падеж множ. числа мужского
рода на **-а** с ударением на нем, хотя отдельные исходные мо-
менты грамматической аналогии, приведшей к его появлению,
не возбуждают сомнения, не имеет бесспорного объяснения
для всех деталей процесса. Господствующее объяснение сво-
дится к тому, что окончание **-а** в именительном множественного
числа у имен мужского рода, вытеснившее окончание **-ы** (вм.
старого **-и**), представляет собою историческое продолжение
формы двойственного числа, в период его отмирания у боль-
шинства существительных осмыслившейся у названий парных
предметов как множественное; сравн.: *берегá* (первоначально —
„оба берега“), *глазá, поводá, рукавá, обшлагá.*

Роль двойственного числа можно принять в данном случае
за очень вероятную; дело, однако, тут не без серьезных труд-
ностей, и главная из них та, что спорно исходное место уда-
рения именительного - винительного падежа двойств. числа у
о-основ с подвижным ударением. Доверяя свидетельству словин-
ского языка, единственного из живых славянских сохранившего
в полной мере и самую категорию двойственного числа и чет-
кие следы былой акцентологической системы, пришлось бы
признать, что ударение именительного - винительного двой-
ственного у **о** - основ с подвижным ударением падало не на

окончание, т. е. соответствующие формы звучали* *берега, острова* и под., совпадая с родительным ед. ч. С этим предположением в согласии стояло бы и ударение слова *оба* (а не * *оба́*), несомненного носителя формы двойственного числа. Если так, то оказывалось бы неясным, как по образцу форм двойственного числа типа *берега, гла́за* могли возникнуть формы множественного числа, выступающие всегда именно с конечным ударением.

В таком случае нужно признать еще, вслед за Ягичем, как индуцировавшие отношения, характерные для имен среднего рода: род. ед. и остальные падежи ед. ч.— *по́ля, по́лю* и т. д.: им. мн. *поля́*; *зе́ркала, зе́ркалу* и т. д.: им. мн. *зеркала́*.

Сравн. и, правда, немногочисленные слова с колебанием рода между мужским и средним: *облак* и *облако*, *колокол* и *колоколо*.

Индукции среднего рода должны были благоприятствовать отношения места ударения в **о**-основах, параллель к которым представляет, напр., украинский язык: *о́строва* (род. ед.) — *острови́* (им.-вин. мн. ч.), *го́лоса* (род. ед.) — *голоси́* (им.-вин. мн.) и под.

Вопрос, однако, об исходном месте ударения в именительном-винительном двойственного числа основ на **о**, как сказано, до сих пор не решен окончательно. Вопреки данным словинского языка многие лингвисты принимают за исходное ударение **о**-основ данного типа в им.-вин. дв. ч. конечное. Основания для такого предположения они видят в свидетельстве литовского (abù, abúo-du „оба“ — имен.-вин. дв. ч.), акцентологически идущего обыкновенно параллельно с фактами древнейшего славянского, а в самом русском — в его *два раза́, три часа́, три ряда́*.

Важнейшее свидетельство славянского *о́ба* отклоняется различными соображениями, из которых наиболее удачной является письменно высказанная догадка проф. И. Эндзелина: *о̏ба* может, по его мнению, восходить к более старой форме *обадъва́, в которой побочное ударение, приходившееся на первый слог первой части, затем, при изоляции ее, стало основным.

Если бы совокупность этих догадок в конечном счете могла стать теорией, для объяснения **-а** в именительном множественного числа достаточно было бы признать индукцию одного двойственного.

Но и эти аргументы не устраняют всех сомнений, и даже главнейший из них — указание на *два раза́, три часа́, три ряда́* —

может быть отведен ссылкой на то, что соответствующие факты, весьма возможно, не представляют в исходе о-основ, а сохранили ударение двойственного числа основ на ъ (у), к которым, по ряду данных, относились в древнейшем славянском[1].

Как бы тут ни обстояло дело с ударением, толчок к тому, чтобы в именительный множественного проникло окончание а́, мог действительно идти от форм двойственного числа; ударение же могло д а л е е распределиться по аналогии отношений в словах среднего рода. Слова с конечным ударением, вроде *сноп* — род. ед. *снопа́*, *труд* — род. ед. *труда́*, остались вне действия подобных влияний, вероятно, из-за того, что в среднем роде типа с конечным неподвижным ударением не было и он в данном случае индукции не осуществлял.

Учитывая условия, благоприятствовавшие распространению окончания **-а** в имен.-винительном мн. ч., можно принять еще во внимание некоторые собирательные на **-а**, **-я** к словам мужск. рода, сочетавшиеся обычно в др.-русском со множественным числом: *господа, сторожа, братья* (к *господин, сторож, брат*). Этого влияния, однако, ни в коем случае нельзя считать решающим, так как самые влиятельные из подобных слов не могут послужить для объяснения места ударения (ср. *бра́тья*).

Для старых основ на -ъ (-ў) ни одно из указанных влияний действительным не было (не имело условий для индукции), и потому им. мн. от них звучит *меды́, сады́* и под.

Диалектично формы имен.-вин. мн. ч. на **-а** (-я) представляют факты южнорусские, и их проникновение в литературный язык — результат усиления в нем южнорусской стихии. В памятниках такие формы появляются с конца XV века и представлены в них немногочисленными примерами. Старейший — Роукава же ризъ ихъ широци (рукоп. 1470—1477, Яг.) — вероятно, прямое наследие старого двойственного (ср. совр. *рукава́*, единственное слово такого типа с ед. ч., имеющим конечное ударение)[2].

Далее приводились, напр.: жернова новые запасные (Грам. 1568 г.), тагана и рѣшоточки (из Домостр. по сп. XVI в.), тѣ лѣса (Улож. ц. Алекс. М.).

Даже в литературном языке XVIII в., у Кантемира, напр.,

---

[1] Другое возможное объяснение — H. P e d e r s e n, Die Nasalpräsentia und der slavische Akzent, Zeitschr. für vergleich. Sprachforschung auf dem Gebiete der indogerm. Sprachen, XXXVIII (XVIII), 1905, стр. 363—364.

[2] *Обшлага́* (из нем.) получило свое ударение от него.

с -а употребляются только им. мн., относящиеся к парным предметам: *глаза, брега, рога* (при *роги*), *края* и еще *леса* (ср. укр. *ліса* при *ліси*); по Ломоносову (§ 190), только -а имеют опять таки парные — *рога, бока, глаза*, а колеблются: *береги — берега*, тоже название парных предметов, *колоколы — колокола*, известное в московских грамотах с XVI в., как форма к им. ед. ч. средн. рода, *лесы* и *леса*[1], и кроме того *луги* и *луга*, возможно, со старинным вариантом среднего рода во мн. ч.; ср.: чешск. louky и louka к им. ед. ч. louka ж. р., при м. р. luk, и — с другим согласным — luh; *островы — острова*; ср. ст.-слав. (серб.) — *острово*; *снеги* и *снега, струги* и *струга*, т. е. отношения, в основном, еще севернорусские и похожие на положение в этой категории—например, в украинском (где *рукава, вуса*; *берега* при *береги*; *ліса* при *ліси*; *вівса* „овсы" и под.).

Особый случай представляют примеры с новым -а, -я в именительном множественного у названий лиц типа *учителя́, лекаря́*, за которыми пошли многочисленные названия профессий вроде *доктора́, профессора́*.

Исходные формы имели, как есть основание думать, старое различие в ударении между единственным и множественным числом: *учи́тель — учителé, лѣ́карь — лѣкарé*. Эта особенность сблизила их с образованиями типа *бéрега* (род. ед.) — *берегá* (им. множ.), *óстрова* (род. ед.) — *островá* (имен. мн.). Дальнейшее пополнение этой категории существительных (не прекращавшееся в течение всего XIX века и не прекращающееся до сих пор) совершалось уже по мотивам семантическим (названия профессионалов); поэтому *профессора, доктора*, но не „оратора", „мучителя" и под.

§ 4. Имен. пад. мн. ч. м. р. на *-ья.*

Не возбуждает никаких сомнений, что касается его происхождения из этой категории форм, только нынешний им. п. мн. ч. *братья*. Это собирательное женского рода (ед. ч.), которому в нынешнем литературном языке соответствует церковнославянизм *братия*.

Повидимому, влиянию этого слова обязаны своим появлением *мужья, князья*[2], сохранившее еще з именительного пад. мн. ч.

[1] Ср.: великие леса темные, Ист. об Азовск. сид., 4.

[2] Ср. в Лавр. сп. летоп.: Послани от Игоря, великого князя рускаго, и от всякоя княжья (11 об.). Не ходили со всею князьею (134 об.). Святослав... възвратися г Кыеву со всею князьею (134 об.). Карский. Изв. по русск. яз. и слов., II, 1929, стр. 5.

перед и (друзи) *друзья* и другие названия лиц. Ударение последних, отступающее от ударения *бра́тья*, объясняется в связи с принадлежавшей их корням особой давней интонацией (так наз. циркумфлексовой).

Остальные подобные образования спорны: те, кто принимает фонетический закон о переходе конечного **е** в **я**, толкуют формы вроде *колосья, уголья, колья* (*каменья, коренья*) как фонетически образовавшиеся из собирательных „колосье", „уголье" и под.[1], а формы типа *дубьё, вороньё* объясняют как факты других говоров. Еще проще объясняются отношения, если такой фонетический закон ограничить положением неударяемого **е** после **j**; сравн. укр. *зілля, гілля* из „зелье" (-ьјe), „гольє" (-ьјe), где однако ударяемость или неударяемость, по-видимому, роли не играла.

Заслуживает внимания, что все вошедшие в литературный язык такие образования от имен „неодушевленных" имеют ударение на основе, а не на окончании, как большинство названий лиц (ср. диал. даже „братья́" под влиянием таких, как *друзья́, мужья́* и т. д.). Это различие в месте ударения указывает, что соответствующие формы у „неодушевленных" появились не под влиянием *мужья, друзья* и под., а под другим влиянием. Таким с известною вероятностью можно считать, если сомневаться в фонетическом законе **е** > **я**, множ. число имен среднего рода типа *крылья, перья, поленья, звенья* и т. д. В древнерусском собирательные к именам мужского и среднего рода одинаково оканчивались на **иє** (ьјe): гроздиє, клиниє, колиє, и так же: периє, полѣниє и под. Когда соответствующие образования от слов среднего рода стали осмысливаться как множественное число и усвоили под влиянием такого осмысления типическую примету среднего рода — **я**, т. е. „периє" изменилось в *перья*, „полѣниє" — в *поленья*, то в параллель им подобным образом могли измениться и образования от слов мужского рода. Ср. древнерусск. примеры с колебанием: ...И пух и перья и крылье гусиные прислать все имянно к Москве ж... (Хоз. Мороз., № 18);

---

[1] К переходу собирательных в множ. число ср., напр.: А пить в стол носили молоко коровье топлено... а в нем листье, неведомо какие (Мат. пут. Ив. Петлина, 277).

Примеры др.-русских собирательных, послуживших основанием для именительных м. ч. на -**ья**: ... И которые стрелцы стоят на вахте на дворе царском провожают царя или царицу... без мушкетов, с прутьем (Котош., 91). И ты б, староста, бил ево, Ларьку, на сходе перед крестьяны батоги нещадно, чтоб судило кнутья за то, что он мой указ забыл (Хоз. Мороз., № 177).

И потрохи да и перье, и пух, и крылья все прислать имянно (Хоз. Мороз., № 17).

Распределение фактов, относящихся к именительному множественному у „неодушевленных“ между окончаниями **-а (-ы)** с одной стороны и **-ья** — с другой в существенном (но не без колебаний) проходит по различию семантическому: представления четко обособленных единиц, взятых во множественности, получают окончание **-а**, множественное число к представлениям совокупного характера — **-ья**: *дома, города, пояса, острова, желоба*, но *колья, сучья, гроздья, зубья, листья*, т. е. в ясном отношении к отсутствию собирательности или ее наличию. Отклонения, вроде *стулья*, вошедшего во вторую группу (ср. диалект. арханг.-шенкурск. *стулье, полозье* и под.), немногочисленны.

Окончание **-овья** в современном литературном языке имеем у слов *сыновья* и устарелого *кумовья*. В древнейшее время слово *сынъ*, как **ъ (у)**-основа, выступало в именительном множ. числа в виде *сынове*, подвергшемся, повидимому, влиянию типа *братья*. За *сыновья* последовало далее, уже по аналогии, *кумовья* и теперь вышедшее из употребления в литературном языке *зятевья*.

§ 5. Имен. пад. мн. ч. среднего рода на *-и (-ы)* и др.

Имен. пад. мн. ч. сред. рода у слов, оканчивающихся на **ко**, звучит, если окончание не под ударением, — **ки**: *окошки, веки, яблоки* (ср. *войска́, облака́*). По существу перед нами факт узаконения в письме произношения, параллельного формам с конечным неударяемым **-ы** (**ки** из **кы**): „сёлы“, „вёслы“, „ко́льцы“ и под.[1]. Последние формы обычны в Москве и почти на всей территории русского языка, кроме некоторых северных говоров. Возникли они очень давно (первый пример Соболевский приводит из начала XV века). Сюда же, вероятно, следует отнести: чады своя поминающи (Задонщ., 2); ср. из XVI века: блюды (Домостр., 48); из XVII века: селищи и заимища (Акты 1616, 1691 г.), деревьи годны (Купчая 1657 г.) и др. (Обнорск., II, 110), и представляют результат влияния имен мужского и женского рода, вероятно, после того как в среднем и мужском роде установилась во множественном числе (в дательном, творительном и предложном падежах) система склонения, параллельного именам женского рода.

---

[1] К борьбе с такими формами в письме ср. Ломоносов, Рос. грам., § 115.

Форма *очки* восходит, повидимому, к тем говорам, где и под ударением **ки**: *озеркú, ушкú.* Сходство этих форм с мужским родом привело, между прочим, и к тому, что в родительном множ. наряду с *яблок* установилось *яблоков,* а также *очков.*

Остатками форм двойственного числа являются: *очи, плечи, уши, колени* (из „колѣнѣ").

Еще в начале XIX века у писателей могла употребляться как архаизм форма двойственного числа *крылѣ*: И веселью и печали На изменчивой земле Боги праведные дали Одинакие криле (Боратынский, „Наслаждение"). Особенно часта она у Жуковского.

§ 6. Родительный пад. мн. ч. мужского склонения.

Род. мн. типа вълкъ (ст.-слав. влькъ). Распространение в этом склонении окончания **-ов**, заимствованного из основ типа *сынъ,* соответствует тенденции сообщить форме примету, отличающую ее от именительного падежа единственного числа. Старинная форма родительного удерживается в литературном языке только в случаях, где слово обозначает:

а) парный предмет, т. е. употреблялось часто после слова „пара" и относительно мало нуждалось в падежной характеристике: *сапог, чулок.* Этому же образцу последовало и *глаз*; ср. стар. и диал. *глазов*;

б) где слово относится к понятиям меры, веса и под.: *раз, аршин, грамм*: сколько раз, пять раз, десять аршин, десять грамм. Еще в начале XIX в. так же употреблялось *пуд*: А в те поры все важны в сорок пуд (Гриб.), хотя и намного раньше было известно также *пудов* (ср., напр., Хоз. Мороз., 17: Сколько... уломано пудов поташу). Востоков, Русская грамматика, § 29: *десять пуд* считал нормативной формой. Изредка эту форму можно встретить и позже (напр., у Гончарова — Взвалил тысячи пуд себе на плечи, Обр. I, гл. 18 — Обнор.).

В древнерусском число слов, склонявшихся таким образом, было больше; так, в памятниках и у писателей XVIII в. встречаем: *месяц* — И удержали меня в Самборе пять месяц (Пам. Смутн. рвем., 24), Больши трех месяц (Улож. ц. Ал. Мих. — Обн.); *рог* — без рог (Держ., — Обн.); *фут* — глубже восми фут, хотя *по пяти футов* (в языке Петра I — Обнор.).

Неясно, почему *фунт* издревле встречается только с окончанием **-ов**: ср. уже у Аф. Никитина: ...по 10 тысяч фунтов золотых (Срезн., III, 1358).

Что касается *часов*, то, вероятно, -ов в нем след диалектной принадлежности в прошлом этого слова к у (ъ)-основам. Это же можно подозревать и для *рядов*.

Отсутствие от *вершок* род. мн. без -ов стоит, надо думать, в связи с наличием суффикса, ассоциировавшегося с длинным рядом слов на -ов в этой форме. (Особый случай имеем в группе *в*).

в) В нескольких словах с суффиксом -ок (род. ед. -к-а): *зубо́к* — род. мн. *зу́бок*; *рожо́к* — род. мн. *ро́жек*; *глазо́к* — род. мн. *гла́зок*; *сапожо́к* — род. мн. *сапо́жек*.

Форма род. мн. в этих примерах была достаточно выразительно отличена от именительного единственного числа ударением.

г) В старых названиях частей войск и под.: *гусар, драгун, кирасир, солдат.* Эта группа слов отчасти может рассматриваться как параллельная группе *а*; сравн. наиболее обычные сочетания: *полк солдат, эскадрон гусар, рота кирасир* и под. Сюда же вошло *партизан*.

Но, кроме того, имеет значение еще тот факт, что по крайней мере слова на -ар, вроде старинного *рейтар*, далее — *гусар*, могли подвергнуться аналогии многочисленных слов типа *татары* — род. мн. *татар, болгары* — род. мн. *болгар*, где нераспространение окончания -ов имело свое специальное основание (имен. ед. на -ин).

д) В названиях народов (употребление тут колеблющееся): *башкир, грузин, турок; чуваш* (ср. *турков; чувашей*). Тут, конечно, решающим было влияние многочисленных имен, принадлежавших к старинному склонению на согласный основы с единственным числом с приметой -ин и с родительным множественного без окончания: *славян, римлян, египтян, татар, болгар*. Ср. и др.-русск. примеры вроде: Две сотни костромичь дворян и детей боярских (Мат. Раз., III, № 25); ед. ч. — *костромитин*.

е) Род. мн. *воло́с*, где ударение отличало именительный ед. ч. от родительного мн. ч. (ср. *в*). В старинном, как и народном, языке и здесь встречалось *волосов*: Ино силы с пашами под вас прислано больше волосов на главах ваших (Ист. об Азовск. сид., 6).

ж) В некоторых заимствованных словах со старым колебанием в разговорном языке флексии и грамматического рода: *апельсин, фрукт, мирт* (старинные разговорные — *апельсина, фрукта, мирта*; ср. *апельсинов, фруктов, миртов* и под.).

з) Еще в третьей четверти XIX в. иногда, видимо, под

влиянием *губ — зуб*. Примеры такого употребления встречаются у Л. Толстого, Лескова, Гл. Успенского и др.

Влиянием твердого мужского склонения не охвачены в литературном языке основы типа *конь, пахарь* в родительном множественного числа; ср.: *коней, пахарей,* где отражено засвидетельствованное с XIII в. влияние не **о**-основ, а основ на **ь (i)**; ср. ст.-слав. *зятий, медвѣдий* и под. Отсутствию влияния здесь в литературном языке **о**-основ с проводимым ими окончанием, перенятым от основ на **у (ъ)**, *сыновъ, домовъ,* способствовали: близость к **jo (je)**-основам ряда окончаний (в том числе таких влиятельных, как именит. ед. ч. и именительный мн.) в **ь**-основах, очень раннее исчезновение **-ю (ju)**-основ (мѫжевъ), результатом чего было, что окончание **-евъ** в родительном множественного, как оно должно было бы звучать в системе **о**-основ, не имело непосредственного образца[1].

Влияние твердого склонения охватило только слова с окончанием основы на **-ц** — *молодьць, купьць* и на **й** — *край*. С первого взгляда представляется странным, что именно основы, оканчивающиеся на **ц**, которое отвердело позже, чем **ж, ш**[2], усвоили окончание **о**-основ, тогда как основы с конечными **ж, ш** подвергались влиянию мягкого склонения (*ножей, ужей, шалашей, малышей*)[3]. Повидимому, причина различия здесь — в узости, конкретности пути влияния **ь**-основ на **jo (je)**-основы. Среди **ь**-основ были слова на **жь, шь**, которым могло уподобиться склонение **jo**-основ вроде *ножь, сторожь,* но не было слов на **ць**. Слова с таким окончанием в **jo**-основах оказывались таким образом „выталкиваемыми“ в сферу влияния других близких им основ — основ на **-о**: *молодцов, отцов*; *братцев, горцев* [**е** вм. **о** графически; ср. в памятниках: чюдотворцов (Письмо в. кн. Вас. Ив. 1550—1552 г.), иноземцов (Котош., 30), злочинцов (Котош., 115)].

---

[1] В диалектах, однако, формы на -ев по образцу -ов твердого склонения нередки. В памятниках формы на -ев сравнительно часто встречаем только при слове *товарищ* (влияние основ на **ш**? — см. выше — Фонет., § 8). Сыскать и товарищев их (Котош., 115). Посылать товарищев своих (Мат. Раз., № 22), — но там же: Послать в те места товарищей своих.

[2] Ср. Фонет., § 1.

[3] Так обстоит дело в современном литературном языке. В говорах и древнерусском от слов типа *ерш, сторож* род. мн. нередко выступает с окончанием -ев (-ов). Зачастую в том самом памятнике на расстоянии нескольких строк можно встретить, напр., *сторожев* и *сторожей* (ср. Памятн. Смутн. врем., 185 и 186, и под.).

Это относится и к словам типа: край — *краёв*, лентяй — *лентяев*, герой — *героев*, кий — *киёв*, поцелуй — *поцелуев*: **ь**-основ с окончанием **jь** (й), как известно, в древнейшем славянском не было.

§ 7. Влияние винительного множ. на имен. мн. в склонении *о*-, ъ- и *ь*-основ мужского рода.

Совпадение во множественном числе именительного **о**-основ с винительным, вытеснившим старые формы именительного на **-и**, кроме влияния отношений единственного числа, которые могли в этом случае быть только благоприятствующим обстоятельством, стоит, видимо, в связи с влиянием множественного числа женского рода (имен.-вин. *коровы, травы, землѣ, дынѣ*). При этом установлению **-ы** в именительном множ. **о**-основ, вероятно, благоприятствовала тенденция в „твердых" основах удержаться во всех падежах в пределах окончаний, не вызывающих смягчения предшествующих согласных.

В основах на велярные (задненебные) такому направлению аналогии способствовало еще стремление освободиться от **ц, з, с** (*вълци, струзи, грѣси*), чтобы обобщить в парадигме те же **к, г, х**, которые характеризовали основу в других падежах.

В ряде случаев и при проникновении окончания винительного падежа в именительный множественного диференциация падежей обеспечивалась долгое время разницею в ударении, так как, повидимому, у слов с односложной основой (или с двусложной полногласной), имевших в древнейшем славянском так называемую циркумфлексовую интонацию или краткость корневого гласного[1], а также у некоторых других многосложных, ударение в винительном падеже переносилось на окончание; ср. укр. им. мн.: *дубú, стогú, голосú, островú, берегú, городú*, — формы, являющиеся потомками винительного множ. и относительно ударения.

Самостоятельность старого именительного падежа множ. ч. отражена до сих пор: а) в сохранении форм его *соседи, черти*, стар. *холопи*, получивших при себе во множественном числе остальные формы по мягкому склонению (*соседей, соседям* и т. д.); б) в ударении корня в тех словах, обозначающих „одушевлен-

---

[1] Возможность определить интонации древнейшего славянского языка нам дают главным образом сербский и словинский языки. В формах полногласных ударения **óро, е́ре, óло** — след былой циркумфлексовой интонации, **opó, epé, олó** — акутовой (см. главу IV, § 1).

ные“ предметы с циркумфлектированным или краткостным гласным корня в прошлом, которые фонетически в форме винительного падежа должны были бы перенести его на конечный гласный: *бе́сы, бо́ги, во́лки, во́ры, ду́хи, мо́ты, плу́ты, тру́сы* вместо ожидаемых фонетических „бесы́“, „боги́“ из „богы́“, „*волки́*“ из „вълкы́“ и под. (под влиянием старых *бѣси, бози, вълци* и под.). Ясно, что бо́льшая стойкость форм именительного падежа у названий существ сравнительно с названиями предметов стоит в связи с их более частым употреблением в роли подлежащих, факт, имеющий многочисленные параллели в других языках.

Аналогия **о**-основ повела за собою **ъ**-основы: вместо старинных „им. мн. *волове*: вин. мн. *волы*“ установилось для обеих форм *волы* (форма винительного падежа позже снова отошла от именительного, см. § 8).

У **ь**-основ им. мн. ч., ст.-сл. *медвѣдие, людие*, тоже подвергся в русском влиянию винительного — *медвѣди, люди*. Тут как и при **о**-основах, свою роль сыграл, видимо, параллельный ряд имен женского рода: *кости, мыши* и под. с одинаковыми формами именительного и винительного.

§ 8. Родительный-винительный в ед. ч. мужского рода и во множ. ч. мужского и женского.

Именительный и винительный падежи ед. ч. фонетически совпали уже в древнейшем славянском в **ъ**- и **ь**-основах: им. ед. ч. * sūnus, вин. п. ед. ч. * sūnum превратились одинаково в *сынъ*, им. ед. ч. * g̑hostis, вин. п. ед. ч. * g̑hostim — в *гость*. Спорен вопрос о том, фонетически или нефонетически совпали в древнейшем славянском им. п. ед. ч. и винит. п. ед. ч. **о**- и **jо**-основ: * bhrātros и * bhrātrom—*брат-(р)ъ*, konjos и konjom—*конь*, но, независимо от того или другого объяснения, нет сомнений, что самое совпадение и этих форм — факт уже древнейшего периода. Современное, отличное от древнейшего славянского употребление винительного падежа у имен существительных „одушевленных“, притом охватившее и другие славянские языки,— как совпадающего с родительным, свидетельствуется, наряду со старыми (винительный = именительному), уже древнейшими нецерковными памятниками. В качестве наиболее влиятельной формы, вызвавшей новые отношения, указывают (Вондрак и др.) на местоименную — **кого**, уже в древнейшем славянском служившую родительным и винительным

и употреблявшуюся в роли вопросительной только по отношению к „одушевленным“ именам. Эта догадка хорошо объясняет разницу в путях влияния на единственное число и множественное, во многих языках в винительном падеже не совпавшее с родительным: вопрос *кого?* о множественном употребляется гораздо реже, чем об единственном. Что касается самого **кого?** то оно представляет, повидимому (догадка Мейе), древнейший славянский продукт совпадения родительного ***ко** (из ***ка** под влиянием *коти* и др.) и винительного ***kom** в положениях перед частицею ***go**.

Замена старых форм винительного падежа формами родительного свидетельствуется в русских памятниках для множественного числа редкими примерами, начиная с XIV века. С XV века такие формы становятся обычными, но до самого XVIII века под влиянием традиционного книжного языка наряду с ними выступают нередко и формы, совпадающие с именительным.

Наиболее долго держатся в литературном языке, отражая не только влияние церковнославянского языка, но, вероятно, и живых говоров (ср. укр. *пасти коні, виганяти корови* и под.), формы винительного множественного, совпадающие с именительным, у названий животных: А кормятца зверем, бьют лоси и олени и козы (Мат. пут. Ив. Петлина, 272). А соломка под лошади слати (Домостр., 54). А досталные лошади велят им продавати (Котош., 92). Лошади их водити заказано (Котош., 30). А бывает теми птицами потеха на лебеди, на гуси, на утки, на жеравли, и на иные птицы, и на зайцы (Котош., 85). И перситцкой шах те птицы от царя принимает за великие подарки (86). Да на корм тем птицам... емлют они, кречетники и помощники, голуби во всем Московском государстве (86). А куры прислать к Москве сушеные... (Хоз. Мороз., № 17). А коковы лошади купишь... и то записывать в книги (Хоз. Мороз., № 170).

Рядом, однако, в употреблении и формы винительного-родительного: А ловят тех птиц под Москвою и в городех и в Сибири (Котош., 86). А на Москве, взяв у них тех лошадей, на царском дворе ценят против их тамошней цены (Котош., 92). А лошадей бы тебе на заленую воску купить... (Хоз. Мороз., № 170).

Остатки старых именительных-винительных мужского рода ед. ч., из которых современный литературный язык знает только *замуж* и *на́ конь*, в древнем языке многочисленнее; ср., напр.: А целое блюсти про государя и про господарыню и про гость (Домостр., 48).

Расхождение (и очень значительное) в хронологии установления винительного-родительного в ед. ч. и в числе множественном стоит, вероятно, в связи с тем, что во множественном совпадение именительного с винительным в ряде склонений — явление значительно более позднее, чем в единственном числе (*волъ, рабъ, конь, гость* восходят уже к древнейшему славянскому, а *волы, рабы, кони, гости*, как формы именительного-винительного, возникали на восточнославянской почве).

§ 9. Формы множ. числа на *-ам, -ами, -ах, -ям, -ями, -ях* и *-ьми*.

Формы на **-амъ, -ами, -ахъ** первоначально принадлежали только основам на **ā** (долгое а) и в доисторическое время повлияли на **ы**-основы (тип *свекры*, род. *свекръве*, см. § 10). Перенесение окончаний **-ам, -ами, -ах** (**а** — из основы, **мъ, ми, хъ** — старинная флексия) в другие типы склонения — явление относительно позднее.

Есть основания думать, что раньше всего дательные на **-амъ** появились в склонении имен среднего рода, где проникновению **-амъ** вместо старинного **-омъ** способствовало окончание именительного-винительного мн. ч. Ср. древнейшие примеры из сев.-русских памятников: безакониямъ (Парем. 1271 г.), селамъ (Двин. грам. XV в.). Одновременно же это окончание появилось у слов склонения типа *боярин — бояре*, вероятно, в говорах, где последняя форма заменилась, под влиянием собирательных, формою *бояра*: египтянамъ (Парем. 1271 г.), к латинамъ (Ряз. Корм. 1284 г.), боярамъ, дворянамъ (Новг. грам. 1371 г.)[1]. То же в существенном было и в местном (старинное окончание — **ѣхъ, ихъ**): на сборищахъ, на сонмищахъ (Еванг. 1339 г.), в гробищахъ (Нов. Прол. 1356 г.), ловищахъ (в Двин. гр. XV в.), лицахъ (Лавр. летоп.).

Для типа *бояре* старых примеров нет, но это не решает дела, так как подобные слова вообще редки в форме местного падежа.

Что касается творительного падежа с его окончанием **-ы (-и)**, совпадавшим у имен мужского рода с винительным (и новым

---

[1] Старинное склонение этого типа, сколько можно судить по ст.-слав., имело в дат. мн. **емъ (или омъ)**, тв. **-ы**, местн. **-ѣхъ**. Нерешенным остается вопрос о формах типа др.-серб.: дубровьчамъ (дат. мн.), др.-чеш.: Dolás (местн. мн.). Их имел и др.-русск., но уже в случаях вроде *египтямъ, египтясъ* (*египтяхъ*) были известные условия для распространения **-а (-я)** в этих типах.

именительным, ср. § 7), то он шел, вероятно, особым путем и окончание **-ами** в нем распространилось независимо от характера основы: съ клобуками (Парем. 1271 г.), хмелниками (Двин. гр. XV в.)[1].

Повидимому, неслучайно параллельно с формами типа *боярам* раньше всего выступают родственные им со смысловой стороны: матигорьцамъ (Парем. 1271 г.), купцамъ (Дог. 1373 г.), княжоостровьчамъ (Двин. рядн. XIV в.), чернцамъ (Двин. купч. XIV в.). Очень немногочисленные случаи других категорий см. у Собол., „Лекции", 177 и след.

Все старинные формы разбираемых падежей мужского склонения **-омъ (-емъ), -ы (-и), -ѣхъ (-ихъ)** в русской письменности держатся очень долго, заходя даже в начало XVIII века. Искусственный их характер особенно ясен из ошибок, когда подобною флексией снабжаются слова склонения на **-а,** исконно оканчивавшиеся на **-амъ, -ами, -ахъ**; ср., напр.: А подволоки у полатъ выписано травами, красками розными; а украшены полаты различными краски... (Мат. пут. Ив. Петлина, 288). Да своими сабельки вострыми (Ист. об Азовск. сид., 12). Со всякими угодьи и съ рыбными ловли (Дело Ник., № 192). А какъ де кречатникъ Данило Григорьевъ со птицы на Донъ приѣхалъ... (Мат. Раз., IV, 11). Во всяких торговлехъ (Домостр., 62) вм. „торговлях"; в поварнехъ и в хлебнех (55, стр. 10); ср. в заголовке: В поварнях и в хлѣбнях. Нередки и случаи, обнаруживающие, что пишущему явно безразлично, какую форму употребить, напр.: ... Говорилъ, что онъ ево зналъ въ попехъ, а въ митрополитахъ не знаетъ (Дело Ник., № 39). Митрополитъ посылалъ ево къ ключарямъ (Дело Ник., № 40) и там же: И онъ де, дьяконъ Іосифъ, ключаремъ говорилъ...

Формами твор. падежа на **-ы (-и)** еще относительно свободно пользуется Ломоносов, но уже у Державина Обнорский нашел только один случай старинного употребления: И цельты с мидяны, с египтяны попраны.

Проникновение окончания **-ями** в **ь**-основы женского рода — явление, не закончившееся еще и теперь: *костьми, лошадьми* и под. Наибольшую стойкость здесь обнаружили слова, имевшие **-ми** под ударением. В XVII и XVIII веке еще пишут: печатьми, пищальми и под. (Улож. ц. Алекс. М.), тремя печатьми (Дело Ник., № 41); мозольми (Кант.); свирельми (Лом.) и под., не

[1] Ср. и свидетельство для конца XVII в. Генр. Вильг. Лудольфа о том, что в разговорном языке у русских в употреблении *городами, древами*, но *городом, древом, городех, древех.*

говоря уже о словах с ударением на -**ми**, ряд которых держался еще в продолжение XIX века. Ср.: рѣчми (Дело Ник., № 39).

В древнерусском можно еще заметить довольно отчетливую тенденцию творительный множ. мягкого мужского склонения (-**и**) сближать с **ь**-основами: мечьми булатными (Задонщ., 14); И покрыты пеленою шитою да соболми (Котош., 7).

В XVIII веке этой тенденции подчиняются главным образом слова на -**тель**: жительми, приятельми (Ломон.), победительми, правительми (Фонв.); реже—другие: коньми, со рыцарьми (Держ.).

В XIX веке и здесь окончательно устанавливается -**ями**.

§ 10. Изменения в составе *ь*-основ.

Состав слов, принадлежащих к склонению на **ь** (**i**-основы), в исторической жизни русского языка сильно сократился. Прежде всего приходится констатировать почти полный переход в основы на **je** (**jo**-основы) слов мужского рода, некогда входивших в основы на -**ь**.

Уже внешняя оболочка слов, вроде *медведь, тесть, зять, голубь*, говорит об их непервоначальности в составе основ на **je** (**jo**): *медведя, тестя, зятя, голубя*, а не „медвежа", „тѐща", „зяча", „голубля", как ожидалось бы по закону перехода **дй** в **ж**, **тй** в **ч**, **бй** в **бл**. Это соображение о непервоначальности подобных слов в **je**-основах полностью подтверждается и свидетельствами других славянских языков и данными памятников. Ср., напр., соответствующие ст.-слав. слова, идущие по склонению **ь**-основ, и еще такие, как: *гость* (род. *гости*), *гвоздь, лакъть, ногъть, тать, чрьвь* и т. д. К этому же склонению относились *звѣрь, огнь, ѫгль, печать* (м. р.), *грътань* (м. р.). Единственное слово мужского рода, сохранившееся в литературном языке в составе склонения на **ь**,—*путь*; в говорах (гл. обр. севернорусских) и оно, однако, уже переходит в другой род (*эта путь*), или же (гл. обр. в южнорусских говорах) склоняется как **je**-основа: *путя, путю* и под.

Трудно ответить определенно на вопрос, почему именно оно не разделило в литературном языке судьбы других слов мужского рода, принадлежавших к тому же склонению. С известной вероятностью тут можно выдвинуть только указание на роль местного падежа у слова со значением „дорога" (*в пути, на пути*), тогда как все остальные слова мужского рода этого склонения в местном падеже употреблялись только редко. Эта особенность могла препятствовать переходу *путь* в **je**-основы;

влияния же женского рода слово могло избежать как стоявшее особняком по своему ударению; ср. род. *пути́*, дат. *пути́*, но *ко́сти, ре́чи* и под.

С другой стороны, в состав ь (і)-основ женского рода вошли в исторической жизни русского языка некоторые слова, раньше принадлежавшие к основам на **ы** (инд.-евр. ū, долгое **у**) перед гласными **-ъв** (инд.-евр. uu). Это слова, вроде *кровь, любовь, свекровь*, восходящие к старинному склонению им. ед. ч. **кры* (ср. соврем. словинское krі „кровь"), *любы, свекры*[1], род. ед. *кръве, любъве, свекръве*, дат. ед. *кръви, любъви, свекръви*, вин. ед. *кръвь, любъвь, свекръвь* и т. д. Сближение этих немногочисленных основ с относительно многочисленными словами типа *кость* совершилось очень легко благодаря сходству со склонением ь-основ винительного ед., рано (для ряда слов еще до эпохи восточнославянских памятников) вытеснившего именительный ед. ч., и именительного-винительного множ. ч.

Стоит внимания, что некоторые формы множественного (и двойственного) числа **ы**-основ, какими мы их знаем в древнейших старославянских памятниках, открывали довольно легкий путь влиянию очень многочисленных основ на ā; ср. род. мн. *свекръвъ*, дат. мн. *свекръвамъ*, тв. *свекръвами*, мест. *свекръвахъ* и под. Тем не менее русский язык в единственном числе почти не отразил подобного влияния: в древнерусском и в говорах выступает лишь слово *церква* (лит. *церковь*); ср.: ходилъ по соборной церквѣ (Дело Ник., № 40) и под.[2] (хотя в данном тексте и пишется имен. ед. *церковь*). У протопопа Аввакума встречается контаминированное: *въ церковѣ* (№ 25, стр. 82).

Остаток старинного склонения имеем в литературных архаизированных формах *церквам, церквами, церквах*. Родительный множественного *церквей* отошел от старины под влиянием древнего именительного-винительного *церкви* (ст.-слав. *црькъви*).

§ 11. Родит. пад. мн. ч. от слов на *-ня*.

Родительный падеж множ. ч. от слов на **-ня** с предшествующим согласным имеет обычно окончание **-н**: *басен, песен, спален, боен*.

[1] Ср. в народной поэзии: А и билася-дралася свекры со снохой (Сборн. Кирши Данилова).

[2] Возможно, что частое написание *въ церкве* (там же) представляет собою традиционный факт; ср. ст.-сл. *црькъве* (местн. пад.). Сходные факты — и у Котошихина и в других памятниках.

Существует попытка морфологического объяснения этих форм. С. Обнорский (Именное склон., II, 213 и дал.) указывает на параллельные областн. *спальна, купальна, колокольна*, восходящие к старым образованиям на **-ьна**, и видит в родительном множ. ч. с твердым **-н** потомка форм типа *спальнъ, купальнъ* и под.

Объяснение Обнорского в пределах морфологии дает возможность вполне убедительно истолковать случаи вроде *спаленка, купаленка* и под. Неясным остается однако при нем, почему замена старого окончания **-на**, идущего от прилагательного, новым **-ня** не захватила только родит. множ. Ср. и польские факты, не подходящие под предлагаемое Обнорским объяснение: wiśnia — род. мн. wisien, suknia — sukien.

Обнорский выдвигает еще и фонетический момент: по его мнению, смягчение суффиксального **н** было вызвано „ассимилирующим влиянием со стороны непосредственно предшествовавших мягких согласных", влиянием, отсутствовавшим в родительном мн. С этим дополнением к морфологическому объяснению согласиться трудно, так как никаких параллелей к нему не находится, ср.: *поздно* из *поздьно, начну* из *начьну, довольно, больно* и т. д.

Склоняюсь поэтому к такой догадке: исходный пункт изменения, по моему мнению, следует искать скорее всего в тех случаях, когда как раз в родительном падеже множ. числа выступало вновь образовавшееся за согласным слоговое мягкое н, которое фонетически утрачивало затем свою мягкость: им. ед. ч. *песня* (русское новообразование из „пѣснь"), но род. мн. *„пѣснь"*, имен. ед. ч. *басня*, но род. множ. ч. *„баснь"*.

Пѣснь, баснь затем через форму со слоговым мягким **н** изменились в духе тенденции мягких слоговых к отвердению в **песнъ, *баснъ* и далее уже в *песен, басен*. Ср. и *песенка* из „пѣснька", *басенка* из „баснька".

Два условия, таким образом, оказались встретившимися: старое морфологическое колебание *спальна — спальня, купальна — купальня*[1] — в одних словах и фонетические отношения *пѣсня*

---

[1] К связи их с прилагательными ср.: обѣднюю отслуживъ (Посл. новгородск. архиеп. Геннадия митрополиту Зосиме). Очень характерный материал заключает Хоз. Мороз.; ср., напр.: И я, холоп твой, велел ему, священнику Михаилу, служить у Благовещения богородицы вечерну, и завтрину, и обедну (№ 76). Ехал Дементьев сын Щербачев в деревну брата своего . . . (№ 93). До твоего государева двора до конюшны (№ 131). Вишны мелки гораздо. Вишны самые мелкие отбираны, и под.; но — 9 вишинь (дважды) (№ 70).

басня, но род. множ. *пьснь, баснь* — в других. В результате имело место установление в литературном языке нынешней системы форм.

По всей вероятности, факты в том виде, в каком они существуют в литературном языке, восходят к явлениям северно-русских говоров, в которых, как свидетельствует материал, приводимый Обнорским же, есть достаточно ясные следы отвердения и других мягких слоговых сонорных: *кудер, ноздер, ясел, капел, земёл*. Ср. и литературные *петел* (устарелое) при *петель, вихóр* „клочок торчащих вверх волос" при книжном *вихрь* „порывистое круговое движение ветра"; др.-р. вихъръ, вихоръ. Заслуживают по этому поводу внимания и факты, отмеченные Чернышевым (Правильность и чистота русской речи, стр. 44—45): „Иногда, впрочем, — пишет он, — и в литературном языке, по влиянию народного, мы слышим произношение с твердым **л**: *капелка — капелок — капелочка, петелка — петелок — петелочка, колыбелка — колыбелок — колыбелочка*. Формы с твердым **л** не вполне чужды и письменному языку... Род. мн. ч. от *капля, петля* в живом языке иногда слышатся с твердым **л**: *капел, петел*, но в письме такие формы совсем не допускаются". Исходными в подобных случаях являются, надо думать, только случаи, восходящие к *капля, капълька* > *каплка, по аналогии которых явились и *колыбелка* и под. Естественно возникает вопрос о причине сохранения **нь, ль** и под. в случаях вроде им. ед. ч. *плесень* из „плѣснь", *опухоль* из „опухль" и под. Он решается, мне кажется, с большою вероятностью ссылкой на влияние на именительный остальных форм парадигмы и многочисленного типа *тень — тени* и под.

Фонетическую форму *опухол* можно, однако, указать в Домостр.: оток и опухолъ на все оуды (23), хотя там же имеем: кашель[1].

Памятники для род. пад. от слов на **-ня** отражают обычно окончание, соответствующее нынешнему литературному употреблению: Земель и пожень[2]. (Акт. юрид. № 19, 1532 — Яг.). Светилен куплено на шесть денег (Кн. расх. Тур. остр. 1622—1623 г. — Обн.). Три бочки по полуведру вишен в патоке (Дело Ник., № 105); челобитен (Гр. 1681—1689 г. — Обн.). Но и: Ваших деревен (Акт. юрид. № 6 ок. 1490 г. — Яг.). Реже можно

---

[1] О данном явлении ср. также „Мовознавство", 1936 г., № 7, стр. 75—76.

[2] Случай с н коренным, показывающий распространение аналогии.

отметить: Да семь пешень (Отп. спис. 1551 г. — Обнор.), семь пешень (Дело Ник., № 105), с таможень (Котош., 88—91). Ср. и к обычному *царевна*: государынь царевен (Дело Ник., № 41) и там же: государынь царевень.

§ 12. Родительный пад. мн. ч. у слов мужского рода с именительным мн. ч. на *-ья* и у слов среднего рода.

Специальных замечаний заслуживают еще окончания родительного падежа в образованиях мн. ч. на **-ья** мужского и среднего рода. В мужском роде усвоение в родительном мн. ч. окончания **-ев** в случаях вроде *братьев, колосьев, угольев* объясняется влиянием мужского склонения типа *соловьев, муравьев*, причем следует принять во внимание, что в случаях односложных основ с конечной ударяемостью оказалось все-таки предпочтенным окончание **ь** (i)-основ **-ей**: *друзей, князей* и под.

Труднее объяснить установившееся в литературной речи различие в среднем роде: ружье — *ружей*, соленье — *солений*, именье — *имений* (т. е. **ий** — **ей** к образованиям на **-ье**), но крыло — *крыльев*, звено — *звеньев*, дерево — *деревьев* (у имен, не относящихся в ед. числе к основам на **-ье**). Повидимому, причина этого различия в том, что первый тип в большинстве представляет образования книжные, церковнославянского типа и сохраняет более архаическую падежную примету, а второй, как представлявший известный параллелизм с именами мужского рода, у которых тоже был разрыв в способе образования между единственным и множественным числом (*кол — колья, клин — клинья*), подвергся с течением времени влиянию этих последних.

Что касается родительного множ. *сыновей*, то его **-ей** вм. ожидаемого „ьев“, существующего в говорах, следует поставить в связь с группой имен лиц — *друзей, зятей* и под. Ср. обратное влияние — *зятевей*.

Род. пад. мн. ч. *полей, морей* вм. старинных и диалектных сев.-русских *поль, морь* представляет относительно поздний продукт, по всей вероятности, южнорусского уподобления слов среднего рода мягкого склонения мягкому склонению мужскому (*коней, людей*). В различных актах XVI и XVII вв. еще обычно *поль* (ср., напр.: Езжу, государь, я, холоп твой, беспрестанно и посылаю с поль збивать [галок]. — Хоз. Мороз, № 96). Встречаются еще *морь* и *поль*, напр., у Ломоносова и Державина. Позднее появление этих форм доказывается, между прочим, и тем фактом, что этой аналогией не были захвачены слова на

цо — ср. *яиц, лиц* и под. (ц в русском отвердело, сколько можно судить по памятникам, в XVI в.).

Родит. пад. мн. ч. на **-ов** у слов *судов, облаков* соответствует мужскому роду их в прошлом: др.-русск. *судъ* — „судно“, *облакъ*.

§ 13. Основы на *-ен-* среднего рода.

Древнейшее славянское склонение парадигмы *имѧ*, повидимому, еще сохранено в старославянском: ед. ч. род.-мест. *имене*, дат. *имени*, твор. *именьмь*, мн. ч. им.-вин. *имена*, род. *именъ*, дат. *именьмъ*, твор. *имены*, местн. *именьхъ*. В проведенных ими нарушениях исходной системы основы на **en (ен)** (в имен. ед. ч. **ѧ — я**) обнаруживают влияние **ь**-основ муж. рода в ед. числе и **о**-основ средн. рода — во множественном. Первому влиянию обязаны род.-предл. ед. ч. *имени, времени* (вм. старых форм на **е**), второму — совпадение с поздними отношениями в **о**-основах средн. рода (*именам, временам, именами, временами, об именах, временах*).

В севернорусских памятниках, начиная с XIV века, часто встречаются формы вроде *съмяни* и под.: Чтобы всякий чести себе добывал и имяни славнаго (Сказ. о Магм.-салт.), знамян (Жалов. грам. 1542 и 1579 **г.**, Арх. Строева, I — Обн.). Всему роду моему и племяни (Вкл. 1567 г., Арх. Строева, I, 476 — Обн.). 2 гряды капусного семяни, гряда репного семяни, гряда ретешного семяни (Дело Ник., № 102). Месяц времяни (Котош., 92); в скором времяни (100); Имян их не упомнят (Мат. пут. Ив. Петлина, 272); Имян их не написано (Улож. ц. Алекс. М.— Обн.); А иным имян не помнит (Дело Ник., № 40); Пролыгался чужим имянем (там же).

Современные севернорусские говоры почти полностью устранили склонение на **-ен-**, переведя его в образец *поле*, т. е. в них имеем: полё — *имё, времё* (поле — име, време), род. п. поля — *имя, время* и под. Там в говорах, где сохраняются формы типа *имя, время*, существуют и параллельные древнерусским формы вроде *имяни, времяни*, отражающие влияние именительного-винительного падежа ед. ч.

В литературном языке склонение основ на **-ен-** сохраняется главным образом в результате влияния школы, поддерживающей в данном случае традиционные формы. Писатели XVIII и начала XIX вв. относительно свободно употребляли живые народные формы: неблагодарного имя, от того время (Кант.), до высоты темя (Радищ.), чуждого племя, по имю, по времю (Держ.)...

То к темю их прижмет (Крыл.), Что скрыто до время (Пушк.), Выше темя гор (Кольц.), Пламя в мертвом сердце нет, ни даже имя своего (Лерм.); ср. и у Л. Толстого — ... с огромным вымем („Война и мир", I, ч. 2, гл. 7)[1].

Специальный вопрос представляет родительный мн. ч. на -ян в словах *семян* и *стремян* (наряду со *стремен*)[2], отклоняющийся от других слов такого склонения (*имен, времен*). Ломоносов (Рос. грам., § 154) параллельными формами этого падежа считал *сѣменъ* и *сѣмянъ*. У писателей начала XIX века еще можно встретить и *имян* (Карамз., Грибоед.), *времян* (Батюшк., Пушк.) и под. Севернорусские формы, поддерживавшие такое употребление у писателей, в виду ограниченности говоров, где они встречаются, должны были скоро утратить всякую влиятельность в литературном языке, и их, естественно, сменили формы старославянского образца. *Семян* удержалось прочнее других, может быть, как предполагают, по мотивам избегания омонима „Семен". Так как дело идет о регулировании литературного языка, то, вероятно, этот мотив выступал не как факт языкового сознания, а был выдвинут самими грамматиками.

§ 14. Изменения в склонении основ, оканчивавшихся на согласный, мужского и женского рода.

Тип мужского склонения им. ед. *камы*, род. ед. *камене*, дат. ед. *камени*, вин. ед. *камень*, тв. ед. *каменьмь*, мест. ед. *камене*, им. мн. *камене*, род. мн. *каменъ*, дат. мн. *каменьмъ*, вин. мн. *камени*, твор. мн. *каменьми*, мест. мн. *каменьхъ* (родствен ему представленный словом *дьнь*, род. ед. *дьне* и т. д., и только в творительном мн. ч. *дьны*, при *дьньми*) — стал подвергаться нарушению очень рано: уже в старославянских памятниках не от каждого слова представлена в первоначальном виде вся система старинных форм.

Винительный падеж типа *камень* легко перебрасывал мост между основами на согласные мужского рода и издавна на них влиявшими ь-основами, и в дальнейшем эти оба склонения, за исключением родительного множ. ч. у слова *день*, дольше других сохранявшего старину (ср. диал. *дён*, 5 дён

---

[1] Большая коллекция примеров у Обнорского, Именн. склон. I, стр. 302.

[2] *Стремян* может быть остатком старого *стремяно*, слова, отражающего, как естественно у парного предмета, влияние множ. числа (старинного типа на *-яно*). Ударение слова *стремяно*, видимо, падало на второй слог.

и др. в Мат. пут. Ив. Петлина, 280 и др. ...16 денъ в Ист. об Азовск. осадн. сид., 18, и др.), вошли вместе в сферу влияния **je**-основ: *камня, дня*[1] и т. д.

Ряд слов мужского склонения с **-ен-** во второй своей части (*корень, олень, ремень* и под.) по своему происхождению относится именно к этому склонению.

Вопрос представляет причина перехода нескольких слов типа *камень* в склонение с „беглым" е: *камня, гребня* и под. На том основании, что такие формы принадлежат южному, а не северному наречию, С. Обнорский (I, стр. 243) ставит их в связь с аканьем (редукцией). Известная роль фонетического момента здесь, действительно, вероятна, но существеннее то, что такие отношения могли быть заимствованы от параллельных образований с суффиксом **-ьнь**, род. **-ьня** (ср. укр. *камінь*, род. *каменя, ремінь*, род. *ременя*, но *січень*, род. *січня, блазень*, род. *блазня* и под.)[2].

Особняком стояли в системе старых склонений два слова женского рода — **мати** и **дъчи** (ст.-сл. *дъшти*), имевшие суффиксальную примету **-ер-**. В литературном языке оба они, после перехода (вероятно, нефонетического) именительного падежа в тип **ь**-основ — *мать, дочь,* — кроме суффиксальной приметы, целиком вошли в обычное склонение последних.

Архаическое *матерь,* по происхождению вин. пад. ед. ч., как форма именительного-винительного иногда употребляется в приподнятом стиле: — И вспомнится тогда не матерь санкюлотов, Несущая сама винтовку и плакат... (Безыменский).

Разговорный язык часто слово *дочь* переводит в распространенный тип склонения путем присоединения суффикса -к -а — *дочка*; ср. „Капитанская дочка".

§ 15. Из словообразования имен существительных.

1. Из огромного количества аффиксов, употребляющихся в русском языке, особый интерес представляет группа суффиксов, связанных с отношениями чисел и особенностями склонения.

---

[1] Между старинным род. ед. ч. *дьне* и новым *дня* промежуточною формою была возникшая по аналогии **ь**-основ *дни*; ср.: И они шли Киргискою землею половину дни... (Мат. пут. Ив. Петлина, 285). Ср. и старые формы, вроде: Сделаны из того ж камени кресла изрядные (П. Толст.).

[2] Mutatis mutandis это наблюдаем и в *пепел*, род. *пепла* (ср. ст.-сл. *пепелъ*, род. *пепела*); *козел*, род. *козла, котел*, род. *котла* и под. *Заяц*, произносимое как „заец", получило род. *зайца* по аналогии слов с суффиксом **-ец**, род. **-ьца**.

При помощи их образуются так называемые сингулятивы — выражения единичности. Сюда относятся:

Суффикс **-ин-** к названиям народов, сословий и под., имеющим **-е** в имен. множ.: **-анинъ — -ане, -ѣнинъ — -ѣне (-янинъ — -яне).**

Образование таких сингулятивов — явление уже древнейшего славянского языка; ср. ст.-сл. *граждане — гражданинъ, словѣне — словѣнинъ*; ср. еще, вероятно, продукты уже дальнейшего развития: *властелинъ — властеле, бояринъ — бояре, поганинъ — погани* „язычники“, *воинъ — вои* и под. Высказывавшаяся раньше догадка о том, что это **-ин-** по происхождению родственно с *инъ* „один“, не может считаться обоснованной (ср. отмечаемые Вондраком образования типа лит. kaimýnas „сосед“, лат. vīcīnus, греч. ἀγχιστῖνος).

В древнем языке наряду с образованиями, принятыми в литературном языке теперь, были в ходу еще, напр., *тверитинъ* — к *тверичи, псковитинъ* — к *псковичи* и под. Ср.: И переняша псковичи полоняную свою весть отъ Филипа отъ Поповича, отъ купчины, отъ псковитина (Сказ. о Псковск. взятии, 8). Ср. и *нѣмчинъ* к *нѣмьци* (от *нѣмьць*).

Вся эта категория образований отражала, очевидно, в отличие от обычного отношения единицы к множественности, восприятие известного коллектива как понятия первичного, а индивидуума по отношению к нему как вторичного.

-ина к собирательно-материальным; ср.: *горошина* — к „горох“, *жемчужина* — к „жемчуг“, *изюмина* — к „изюм“. Ко многим только **-инка**: песок — *песчинка*, снег — *снежинка*, порох (ср. укр. порох „пыль“) — *порошинка*, пыль — *пылинка.*

В родстве с этими образованиями сингулятивы к словам **люди, дѣти.** В украинском есть и первое и второе (*людина, дитина*). В русском с суффиксом **-ина** есть только второе — „дитина“ (неправильно пишется *детина*)[1], получившее вторичное значение в результате осмысления *-ина* как суффикса увеличительности (ср.: купчина, молодчина, казачина и под.), а первое с суффиксом **-ин** имеем в *простолюдин*, к которому не образовывалось множественного числа иначе, как „простые люди“; позже — *простолюдин.* (В ст.-слав. встречалось и отдельное *людинъ*).

Древность образования *дитина* свидетельствуется переходом **ѣ** в **и** перед слогом с подударным **и** (ср. укр. *дитина*) и влиянием его на **дитя** вм. *дѣтя.*

---

[1] См. Фонет, § 4.

Возможна большая древность формы *штанина* к *штаны*, имеющейся и в украинском.

К собирательному *пѣхота* образован был сингулятив „пѣхотинъ", усложненный в дальнейшем еще суффиксом **-ьць** — *пѣхотиньць*, откуда соврем. *пехотинец*.

К собирательному *господа* ср.: (О)же закоупъ бѣжить от г҃ды... (Русск. Пр., 540—541) образовано *господинъ*, к *челядь* — *челядинъ*, к *Русь* — *русинъ*, к *мордва* — *мордвинъ* и под. Ср. старинное употребление: Сентября в 20 день за Свиягою рекою под селцом Куланги дожидались его воровские казаки, татаровя, и чюваша, и черемиса, и мордва — болши трех тысячь конных и пеших людей... (Мат. Раз. III, № 3), но: Да одного человека чювашенина приведчи к шерти, велел отпустить для уговору иных чюваш и черемисы (там же, III, № 7)[1].

2. Русскую особенность составляют новообразования муж. рода на **-енъкъ**, род. **-енъка** от прежних имен существительных среднего рода типа *козьлѧ*, *телѧ* и т. д., множественное число от которых до сих пор почти в исключительном употреблении в литературном языке: *козлята*, *телята*. Исчезновение форм *козля*, *теля* и косвенных падежей от них (ср. ст.-сл. род. ед. ч. *козьлѧте*, *телѧте*, дат. *козьлѧти*, *телѧти* и т. д.), допускавшихся еще в XVIII веке (Ломон., Росс. гр., § 154 и 200) в виде *козляти*, *теляти* (род., дат. и предл.), *козлятем*, *телятем* (твор. един.), — единственный остаток старины — **дитя**, **дитяти** и т. д., — стоит, видимо, в связи с относительной уединенностью их в системе русского склонения и значительным что касается звучания разрывом формы именительного ед. ч. с остальными. Укр. образования вроде *козеня*, *кошеня* и под. помогают установить исходной тип, из которого явились русские формы ед. числа: он развился, видимо, из форм типа *козленя*, осложнившихся уменьшительным суффиксом мужского рода **-ъкъ** в параллель роду слова, от которого образовывалось название детеныша. В дальнейшем распространение **-енок**, род. **-енка** шло уже главным образом по аналогии.

Характерно, что в памятниках, хотя тип на **-енок** теперь является общерусским и, вероятно, возник очень давно, форм на **-енъкъ** почти не отмечено: Соболевский (Лекции, 4 изд., стр. 91) упоминает „др.-русск." *робенъкъ* без точного указания на памятник и на время; им же приводится в параллель др.-пол. robionek из Шарошпатацкой Библии (XV в.).

[1] Из литературы см. O. Grünenthal. Deminutiv und Singulativ. Arch. f. slav. Phil., XXXVIII (1921), стр. 137—138.

Возможно, что именно это слово возникло раньше других подобных и явилось для них образцом.

3. Суффиксы презрительности и уничижительности в современном языке играют относительно небольшую роль. Их роль еще в первые десятилетия XIX века могла возмущать Белинского, гневно спрашивавшего в письме к Гоголю, есть ли еще язык, вроде русского, где б они в такой мере были принадлежностью имен. Для языка Московской Руси они характернейшая черта ее стиля, выступающая с исключительной рельефностью на фоне подчеркнутого права одних именоваться с „вичем", других — лишенных его и называемых просто по именам, и третьих (самая большая категория даже среди „служилых") — чьи имена могли выступать только в сопровождении суффиксов уничижительности. Вот, напр., различения в наименовании бояр и даже наиболее высоко стоящих по своему положению дьяков: И указал государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Русии то все собрати и вдоклад написати бояром князю Никите Ивановичю Одоевскому, да князю Семену Васильевичу Прозоровскому, да околничему князю Федору Федоровичу Волконскому, да дьяком Гаврилу Левонтьеву, да Федору Грибоедову (Улож. ц. Алекс. Мих.).

Большое разнообразие употребительных в XVII веке средств оттенить в именах превосходство одних и низкое служебное положение других отражает „Урядник Сокольничья Пути" с целою гаммой оттенков называния пишущим лиц при обращении высших к низшим и наоборот. Вот отдельные примеры:

Егда же приспеет час государской милости к нововыборному, тогда подсокольничий Петр Семенович Хомяков велит переднюю избу Сокольничаго Пути нарядить к государеву пришествию...

...А за ним итти старым сокольникам рядовым, двум человекам, которые с ним были, Микитке Плещееву да Мишке Ерофееву...

А в тое пору явит верховный их соколенный подьячий Василий Ботвиньев и молвит: „Великий князь Алексий Михайлович, всея Великия и Малыя и Белыя России самодержец, нововыборный твой государев сокольник Иван Гаврилов сын Ярыжкин вам, великому государю, челом бьет".

И нововыборный, Иван Гаврилов сын Ярыжкин, и с товарищи, поклонится государю до земли. И мало понёровя, подсокольничий молвит старым рядовым сокольникам, двум человекам, которые с ним были: „Рядовые Никита и Михайло, поставьте нововыборного, Ивана Гаврилова сына Ярыжкина, на поляново".

И взяв его те рядовые два сокольника, Никитка и Мишка, под руки, поставляют на полянов, между четырех птиц, сиречь на попоне.

И пришед, первыя статьи первый поддатень, Кирсанко, скажет подсокольничему: „Нововыборный сокольник Иван Ярыжкин на государской милости челом бьет и идет тотчас".

Ср. также: ...Первый поддатень, Федька Кошелев, держит вабило; второй поддатень, Наумко Петров, держит вощагу; третий поддатень, Кирюшко Маслов, держит рог серебряный; четвертый поддатень, Елисейко Батогов, держит полотенца.

Полной урегулированности, обязательности употребления соответствующих форм не было, но границы колебания в выборе имен и их сочетаний были достаточно узки. Вот., напр., имена в „сказках" неименитых свидетелей по делу патриарха Никона: ...Большаго собора поп Киприан сказал: ... Скаску писал сам я, поп Киприян, своею рукою; ...Большаго собору поп Маркиян сказал: ... К сей скаске поп Маркиян руку приложил; ...Богородицкой дьякон Михайло сказал: ...А скаску писал я, дьякон Михайло, своею рукою; ...Патриарш дьяк Денис Дятловской сказал: ...А меня, Дениска, простил от гневу своего на Воскресенском подворье... А сказку писал я, Денис, своею рукою; ...Сказал подьякон Петр Федоров сын Новгородец: ...А скаску писал я, Петр, своею рукою; ...Патриарш подьякон Матвеище Кузмин сказал: ...А сказку писал я, подьякон Матвеище, своею рукою[1]; ...Певчей дьяк Нестерко Иванов сказал: ...И я, Нестер, в то время не был у обедни ...А скаску писал я, Нестерка, своею рукою... Певчей дьяк Исак Андроников сказал: ...К сей сказке Исачко Андроников руку приложил; А скаску писал певчей Игнашка своею рукою; ...Того ж числа патриарш подьяк Иван Федоров сказал: ...К сей скаски Ивашко Федоров руку приложил; ...Сказал патриарш подьяк Матвей Степанов: ...К сей скаски Матюшка Степанов руку приложил, и т. п. (Дело Ник., № 13).

В обращении к царю общее холопство уравнивает представителя высшей аристократии, который пишет, напр.: „Государю царю и великому князю Алексею Михайловичу всеа Великия и Малыя и Белыя Росии Самодержцу холоп твой Гришка Ромодановской челом бьет" (Донесение воеводы князя Григория Ромодановского, Мат. Раз. I, № 1, стр. 4), и последнего

[1] К уничижительности суффикса -ище ср.: Аз же, рабище божие Афонасие, сжалися по вере (Хожд. Афан. Никит.). Боже... не отврати лица от рабища твоего (там же).

бесправного человека, способного вообще подать челобитную. Уничижительность стиля требует не только презрительности в именах обращающихся с челобитными лиц, но и всего к ним относящегося. Суффиксы **-ишко** и **-ишка** буквально испещряют речь просителя. Вот, напр., отрывки из прошения села Мещерские Горы попа Ивана: „... А в то, государь, время без меня, богомольца твоего, воровские люди попадьишко мое посадили в тюрму и с детишками... А ныне, государь, попадьишко мое с детишками сама сема в Гороховце скитаются по миру и помирают голодом... И о том моем мучении и раденьишке и конечном разорении дати мне отписку, чтоб мне, богомольцу твоему, с попадьишкою и с детишками голодом не умереть и в конец не погибнуть...“ (Мат. Раз. III, № 35).

Или из челобитной боярину Б. И. Морозову братьев Чеглоковых: Государю Борису Ивановичу бьют челом Фектистко да Петрушко Чоглок/о/вы. Деревнишко, государь, у нас подмоск/ов/ное блиско твоей боярской вотчины села Павловсково. Людишка, государь, наши и крестьянишка ездят к нам з запасишком и с сенишком и з дрови/шка/ми. Умилосердись, государь Борис Ивановичь, п/ожа/луй нас, бедных, не вели, государь, мостов/щи/ны имать с людишек наших и с крестьянишек (Хоз. Мороз., № 42).

К разнообразию форм ср. еще: Государю Борису Ивановичу бьет челом твоей государевы арзамаския вотчины села Екшени последний сирота твой крестьянинец Терешко Осипов (Хоз. Мороз., № 26). А я, холоп, твой человеченка, у тебя, государя, новой, не отписать к тебе, государю, о таком деле не посмел (Хоз. Мороз., № 152).

МЕСТОИМЕНИЯ.

§ 16. Местоименное склонение.

Личные местоимения 1-го и 2-го лица. С XV века древнейшие славянские формы личных и возвратного местоимений родительного - винительного падежа ед. ч. *мене, тебе, себе* и русские новообразования *менѣ, тебѣ, себѣ* сменяются формами *меня, тебя, себя*, характерными теперь для севернорусского наречия и литературного языка. Их обычно толкуют или как фонетические (принимая переход конечного *е* в *я*),— так, напр., понимает их Шахматов (о сомнительности такого объяснения см. Фонет., § 5),—или как результат влияния именного мужского склонения (*коня* и под.),— напр., Соболевский; при второй догадке (Соболевского) можно

было бы принять, что известное значение принадлежало при этом переходу имен с родительным на *е* в склонение с окончанием на *я*. Более вероятна, однако, по нашему мнению, третья догадка, в несколько нерешительной форме (ср. Фонет., § 5) высказанная уже Ягичем, а именно — что формы *меня, тебя, себя* возникли под влиянием параллельных форм винительного ед. ч. *мя, тя, ся*. Ср. употребляющиеся до сих пор диалект. *у мя, у тя*. Особенно, конечно, легко принять в данном случае влияние *ся*. В пользу подобной догадки очень сильно говорит аналогия словацких фактов, где имеем сходные формы род.-вин. mňa, mä, tebä, t'a, sebä, sa. Формы типа *тобя, собя*, конкурировавшие с *тебя, себя*,— продукт влияния дат.-предл. *тобѣ, собѣ* и творительного *тобою, собою*.

В дательном-предложном литературные *тебе, себе* из *тебѣ, себѣ* установились после продолжительного колебания между ними и параллельными *тобѣ, собѣ*, отражающими давнее влияние *тобою, собою*. Окончательное установление в литературном языке форм *тебѣ, себѣ* > *тебе, себе*, может быть, не без поддержки старославянского, было облегчено наличием окончания **-я**, а не **-е** в родительном-винительном.

Личное местоимение 3-го лица, по происхождению анафорическое местоимение-прилагательное, представляло в своем склонении уже в древнерусском т. наз. супплетивную (составную) систему: именительные падежи в единственном и множественном числе образовывались от основы **он-** (**on-**), в остальных падежах от основы **je-** (с ее усложнениями).

Супплетивность для личных местоимений — явление уже глубокой старины, оказавшееся в истории языка очень стойким (ср. *я, мене, мы, насъ*; *ты, тебе, вы*), и перенесение этой особенности на старые основы с анафорическим значением, семантически вошедшие в систему личных, не представляло ничего принципиально невозможного.

О причинах вытеснения старых именительных возможны такие догадки:

Имен. ед. звучал **и** (**jь**) — м. р., **я** — ж. р., **є** — ср. р.; имен. множ.— **и** — м. р., **ѣ** — ж. р., **я** — ср. р.; имен. дв. — **я** — м. р., **и** — ж. и ср. Неудобны были главным образом совпадение единственного и множественного числа — **и** и омонимность его к очень употребительному союзу. Это приводило к частым заменам этой формы (**и**) синонимическою — **онъ**. Последнее употребление благоприятствовало такой же замене и других форм, особенно **я**, хотя принципиально и не отличавшегося флексией

от других местоимений, но достаточно многозначного и потому легко уступившего место перед новыми влияниями.

Кроме того, в языках нередко дает о себе знать тенденция избегать для полнозначных слов слишком коротких форм. Роль этого мотива (отнюдь не абсолютного значения — ср., напр., *я* в 1 л. ед. ч. при старом *азъ*) ясна в данном случае из параллельного употребления относительных **иже, яже, еже** и употребления **и** (вин. ед.) в роли энклитики — *погубитъ и* или после предлогов; ср. ст.-слав. *вънь* — „в него".

В общей системе склонения обращает на себя внимание вин. пад. ед. ч. среднего рода **его**, совпадающий с родительным ед. ч., а не с именительным, как в других случаях у форм среднего рода. Причина здесь, видимо, в общей супплетивности косвенных падежей местоимения 3 лица, подчинившей себе отдельную форму, которая нарушала бы специальную особенность вновь образовавшихся отношений.

Из форм **косвенных падежей местоимений прилагательных** и родственных им внимания заслуживают особенно такие:

Форма родительного ед. ч. мужского и среднего рода имела у ряда местоимений в древнейшем славянском окончание **-go (-го)**, хорошо сохранившееся в ряде славянских языков. По своему происхождению это, скорее всего, частица, родственная с *že* (из *ge). В родстве с ними обеими, как предполагают, состоят др.-инд. gha, ha и греч. γέ (гр. ἐμέγε, гот. mi-k). Влиянию этого окончания **-go (-го)** подверглось особняком стоявшее в системе **so (со)** родительного единственного от **чьто** — **чесо** (ср. греч. τέο из *kuesio), позже замененное формой **чего**. Диалекты русского языка знают формы на **го** и в большем числе или на **ho, оо** (главным образом, южнорусские), или на **во** (севернорусские). Попытки в последних (**ho** и **во**) в соответствии с особой консервативностью местоимений видеть остатки глубокой старины оказались малоубедительными. Значительно больше имеют за себя объяснения их как новообразований на русской почве из **go (го)**. З. К. Плотникова (К вопросу об окончании род. пад. ед. ч. м., ж. и сред. рода местоимений и сложных прилагательных. Изв. по русск. яз. и слов. Акад. наук, XXIV, I, 1919, 285—304), тщательно обследовав севернорусский материал (говоры Заонежья, Муромльский и др.), показала, что переход **ого** > **оhо** > **оо** > **ово** — явление, в них совершающееся еще и теперь, и что нет оснований искать здесь особого, как думали, исходя из аналогии кашубского языка, уже древнейшего славянского звукового варианта. Еще раньше эту мысль на основании анало-

гий греческого, германских и кельтских языков защищал Мейе [1], правдоподобно объяснявший специфический переход **g** в **h** слабой ударяемостью соответствующих местоименных форм. Этой же слабой ударяемостью и темпом произношения подобных слов объясняется в дальнейшем выпадение **h** (ср. укр. *у коо* вм. *у кого*), причем образовавшееся зияние позднее устранялось „вставным" **в** (**v**).

Примеры **во** вм. **го** в памятниках встречаются только начиная с XV века. В памятниках XVI века число их делается очень заметным. В XVII веке их свободно употребляют наряду с поддерживаемыми церковнославянским языком формами на **го**.

Родительный и винительный падежи женского рода. Русский язык восходит вместе с другими восточными (украинским и белорусским) и западными (чешским, польским и т. д.) к тем говорам древнейшего славянского языка, которые, в соответствии падежным окончаниям ѧ мягкого склонения в южнославянских языках, имеют рефлексы **ѣ** невыясненного происхождения. Свидетельствуемые восточнославянскими памятниками XII века формы **тоѣ**, **еѣ** и под. (ст.-сл. *тоѩ*, єѩ) в дальнейшем не остались неизменными, и в истории их есть спорные моменты.

В литературном и разговорном **её** (писавшееся до реформы 1917 г. **ея** было чисто искусственной формой — русской передачей старославянского єѩ) [2] нуждается в объяснении ё из **ѣ**. Наиболее правдоподобно понимание (Шахматова) этого ё как фонетического рефлекса **jѣ**. Сочетание **jѣ**, существовавшее в очень немногих морфологических категориях и стоявшее особняком в русской звуковой системе (древнейшее славянское * jě из * jē перешло в **jā** : * stojěti перешло в *стоять*, * bojěti sę — в *бояться*), было мало жизнеспособно и изменилось в **je**, откуда, по известному закону о подударном **е**, переход в **jo** (**ё**). Примеры из памятников, подтверждающие такую догадку (памятники относятся к не смешивающим **ѣ** и **е**): єдиноє, одиноє — род. ед., различьныє — вин. мн. Чудов. Псалт. XI в., в алѣлоугиє мѣсто — „вместо аллилуи", Типогр. Уст., № 142, XI — XII в., еуфимиє, Мин. 1095 г. и др.

В дальнейшем форма род. ед. ч. её стала функционировать и как винительный ед. ч. Древнейший восточнославянский при-

---

[1] Sur la prononciation du génitif *togo* en russe. Mémoir. de la Soc. de ling., XIX (1914).

[2] Ср. у Ломоносова („Российская грамматика", § 431): „*Ее* в просторечии, *ея* в штиле употреблять пристойнее".

мер́ єѣ в функции винительного падежа — Умысли създати цьркъвь и създавъ єѣ, Сказ. о Борисе и Глебе по сп. XII в. Повидимому, в этом отношении решающую роль сыграла аналогия *кого*? (родительный - винительный для муж. и женского рода), т. е. сначала такое употребление должно было распространиться по отношению к названиям существ, а далее — и ко всем остальным. Ср. и **самоё**, ограниченное в фактическом употреблении категорией „одушевленности“ („встретил ее самое“, но „взлез на самую верхушку скалы“). В диалектах имеем и **тоё**, **всеё**, **одноё**, уже, повидимому, что касается функции винительного падежа, под влиянием **её**.

Утрате старой формы винительного ю, с XVI в. в памятниках уже не встречающейся, могла способствовать ее малая фонетическая „весомость“ (ср. выше замечания об утрате форм **jь*, **ja*, **je*).

В памятниках засвидетельствованы: старославянские формы типа род. п. **єѩ**: А кто ея хощеть убити, ино у нея изо рта огнь выйдеть (Хожд. Аф. Никит.), под влиянием русских отношений — в значении винительного: наказавъ єя, бивъ ея (Сборн. XIV в. Рум. муз., № 1548); Елини имяхуть ея (ехидну) аки богыню (Сборн. 1490 г. Уваров., № 613); ...А пистоль не стрѣлила. Онъ же бросилъ ея на землю и из другія запалилъ паки (Аввак., № 25, 78); Далъ намъ четыре мешка ржи за нея (Там же, 87); **єѣ**: И змея де лежитъ на дороге и черезъ єѣ перешелъ возъ, и тутъ єѣ затерло... На єѣ возложила... (Лечебн., Синод. рук., № 480). Колко воды ни пить, а пьяну с неѣ не быть (Стар. сборн., 1363). Позднейшее изменение в роли родительного — **ее**: На ее имя (Домостр., 14); У ее слугъ (Домостр., 49); Какъ пошелъ отъ нее (Дело Ник., № 65), и винительного: ...И тыбъ ту запись прочла и держала ее у себя (Пис. в. кн. Вас. Иоан. 1526—1530 г.); Ино мужу на нее бранити (Домостр., 51); Ино ее надѣлкомъ поминаютъ (Домостр., 14).

Под влиянием склонения членных прилагательных, заменивших в неударяемом положении ѣ родительного падежа ед. ч. женского рода на **и > й**, *новыѣ, утрьнѣѣ* сменились в отдельных диалектах др.-русского языка формами *новоѣ, утрьнеѣ*: коньць утрьнеѣ (Минея 1097 г.), съмьрти тоѣ пагубноѣ, на мѣстѣ ветьхоѣ деревяноѣ (церкви) (Успен. Сборн. XII в.), рядом с **тоё** и под.[1] явилось **той** и под. в родительном ед. ч. Ср.:

[1] Ср. и искусственное, книжное **тоя**; ...и тем птиц оттоя привады отгонит (Улож. ц. Алекс. М.).

И всѣ наши громадныя крѣпости потряслися отъ стрѣльбы ихъ той (Ист. об Азовск. сид., 4); А у тое де мы у великіе реки вершины и устья не вѣдаемъ (Мат. пут. Ив. Петлина, 295) и там же: А изъ за той де великіе реки пріѣзжаютъ къ намъ манцы со всякимъ товаромъ. А отъ тое березы стоитъ столбъ противъ сосны на лѣвой сторонѣ (Межев. выпись на помест. казанск. жителя Девятого-Змеева, 1631 г.—Бусл.) и там же: А отъ той березы отъ ивова куста прямо на березу на безверховую.

А доходовъ съ тое Малые Росиі не бываетъ ничего (Котош., III) и там же: И исъ той Малой Росиі для всяких дѣлъ присылаются посланцы.

В роли винительного ед. ч. в XVII в. преобладает **тое** (нередко наряду с **ту**): Что къ намъ писали братья наша, и мы тое грамотку къ вамъ послали... (Воззв. москов. людей). Да тоѣ судовую снасть велеть отдать Андрѣю жъ и Василью (Мат. пут. Ив. Петлина, 267). И въ тое де пору сѣверные двери отворились съ великимъ громомъ... (Дело Ник., № 36)... А въ тое пору явитъ верховный ихъ соколенный подьячій Василій Ботвиньевъ... (Урядн.). Ср. и в начале XVIII века: ... И тое крѣпость на свое государское имянованіе, прозваніем Питербургомъ, обновити указалъ (Русск. Ведом. 1703). Тут же рядом в употреблении и **ту**: ...Покамѣстъ ту крѣпость овладѣютъ.

Специальный вопрос представляет вариант, встречающийся в литературном языке почти исключительно при предлоге **у** — **у ней** (изредка — при *для*). Ср.: И то при ней на домашней обиходъ перекроено (Домостр., 29). И сама бы хмелново питья отнюдь не любила и дѣти и слуги у ней того не любили же (Домостр., 64). Благоприятным условием для утраты флективной приметы здесь было, конечно, употребление после предлога. Образцом могли служить местоименные прилагательные, у которых совпали в ед. ч. женского рода дательный и предложный.

Ср. в древнем языке также **от ней**, теперь встречающееся только в говорах и в просторечии: ... Отъ ней прежде выступить не хотятъ, покамѣста имъ укажутъ иное жилище... (Куранты, 2).

У Ломоносова встречается („Гимн бороде") также **без ней**: Дураки, враги, пролазы Были бы без ней безглазы. У Боратынского можно отметить **из ней**: Лель, улыбнись, когда из ней Случится девице моей Унесть во взорах пламень томный... („Возвращение").

Через значительные колебания прошла в литературном языке форма родительного и винительного ед. ч. от местоимения

сама. Ломоносов (Рос. грамм., § 431) для родительного принимал за нормативную форму **самыя**, явно церковнославянизированную, а для винительного — **самую**, контаминацию *саму̑* и окончания членных прилагательных, воспринимавшуюся тоже как церковнославянизм (ср. Востоков, Русская грамматика, 12 изд. 1874 г., § 53, пункт 4). Востоков, узаконяя в качестве нормы винительного падежа **самоё** и родительного **самой**, по поводу первого еще замечает: „Сие окончание, принадлежащее просторечию, заменяется в церковнословенском языке окончанием *саму̑ю*".

Н. Греч („Практическая русская грамматика", 1827, § 139) в парадигму вводит „**саму** (или **самоё**)", употребление, далее уже удержавшееся до наших дней. Форма **самоё** — несомненно, результат приравнения к *её*, слову, с которым она обычно и употребляется. В говорах подобные образования представляют еще *тоё, всеё, одноё.*

По аналогии *мою, твою, свою* с окончанием, не выпадающим из системы склоняемых прилагательных, в говорах явились (первые примеры в памятниках XV в. Двинск.: вымѣнялъ ею) и *ею, всею, тою* и под.

Ср. у Л. Толстого пример в „Анне Карениной": Неловко за самою себя.

Творительный пад. ед. ч. от местоимения **къто** звучал в древнейшем славянском (как и в старославянском) *цѣмь* (по происхождению *koimь с переходом **к** в **ц**(с) перед **ѣ** из дифтонга *oi*). Согласный **ц** в дальнейшей истории языка, как выпадавший из системы, устранен и заменен звуком **к**, заимствованным из остальных форм. Замена эта датируется впервые в памятниках XIV веком: ни надъ кѣмь же (Лѣствица, 1334 г.), и характерна как явление морфологическое (вместе с формами именного склонения типа *рукѣ, на облакѣ*), переступившее границы унаследованной фонетической системы: сочетаний **ке, кѣ** вне морфологических категорий такого происхождения русский язык искони не знал, так как уже в древнейшем славянском, как упомянуто, ***ке** переходило в ***če**; ср. уже др.-русск. зват. форму *вълче*, ***kě** с **ě** из древнейшего долгого **е** в ***ča**: mьlkěti > мълчати, а ***kě** с **ě** из ***oi**, ***ai** в ***cě**.

Характерно, что потребность устранить выпадавшую из системы данной парадигмы форму привела в говорах к другому пути аналогии — в качестве формы творительного падежа от *къто* в памятниках XIII века употребляется **кымь**: повѣжь съ кымь бесѣдовавъ (Ростовское житие Нифонта 1219 г.), съ кымь

бесѣдуеши (Новгородский Пролог 1262 г.) и под. Ср. и позднейшее **ни кимь** (с переходом **кы** в **ки**) в первой Духовной Ивана Калиты. Вместо *чимь* (от *чьто*) по аналогии *кѣмь* установились **чѣмь — чем.**

Именительный множ. числа. Формы **те, все (тѣ, всѣ)**, соответствующие старославянским и древнейшим славянским формам мужского рода *ти, вьси,* — продукт уподобления остальным формам парадигмы множ. числа: *тѣхъ, тѣмъ, тѣми, о тѣхъ* (ср. и жен.-ср. р. дв. ч. *тѣ*), *вьсѣхъ, вьсѣмъ* и т. д.

Влияние форм косвенных падежей на именительный, оказавшееся в конечном счете победившим, объясняется в случае **всѣ** еще и поддержкой женского рода (др.-русск. *всѣ* в соответствии старославянскому *вьсѧ*).

Появление новой формы **тѣ** свидетельствуется отдельными примерами в памятниках XIII в. и нередкими в памятниках XIV в. (Новг. Кормчая ок. 1282 г., Духовная вел. кн. Семена Иван. и др.). Первоначальное расхождение путей аналогии **тѣ — тѣхъ, но всихъ, всимъ** и т. д. в древнейших московских памятниках основание имеет, повидимому, в восприятии старинным языковым сознанием **ѣ** как приметы „твердых" склонений, а **и** — „мягких"; ср. единственное число основы **вьс-**, шедшей по мягкому склонению.

В отличие от нынешнего **сами** (ср. и новые формы косвенных падежей **самих, самим** и т. д.), в памятниках находим и **самѣ** (Пролог, 1356). Установилась в литературном языке также форма именительного множ. числа **одни** (ср. и **одних, одним** и т. д.) и **они.**

Что касается последней, то она непосредственно не поддерживалась влиянием косвенных падежей с приметой **ѣ** и потому могла измениться в **онѣ** только уже в результате уподобления формам *тѣ, всѣ* и не иметь равной им стойкости.

Одни могло пойти своим путем сравнительно с другими словами местоименного склонения в виду звуковой его близости с **они.**

Сами могло утратить **ѣ** фонетически в неударяемом положении в конце слова (ср. **эти**, по происхождению указательная частица **э** и **тѣ**) и повести за собою остальные падежи, которые легко могли этому подчиниться, так как были под сильным влиянием *их, им* и т. д. (ср. *самоё* под несомненным влиянием *её*).

Существовавшее в грамматиках до 1917 года различение — **они, одни** — имен. мн. ч. мужского и среднего рода, **онѣ, однѣ**

(однѣхъ, однѣмъ и т. д.) — женского, — как и более раннее они — мужской, онѣ — женский и средний, явилось чисто искусственно и никогда не имело опоры в живом языке [1]. В говорах (об этом же говорят и памятники) было и есть или онѣ, однѣ для всех родов, или для всех же родов — они, одни.

Утрата старого различия рода во множественном числе прилагательных (в древнейшем славянском и старославянском муж. р. — ти, женск. — ты, средн. — та, соответственно в мягком склонении — м. р. вьси, ж. р. вьсѧ (др.-русск. вьсѣ), ср. р. вьса, вься — результат общей тенденции к утрате рода у прилагательных, не нуждавшихся в дополнительной характеристике при своем согласовании с существительными, тенденции, широко распространенной и в других языках.

Косвенные падежи множественного числа. Кроме замечаний, сделанных попутно по поводу форм именительного множ. ч., отметить еще следует немногое. Вероятно, влияние склонения прилагательных (членных) приводило в говорах к формам вроде *тыми* Дух. Ив. Калиты, *ис тыхъ селъ* Дух. в. кн. Ив. Иван. (если последние не являются остатками местоимения *той, тая, тое*). Тесная ассоциация *сей* и *тот* вызывала, напр., *до сѣхъ мѣстъ* (в моск. грамотах XV — XVI в.; ср. *до тѣхъ мѣстъ*). В говорах подобные формы известны до сих пор, но в литературном языке были явлением преходящим. Ср., впрочем, речение (*оказаться*) *ни в сех — ни в тех* — „ни при чем", употребляемое иронически и заимствованное, как можно предполагать, из диалекта.

Приставное -н- у местоимения 3-го лица. Появление в косвенных падежах форм местоимения и, я, е после предлогов начального н — явление уже древнейшего славянского языка. Возникло оно на фоне отношений звукового характера как результат так называемого переразложения. Как есть основания думать, некоторые предлоги, а именно соответствующие нынешним в, с, к, первоначально звучали вън, сън, кън (ср. греч. ἐν; лат. in; др.-инд. sam; др.-инд. kam). В положении перед согласными (кроме j) н фонетически утрачивалось, поэтому в случаях, вроде *вън — jемь, сън — jимь, кън — jему*, где все сочетание звучало „вънемь, сънимь, кънему" (с мягким н), предложная часть легко осмыслилась как въ, съ, къ, а местоименная стала пониматься как *немь, нимь, нему* и под. В дальнейшем это так называемое

[1] Ср. замечание в „Российской грамматике" Ломоносова: „Различіе рода во множественномъ не весьма чувствительно, такъ что безъ разбору одинъ вмѣсто другого употребляются; однако лутче въ среднемъ и въ женскомъ *онѣ*, а въ мужескомъ *они*" (§ 431).

приставное (эпентетическое) **н** стало особенностью сочетаний местоимения **и, я, є** со всеми предлогами и позже распространилось и на наречия-предлоги (ср. *кроме их — кроме них* и под.). В начале XIX в. еще, например, пишут *между ими, меж их.*

Кроме косвенных падежей местоимения третьего лица, это приставное **н** оставило след в словах: *недра* (из ст.-слав. *нѣдра*), ср. греч. ἦτρον „чрево" и *нутро*, ср. *утроба*. Оба слова искони особенно часто сочетались с предлогом **въ(н)** — ср. *внутрь, внутри*. Как на аналогию стоит еще указать на серб. *нугао* „угол" (ср. частое сочетание „в углу").

След былого **-н-** при предлогах имеем и в префиксах глаголов: *занять* (ст.-слав. ıѧти) — ср. взять (ст.-слав. въз-ѧ-ти), *зануздать* (ср. *узда*), *внушить* (ср. *ухо*) — из ст.-слав. вънушити; ср. и ст.-сл. вънити „войти".

При именительном и винительном **сколько, столько, несколько** и косвенных падежах старого именного склонения — род. п. (*до*) *сколька*, дат. п. (*по*) *скольку* — теперь обычны в косвенных падежах окончания членного склонения прилагательных множественного числа. Совершившийся, таким образом, разрыв между формою именительного (винительного) падежа и остальными является результатом различия в частости употребления: несравненно чаще нам приходится пользоваться при слове **сколько** его формою именительного-винительного, чем всеми остальными, вообще говоря, практически редкими. Влияние склонения членных прилагательных на косвенные падежи объясняется, вероятно, содействием в этом отношении склонения первых чисел: *двух, двум, трех, трем, четырех, четырем.*

С отношениями **сколько : скольких** ср. **много : многих** (с диференциациею значения — „многие").

§ 17. Из словообразования местоимений.

Тот представляет собою удвоенное **тъ — тътъ**. Так уже с XIII века. Потребность в таком образовании возникла в результате фонетического совпадения **тъ** с **то** среднего рода. Ср. параллельное древнерусское образование **сесь** из *сьсь*: ... Царь и великий князь Иван Васильевич всеа Русии ... сесь Судебник уложил (Судебн. 1550 г.)[1].

---

[1] О диалектной принадлежности *сесь* см. И. Ягич, Критические заметки, стр. 27, 124. Б. Ляпунов, Отз. о соч. Н. Каринского, 531.

Местоимения **кое-кто, кое-что, кое-какой, кое-где** и под. образовались присоединением спереди к основной части — именительного падежа средн. рода от вопросительного (относительного) местоимения *кой*. Независимость частей еще проявляется при управлении предлогами: *кое о ком, кое о чем, кое у кого*.

Ни со значением отрицания представляет препозитивный элемент в местоименных словах *никто, ничто, никакой, нигде*... и в устаревшем *никоторый*. Предлоги отделяют это **ни** от местоименной части: *ни о ком, ни о каком, ни к чему* и под. Ср. и старинное правописание: А клепати ему татю не велѣти ни кого (Судебн. 1497 г., 34).

Нѣ со значением неопределенности входит в состав нескольких книжных, заимствованных из старославянского местоимений: *некто, нечто, некоторый, некий, несколько*. Этимология этого **нѣ** — спорна: Миклошич выводил его правдоподобно со стороны семантической из „не вѣ" — „не вѣсть", т. е. „неизвестно". Бругман,— и такая догадка со стороны фонетической правдоподобнее,— сближает это **нѣ** с лат. nē, видя в нем первоначальное отрицание, приобретшее затем значение неопределенности [1].

В старинном языке это **нѣ** еще сохраняет свою обособленность, обнаруживающуюся при числительных в самостоятельном его употреблении в значении „около": И бѣ у неи людій нѣ 300 (Лавр. лет. — Бусл.) и в сочетаниях с предлогами; сравн.: Монахъ Филагрій сказалъ: нѣкоторое де время... случилось ему быть и обѣдать у еромонаха Доровея... (Дело Ник., 84). Кто похочетъ чего вѣдать от тѣхъ астрологовъ, тѣ имъ даютъ не по сколько денегъ (П. Толст.). Ср. и в народном языке — „не в котором государстве". В современном литературном языке **не** (из **нѣ**) [2] отделяется предлогом только у слов, где оно имеет значение сказуемого „нет": *не у кого, не при чем, не для чего* и под., но это **не** стоит с первым, если принять толкование Бругмана, только в отдаленном родстве: восходит оно к старому сочетанию *не е* (ср. *нѣту* из „не е ту" = тут; *нѣтути* из „не е ту ти" = тебе; *нѣт* из *нѣту* или *нѣ* и усилительной частицы *тъ*).

---

[1] Подробнее см. А. Преображенский, Этимологический словарь русского языка, I, 620.

[2] Ср. древне-русск.: ... И надъ воровскими... людми у засѣкъ тѣми пѣшими людми промышлять вскорѣ нѣкимъ (Мат. Раз. III, № 58). ... Росправы промежъ нами чинить нѣкому (Мат. Раз. III, № 47).

-либо: *кто-либо, что-либо.* Этот суффикс возводят с большою вероятностью к союзам-частицам *ли*+*бо* (к последнему ср. ст.-сл. *небо* „потому что"). Издавна сходство его со словом **любо** приводило к переосмыслению его как *любо... любо...*, т. е. „хочешь... хочешь..."; ср. в Русск. Правде (8—10): Мьстити брату брата, любо отьцю, любо сыну, любо браточаду, любо братню сынови. (Другие многочисленные примеры у Срезн., II, 84).

-нибудь: *кто-нибудь, что-нибудь, какой-нибудь, где-нибудь* и под. Этот суффикс восходит к сочетанию **...ни буди**, не примыкающему в древнерусском языке обязательно к местоимению: Мастеры, каковы ни буди (Ярлык хана Узбека 1315). А которого татя поимают с какою татбою нибуди впервые... (Судебн. 1497 г., 10). А которого татя дадут на поруку, в какове деле ни буди, и им исцов и ответчиков не волочити... (Там же, 36). А ищея пошлется на послуси в заемном деле без кабалы или в какове деле ни буди... (Судебн. 1550 г., 15). Или какое платно ни буди (Домостр., 29). К переходу **буди** в **будь** ср.: Или порядня домовитая какая ни буди дворовая (Домостр., 56) и там же: Где што ни будь попортилося.

Глагольного же происхождения более или менее близящиеся к роли формальных элементов сочетания: *кто бы (то) ни был, что бы (то) ни было, какой ни есть, какой ни на есть* и под.

Что касается последнего, то его **на**, скорее всего, представляет собою **най** („най есть"), префикс превосходной степени „какой ни най есть лучший" и под.

Очень прозрачно происхождение частицы **то** в *кто-то, что-то, какой-то, где-то,* представлявшей собою первоначально указательное местоимение. Семантический сдвиг — в духе распространенной языковой тенденции к переходу определенности в неопределенность, здесь имевшей еще особенно благоприятствующее условие в вопросительных предложениях.

Тяготеющей к срощению частицей является **за** при **что**: *что за человек* и под. Как ни разителен параллелизм этого сочетания с немецким was für ein, о заимствовании тут, как и в других славянских языках, трудно думать[1]. Правдоподобнее, что исходный момент этого оборота — сказуемое с за в значении „в качестве чего-нибудь": *Что за диво,* напр., могло сначала значить — „что такого, что идет за диво, принимается за диво",

[1] Даже для чешского доказано (Эртлем), что подобный оборот в нем возник не под немецким влиянием.

а после переосмыслиться в духе нынешнего значения, причем за стало сочетаться в других подобных фразах и с именительным лиц. В пользу того, что это факт вторичный, говорит употребление только *что за* и никогда не „кто за".

ИМЕНА ПРИЛАГАТЕЛЬНЫЕ.

§ 18. Склонение членных прилагательных.

Уже в древнейшем славянском образовалось два рода прилагательных: одни — нечленные (именные), склонявшиеся так же, как соответствующие имена существительные (ср. старослав. *новъ, нова, ново, синь, синя, синѥ*), другие — членные (местоименные), образовавшиеся сочетанием первых с местоимением јь, јі, јe = „тот, та, то" (*новый, новая, новоє, синий, синяя, синєє*). Даже древнейшие памятники старославянского языка в системе склонения членных прилагательных отражают уже нарушение старого принципа их образования: падежи твор. ед. муж.-средн. рода *новыимь*, дат. мн. *новыимъ*, твор. мн. *новыими*, местн. мн. *новыихъ*, дат.-тв. дв. ч. *новыима* не сохраняют в целости первой части образования (**омь, омъ, амъ, ами, ома, ама, ѣхъ, ахъ**) и заменили его заимствованной из других падежей приметой **ы**.

Как видим, все эти упрощения представляют факты гаплологические — выпали звуки, имевшие более или менее схожие соответствия во вновь присоединившихся окончаниях: тв. ед. муж. и ср. р. **-омь -имь**, дат. п. мн. ч. м. и ср. р. **-омъ -имъ**, твор. п. жен. р. мн. ч. **-ами -ими**, мест. мн. ч. муж. и ср. р. **-ѣхъ -ихъ** и под. Ср. и ж. р. твор. пад. ед. ч. **-оѭ -еѭ > оѭ**.

В других формах утрачена первая часть соответствующих форм местоимения: ст.-слав. *новыѩ* (из новы-ѥѩ), *новѣи* (из новѣ-єи) и под. Указанные изменения — явление уже дорусское.

В восточнославянском процесс затемнения старых отношений пошел еще далее.

Окончания род. п. мужского-среднего рода ед. ч. **-аего, -яего** сменились под влиянием местоимений новыми — **-ого, -его**. Древнейшие примеры указаны в Смолен. грам. 1229 г.

Параллельно **-уєму (-ууму), -юєму** в дат. пад. муж.-ср. р. заменилось на **-ому, -єму**. Засвидетельствованы эти окончания уже в церковных памятниках XI в.

Мест. пад. муж.-средн. р. заменил **-ѣємь, -иємь** на **-омь, -ємь**. Древнейшие примеры в Смол. гр. 1229 г.

Род. ед. жен. р. в соответствии старым ст.-сл. **-ыѩ** (русск. **-ыѣ**), ст. сл. **-еѩ** (русск. **-еѣ**) стал звучать **-оѣ, -еѣ**. В восточнославянских памятниках — с конца XI в. (Арханг. Ев.).

Дат.-местн. ед. ч. ж. р. вм. **-ѣй, -ий** получил окончания **-ой, -ей**. Древнейшие примеры — в грамоте 1229 г., — и под.

Формы типа **ы-ихъ, ы-имъ, ы-ими, и-ихъ, и-имъ, и-ими** стянулись в **ых, ым, ыми, их, им, ими.**

До реформы 1917 г. в родительном ед. ч. не под ударением писали **-аго, -яго** (приблизительно до третьей четверти писали также *нѣмаго, глухаго, чужаго* и под.), следуя за церковнославянскими образцами.

Другое внесенное реформой 1917 г. изменение — отказ от старого различения форм именительного падежа множ. ч. *новые, синіе* (м. р.), *новыя, синія* (жен. и средн.). Формы типа *новые, живые* восходят к старому винительному падежу мн. ч. мужского и женского рода — *новыјѣ, живыјѣ*, где *јѣ* фонетически перешли в *јe* (ср. *ее* из *јѣ*); *синие, дальние* — продукт аналогии к твердому склонению. Окончание **я** в *новыя, синия* представляет русскую передачу ст.-славянского **ѩ**, т. е. соответствует той же самой форме, искусственно расчлененной (ые, іе — мужской род; **ыя, ія** — женский). Ломоносов (§ 156) во множественном числе приводит как параллельные формы (без различения рода) *истинные* и *истинныя, прежніе* и *прежнія*. Востоков (§ 40) считает уже обязательной диференциацию, которую Ломоносов только намечал очень осторожно: „Сие различие букв **е** и **я** в родах имен прилагательных никакова разделения чувствительно не производит: следовательно обоих букв **е** и **я**, во всех родах, употребление позволяется; хотя мне и кажется, что **е** приличнее в мужеских, а **я** в женских и средних“ (§ 112)[1].

Очень распространено в XVIII веке и заходит в XIX век (Жуковский, Крылов и др.) употребление, главным образом в поэзии, формы родительного пад. ед. ч. женского рода на **-ыя**, представляющей руссифицированную в фонетическом отношении церковнославянскую форму. Ср.: ... Веселясь бы не встречала полуночныя звезды (Дмитр.). Досталось мне пасти иное стадо на пажитях кровавыя войны (Жуков.).

Склонение н е ч л е н н о е в современном русском языке, кроме некоторых притяжательных прилагательных, вымерло. Процесс утраты его остатков совершается на наших глазах.

[1] К истории вопроса см. „Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями акад. М. Сухомлинова“, т. IV, 1898, стр. 1 — 4 и 3 — 26.

Ср. у писателей: В первые два дня Петькиного пребывания на даче... (Л. Андреев). Левинсон распорядился, чтобы к вечеру собрался для обсуждения Морозкиного поступка сельский сход вместе с отрядом (Фадеев).

Естествен вопрос о причине, почему раньше всего утрачены в именном склонении формы твор. пад. ед. ч. муж. и сред. рода и дательный - местный ед. ч. женского, утрата, о которой свидетельствуют уже грамоты XIII — XIV в. В качестве догадок тут возможны такие. Повод избегать форм тв. ед. ч. типа *новомь, синемь* давало их совпадение с предложным ед. ч. прилагательных членных. Раннее отмирание нечленных форм дат.-предл. падежа жен. род. могло начаться прежде всего у тех, которые меня и **к, г, х** на **ц, з, с** (*льгъка, нага, лиха — льгъцѣ, назѣ, лисѣ*), и потом распространиться и на все другие.

Утрата косвенных падежей множ. числа стоит в связи с широко распространенной в языках тенденцией ограничивать для него выбор форм минимальным числом. Последняя особенность в свою очередь связана с значительно меньшей сравнительно с единственным числом употребительностью множественного.

В качестве форм именительного падежа множественного числа нечленных для всех родов употребляются вместо старых — муж. рода *нови*, женского *новы*, среднего *нова* — или **-и** (так в некоторых памятниках, начиная с XIII в.; ср. и современные формы прошедшего времени — *знали, вели* и под.), или **-ы**.

В современном литературном языке в употреблении от основ на твердый согласный только формы на **-ы**. У писателей XIX века иногда еще встречалась форма *ради*: Это кресло у меня уже ассигновано для гостя; ради или не ради, но должны сесть (Гоголь, „Мертв. души"), архаизм, выживший так долго благодаря тому, что слово *рад*, если не считать малоупотребительного *горязд*[1], — единственное в русском (и в некоторых других славянских), выступающее только в нечленной форме. Относительно нечастые (кроме слова *ради*)[2] уже в деловом языке XVII века формы на **-и**: Том - де (sic!) они перед великим государем виновати (Дело Ник., № 36). Да они ж повинни работать

---

[1] Как и естестренно, во множ. числе в древнерусском в употреблении *горазди*: ... А 2, государь, у нево сына грамоте умеют по книгам и петь горазди (Хоз. Мороз., № 84).

[2] См., напр.: ... И мы своего государя ради всем сердцем, что нас не погубил до конца (Сказ. о Псковск. взят., 10). И приезду есмя твоему добре ради (Отч. Я. Молв.). Ради там все концу нашему (Ист. об Азовск. сид., 10).

всякие дела на царском дворе, что прилучится, безденежно (Котош, 88). ...Еще не совершенно богати (Котош., 101). И они, стрелци, повинни ходить все на пожар (91). Да на святой, государь, неделе в понедельник, напився пьяни..., бились кулачки... (Хоз. Мороз., № 67). ...От тово оне и сыти и богати были (Хоз. Мороз., № 181). Волки бы сыти, а овцы бы целы (Ст р. сборн., 442),— являются, вероятно, продуктами двух разных влияний — книжного церковнославянского и диалектного (ср. южнорусск. *молоди, сыти, богати, ради, пьяни, голодни*, Орл., Тул., Ряз.,— Будде). Пословица: *Чем богати, тем и ради* восходит к подобным диалектам.

Писатели XVIII века (особенно поэты) свободно пользуются нечленными формами и в функции аттрибутивной.

§ 19. Сравнительная степень.

Сравнительная степень прилагательных рано утратила свою флексию (см. Синт., § 7) и приобрела функции наречий. С точки зрения словообразовательной нуждаются в замечаниях такие установившиеся в литературном языке формы сравнительной степени:

Окончание **-е** (исторически им. пад. ед. ч. средн. р.), обычное после **д, т, г, к, х** непроизводной (несуффиксальной) основы, как восходящее к старому сочетанию **je**, вызывает переход **д** в **ж**, **т** в **ч**, **ст** в **щ**; **г** изменяется в **ж**, **к** в **ч**, **х** в **ш**: *тверже, моложе, богаче, круче, проще, гуще, дороже, мягче, тише.*

Из основ, оканчивающихся на губной, слово *дешевый* образует сравнительную степень *дешевле* с рефлексацией **вл** перед былым **je**.

От старых прилагательных на **кий** с предшествующими зубными — **д, т, з**—сравнительная степень образуется непосредственно от корня с рефлексацией соответствующих зубных перед **j**: гладкий — *глаже,* гадкий — *гаже,* короткий — *короче,* близкий — *ближе,* узкий — *уже.* Причина того, что суффикс сравнительной степени в этих образованиях присоединяется непосредственно к корню, а не к суффиксальному **к̆**, лежит в том, что старые слова с суффиксальным **к** (-ък-) получили последнее, когда уже образования сравнительной степени существовали в языке. Надо однако иметь в виду, что эти отношения — факт очень давний, ибо формы с **-ък-** образовались уже в древнейшем славянском. К характеристике предшествовавших им ср.: лит. glōdùs, ст.-слав. **гладъкъ,** санскр. ąhúš — ст.-слав. *жзъкъ,* готск. hardus, лит. kartùs — ст.-слав. *кратъкъ.*

Подобным образом *высокий* и *широкий* с суффиксом **-ок-** образуют сравнительную степень в виде *выше, шире*. Но от *глубокий* не *„глубле“*, как ожидалось бы (ср. *дешевле*), а *глубже* из „глубче“ (быть может, под влиянием *ниже, ближе*). От слова *сладкий* (в русском языке церковнославянизм) сравнительная степень наряду с диалектным *слаже* звучит *слаще*, что восходит к „слажче“ (контаминации *слаже* и *сладче*)[1].

Больше, горше, дальше, дольше, больше, меньше, старше, тоньше имеют суффикс в форме имен. мн. ч. муж. р. (или ед. ч. среднего рода аналогического происхождения); ср. ст.-слав. склонение м. р. им. п. ед. ч. *мьньй*, род. ед. ч. *мьньша* и т. д., ж. р. им. п. ед. ч. *мьньши*, род. пад. *мьньшѧ* и т. д., ср. р. им. п. ед. ч. *мьнѥ*, род. п. *мьньша* и т. д., им. п. мн. ч. муж. р. *мьньше*, род. п. *мьньшь* и т. д. Параллельные архаизмы *болѣ, далѣ, тяжелѣ*,— вероятно, неправильные написания вместо *боле* и под., представляющих по происхождению им. пад. сред. род. ед. ч.

В других случаях выступают образования на **-ѣе**, **-ѣй**: *новее* (*новѣе*), *новей* (*новѣй*) и под. Первые формы восходят к именительному падежу ед. ч. среднего рода, основы на *ēį, вторые — к именительному же падежу ед. ч. мужского рода.

После **ж, ч, ш — ѣ** фонетически должно было перейти в **а** (ср. *ближайший, величайший, тишайший*), но в литературный язык вошли аналогические формы — *свежее, ловчее, звончее* и под. В севернорусском наречии им соответствуют фонетические формы на **-ае**, **-яе**, которым, наоборот, уподобились остальные: *сильняе, добряе*. Последние были в употреблении и в литературном языке почти до конца XVIII века. Ср. из др.-русского: Выше станут потому: Воротынский церковию, а Шереметев законом, что их Кирилова крепчае (Посл. Ив. Гроз. игум. Кир.-Белоз. мон., 6). Суд о них Ломоносова (Рос. грам., § 213) констатирует их отмирание даже на последних позициях: „Не рѣдко ради двухъ или трехъ **е**, первые склады составляющихъ, вмѣсто **ѣе** употребляется **яе**: *блекляе, свѣтляе*. Однако и *блеклѣе, свѣтлѣе* равное или лутчее достоинство имѣютъ“.

В ряде случаев в литературном употреблении долго конкурировали от многих прилагательных параллельные формы сравнительной степени; ср.: *твердѣе, громчае* (Ломоносов), *богатѣе, простѣе* (Карамз.) и под.

---

[1] Ср.: . . . Сладчая меду (Пам. Смутн. врем., 764).

§ 20. Склонение наименований чисел.

Замечания о склонении **один** сделаны выше (§ 16). **Дъва** и местоимение **оба** искони тоже склонялись как местоимения типа **тъ, та, то**, т. е. так как **дъва** и **оба** по значению могли принадлежать только к двойственному числу, им. пад. м. р. звучал **дъва**, женск. и средн. — **дъвѣ**, род.-мест. — **дъвою**, твор.-дат. — **дъвѣма**; им. м. р. — **оба**, жен. и средн. — **обѣ** и т. д.

Усвоение средним родом формы муж. рода явилось как естественный результат близости вообще склонения имен среднего рода к мужскому.

Замена старого род.-мест. *дъвою* формою **дву** отражает влияние флексии имен; ср. др.-р. *вълку, жену* (род.-мест. дв. ч.). Это **дву** держится в письменности очень долго. В XVII веке оно еще довольно часто: в дву закромах (Дело Ник., № 103); олова в двух бочках (там же, № 105); в дву лукошках (там же); дву камок вишневых четырнатцать аршин (там же); сотни случаев в Мат. Раз., но появление в живой речи **двух** свидетельствуется уже, напр., списками П. и И. „Домостроя“: в двух сих главизнах (см. Орлов, 124). И взять у властей двух старцов искусных и добрых (Дело Ник., № 94). Писал ко мне... полковник Федор Зыков и прислал двух мужиков (Мат. Раз. III, № 58). Прошу его королевского величества милости о том, чтобы мне господа была отведена на дву маскалей и на двух хлопца и челядника моих (Котош., XXV). И медведей двух великих отнял (Аввак., № 25, 79 стр.).

Сохраняется **дву** до сих пор в сложных словах типа *двудольный, двужильный*, при более новом **двух** — в случаях вроде: *двухэтажный, двухлетний*.

Остаток более давней старины имеем в *двоюродный*.

Нынешняя форма род.-предл. **двух** представляет, с укреплением в литературном и разговорном языке в роли определений членных прилагательных (*сильных, тихих*), продукт уподобления склонению их, причем форма эта осталась контаминационной — **дву-х** (из род.-предл. прилагательных). Правдоподобно, что решающая роль тут принадлежала ближайше родственным семантически формам *трьхъ* (трех) и *четырьхъ* (четырех).

Дат. **двум**, отражающий такое же влияние, прошел кроме того через влияние родительного-местного, откуда его -у- (ср. и **трем** из древнего **трьмъ**). Древнейшая форма — **двѣма**;

ср., напр.: А будетъ людемъ добрымъ двѣма или тремъ вѣдомо (Судебн., 1497, 46).

Твор. **двумя** вместо **двѣма** (ср. и **двѣмя**: И собрався пошли с Олаторя подъ Саранскъ декабря въ 11 день двѣмя дорогами. Мат. Раз., III, № 32), что касается его **мя**, теперь почти повсеместного в северноруcском наречии и переходных говорах (у тут тоже из родительного-местного), скорее всего архаизм и восходит, вероятно, к древнейшему славянскому -те (ср. остаток творительного падежа в *плашмя, стоймя* и т. п. — с **мя**, отличающимся от **ма** других славянских языков), если оно (**мя**) не получило мягкости под влиянием деепричастий.

Принимаемая многими догадка Лескина о контаминации окончаний **-ма** (дв. ч.) и **-ми** (тв. мн.) мне представляется менее правдоподобной.

В говорах бывших Вологодской, Пермской и Вятской губ. это **-мя** является приметой творительного и — реже — дательного падежей склонения местоимений и прилагательных: *имя, всемя, темя, своимя, добрымя.*

Древнейшие примеры форм на **-мя** в памятниках (XIV — XV вв.) тоже одинаково относятся к творительному и дательному: тремя имены (Ипат. сп. лет.), прешедшимъ четырьмя лѣтомъ (Жит. Мих. Клопского по Синод. сп. Макар. Миней, янв.), дорога тѣсна, двѣмя поити не льзя (Хожд. Аф. Никит.) и под.

Что формы на **-мя** остались в литературном языке приметой творительного, а дательный пошел путем уподобления прилагательным, это, вероятно, следует объяснить бо̀льшим сходством с **-ма** окончания тв. пад. **-ми**, нежели окончания дательного **-м**. Ср. укр. *очима, дверима* и под. только в функции творительного, тогда как первоначально окончание **-ма** было приметой творительного и дательного.

Оба — муж. и сред., *обѣ* — жен. в род.-местн., как и *два, двѣ*, наряду со старым **обою**, получили новую форму **обу**. Но рано в памятниках появляется и другая, отражающая влияние именительного падежа — **обѣю**:

Изъ обѣю очью яко слезы течаху (Новг. I л. 6847 г. по арх. сп. — Срезн.), повидимому, еще при поддержке старой формы дат.-твор. — *обѣма.*

В дальнейшем эта форма подвергается влиянию прилагательных и сменяется новообразованием **обѣихъ**:

И того жъ дни или на иной день обѣихъ, мужика и жонку... бьютъ кнутомъ (Котош., 116).

В XVIII в. узаконяются как параллельные **обоихъ** (собственно от „обое“ или „обои“) и **обѣихъ** (ср. „Рос. грам.“ Ломоносова, § 258), а в XIX в. Н. Греч произвольно устанавливает (Русск. грамм. 1827 г., § 128), что первое соответствует мужскому и среднему, а второе — женскому роду,— употребление, дожившее до наших дней.

С историей родительного-предложного (местного) параллельна история дательного и творительного. Ср.:

І въ приказѣ по исцѣ и по отвѣтчикѣ соберутъ поручные записи, что имъ къ суду обѣимъ стать на указной срокъ (Котош., 118). И черной дьяконъ Варламъ, имъ, ключаремъ обѣимъ, нигдѣ не говаривалъ... (Дело Ник., № 40).

На вопрос о том, чем был вызван разрыв в дальнейшей судьбе между **два, двѣ** с одной стороны и **оба, обѣ** — с другой, можно ответить, кажется, только соображением о том, что **оба, обѣ** были свободнее от влияния чисел (*трьхъ, четырьхъ* и больше) и по значению и по употреблению („они оба“, „их...“ „им...“) входили в сферу влияния местоимения „они“.

К склоняемым прилагательным в прошлом принадлежали и **трье** (м. р.), **три** (жен. и ср.), **четыре** (м. р.), **четыри** (ж. и ср.), но в русских памятниках не церковных не отражены ни древнейшее различие родов, ни формы род. мн. *трьй* (трей)[1], *четырь* (четырь).

Формы род. п. **трехъ, четырехъ** установились как заимствованные из местного падежа (ст.-сл. *трьхъ, четырьхъ*), но (вероятно, в отдельных говорах) некоторое время выступала еще и другая форма — **трею** (трею ангелъ, Чудов. Нов. Зав. XIV в. трею, Мстижское Ев. XIV в., трею сотъ, Посл. арх. Новг. Геннадия 1489 г.)[2], явный продукт влияния склонения *два*.

Творительный падеж **тремя, четырьмя** вм. старых *трьми, четырьми*[3] тоже отражает влияние флексии двойственного числа (с усложнением, о котором упоминалось при *двумя*), причем, как и при *двумя*, первоначально и дательный и творительный, видимо, в говорах совпадали (ср. дат. п. *чотырма человеком* в моск. грамоте ок. 1575 г. и примеры, приведенные при „двумя“). Из-

---

[1] В Новг. I лет. безъ тріи мѣсяць, 8 (Бусл.) следует, повидимому, *тріи* считать церковнославянизмом.

[2] См. А. Соболевский, Русск. Фил. Вестн., XIV (1910), стр. 129.

[3] Ср. еще в XVII в.: А по роспросу де унжан посадских людей, с тем вором Илюшкою под четырми знамены было воров человек с четыреста... (Мат. Раз. III, № 84).

редка встречается в др.-русском **треими** (Бусл.) — вероятно, под влиянием *объими*. Вполне прозрачно воздействие *пятью*, *шестью* и под. на форму **четырью**, которую еще Буслаев считал принадлежащей литературному языку его времени. Державин употребляет форму **четыремя** (Алмазна сыплется гора С высот четыремя скалами), отражающую влияние остальных падежных форм.

Числа **пять, шесть**... склонялись как имена существительные женского склонения на **ь**, и такое склонение сохранили до сих пор.

Из исторических отклонений характерно частое употребление, очевидно по аналогии *трех*, *четырех*, вин. падежа при названиях лиц в форме, совпадающей с родительным, у **пять, шесть** и под.: Послал де он к великому государю бити челом товарыщей своих казаков семи человек (Мат. Раз. II, № 26). ...И велел ему прислать в Дербень для пропитанья Астараханскаго листа подьячего и для проведыванья вестей прапорщика да осми человек солдат (Там же, № 30). ...И живых воровских людей на том бою взяли пяти человек... (Там же, III, № 28). Но ср. и: ... Кизылбашской шах сбирает своих ратных людей двенадцать тысячь (Там же, II, 30). А в языцех взял двадцать человек (Там же, III, № 5).

О род. п. мн. ч. **-десят** см. в „Замечаниях о словообразовании".

В системе чисел восточнославянских языков особняком стоит название четырех десятков — **сорок**.

Нет серьезных оснований сомневаться в том, что это первоначально имя существительное с материальным значением „рубаха": в „сорок" или „сорочок" вкладывалось 40 шкур соболей на полную шубу. Аналогии подобного перехода счета конкретного в абстрактный — в языках не редкость: датск. ol — 80, собств. „шест, жердь", по числу носимых на шесте рыб, словац. meru — 40, заимствованное из венг. méro — мера зерна, состоявшая из сорока более мелких единиц (Грюненталь) и под. Древнейшие тексты еще вполне отражают старинный характер слова: Се заложи Уласеи... пол села... в десяти рублех... да в трех сорокех белки (Закл. Вл. Степ. 1349 г.). А друг у друга межу переорет или перекосит на одином поле, вины боран, а межы сел межа тридцать бел, а княжа межа три сороки бел (Уст. Дв. гр. 1397 г.). А дал... на тих трех селех полшестадесять сороков белки, а пополонка конь ворон в пять сороков (Новг. купч. XIV — XV в.). Сорок соболей, цена сто пятдесят рублев, а по-

слан тот сорок в Литву (Расходн. кн. 1584—1585) и под. (Ср. Срезн., III. 465—466)[1].

В XVII веке мы имеем колебание между склоняемостью и установлением в косвенных падежах (кроме винительного) единой формы **сорока**: Сотникамъ по сороку и по 8 рублевъ (Котош., 90). Въ сорока алтынахъ (Дело Ник., № 105). А то де село отъ Шатцкого въ сорока верстахъ (Мат. Раз. III, № 67), но: ... И учали сбираться въ селѣ Мамлѣевѣ, отъ Арзамаса въ сорокѣ верстахъ (Мат. Раз. III, № 22). Въ селѣ Боркахъ, отъ Шатцкаго въ сорокѣ верстахъ (Мат. Раз. III, № 67).

В XVIII веке Ломоносов узаконяет первое со старинным этимологическим ударением: род. **со́рока**, дат. **со́року**, тв. **со́рокомъ**, предл. **о со́рокѣ**; мн. ч. **со́роки, со́роковъ** и т. д. (§ 255), но не точно; это правило, соответственно фактическому употреблению форм, уточняется Востоковым (Русск. грам., § 44) в том смысле, что такое склонение (он дает однако ударение уже современное), как—**сорока́, сороку́** и т. д., имеет место лишь при независимом употреблении слова. При сочетании с именем существительным родительный, дательный и творительный звучат одинаково **сорока**: *сорока человѣкъ, сорока человѣкамъ* и т. д., но *о сорокѣ человѣкахъ*; в составе сложных чисел и в этом падеже выступает *сорока*: *въ ста сорока пяти рубляхъ*. Как отступление у Востокова выступает при этом сочетание на вопрос *по скольку*?— *по́ сороку человѣкъ*. Эти достаточно пестрые отношения упрощаются и в фактическом употреблении и в грамматиках приблизительно только к средине XIX века. Множ. число от **сорок** встречаем только в архаизме *сорок сороков*, специальное употребление с **по** сменяется сочетанием с винительным: *по сорок рублей* (ср. и *по пять рублей* при *по пяти рублей*), предложный утрачивает свою обособленность. Причину установления именно формы родительного следует искать в аналогии *девяти, десяти*, повлиявших, между прочим, и на изменение места ударения; ср.: де́вять — девяти́, де́сять — десяти́.

Съто в древнейшем славянском и старославянском не имело никаких отличий от обычного склонения **о**-основ среднего рода.

---

[1] Нужно ли при этом предполагать заимствование слова из др. сев.-герм. serkr (Педерсен) или русск. **сорок** — слово, восходящее к давнему славянскому корню,— в данном случае не имеет значения. Со средн.-греч. σαράκοντα „сорок" его во всяком случае сближать нельзя: совпадение первой части случайное, а отсутствие второй и различие в месте ударения говорит против такой догадки. К литературе, указанной в „Этим. слов." Преображенского, теперь можно прибавить еще заметку Грюненталя в Arch. f. sl. Phil. XLII (1929), 318.

С XVI века в русском известны примеры нарушения этого склонения: сту саженми (великор. грам. 1588 г.).

Примеры правильного склонения: полуполковникомъ рублевъ по сту (Котош., 90), человѣкъ по сту (131), по сту рублевъ (Котош., XXIII). Во стѣ пудахъ мѣди (Дело Ник., № 42). А отъ Темникова во стѣ въ двадцати верстахъ (Мат. Раз. III, № 64). Да съ нимъ же, Михайломъ, быть служилымъ людемъ сту человѣкомъ (Там же, № 450). А на тѣхъ засѣкахъ стоятъ человѣкъ по сту (Там же, № 59). Азовъ не о сте глазовъ... (Стар. сборн. XVII в., 30).

В истории литературного языка XVIII и XIX в. **сто** идет параллельно склонению *сорок*. Это же замечание относится и к **девяносто**.

Собирательные **двое, трое, четверо** и т. д. представляют собою средний род в прошлом склонявшихся в согласовании с существительными прилагательных **дъвои, дъвоя, дъвоє... четверъ, четвера, четверо.** Средний род в именительном падеже установился, вероятно, под влиянием *сколько*. Склонение косвенных падежей подверглось влиянию членного склонения прилагательных во множественном числе. С *двое*, которое в древнем языке имело и склонение по единственному числу, ср. и вышедшее из употребления **обое** (сохраняется теперь только в поговорке: *обое рябое* и в выражении *обоего пола*).

Древнерусские формы типа **двои, трои, четверы** и т. д., как количественные числительные при именах существительных, названия которых употребляются во множественном числе (ср. Синт., § 8),— по происхождению прилагательные. В косвенных падежах от склонения *двое... четверо* они отличались только местом ударения: *двóих, двóим* и т. д., *чéтверы, чéтверых, чéтверым* и т. д. (Восток., § 44).

Параллельное им **обои**, напр., *обои очки, обои ножницы* (Восток., § 53), в косвенных падежах отличалось от *оба* тоже только ударением: *óбоих, óбоим* (от *оба* во время Востокова литературным ударением в дат. и творительном было *обóим, обóими*, существующее теперь только как диалектное).

§ 21. К словообразованию числительных.

Русск. **один** из **jед-инъ* — новообразование, заменившее старое **jед-ьнъ* под влиянием параллельного **инъ** „один" (ср. *инорог* „единорог"). Первая часть — **jед* — имеет значение „только". Форма им. п. ед. ч. муж. рода подверглась влиянию

инъ, тогда как другая осталась вне его благодаря отличию по ударению. К параллелизму ср. серб. јѐдан (из *јед̏ьн) и јѐдӣн[1].

Числа **одиннадцать, двенадцать** и под. исторически представляют собою сочетания **одинъ, дъва** и под. с предлогом **на** и соответствующим видоизменением *десять* (ср. ст.-слав. на десѧте — местн. пад.), совершившимся, повидимому, в условиях специального темпа произнесения числительных уже на восточнославянской почве.

Сознание некоторой обособленности частей отражалось еще в XVII в. во встречавшихся случаях склонения первой части: по девятинадцати алтын (Моск. грам. 1621г.), в трехнадцати семьях (Грам. 1637 г.). Будут лет пятинадцати или семинадцати (Котош., 33). ... Служилых людей на лицо нет пятинадцати человек (Мат. Раз. II, № 24). ... И секли их, воров, на пятинадцати верстах (Мат. Раз. III, № 32).

Названия десятков первоначально представляли сочетания склонявшихся **два, три** и т. д. со склонявшимся же как основы на согласный числительным *десять* мужского рода. К происхождению последнего ср. литовск. род. мн. dešimtų̃ с явным следом твердого склонения на согласный.

Первоначально эти сочетания звучали: *два десяти* (дв. ч. им. п.), *три десяте* (мн. ч. им. п.), *пять десятъ* (род. п. мн. ч.). Два первых, стоявших особняком (старое название четырех десятков вообще вышло из употребления), изменили трехсложную вторую часть с окончанием на мягкий согласный в **-дцать**, не без влияния, вероятно, чисел *одиннадцать, двенадцать* и под. *Пять десятъ* и под. сохранились и сохранили независимость склонения частей, но в косвенных падежах вторая часть утратила характер управляемой формы родительного падежа множ. числа и стала склоняться по типу *двадцать*, род. *двадцати* и под. В XVII веке еще сохраняется старина; ср.: В семидесят судех (Мат. Раз. II, № 21). Стоит в обозе от Арзамасу во штидесят верстах (Мат. Раз. III, № 16).

Вопрос о **девяносто**, засвидетельствованном в восточнославянских памятниках с XIV века, остается до сих пор нерешенным. Остроумна догадка Ржиги о том, что оно восходит к „девять-до-ста“ (и могло быть продуктом диссимиляции зубных, поддержанной влиянием *девятнадцать* и под.). Ф. Прусик,

[1] Важнейшая литература вопроса: Б. Ляпунов. Исслед. о языке Синод. сп. I Новгор. лет., 1900, стр. 286—287; E. Berneker, Slaw. etymol. Wörterbuch, I, 262 и N. van Wijk, Indogerm. Forsch., XXX (1912), стр. 382—388.

указывая на параллель греч. ἐνενήκοντα (из *neuenē-konta), лат. nōnāginta, возводит „девяносто" к древнейшему *neueno-(d) k̑m̥to. Если так, то из всех славянских языков только восточнославянские оказались бы сохранившими глубокую старину, причем архаическая форма лишь относительно поздно проникла в письменность.

Двести восходит к старому **дъвѣ сътѣ**, вероятно, с фонетическим изменением конечного неударяемого **ѣ**. **Триста, четыреста, пятьсот** и под., как свидетельствует склоняемость первой части,— старые сочетания *три съта* и под. **Пятьсот** и под. в косвенных падежах, как и *пятьдесят* и под., утратило старую управляемость второй части.

Полтора восходит к „полъ втора" (половина второго) Первая часть склоняется как старая ъ-основа *полу* (род. ед.), и эта форма закрепилась и за остальными падежами. Вторая часть слова изменяется соответственно роду — *полторы* (жен. рода). В начале XIX века еще склоняли: м. р.: род. *полутора*, дат. *полутору*, тв. *полуторым*, пр. *в полуторе*; ж. р.: род. *полуторы*, дат. *полуторе*, тв. *полуторыми*, пр. *в полуторе*.

Еще в XVII веке и отчасти в XVIII в широком употреблении образования типа *полтретья ведра*, *полтретьи версты* ($2^1/_2$), *полпята*, *полпяты* ($4^1/_2$) и под.: Противо дверей седят три болвана великие женскои по сажени по полутретье (Мат. пут. Ив. Петлина, 288). Ср. еще, напр., *съ полъ = 30* (Больш. Черт.) = 25. Изменялись они подобно *полтора*, *полторы*.

Ср. др.-русск.: И посечено от безбожного Мамая полтретья ста тысяч и три тысячи (Задонщ., 21). Ино по полутретья алтына на день харчу идет (Хожд. Аф. Ник.). К уже старинной тенденции утрачивать склонение ср.: ...И жили в Шемахе полпять недели (Мат. Раз. II, 31).

ГЛАГОЛЫ.

§ 22. Глагольная флексия (в связи с основами).

1. Русский язык, сравнительно с древнейшим славянским состоянием, претерпел очень значительные изменения в составе своих глагольных форм. Им утрачены из старых синтетических (цельных) формы преходящего, или имперфекта (прошедшего времени, описывающего со значением повторного действия или действия длившегося) и аориста (прошедшего, описывающего со значением момента совершения действия вне отношения

к длительности), и значение прошедшего приобрела причастная часть старой аналитической (сложной) формы перфекта (результативного настоящего); формы констатации факта совершения действия: *(при)шьлъ, -а, -о есмь*, *(при)шьлъ, -а, -о еси* и т. д., *(при)шьли, -ы, -а суть*, утратив вспомогательный глагол, перешли в современный язык в виде *(при)шел*, *(при)шла* и т. д.

Русский язык в данном отношении пошел путем, близким к тому, который мы находим в ряде других славянских языков — напр., в чешском, польском, словинском, утративших старые синтетические формы прошедшего времени и выдвинувших за их счет с теми или другими изменениями аналитические формы перфекта.

Распространенность схожих тенденций говорит за относительно устойчивые мотивы, определившие данные изменения. В качестве таковых можно выдвинуть следующее: значение флективных примет в аористе и преходящем в конечном счете при основах совершенного и несовершенного вида или приводило — при расхождении со значениями основ — к малосущественным (слишком тонким) оттенкам видовых значений, или, при совпадении с ними (приближении к ним), дублировало то, о чем говорила уже сама основа.

При общей тенденции языка освобождаться от несущественных формальных значений формы перфекта имели то преимущество перед синтетическими, что при единстве окончания для обоих видов давали возможность различить их одною основою: *поводил* и *повел*, *убил* и *бил*, *видел* и *завидел* и под. В памятниках светской письменности мы находим поэтому очень рано утрату аориста и преходящего и замену их формами перфекта. Уже в древнейших восточнославянских памятниках этого рода аорист и преходящее как живые формы не употребляются.

Возможно, если судить по интересным аналогиям материала, собранного С. Слонским[1] и друг., что и в русском борьба между синтетическими и аналитическими формами прошедшего времени проходила еще при влиянии известного отталкивания от морфологической омонимии: раньше свое место уступили аналитическим формам второе и третье лицо единственного числа аористов и преходящих, где формально лицо 2-ое и 3-ье совпадали: *несе* — „ты понес“ и „он понес“, *несѣаше* (не-

---

[1] St. Słoński. Tak zwane perfektum w językach słow. Prace filolog. X (23), 1—33.

сяше) „ты нес“ и „он нес“, *видѣ* — „ты увидел“ и „он увидел“, *видѣаше* (видяше) — „ты видел“ и „он видел“, и только позже их судьбу разделили и остальные формы.

Не может быть сомнения, что исчезновение аориста и преходящего, если даже их раннее отсутствие в актовом языке толковать только как отсутствие повода употреблять их по характеру самих текстов[1], к XV веку представляло во всяком случае совершившийся факт[2]. Любопытно, однако, для силы церковнославянской традиции в истории русского литературного языка, что аористы могли считаться допустимыми со стилистической установкой в поэзии даже в самом конце XVIII века. Мы читаем, напр., не у кого другого, как у архаизирующего А. Н. Радищева: Но не приспѣ еще година, Не совершилися судьбы (20).

2. Изменения внешнего вида унаследованных форм глагола отчасти фонетического, отчасти аналогического происхождения.

В 1-ом (-е-) и 2-ом (-не-) классах фонетической рефлексацией является в настоящем времени **-у** в 1 л. ед. из старого носового **о**: *несу, веду, двину*; фонетическую же рефлексацию старых *несемъ, ведемъ, тълкнемъ* имеем в *несём, ведём, толкнём* (ср. Фонет., § 5).

Никаких сомнений не возбуждает как аналогическая форма **2 л. мн. ч.**: вместо известных из говоров фонетических *несете, ведете, толкнете* литературный язык знает только *несёте, ведёте, толкнёте,* обязанные своим возникновением влиянию *несёшь, ведёшь, толкнёшь, несём, ведём, толкнём.*

2 л. ед. ч. не объяснено бесспорно: древнеболгарские (старославянские) памятники имеют сплошь окончание **-ши**, в древнерусских памятниках XII — XIII в. с сильным церковно-книжным влиянием тоже господствует **-ши**, в светских XIII в. **-шь**; о последнем окончании свидетельствуют также живые славянские языки и древнейшие их памятники. Относить однако последнее

---

[1] Ср. повествовательный характер аориста и преходящего, при констатирующем — перфекта. Подробно вопрос рассматривается Е. Истриной — „Синтаксические явления Синодального списка и Новгородской летописи“, Изв. Отд. русск. яз. и слов., XXIV, 2 (1923), стр. 97 — 125. У нее же ссылки на предшествующую литературу. Ср. еще А. Потебня. „Из записок по рус. грамм.“, II_2 (1888), стр. 231 и дал.

[2] Ср. в XVI в. такой, напр., случай непонимания аориста: Послах де есми по всем градом на еретики грамоты (Посл. новгор. архиеп. Геннадия митрополиту Зосиме).

окончание к древнейшему славянскому языку, как параллельное окончанию -ши, уверенно нельзя в виду того, что -шь может быть продуктом особной жизни славянских языков, и думать так можно по следующим основаниям:

1) Хотя в древнеболгарском сплошь имеем -ши, в современном болгарском выступает только окончание -ш, которое могло явиться из -ши в результате уже отмечавшейся выше тенденции сокращать окончания, обеспечивающие и в сокращенном виде нужную морфологическую очерченность; 2) близко родственный русскому языку украинский одинаково имеет окончание -ш, но без перехода предшествующего **е** в **і**, хотя при исконности -шь такой переход должен был бы иметь место (ср. фонетически схожие формы: *вів, віз, грабіж* и под. из *велъ, везъ, грабежь*); укр. формы на -ши в говоре карпатских лемков, весьма возможно, представляют собою остаток старины, так как их никак нельзя истолковать как новообразование.

Переход *несешь* в *несёшь* и под. — чисто фонетический (**е** перешло в **о** со смягчением предшествующего согласного перед отвердевшим **ш**; см. Фонет., § 5).

Наиболее спорным является вопрос **о 3 л. ед. ч.**

Сопоставление фактов старославянского языка и живых славянских склоняет к мысли, что древнейшие отношения, из которых развились современные, близко соответствовали тому, что мы в настоящее время имеем в литературном украинском: в I, II и III классах (т. е. классах с приметами -е-, -не- и -j(i)е- — отсутствие окончания (чистая тема), в IV (-и-) и V (на согласный) -ть в соответствии древнейшему *ti*: **несе*, **веде*, **мокне*, **тълкне*, **чеше*, **ръже*, но *носить, водить*; *дасть, ъсть.* Позже окончание -ть в большинстве русских говоров распространилось и в классах I, II и III.

В объяснении нуждается следующее. До второй половины XIV века в памятниках, отражающих русский язык, пишется 3-е лицо ед. ч. исключительно с -ть, а не с -тъ (которое, кстати сказать, подкреплять могли и влияния церковнославянского языка); -тъ появляется впервые как бесспорный факт в Духовной Дмитрия Донского: вѣдаетъ, перемѣнитъ.

Некоторые склонны изменение -ть в -т толковать как фонетическое, совершавшееся параллельно в 3 л. ед. ч. и в 3 л. мн. ч., где вместо как можно догадываться, исходных nesǭ, vedǭ, tъlknǭ, češǭ, režǭ, nosę̄tь, vodę̄tь, dadę̄tь, обобщилось -ть, выступающее затем в виде -тъ в то же самое время и в тех самых

памятниках, что и **-тъ** 3 л. ед. ч. Ср. в Дух. Дмитр. Донск.: имутъ, потянутъ.

Фонетическое объяснение сталкивается со значительными трудностями: если отсутствие отвердения в *кость, грудь* и под. можно объяснять влиянием всей системы склонения основ на **ь**, то совсем трудно понять отсутствие отвердения в морфологически изолированных наречиях *вспять, опять*[1], или в слове *есть* — „имеется“ [2]. С этой же точки зрения привлекают к себе внимание и факты некоторых говоров бывш. Олонецкой губернии: *идуть, несуть, глядять* и под., при *идет, несет, глядит* и под.

Более вероятно поэтому морфологическое объяснение: **-тъ**, вероятно, существовало в отдельных северных говорах как наследие уже древнейшего славянского диалектного дробления, и только относительно поздно такие говоры, далее усилившиеся вообще в своем значении, проникли в письменность. Как и старославянское **-тъ** в 3 л. ед. ч., русское -т, может быть, восходит к очень древнему влиянию 3 л. ед. ч. аористов типа *питъ* (ср. *пи*), *умьрѣтъ* (ср. *умьрѣ*), в которых **тъ** по происхождению параллельно др.-прусским формам 3 л. ед. ч. на -ts из -tas (dinkauts и под.), в свою очередь представляющего указательное местоимение (Фортунатов) [3]. Не исключена также (но не больше) возможность, как допускал В. Богородицкий („Очерки по языковед. и русск. языку“, 3 изд., стр. 431), что в данном случае отразилось в древнейшем славянском влияние окончания 3 л. ед. ч. повел. наклон.: санскр. bhára-tu. Под влиянием форм 3 л. ед. ч. изменилось и окончание 3 л. мн. ч., и только отдельные архаические говоры бывш. Олонецкой губернии, о которых упоминалось выше, может быть, сохраняют еще следы первоначальных отношений.

Возможна, наконец, догадка, что отвердение **-ть** совершалось в севернорусских говорах только в положении перед твердым согласным следующего за глаголом слова (*несеть дрова, ходить по полю* изменялись в *несет . . ., ходит . . .*). В дальнейшем формы

---

[1] Вряд ли можно довериться одному случаю такого отвердения, известному мне из описания Константинополя XIV в., изд. М. Н. Сперанским (Из старинной Новгор. литературы XIV в., 1934, стр. 129): . . . да не возврати(т)с(я) въспят. . .

[2] Об отталкивании от омонима *ест* не приходится думать, поскольку то же самое мы имеем в говорах, где *ѣст* > *ист.*

[3] Старославянское **-тъ** в третьем лице глаголов. Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, XIII_2, стр. 1—44.

Ранее гипотезу о влиянии местоимения **-тъ** поддерживал Р. Брандт в „Грамматических заметках“, I, 2 изд. 1886 г.

на-т обобщились, причем *несет* и под. в соответствии со старой фонетической тенденцией изменилось в *несёт* и под. Приведенные факты различной судьбы окончания единственного и множественного числа в олонецких говорах пришлось бы при этом объяснять как семантическую утилизацию вариантов.

Нескольких дополнительных замечаний требует V (атематический класс): кроме *есть* (3 л. ед. ч.), к нему относятся в русском литературном языке в настоящее время только два глагола: **дам** и **ем**. Изменения, которым они подвергались исторически, — главным образом аналогического порядка; фонетическим является только переход конечного **мь** в **м** (отвердение) в 1 л. ед ч.: *дамь, ѣмь > дам, ем.* Последнее изменение привело к настойчивой потребности устранить совпавшие таким образом с 1 л. ед. ч. формы 1 л. мн. ч. (*дамъ, ѣмъ*). Это устранение в русском языке совершилось сравнительно с другими славянскими языками своеобразно: как формы 1 л. мн. ч. настоящего времени стали употребляться формы 1 л. мн. ч. повелительного наклонения — *дадимъ, ѣдимъ*, откуда современные **дадим, едим**. Хотя такое изменение мы видим только в русском языке (и в одном говоре болгарского языка — у банатских болгар), смысловые основания для него, рассуждая теоретически, были вообще благоприятны: глагол **дамь** искони имел значение будущего времени, значение, близко соприкасавшееся с адгортативным (пригласительно-побудительным) 1 л. мн. ч. повелительного наклонения. Что касается *ѣдимъ*, то путь для его проникновения в настоящее время зависел уже от влияния сходного принадлежностью к тому же классу *дадимъ*.

Замена старых **дамъ, ѣмъ** новыми формами настоящего времени — *дадимъ, ѣдимъ* благоприятствовала далее усвоению и 2-го лица повелительного наклонения **дадите, ѣдите** в роли настоящего времени. Стало это тем легче, что вместо формы *дадите* рано в той же функции повелительного наклонения начали употреблять образование от параллельной основы: *дай, дайте*, и форма *дадите* тем самым оказалась поддающейся использованию для новой морфологической роли[1]. Что именно таков был путь аналогии (сначала в значении будущего

[1] Благоприятствовала ли еще усвоению *дадим, дадите* форма 3 л. мн. ч. *дадять* (ср. *простим, простите : простят* и под.), нельзя сказать определенно, так как данные памятников не позволяют решить вопроса, что̀ установилось раньше — *дадите* и *дадим* при *дадять* или *дадуть* (см. ниже) еще при *дамь, дате*. Теоретические соображения, однако (о которых ниже), скорее ведут к последнему предположению.

времени изъявительного наклонения стала выступать форма 1 л. мн. ч. повелительного наклонения, а затем и 2 л. мн. ч.), об этом говорят и факты белорусских говоров, отражающие подобный процесс вытеснения в первую очередь старой формы 1 л. мн. ч. *„дадзём, ядзём“* (с приравнением к 1 классу), но 2 л. мн. ч. *дасьцё, ясьцё.*

Хронологические данные, которые извлекаются из памятников, в общем согласуются с высказанными предположениями.

Отвердение конечных губных свидетельствуется определенно в новгородском и московском говорах с XIV в., причем раньше после палатальных, чем непалатальных. Первые случаи появления основы *дад-* в роли будущего времени встречаем с XIV же века: не выдадите (Новгор. летопись); *даи* в великорусских памятниках (один из первых случаев в Новгородском ев. 1355 г.) — со средины XIV в.

Форма 2 л. ед. ч. вместо старого **-си** — *даси, ѣси* (ср. укр. *даси, їси* и *даси, еси* в некоторых севернорусских говорах) по образцу всех остальных классов получила, насколько можно судить по памятникам, около XIV в. (до избытка ѣши — Псалт. Публ. Б-ки, 4), окончание **-шь** (**-ши** в форме *ѣши* — несомненно искусственная комбинация традиционно-церковного **-си** с живым **-ш**).

В форме 3 л. ед. ч. в севернорусских говорах произошла замена старого **-ть** новым **-т**, заимствованным из других классов: **даст, ест.**

Наименее ясны условия, вызвавшие замену в 3 л. мн. ч. старого **дадять** (я из носового е) новым **дадуть** (*дадутъ*). Предложенные объяснения не устраняют трудностей: так, указывалось (Вондрак) на возможность влияния *будут,* — такая догадка хорошо бы объясняла различие *дадут,* но *едят,* так как значение будущего времени принадлежит только первому, но при ней остается сомнительным влияние слова с другим местом ударения (бу́дуть - дадя́ть). Более правдоподобным было бы объяснение, если допустить, что впервые такой переход совершился в сочетаниях условных типа „... а будуть дадять“ = „а если дадут“. Высказывавшаяся догадка о влиянии причастий настоящего времени (ср. ст.-слав. им. ед. ч. муж. р. *дады,* род. *дадѫшта,* им. ед. ч. жен. *дадѫшти,* род. ед. ч. жен. р. *дадѫштѧ* и т. д., чему соответствуют русск. формы — *дадуча, дадучи, дадучѣ* и под.) убеждает еще меньше, в виду малой употребительности этого причастия именно от данной основы.

Замена в литературном языке и в говорах формы *дадять*

господствующею теперь *дадут* совершилась, вероятно, еще до проникновения в парадигму форм *дадим, дадите*, которые поддерживали бы старинное окончание -ят- по аналогии IV класса (*хвалим, хвалите, хвалят* и под.), и с таким предположением в согласии стоит укр. *дадуть* при *дамо, дасте.*

Слабая убедительность догадок о форме 3 л. мн. ч. *дадуть, дадут*, как обязанной своим появлением позднейшим морфологическим влияниям, заставляет серьезно считаться с другой возможностью. Такого рода формы в настоящее время полностью охватили все восточнославянские языки, болгарский и сербохорватский[1], в которых на существование форм дадѧтъ, дадѧть указывают только древнейшие памятники. Факты, сохраненные санскритом — 3 л. мн. ч. dád - ati, но ad - ánti, свидетельствуют о старинном морфологическом различии в 3 л. мн. ч. наст. вр. между корнем со значением „дать" и корнем со значением „есть". Не вдаваясь в сложные детали вопроса, такие, напр., как славянская рефлексация слоговых носовых, можно предполагать, что современное русское отношение *дадут*, но *едят*, принципиально восходит к глубокой старине, причем наряду с *дадѫть существовал параллельный ѣдѧть дублет дадѧть, раньше проникший в памятники, но в подавляющем большинстве восточно - и южнославянских говоров вытесненный более в них издавна распространенным дадѫть.

Распределение форм настоящего времени по классам в существенном в русском языке продолжает отношения, унаследованные из древнейшего славянского. Обращает на себя внимание сравнительно с другими языками относительно немногое:

1) **Хочу, хочешь, хочет** (III класс), **хотим, хотите, хотят** (IV класс), при инфинитиве **хотеть**, предполагающем образования IV класса. В подавляющем большинстве славянские языки свидетельствуют о том, что настоящее время этого глагола шло по спряжению III класса и только 3-е лицо мн. ч. выступало в форме IV класса; ср. ст.-слав. *хотѧтъ* при остальных формах с основой *хоште* — из *chotje — и укр. *хоче* и т. д., *хочуть* при *хотять, хтять*. Такое смешение обоих классов — явление уже глубокой древности. Повидимому, в русском влиянию именно 3-го лица мн. ч. обязаны своим появлением **хотим, хотите**, факт, аналогичный которому находим, напр., в болгарском говоре Ахръчелеби (в Родопских горах). Высказывалось мнение (Вондрак, Vergleich. slav. Gramm.[2], II, 120), что первоначальны именно

---

[1] В словинском dadé$_c$ и dadó$_c$, jedé$_c$ и jedó$_c$.

отношения русского литературного языка, но такая догадка имеет против себя слишком много показаний других славянских языков.

2) **Бегу, бежишь, бежит, бежим, бежите, бегут.**

К инфинитиву **бежать** и в соответствии формам 2 л. ед. ч. и под. ожидалось бы 1 л. ед. ч. „бежу“ и 3-е л. мн. ч. „бежат“, известные в старославянском и в диалектах. Ср. и в памятниках: И отъ великаго князя Дмитрия Ивановича стязи ревутъ, а поганые бѣжатъ (Задон., 19). Повидимому, парадигма настоящего времени в том виде, в котором мы ее теперь имеем в литературном языке, представляет продукт спайки двух разных: на спряжение типа **бегу, бегут** указывает, напр., украинский инфинитив *бігти*, которому соответствует русский диал. (*по*)*бечь*. Ср. из литературного языка XVIII века: Так должны ямщики тогда все были бечь (Вас. Майков, Елис.). Формы *бежешь, бежет* и под., однако, фактически не засвидетельствованы, и предполагаемую контаминацию можно принять только как явление очень раннее.

3) **Чту, чтишь, чтит, чтим, чтите, чтут.**

Чтишь и под. представляют собою образования к **чтить.** Формы 1 л. ед. и 3 л. мн. ч. заимствованы из другой парадигмы; ср. **про-чту, про-чтут (про-чтег, про-чтем...)** к инфинитиву **про-честь.** Известная роль при отклонении могла принадлежать тому обстоятельству, что фонетически возникавшее „ччу“[1] было воспринято как необычное в общей системе языка (ср. не вошедшие в употребление формы *тчешь, тчет* и под. к *тку*, которые фактически звучали бы как „ччош“ и под.). Вслед за **чту** в употребление вошло и **чтут** благодаря обычному сходству 1 л. ед. ч. и 3 л. мн.: *берегу — берегут, толку — толкут* и под.

4) Формы настоящего времени к **дышу** — инфин. **дышать** — относятся исторически к IV классу, т. е. звучали *дышишь, дышитъ* и т. д. с ударением этого класса у глаголов, имевших инфинитивы на -ěti, после шипящих — ati: дышишь и т. д. Такое ударение действительно засвидетельствовано у поэтов XVIII века (В. Майкова, Державина). Параллельно существовали формы III спряжения: **дышу, дышешь, дышет..., дышут** к инфин. **дыхать** (ср. укр. дихати — дишу, дишеш). В результате слияния двух спряжений установился инфин. **дышать**, но со спряжением настоящего по III классу.

---

[1] О такой украинской форме упоминает Соболевский. Лекции по истории русского языка, 3 изд., 107 стр.

5) Два спряжения: **гудеть, гудишь** и т. д.; **густи, гуду, гудешь** с фактической утратой инфинитива *густи* слились теперь в одно: *гудеть* является инфинитивом к обоим типам; *гуду* и т. д., впрочем, тоже вымирает.

6) К инфинитиву **гнать** вместо принадлежавшей ему системы форм настоящего времени первого класса (ср. укр. *жену, женеш* и т. д.) установились формы **гоню, гонишь**, в прошлом соотносительные с инфинитивом *гонити* (ср. укр. *гонити*). Ближайшая причина утраты форм типа *жену, женешь* и т. д. — их звуковая отдаленность от *гнать* и вызванный этим разрыв былой ассоциации.

7) К инфинитиву **реветь** настоящее время — **реву, ревешь...**, **ревут**, а не „ревлю", „ревлишь" и т. д. Как показывают другие славянские языки, флексия настоящего времени соответствует старине, а нов в русском языке инфинитив, вытеснивший старое „рюти". Ср. новообразования и в украинском языке — *ревти* и *ревіти*.

8) К инфинитиву **ушибить** будущее — **ушибу, ушибешь...**, **ушибут**. Нов, видимо, инфинитив, заменивший прямое соответствие *шиб-ти, которое фонетически совпало бы с „шити".

9) **Живу, живешь** и т. д. при **жить**. Звук *в* здесь, как в ряде других языков, из прилагательного *жив*.

10) **Даю, даешь...** при инфинитиве **давать** и повелительном **давай**. Старославянский язык имеет *даяти* и *раз-давати* и под. при настоящем времени *даєши* и *раздаваєши* и под. И в древнерусском и в говорах нередки формы настоящего времени типа *даваю*.

Формы повелительного наклонения **давай, давайте** своим появлением обязаны были тому, что *дай, дайте* оказались уже использованными в значении совершенного вида.

Даю при **давать** — нередкое в истории языков супплетивное разрешение былого параллелизма форм.

Примечание. Связь **спать** и настоящего времени **сплю, спишь** и т. д. (IV класс) — явление уже древнейшего славянского языка, до сих пор не получившее удовлетворительного объяснения. Ср., однако, старославянское усъпати, усплѭ, усъплєши и т. д. (по III классу).

§ 23. Повелительное наклонение.

Сравнительно с древнейшим славянским русский литературный язык отражает ряд упрощений (выравниваний).

Мена велярных типа *пьци, тьци, жьѕи* в языке исчезла, и современные формы звучат **пеки, теки, жги**.

В формах 2 лица мн. ч. **-ѣ-**, составлявшее особенность I и II классов, вытеснено окончаниями 2 л. ед. ч. в параллель отношениям в III и IV классе: **несите, ведите, толкните** вместо старых *несѣте, ведѣте, тъкнѣте.*

Глаголы, имевшие в соответствии **-е-** корня настоящего времени перед **к, г**, в повелительном наклонении **ь** перед **ц, дз** (s), теперь звучат с **-е-** и в этом последнем: **пеки, теки** вместо старых **пьци, тьци.**

В IV классе вместо старых отношений *ѣжь — ѣдите* установилось **ешь** (фонетически вместо „ежь"), **ешьте.** К основе **дад** — установилось повелительное наклонение от основы *дай* — **дай, дайте.**

К явлениям фонетически-морфологического порядка относится имеющее многочисленные параллели в других славянских языках историческое отпадение в классах I, II и III конечного **и** во 2 л. ед. ч. и выпадение старого и или **и** вместо *ѣ* в форме 2 л. мн. ч., если ударение искони падало не на них, а на корневой слог: **будь, будьте, стань, станьте, режь, режьте,** из древнейших *бу́ди, бу́дѣте, ста́ни, ста́нѣте, рѣ́жи, рѣ́жите.*

Распространенность этого явления в славянских языках, и среди них — в русском, объясняется тем, что формы повелительного наклонения вообще в силу своей специфической аффективности легко подвергаются изменениям, не идущим линиею фонетических законов, действующих по отношению к другим словам; в частности, среди тенденций, свойственных этим формам, очень характерно частое изменение интонаций сравнительно с этимологическими (исходными) и сокращения вроде констатированного.

Особняком стоящие в системе русских глаголов формы повелительного наклонения **ляг, лягте** объясняются как результат действия последовательно проведенной аналогии настоящего времени (1 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч.) — *лягу, лягут,* звук **г** которых вытеснил **дз (s)** повелительного наклонения; ср.: *береги, стереги* и под. вместо старых форм типа *березн, стерезн,* и отпадения **и**, не находившегося под ударением. Подобно *береги, стереги* явилось и **беги, бегите** к *бегу, бегут.*

Наряду с ними, однако, в говорах широко распространены отражающие влияние настоящего времени *бежишь, бежит...,* инфинитива *бежать* формы „бежи, бежите". Ср. и в древнерусском: Побѣжи ты, поганый Мамай, отъ насъ (Задон., 20).

В глаголах на **-аю, -ею, -ую** и в таких, где окончание и приходилось после гласного основы **или й**, и фонетически изменилось

в й: **давай, давайте, умей, умейте, толкуй, толкуйте, бей, бейте, пей, пейте, мой, мойте** из древнейших *даваи, даваите, умѣи, умѣите* и под.

В глаголах IV класса (-і-) характерно различие между повелительными формами от глаголов с основой на **о**, имеющих инфинитивы на **-ять**, и теми, которые имеют инфинитивы на **-ить**: стоять — **стой, стойте**, бояться — **бойся**, но доить — **дои**, кроить — **крои**, где, повидимому, известная роль принадлежала влиянию ударяемого **и** в инфинитиве. Отпадение конечного **и** в глаголах IV класса с ударением в настоящем времени на корне, вроде поло́жь (ср. речение „вынь да положь"), известно только в говорах.

Утрата формы повелительного наклонения от *поѣду*, бывшей в употреблении еще в литературном языке XVII века: И он мне сказал: поедь де с великим государевым делом (Дело Ник., № 41), И поедь прямо в церковь соборную (Там же), и замена ее соответствующею от „поѣзжать" — **поезжай** вызвана специальным мотивом.

§ 24. Формы прошедшего времени.

Нуждающиеся в объяснении факты структуры нынешних фор́м прошедшего времени (по происхождению причастий) немногочисленны. В важнейшем они фонетического характера. Сюда относятся: отпадение **л** после согласных (кроме **т, д**) на конце слова (в форме мужского рода ед. ч.): *мог* из „моглъ", *пек* из „пеклъ", *вез* из „везлъ", *греб* из „греблъ", *умер* из „умьрлъ" и под.; упрощение групп **тл, дл** в **л**: *шел, шла* из „шьдлъ, шьдла", *плел, плела* — из „плетлъ, плетла",— явление очень давнее, общее восточнославянским языкам с южнославянскими и хронологически во всяком случае до - восточнославянское. Отношение форм *запер, умер, вытер* и под. из „запьрлъ, умьрлъ, вытьрлъ" и под. к инфинитивам *запереть, умереть, вытереть* и под. (древнейш. слав. *-per-ti, *-mer-ti, *-ter-ti) отражает факты уже старейших чередований (см. Фонет., § 7).

В соответствии с производным характером II глагольного класса с приметой -**ну**- (**нѫ**) в инфинитиве (с относительной продуктивностью приметы), в формах прошедшего времени определенного типа она может отсутствовать. Древность этого явления подтверждается и украинским, где, однако, чаще, чем в русском, формы прошедшего времени влияют на инфинитив: *замерзти, охляти* и под. (прош. вр. *замерз, охляв*).

Со сравнительно-исторической точки зрения **-ну-** (из **-нѫ-**) в инфинитиве и прошедшем времени должны рассматриваться как новообразования уже древнейшего славянского языка. Факты других индоевропейских языков указывают, что подобные суффиксы первоначально с определенными оттенками значения характеризовали только настоящее время. Древнейшее состояние на славянской почве сохраняет глагол *стану* (со значением будущего времени): суффикс **-нѫ — не-** у него одного остался вовсе не вовлеченным в систему инфинитива — прошедшего времени — *стати* (*стать*). У других глаголов из настоящего времени его усвоили уже в глубокой древности инфинитив и прошедшее время, причем в последнем он оказался, однако, обусловленным рядом ограничивающих моментов.

Отсутствует **-ну-** только в случаях, когда оно не стоит под ударением и имеет или имело перед собой согласный и когда соответствующий глагол не обозначает мгновенного действия: *мерз*, *мок*, *сох*, *увял*, *погиб*. Почти до самой средины XIX века нередко употреблялись формы с **-ну-**, где теперь мы это **-ну-** опускаем.

§ 25. Сослагательное (условное) наклонение.

Формы условного и желательного наклонения, выражавшегося, вероятно, в древнейшем славянском так же, как и в древнейших старославянских памятниках, сочетанием причастий прошедшего времени на **л** и особых форм **бимь** (1 л. ед. ч.), **би** (2—3 ед. ч.), **бимъ** (1 л. мн.), **бисте** (2 л. мн.), **бишѧ** (3 л. мн. ч.), в русском языке не засвидетельствованы: они в нем вышли из употребления еще до появления первых памятников. Что привело к исчезновению во всех славянских языках вообще и в русском в частности именно их, трудно сказать, но вытеснившие их параллельные формы — причастий на **л** и **быхъ, бы, бы, быхомъ, бысте, бышѧ** — уже в древнейших памятниках выражают те самые значения, и ясно, что в языке должно было выжить только или то, или другое употребление.

Восточнославянские памятники до XIV века включительно пользуются формами такого типа, но в некоторых из них уже проявляется своеобразная „рационализация“, с течением времени охватившая весь русский язык: согласование с подлежащими собственно глагольной части утрачивается, центром глагольности становится бывшая причастная часть, а из всей системы форм вспомогательного глагола удерживается только 2—3 л. ед. ч. **бы**, превращающееся для всех лиц и чисел в тяготеющую

к союзам формальную частицу, носительницу модального значения. Первые примеры новой структуры формы Соболевский указывает в Новгородском Милятином Ев. 1215 г.: Аще бы в Турѣ быша силы былы,— где бы при *быша* свидетельствует об искусственности употребления последнего, и в Московском Ев. 1339 г.; Аще бы слѣпи были (при искусственном сочетании, параллельно приведенному из Милят. Ев.: Аще бы мя бысте вѣдали, и др.). Лихихъ бы есте людии не слушали (Дух. в. кн. Сем. Ив.)[1].

Наряду с употребительной и сейчас формой сослагательного (условного) наклонения, древнерусскому в более редких случаях было известно употребление в той же роли в безличных предложениях при *мочно*—„можно", *пригоже*—„уместно, полезно" и под., *довелось* и под. слова **было**, функционально равного частице бы: И говоря то, проливает многие слезы. А и то было тебе, милостивый королю, мочно разумети: как толке твой холоп тобя, или брата твоего, или сына у тобя истеряет, да завладеет твоим царством, каково тебе в те поры будет (Память. Смут. врем., 23). А и то было вам пригоже знати, какое утеснение от изменника нашего Бориса Годунова было вам... (Там же, 45). А гостя, которого дом разграбили, пожаловал царь, не велел с него имать пятые денги, а довелось было с него взять болши 15.000 рублев (Котош., 104). А ныне, оставя паству свою, не довелось было ему о таких делах и поминати (Дело Ник., № 5). И Стенка де ему, Леонтью, говорил: которыя де знамена и пушки отдал он и в Астарахани, и те отдать было не довелось: по грамоте де великого государя милостивой велено им, казаком, идти на Дон, а об отдаче де знамен и пушек ничего не написано (Мат. Раз. II, № 24). Тебя было в совет и принимать не надлежало (Сумар., Чудовищи)[2].

Возможно, что такое *было = бы* представляло собою своеобразную гаплологию из обычного *было = бы*, но не исключена и другая возможность, что в данном случае имеем остаток модального употребления форм на **л**,— употребления, относительно широко известного и другим славянским языкам. Ср. и *пойти было* и под. с тем же значением *было = бы* при инфинитиве: Пойти было прогуляться на скотный двор (Фонвизин, Недоросль),

---

[1] О понимании старинными книжниками **бысте** как *бы есте* и искусственных образованиях, связанных с таким пониманием, см. Ягич, Крит. зам., стр. 144.

[2] Сюда же, повидимому, относится и пример, неверно понимаемый Будде, Очерк истории, 104 стр., как редкий для XVIII века случай плюсквамперфекта (давнопрошедшего): Ему надлежало было, ее сначала на берегу положив, надеть свою епанчу (СПБ Вестн. 1778 г.).

§ 26. Инфинитив и супин.

Строением основы инфинитивы в русском, как и в других славянских языках, совпадают с формами основ причастий прошедшего времени, получивших на русской почве значение глаголов (см. § 24), без их специфической приметы **л**.

Внешний вид инфинитивов, имеющих окончание **-ти**, с переходом его без ударения в **-ть** (явление, датирующееся уже XI веком и объясняющееся как утрата в конце слова приметы, не существенной в качестве морфологической характеристики), в ряде случаев представляет результат действия известных фонетических законов: **д**, **т** перед **т > с**: *вед-ти > вести, прѧд-ти > прясти — прясть, плет-ти > плести*, **гти**, **кти > чи**: *мог-ти > мочи — мочь, пек-ти > печи — печь*. Ср. „Беда, коль пироги начнет печи сапожник...“ (Крылов).

Специальных замечаний требует инфинитив **итти**.

Нынешнее правописание *идти, итти* отражает влияние на старый инфинитив **и-ти** настоящего времени: **ид-у**, **ид-ешь**[1]. Что формы **идти**, **итти** не исконны, ясно из того, что группа **дт** фонетически должна была бы уже в древнейшем славянском измениться в *ст* (ср. *прясть — пряду, класть — кладу* и под.). Как живое произношение с долгим **т** хорошо засвидетельствовано в говорах. В памятниках великорусского происхождения **дт** свидетельствуется с XIV века.

Под влиянием **найти**, **пойти** и под. в говорах возникала форма **йти**. Ее Соболевский нашел в Прологе 1432 г., и встречается она, как отметил он же, и позже в литературе XVIII в.

Формы **итить**, **иттить** и под. представляют случай нового усвоения окончания **-ть** в силу затемнения этимологического состава слова — осознания **ити** частью корня. Ср., напр., Дело Ник., № 40: И патриарх велел ему итить, Чтоб к нему иттить на совет и под.; розыйтиться (Дело Ник., № 41), войтить (Дело Ник., № 40), притить ему во смирении (Там же, № 41).

Характерны они главным образом для языка грамот XVII в., где употребляются нередко вперемешку с формами без **-ть**. Встречаем их в сочетании с **-ся** еще у писателей первых десятилетий XIX в.: Разойтиться полюбовно (Пушкин, Евг. Он.). ...Им не сойтиться никогда (Лерм.).

В четырех образованиях — *умереть, переть, тереть, просте-*

[1] В настоящем времени **д** — остаток представленного древними языками глагольного суффикса. Кроме иду, суффикс этот с утратой былой значимости сохранился в кладу: лит. klóju и под. Ср. и „Мовознавство“, 1936, № 7, стр. 79.

реть — сравнительно с прошедшим временем (умер, пер, простер, тер) различие в структуре основы уже древнейшее славянское; ср. ст.-слав.: *умрьлъ* и под. — *умрѣти* и под.

В нескольких случаях в др.-русском обычное отношение прошедшего времени к инфинитивам проявлялось в перенесении основы прошедшего времени в инфинитивы: вытерть (Домостр., 36), перетерть (Домостр., 48), однако, такого рода выравнивание, нередкое и в языке XVIII в. (см., напр.: Зияет время славу стерть, Держ., На смерть кн. Мещерск.), фактом современного литературного языка не стало.

Нефонетическими являются современные инфинитивы *грести* (ср. ст.-слав. *погрети* „похоронить" с выпадением *б*), *клясть* вместо „*клять*", отразившие влияние инфинитивов с основой на **д, т.** В случаях вроде *глотнуть* подлежавший выпадению согласный восстановлен под влиянием параллельных форм — *глотать, глотаю* и т. д.

Мотивы избегания омонимии вызвали к жизни инфинитив *ошибиться* к *ошибусь, ошибешься*. „Ошибтися", как звучал бы правильный инфинитив, должно было фонетически дать „ошитися", которое напоминало бы образование от корня *ши* — „шить".

Переход окончания инфинитива **ти** в **ть** — явление очень давнее[1], но, повидимому, охватившее не все говоры древнерусского языка. Известно **-ти** и до сих пор ряду севернорусских говоров В памятниках **-ти** господствует до XV века, когда наряду с ним чаще начинает выступать **-ть.**

Распространение этого окончания на случаи с исходным конечным ударением свидетельствуется московскими памятниками XVI — XVII вв. для префиксальных образований, вроде *донесть, довесть* (ср., напр., Дело Ник., № 140, стр. 166).

Явление это, повидимому, следует понимать как результат влияния форм прошедшего времени муж. р.: *донёс* — „донéсти" — *донесть* и под. В качестве аналогии к тому, что префиксальные инфинитивы легче подвергаются влиянию ударения форм изъявительного наклонения, чем непрефиксальные, можно сослаться, напр., на укр. *прихóдити, привóзити* при *ходúти, возúти* (ср. *прихóдиш, привóзиш* наряду с таким же ударением в *хóдиш, вóзиш*).

Различие в некоторых говорах и в литературном языке между *печь, течь* из *печú, течú* и *нестú, вестú* стоит в связи с большей стойкостью конечных гласных после групп согласных.

---

[1] Вопреки ряду исследователей, считать его уже диалектным в древнейшем славянском нет убедительных оснований: польские формы типа brać, nieść — продукт исторического развития, а не исконные факты (Улашин).

В древнейшем славянском существовала особая форма, параллельная инфинитиву,— так называемый **супин** (достигательная форма). Если инфинитив по происхождению представлял собою дательный падеж отглагольных существительных основ на *-ti*, то супин был по происхождению винительным цели от основ на *-tu* сходного значения, и фонетически и семантически первоначально совпадал с хорошо известною из латинского, напр., языка формою супина (инфинитива цели) на *-tum*. Формы супина в славянских языках образовывались, вообще говоря, от основ только несовершенного вида и управляли родительным падежом в тех случаях, где соответствующий инфинитив требовал винительного: *Идѫ рыбы ловитъ* — иду ловить рыбу. Как формы, легко заменимые инфинитивами в своей специальной роли (в значении цели), притом встречавшие в последних соперников в образованиях совершенного вида, синтаксически отличавшиеся еще от общей системы глаголов и управлением, они вымерли в большинстве славянских языков, в том или другом виде совпав с инфинитивами (иногда при этом оказав влияние на форму последних). Исчезать супины начинают в русском, по свидетельству памятников, уже с XI в. (Остр. Ев.), но даже в грамотах они еще встречаются до XIV века.

§ 27. Возвратные формы глагола.

Восточнославянские языки одни среди всех славянских имеют синтетические формы возвратного и родственных ему залогов: *одеваться, ложиться, торопиться, биться, лениться.* Такого рода прочные сращения глаголов с возвратным (по происхождению) местоимением *сѧ*, русск. *ся* — продукты исторического развития восточнославянских языков.

С точки зрения исторической заслуживает быть отмеченным, что балтийские и славянские языки (и это, повидимому, указывает на большую древность данного явления) одинаково утратили при 1 и 2 лицах соответствовавшие им местоимения винительного или дательного падежа; ср.: *одеваю-сь, одеваешь-ся, одеваем-ся, одеваете-сь,* так же как *одевает-ся, одевают-ся,* литовск. daryti „делать, действовать“ — darytis (daryti-s) „одеваться“; daraus — 1 л. ед. ч., darais — 2 л. ед. ч. и под.

Параллельные отношения имеем в выражениях, вроде *называю себя, называешь себя* (не „меня, тебя“).

Уже в древнейшем славянском *сѧ* не представляло возвратного местоимения в строгом смысле слова, а скорее — частицу, вы-

полнявшую определенные формальные функции: по крайней мере во всех славянских языках мы найдем образования типа *боюсь, молюсь* и под., где *-ся, -сь* не равняется „себя“, а образует с глаголом нерасторжимое смысловое единство, или же модифицирует значение глагола, который может быть и самостоятельным, в том или другом значении формально-залоговом. Чисто формальный характер этого *сѧ* объясняет факт, что такому типу глаголов в исторической жизни ассимилировались немногочисленные сочетания, вроде *си жалити, си просити* и др.

Повидимому, первоначально место употребления *сѧ* зависело от старого принципа славянских языков, согласно которому частицы употреблялись чаще всего после первого полнозначного слова ритмического отрезка. Такие примеры имеем в древнейших памятниках восточнославянских языков, вроде: Донелѣже ся миръ състоить; кто ся изоостанеть въ манастыри (Мстисл. грам. 1130 г.). Сколько в подобном употреблении живого и сколько традиционного, нельзя сказать определенно. Скорее, однако, это живые факты. Сомнение в значении подобных примеров возникает только применительно к памятникам более поздним, когда искусственность *ся* на втором месте отрезка выступает на фоне глагола с *ся*, примкнувшим к нему. Такие случаи отмечаются Соболевским с XV—XVI вв.: христиана ся нарицаешися (Погод. сборн. XV—XVI вв., 853), на розъезжчика ся, господине,... не шлюся (Великор. грам. 1518 г.); ср. еще: А как ся у них делалось в Риме и у цесаря... А се список, как ся у них государево дело делалось (Отч. Я. Молв.).

Характерно и параллельное употребление: Во Индейской же земли кони ся у них не родят; в их земли родятся волы да буйволы (Хожд. Аф. Ник.).

Но даже в древнейших восточнославянских памятниках, наряду со случаями *ся* на втором месте ритмического отрезка фразы, решительно преобладают случаи постановки *ся* за глаголом, и чем далее, число таких примеров возрастает все больше.

Изменение *-ся* в *-сь*, после гласных, как результат редукции конечного гласного, не существенного для характеристики формы, датируется XIV веком: учинилось (Новгор. грам. 1373 г.); проситись на извоз (Грам. 1399 г.—Срезн., I, 1568) и под.[1]

---

[1] Наиболее поздняя категория, в которой *ся* перешло в *сь*, — деепричастия: Греч еще поучал (§ 247), что „в глаголах... кончающихся на *ся*, деепричастия прошедшего времени употребляются только в полном окончании; например: *мывшися, делавшися, сражавшися* и пр.“

Нынешнее литературное произношение *-ся* как *са* представляет собою распространение явления, относительно широко известного в диалектах (во владимирских и поволжских говорах), и возникло в таком виде, по всей вероятности, из форм на *-тся*, *-ться*, где получалось *-ца*, и *-лся*, где *с* ассимилировалось предшествующему *л* (ср. северн. говоры с *-лса*, но мягким с в других формах прошедшего времени).

Важнейшие работы о формах залога в славянских языках: B. Havránek. Genera verbi v slovanských jazycích, I, 1928; A. Margulіés. Die Verba reflexiva in den slavischen Sprachen, 1924.

§ 28. Причастия.

Употребляемые в русском литературном языке склоняемые причастия, т. е. глагольные прилагательные, характеризующиеся специальными синтаксическими отношениями, едва ли не сплошь представляют заимствования из церковнославянского языка. О том, что они чужды обычной разговорной речи, определенно знал уже Ломоносов; ср. у него: „Сколько в высокой Поэзии служат однем речением Славенским сокращенные мысли, как причастиями и деепричастиями, в обыкновенном Российском языке неупотребительными; то всяк чувствовать может, кто в сочинении стихов испытал свои силы" (О пользе книг церк.). Стоит вспомнить и замечание Пушкина: „Причастия вообще и множество слов необходимых обыкновенно избегаются в разговоре. Мы не говорим: карета, скачущая по мосту, слуга, метущий комнату; мы говорим: который скачет, который метет и пр. — заменяя выразительную краткость причастия вялым оборотом". (См. „Атеней", кн. I — II, 1924, стр. 6 — 7).

Формы причастия настоящего времени действительного залога на **-щий, -щая, -щее** не оставляют сомнения в том, что они заимствованы, самой фонетической стороною: в соответствии основе, представленной другими индо-европейскими языками, — ср.: лат. ferens, род. пад. ferent-is, греч. φέρων, род. пад. φέροντος — группа „t + j" как и в балтийских языках, выступающий здесь должна была в русском отразиться в виде č (ч). Ср. отглагольные прилагательные, представляющие собою продолжателей старых русских причастных форм: *зрячий, горячий, стоячий, могучий.*

Еще в 30-х годах XIX века формы причастия прошедшего времени на **-ший, -вший** воспринимались как церковнославянизмы[1].

[1] См. В. Виноградов, К истории лексики русского литературного языка, „Русская речь", I, 1928, стр. 104 — 105.

Это же ясно, что касается форм страдательных на **-имый, -омый, -аемый**, из характера их употребления, их относительной редкости и семантической окраски.

В формах на **-ся** в современном языке не допускаются и после гласных сокращения в **-сь**. XVIII век свободно употреблял такие формы: Томящаясь Москва в унынии дрожит (Сумар.). ...Но самое тогда случившесь бытие (Сумар.). ...Чтоб увяли алы розы, Распустившиесь в весну (Иппокрена, 1799 г.). Как ультраархаизм такая форма выступает неожиданно в „Дон-Жуане" А. Толстого: „Струящаясь... сила борется со тьмой".

В страдательных причастиях прошедшего времени останавливает на себе внимание употребление в членной форме двух **н**: *посланный, принужденный, заработанный* и под. Это удвоение **н** существует и в произношении, не с тою, однако, последовательностью, с какою его проводит наша орфография. Так, по наблюдению Соболевского, „обыкновенно, когда ударение находится на 3-м слоге от конца, нами предпочитаются формы с одним **н**: пи́саный, бро́шеный, вя́заный, а когда ударение стоит на втором слоге от конца, мы употребляем чаще формы с двумя **н**: принесённый, приведённый, спасённый, почтенный".

По своему происхождению формы с удвоенным **н** — продукт влияния отглагольных прилагательных; ср. ст.-слав. повелѣньная (Савв. кн.), неизглаголаненъ, неиспасаненъ, осѫжденьна (Синайск. требн.), укр. *невблаганний* и под. По свидетельству памятников, таким влиянием были охвачены причастия и в др.-украинской и белорусской области, но прочные результаты отложились в живой речи только русской. Древнерусское правописание, хотя и непоследовательно, с частыми отклонениями, отражает для всех положений произношение с удвоенным **н**: закълюченных (Домостр., 7); по преже писанному (Домостр., 31) и там же: по преже писаному; з'грабленными животами (Мат. Раз. I, № 8), убiенного (8 раз там же), грабленные товары (Мат. Раз. II, № 24), десять струговъ цѣлыхъ и испорченныхъ (Там же).

Более других разговорный характер обнаруживает только небольшая группа на **-тый, -тая, -тое**: *битый, шитый, взятый* и под.

XVIII век, усугубляя книжность причастий, допускал даже в аттрибутивной их функции краткие (нечленные) формы на **-яй**[1], **-щ, -ща, -ще, -щи** и **-вш, -вша, -вше, -вши**: Не писав, ле-

[1] Характерно при этом, что, например, Радищев, пользуясь формой на -яй (муж. р. ед. ч.), понимает ее, повидимому, как деепричастие. Седяй во власти, да смятутся От гласа твоего цари (188). Уже Ломоносов, Рос. гр. § 447, считал усеченные формы причастий „слуху досадными".

тящи дни века проводити Можно... (Кант.). И ломит так, как ветр, Бунтующ многи дни, Возшед из земных недр (Сумар.). Когда имеешь ты дух гордый, ум летущ И вдруг из мысли в мысль стремительно бегущ... (Сумар.). Герои Севера, виновники сих бед, Как претерпевши вред, Как побежденны, стонут (Петров).

С XIX века такие формы, о которых уже Ломоносов (§ 447) говорил как о „слуху досадных", не имея никакой опоры в живой речи, совершенно исчезают из употребления.

Краткие формы страдательных причастий, не имевшие в функции сказуемных определений соперников в деепричастиях, удержались, оставшись, однако, в XIX веке особенностью торжественного и архаизирующего слога: Гонимы вешними лучами, С окрестных гор уже снега Сбежали мутными ручьями На потопленные луга (Пушк.). За мглой ветвей синеют неба своды, Как дымкою подернуты слегка (Фет).

В роли сказуемых нечленная форма страдательных причастий на **-но** и **-то**, повидимому, как факт живого русского языка издавна известна в безличных предложениях: *сказано — сделано, взято* и под., и притом не только от основ совершенного вида, но и несовершенного: *говорено, смолоду бито-граблено*; от основ многократного вида — в соединении с отрицанием: *не видывано, не слыхивано.*

Старинный язык допускал подобные образования не только от глаголов, управляющих винительным падежом, но и от непереходных, и даже от возвратных.

Вот несколько древнерусских примеров: А ведаеш и сам, что не богатеством жито з добрыми людми (Домостр., 69). И со всеми теми мастеры в сорок лет... разлезенося без остуды... (Там же, 68). Ни кому ни в чем не сьлыгивано, ни манено, ни пересрочено (Там же). А у меня де уже говорено з Григорием с Микулиным (Памятн. Смутн. врем., 78—79). А с калмыками де у них помиреноcь же (Мат. Раз. IV, № 22). И на судах (= сосудах) твоих подписывано также (Дело Ник., № 94).

Характерно, что, в отличие от современного русского литературного языка, древнерусский, в параллель украинскому, допускал при безличных оборотах на **-но, -то** винительный объекта: ...И скорбново словом ползовано (Домостр., 64)... Все то мирено хлебом да солью да питьеме (sic!) да подачею (Там же, 68). А остатки сверчено и связано (29). И огурцы и лимоны и сливы так же бы очищено и перебрано (Домостр., 48). ...То бы было все у ключника в мере и запиано (sic!), а хмель, и мед, и масло, и соль вешено (Там же, 52). И домы их будут раззорены и име-

ния их пограблено будет (Памят. Смутн. вр., 790). А подволоки у полат выписано травами (Мат. пут. Ив. Петлина, 288). А вырезано на той печати инорог зверь (Котош., 89).

Впечатление живых конструкций производят также древнерусские сочетания именительного падежа существительных со страдательными причастиями на **н, т** в функции сказуемых (обычно без вспомогательных глаголов): В прошлом 167 году апреля в 1 день... посылан я да думной дьяк Алмаз Иванов к святейшему Никону патриарху (Дело Ник., № 5). Микита ж допрашиван (Там же, № 4). А которыя лошади иманы из монастырей, то все роздать по тем же монастырям с росписками (Там же, № 94). И на домовой обиход всякой лес вожен (Там же, № 114).

Сравнительно с древнерусским современный литературный язык, как мы знаем, помимо сдвигов синтаксического характера, отличается еще со стороны морфологической значительным сужением способности образовывать страдательные причастия несовершенного вида. Характерно, что особенно редки и в роли аттрибутивной членной формы и в роли сказуемых причастия страдательные несовершенного вида на **н**, и им предпочитаются даже, не говоря о глагольных и причастных формах на **-ся**, формы на **м**; ср.: *Продукты посылались почтою*, книжное и тяжелое — *Продукты были посылаемы почтою* и совсем невозможное — „Продукты были посыланы почтою". Однако, и среди самих страдательных причастий на **н** не все одинаково вышли вовсе из употребления: хотя малоупотребительны, но возможны образования: *несен, веден, копан, колочен* и под., не образуются же соответствующие формы от тех глаголов, у которых примета вида отличается в корне: *посылать, призывать, отрывать, забирать, затирать* (ср. *послать, призвать, оторвать, забрать, запереть*).

Повидимому, в ряде говоров русского языка, влиявших на развитие литературного, страдательные причастия на **н** и в тех функциях, в которых они были живой категорией, свелись только к образованию совершенного вида,— явление, параллели которому известны из многих языков (ср. страдательные причастия латинские, немецкие и др.). Когда под иностранными влияниями явилась тенденция воскресить систему страдательных оборотов, относительно легко восстановленными оказались формы, структурно близкие к причастиям совершенного вида; формы же, от них отличавшиеся самой основой, оказались восстановленными по старославянским образцам: (был) *посылаем, забираем, призываем* и под., и нашли себе сильных соперников в бо-

лее близких разговорной речи *посылался* (посылается), *забирался, призывался* и под.

В целом для истории причастий на русской почве большой интерес представляют замечания Ломоносова (Рос. грам., §§ 435, 437, 439, 442), упорно подчеркивавшего их непродуктивность. Как пример „весьма непристойных Российских, которые у Славян неизвестны“, у него фигурируют *говорящий, чавкающий*; *брякнувший, нырнувший* он характеризует как „весьма противные“, а *трогаемый, качаемый, мараемый*, по его мнению, даже „весьма дики и слуху несносны“. Как видим, вся эта извне занесенная в русский язык морфологическая категория, вопреки отношению к ней авторитетнейшего грамматика XVIII века, не только выжила, но и, за некоторыми исключениями, развилась на русской литературной почве, оказавшись полезной хотя бы как способ сжатия придаточных предложений.

§ 29. Деепричастия.

Деепричастия настоящего времени.

И формально и синтаксически русские деепричастия восходят к старым формам причастий (см. Синт., § 14). Последние в именительном падеже в настоящем времени имели окончания: **-а** в I (**-е-**) и V (атематическом) классах для ед. ч. мужского и среднего рода: *зова, мога, дада, ѣда*; **-учи** — для женского: *зовучи, могучи, дадучи, ѣдучи*; **уче** — для множ. ч. мужского рода: *зовуче, могуче, дадуче, ѣдуче*.

Окончания от основ III (**-je-**) и IV (**-i-**) класса звучали: **я** (из **ѧ**, **jѧ**) в ед. ч. муж. рода, **-ючи** (III кл.), **-ячи** (IV кл.) — в им. пад. ед. ч. жен. рода; **-ючи, -яче** — в им. п. мн. ч. м. р.: *зная, знаючи, знаюче, пытая, пытаючи, пытаюче*; *хваля, хвалячи, хваляче*; *лазя, лазячи, лазяче*.

В древнерусском влиятельными оказались, частично сохранившиеся в диалектах, формы ед. ч. женского рода; в современном литературном — в употреблении почти исключительно формы, восходящие к окончанию **-я**.

В XVIII веке формы на **-учи, -ючи** от основ несовершенного вида еще в широком употреблении; ср.: Набегли тучи, Воду несучи... (Тредьяк.). Имеючи отца, хотя по натуре доброго человека, однако в крайнем невежестве воспитанного... (Ломон.) и мн. др.

В древнерусском некоторое время с формою на **-чи** (по происхождению им. п. ед. ч. жен. рода) соперничала форма на **-че** (множ. ч. муж. рода); ср.: Фоминѣ недѣлѣ исходяче (1-ая Новг.

лет.). Тѣмъ поудъ изверяче оучинити... (Смолен. грам. 1330 г.),— (Яг.).

С XIX века устанавливается то употребление деепричастных форм, которое мы имеем в настоящее время. Исключительное распространение получают формы на **-я** (-а), причем вообще от ряда глаголов деепричастия не образуются: не образуют их основы на велярный (задненебный) согласный, где **г**, **к** оказались бы перед **я** (сочетания, несвойственные русскому языку)[1], и ряд таких глаголов, в которых основа настоящего времени отличалась от инфинитива; ср. *пишу — писать, режу — резать, тру — тереть, жну — жать, мну — мять* и под. Отсутствуют также формы деепричастия наст. вр. от глаголов типа *гибну, тяну* и под.

Вытеснение окончанием **-я** старого **-а** свидетельствуется уже отдельными случаями в церковных памятниках XII века: *идя, чьтяй* (Устав Патр. б-ки, сев.-русск. список с южнорусского оригинала), но представляло,— судя по формам, в большом числе встречающимся в памятниках русского языка последующих столетий,— явление областного распространения. Победа подобных форм в литературном языке и вытеснение ими и форм на **-учи** обязаны, повидимому, преимуществам более единообразного и короткого окончания. Нужно, однако, принять во внимание, что, как было отмечено в науке, формы на **-чи** вообще в великорусском сравнительно редки. Характерно, что в первой четверти XIX века, когда формы на **-учи**, **-ючи** еще допускались в литературном языке, их однако уже не рекомендовали: Греч (§ 247), упоминая их, отводил им место только в просторечии и считал их „неупотребительными на письме и в возвышенном слоге".

Неясной остается причина избегания форм деепричастий на **-я** (-а) в случаях расхождения между основою настоящего времени и инфинитива (*пишу — писать* и под.). Суть дела тут, кажется, с одной стороны, в механическом обобщении запрета на формы типа **учи** как простонародные (отсюда отказ, напр., от „пишучи") и с другой — в подсказанной школьными влияниями осторожности при производстве многих форм, фактически не осуществлявшихся в практике предшествующего времени. В классе **-не-** | **-ну-** (II) деепричастия настоящего времени не образовывались, так как состав его почти сплошь охватывал только глаголы совершенного вида.

[1] В др.-русском, однако, они по диалектам возникали: рекя (Новг. лет.), повьргя (Новг. грам. 1305 г.), ркя (Двин. гр.).

Деепричастия прошедшего времени.

Причастия прошедшего времени действительного залога, из которых получились впоследствии деепричастия прошедшего времени, имели в основах на согласный, включая и носовые,- **ъ** в им. ед. ч. м. р. и ср. р., **-ъш-и** — в им. ед. ж. р., **-ъш-е** — в им. мн. м. р., **-ъш-ѣ** (ст.-слав. -**ъшѧ**) — в им. мн. ж. р. В основах на гласный и **л** между ними и окончанием вставлялось еще **в**. В дальнейшем относящиеся сюда факты распределились следующим образом: вм. старых *възем* из *възьмъ, сънемъ, приимъ* с XVII в., судя по Котошихину, в употребление входят **взяв, сняв, приняв**, образуемые от основ инфинитива (прош. врем.). Ср. также современные **прокляв, начав** вм. старых *проклънъ, проклънъши, начьнъ — прокленъ, проклении, начень.*

Еще в XVII в. от других основ на согласный в употреблении формы на **-ъ** (т. е. фонетически без окончания): ... Атаман Корней Яковлев, прочет твою ... грамоту в кругу донским казаком, говорил ... (Мат. Раз. IV, 7). ... Те казаки, пришод на Волгу, погребли на низ (Мат. Раз. II, № 12). А пришед к царю на двор силно, и привели того Шоринова сына перед царя (Котош., 103).

Рядом, однако, нередки и формы и на **-ше** и **-ши**:

И, озябше, встав еще попойду (Аввак., 114). ... Деньги счетши (Домостр., 33). Складши и свертев хорошенько положити (Домостр., 36). И вывезши на площади, подьячие роздают милостыню нищим (Котош.). И слезши с лошадей, послы и их дворяне шпаги с себя снимут (89 об.).

Еще чаще в XVII в. употребляются от основ на **д, т** формы на **-чи**. Последние, повидимому, представляют фонетический продукт слияния **т** основы с **ш** окончания, причем и в письме и в произношении корневая часть так или иначе восстанавливалась, не без влияния, вероятно, окончания деепричастий настоящего времени:

И тое прибыль, счотчи против иных городов прибылей, берут на них самих (Котош., 140). Вшедчи в церковь, того мы не застали (Дело Ник., № 36). И оне, съедши, опять лямку потянут (Аввак., 87). И етчи и пив за здоровья их государские, того дни бояре и все чины розъедутца по домом (Котош., 13).

И покрадчи и пограбя бояр своих, уходят на Дон (Котош., 135). И приведчи в город, собралося их, воров, болши 5 000 человек (Котош., 103). И вычетчи великого государя грамоту, великому государю атаманы и казаки ... челом ударили (Мат. Раз. IV, № 4). А вшодчи ... в город ... (Мат. Раз. III, № 61). И по-

слал под Шатцкой к атаману к Максимку Дмитриеву не четчи (Мат. Раз. III, № 44). Ожил Федос, забриодчи в овиос (Стар. сборн., 1859).

Так как основы на **д** (**т**) в причастиях прошедшего времени на **л** их утрачивали и в виде основы выступала часть, оканчивавшаяся на гласный — *се-л, е-л* и под., то к этим влиятельным формам стали образовываться деепричастия и типа основ на гласные; ср.: И евши и пив, царь царевну отпустит к сестрам своим (Котош., 7). Ср. совр.: *сев, поев, украв.*

К инфинитивам с гласной приметой образуются, как и теперь, деепричастия на **-в**: замкнув двери (Дело Ник., № 94), взяв ... четыре лошади (Мат. Раз. II, № 5). Приехав те донские казаки в Астрахань, сказали... (Там же, № 8). И атаман де Корнило с казаками, выняв из Дону жильца Герасимова тело, погребли у себя в Черкасском городке... (Мат. Раз. IV, № 4).

Реже встречаем окончания **-вши**: А послухом не видев не послушествовати, а видевши сказати правду (Судеб. 1497, 67). И пошли есмя в Дербент заплакавши (Хожд. Аф. Никит.— Кудр.), ...остряпавши дело (Домостр., 35), и **-вше**: Видевше же то боярин князь Василей Ивановичь... и боярин князь Василей Ивановичь склонился на их моление (Пам. Смутн. врем., 833). Усмотривше времяни час, упоиша его отравами (Котош., 4).

Влияние деепричастного окончания настоящего времени IV класса -я в старинном языке было больше, чем теперь: наряду с употребительными и теперь или близкими к ним формами, вроде: А кельи ево в Ферапонтове монастыре, осмотря все и из внутри укрепя..., запечатать (Дело Ник., № 94) ...всех порубя (Мат. Раз. II, № 4). И разграбя, поехали на низ Волгою (Там же, № 7) ...встретесь в дороге (Там же, III, № 69). И отпустя я, холоп твой, обоз... (Там же, III, № 7). И розъездясь я, холоп твой, и разсмотря места, велел пешим полкам и приказом с обозом со всем двором и с пушками на них наступать (Мат. Раз. III, № 6),— в XVII веке пишут: И они, покиня свои таборы, побежали к своим кораблям и каторгам (Ист. об Азовск. сид., 27). Скиня с себя доброе платье, вздел крестьянское (Котош., 102). И, покиня обозы свои, прибежали в Муром (Мат. Раз. III, № 22). ...Острог покиня, побежал в рубленой город (Мат. Раз, III, № 16). Она, воздохня, отвещала (Аввак., 89). Сам у него, протяня руку, ис кореты доставал (Там же, 95). И те де... драгуны, уведая твой, великого государя, указ, из полку его многие розбежались (Мат. Раз. III, № 69) ...уведав (Там же, № 47).

Интересны оригинальные формы: *соимя*: соимя колпак (Домостр., 3), соимя рубашка (37), *взя*, продукт новой этимологизации: И государеву грамоту ему подал, он, взя, чет, поворотился в вотчину свою Толмачеву (Мат. Раз. III, № 77); ср.: *взяв* (Там же, № 49) и *выня*: Конюшей ездит... выня мечь наголо (Котош., 11); *выняв* цитировано выше.

Характерно также для старинного языка, что деепричастия прошедшего времени от возвратных глаголов оканчиваются, главным образом, на **-вся**, а не на *-вшись*, как теперь:

Взял-де забывся (Дело Ник., № 36). Царица, от великого страху испужався, лежала в болезни болши году (Котош., 105). И как те злые люди, которые от царя шли к Москве, встретились с теми людми, которые шли к царю с Шориновым сыном, собрався вместе, пошли к царю (Котош., 103). Недождався его Василья, с Унжи... побежали на утек на спех (Мат. Раз. III, № 84). И они, испужався, из под Синбирска побежали (Мат. Раз. IV, № 16).

Реже: Борзее отделавшися, да домой (Домостр., 33), и под.

Соображения о причинах распространения за счет форм, восходящих к причастиям прошедшего времени, форм с окончаниями настоящего (-я), выдвинутые Кудрявским[1], во всем существенном убедительны. Указывая на то, что суффиксу причастий прошедшего времени принадлежало, повидимому, значение завершения действия, выражаемого глагольной основой, он для случаев, как, напр., „Услышавше половци, яко умерл есть Володимер князь, присунушася вборзе“ (Лавр. 280, 17), подчеркивает дублированье того самого значения как глагольною основою, так и формою причастия и заключает: „Такая роскошь является, конечно, излишнею, и ничего нет удивительного в том, что уже в древнерусском языке появляются случаи употребления причастия настоящего времени от основ совершенного вида в значении завершения действия до наступления действия, обозначаемого сказуемым“, употребления, „которое становится все чаще и чаще и доходит до современного языка в виде таких деепричастий, как „увидя, отойдя, взгромоздясь“ и т. п. (стр. 71).

От такой же „роскоши“ язык освобождается, ликвидируя в течение XIX века (главным образом во второй его половине) деепричастия прошедшего времени несовершенного вида

[1] Д. Н. Кудрявский. К истории русских деепричастий. Вып. 1. Деепричастия прош. вр. Ученые записки Юрьевск. Универс. 1916 г., № 10, 78 стр.

и заменяя их формами деепричастий „настоящего времени", точнее, деепричастиями со значением одновременности сказуемому; ср. теперь уже не употребляющиеся сочетания вроде: Под камнем сим лежит Фирс Фирсович Гомер, Который пел, не знав галиматии мер (Сумар.). Как! быв честным котом до этих пор, Бывало за пример тебя смиренства кажут... (Крыл.). Но Ленский, не имев, конечно, Охоты узы брака несть, С Онегиным желал сердечно Знакомство покороче свесть (Пушк.). Способствовав временному благосостоянию, мера эта на страшно долгое время парализовала стремления демократические (Достоевский)[1].

Современное распределение форм деепричастий прошедшего времени, кроме случаев с окончанием **-я**,— окончание **-ши** в основах на согласный (*рассекши, сберегши*)[2], окончание **-в** в глаголах невозвратных (*сказав, заметив, выстрелив, толкнув*) и **-вшись** — в возвратных (*укутавшись, встретившись, столкнувшись*),— представляет, повидимому, своеобразный компромисс между вариантами **-в** и **-вши**. Если „с формою на **-в** мы соединяем представление большей книжности, литературности", то „форма на **-(в)ши** считается более народною и разговорною" (Кудрявский, стр. 14). Последняя и сохранилась в возвратных глаголах, будучи защищена аффиксом **-сь**. Что касается первой, то, вероятно, она возобладала в литературном языке

---

[1] В отдельных случаях такие формы, как в современном украинском, могли употребляться даже в значении настоящего времени: И подстрекаем быв, бодрится (Держ.). Волк евши никогда костей не разбирает (Крыл.).

Большее количество в памятниках XVII в. форм на **-я**, соответствующих тем, где у нас возможны еще или исключительно в употреблении формы на **-в** (**-вши**), объясняется, вероятно, прежде всего тем, что современный письменный язык менее свободно в данном случае выражает факты живых говоров, нашедшие себе выражение уже в ранних памятниках восточнославянской письменности (ср. в Мирн. грам. новгородцев 1195 г.: Оже не правять, то князю явяи людемъ взяти свое у гости; в „Русск. Правде": Да аще будя (будеть) (обидя) и перешедшие в позднейшую письменность как литературные.

Примеры вроде *скиня* не выжили из-за отсутствия поддержки в параллельных формах несовершенного вида. Случаи типа *увѣдая*, первые ласточки тенденции и в III классе провести черту, получившую свое развитие в IV классе, немногочисленные и в XVII в. (ср. колебание *увѣдая — увѣдавъ*), не распространились. Изредка они встречаются в XVIII и еще реже в XIX веке: На ту беду у них был в доме дворный пес, Который обоих хозяев не узная, Вдруг бросился на них, как Цербер адский лая (В. Майков, Елис.). Покуда, страсть уразумея Под лаской вкрадчивой резца, Ответным взором Галатея Не увлечет... К победе неги мудреца (Боратынский).

[2] Основы на **д, т** здесь совпали с основами на согласный, так как **д, т** выпало перед **л** прошедшего времени: *сел, прял — сев(ши), напряв(ши)*.

в виду преимущества своей краткости, хотя это и привело к нарушению единства окончания в родственных случаях[1].

§ 30. Замечания о супплетивных формах.

С самых древних известных нам состояний языка семантически объединенные группы форм могли быть представлены образованиями от разных корней. Старейший пример — хотя бы *есмь — быти*, лит. esmì — bū́ti, лат. sum — fūi (perf.), др.-инд. ásmi — babhū́va (perf.) и под. В языках, однако, в том числе и русском, не все, что относится к фактам этого рода, представляет наследие старины. Мы и сейчас можем наблюдать в отдельных случаях нарождение новых супплетивных отношений и на них видеть по крайней мере отдельные мотивы, вызывающие супплетивизм. Явление конца XIX и начала XX века представляет фактическая утрата косвенных падежей ед. ч. от слова *дитя*, выпадавших из общей системы русских склонений и заменившихся соответствующими формами от слова *ребенок*. Характерно при этом, что как раз прямое соответствие слову „ребенок“ множественного числа — *ребята* семантически отчасти порвало с ним связь и получило значение интимного или фамильярного „парни“ („Ребята, не Москва-ль за нами?“... Лерм.), а ближе к нашему времени — „школьники“ и под.

Распространена в языках тенденция образовывать от другого корня множественное число к слову „человек“. Ср., напр., принятие болгарским языком уже после XVI века греческого *хора* „страна“ в значении „люди“. В русском употреблявшиеся еще в книжном языке XVIII в. в торжественном слоге *человеки, человеков* и т. д. теперь окончательно вытеснены существовавшим издревле параллельным *люди. Человек, человекам* и т. д. осталось в употреблении только при числах *пять... десять* и под.

В случае *год, года* и т. д., но род. мн. *лет* — с *этих лет, шестьдесят лет* — супплетивная форма — результат старого семантического параллелизма (ср. въ лѣто...).

Многочисленны параллели в других языках супплетивности форм с р а в н и т е л ь н о й (превосходной) степени и как раз у

[1] Считаю прогноз Кудрявского „... Живою формою следует считать форму на -(в)ши, которая, быть может, и станет впоследствии единственной формой деепричастия прошедшего времени“ — решительно расходящимся с фактами. Господство форм на -в уже для конца XIX века — факт, не возбуждающий никаких сомнений.

наиболее употребительных слов (ср. хотя бы лат. bonus—melior—optimus „хороший, лучший, наилучший“, нем. viel — mehr — am meisten „много — больше — всего более“). Тут решающая роль, видимо, принадлежала обилию вариантов, из которых часть получила позже морфологические признаки сравнения. В качестве сравнительных первоначально могли выступать прилагательные, обозначавшие просто большое содержание определенного качества. Ср. обратное — нынешнее *большой* — по происхождению форма сравнительной степени — при *больший* (ц.-слав.) со значением сравнительности.

Насколько в этом отношении возможен был выбор, показывает хотя бы сравнение со старославянским, где для значения „лучшего“ в употреблении были слова: *лучий, уний*, ср. и *сулий* „лучший, более подходящий“, *рачий* (в наречном значении „лучше, скорее, охотнее“), *лѣплѣй* „более красивый“ и под. (четыре первых не имели при себе однокоренных в положительной степени). Заметим еще, что русское *хороший*, видимо, факт в языке более поздний, чем сравнит. *лучший*[1].

В русском глаголе, если исключить отношения видовых форм, супплетивизм мало распространен: при *иду, итти* мы имеем прошедшее время *шел* (корень *шьд*-, родственный *ход*-; ср. *chьd), при *еду* — инфинитив *ехать*. Оба эти факта представляют явления уже дорусские. Раннему супплетивированию корня i — „итти“ способствовала его краткость. Как в *иду*, так и в *еду* -д- представляет собою утративший продуктивность формальный элемент; ср. др.-инд. yā-ti „он идет, едет“, лит. jó-ju „еду“. Примета -х-, спорного происхождения, в инфинитиве могла явиться, как в других случаях, для усиления слишком короткого корня.

О *поезжай* упоминалось в § 23.

О супплетивности личных местоимений см. в § 16.

Иной вид супплетивности представляют нарушения обычных отношений между числами имен тем, что каждое число имеет свои суффиксальные приметы. Две большие категории таких отношений описаны выше (§ 15).

Частные случаи представляют: *курица*, но *куры, кур* и т. д.

Различие основы единственного и множественного числа явилось, повидимому, в результате того, что *куры* первоначально употреблялось как общее имя и для „куриц“ и для петухов (им.

[1] По вопросу о нем см. С. Обнорский. Прилагательное *хороший* и его производные в русском языке, Язык и литер., III (1929), стр. 241—251.

ед. ч. *куръ*). В „Домострое" читаем: у сьвиней или у гусей, или у курав... (42), ...ни куром, ни гусем, ни уткам... (44). Ср. еще: двадцать куров (Юрид. акты 1610 — Бусл.).

Ед. ч. *судно* — множ. ч. *суда*, род. *судов*. Такие отношения были уже фактом для XVI века, а установились, вероятно, еще раньше: Пошли есмя к Дербенти двема суды: в одном судне посол Асамбег..., а в другом судне 6 москвичь да 6 тверичь (Хожд. Аф. Никит. — Срезн., III, 609).

Судъ и *судьно* первоначально одинаково обозначали „сосуд, посудина". Ср.: Прислал к нему с послы его судна с три серебреныхъ (Мат. пут. Ив. Петлина, 279). *Судно* как единственное число могло возобладать из-за отталкивания от омонима (в им.-вин.) *суд* „суд", употребительного главным образом в единственном числе. Нынешнее *суда* — вм. старого *суды* муж. р., как можно догадываться по родительному на **-ов**.

Цветок, но *цветы*. Ср. и укр. *квітка*, но *квіти* (при *квітки*). В ст.-славянском *цвѣтъкъ* имеет значение „цветочек", *цвѣтъ* „цветок". *Цветок* вытеснило прежнее *цвет*, вероятно, из тенденции к различению значений „окраска" (цвет) или „часть растения, рождающая плод и семя" и „цветок" (цветок). Во множественном это достигалось различием форм *цветы* и *цвета*. К тому же, повидимому, нередко в древнерусском слово *цвѣтъ* употреблялось в значении собирательном.

Особая основа в одном только родительном множественного у слов *борьба*, *мечта*, *мольба* установилась в литературном языке, вероятно, в виду сомнений, как должны звучать соответствующие формы при прямом их образовании: *бореб* или *борьб*, *мечет* или *мечт*, *молеб* или *мольб*. Слова все эти книжные, и подход к ним был у тех, кто впервые хотел ими воспользоваться, конечно, искусственный. Чтобы выйти из затруднения, пишущие прибегли к однозначным *борений*, *мечтаний*, *молений*.

Слюна и *слюни* (мн. ч.) не представляют действительного супплетивизма: это разные образования, не различающиеся по смыслу. По поводу глагольных отношений типа *ошибиться* — *ошибусь* и под. см. § 22.

§ 31. Итоги исторических изменений в склонении и спряжении.

Состав синтаксических форм[1] нынешнего литературного русского языка сравнительно с его прежним состоянием позволяет констатировать такие изменения:

[1] О „синтаксических" формах говорим здесь, имея в виду такие, которые играют роль в связях.

1. Из употребления вышел ряд категорий узкого семантического значения или специальной психологической окраски. Сюда относятся утрата двойственного числа (полная — в глаголе и с различными отложениями — в именах существительных), звательных форм, супинов (достигательных форм), числительных типа *двои, трой*, относившихся к именам существительным, которые употреблялись только во множественном (pluralia tantum) или представляли названия парных предметов.

2. Сократилось разнообразие примет склонения в тех же самых падежах и числах: вымерло почти полностью мужское склонение типа *гость*, род. п. *гости*, типа *камы*, род. *камене*, типа *дьнь*, род. *дьне*, типа *судии*, род. *судиѣ*, сред. р. *тѣло*, род. *тѣлесе*[1], женского рода — типов *богыни, пустыни*, род. *богынѣ, пустынѣ, букы*, род. *букъве*, и др.

3. Сократилось количество форм, служивших передаче родственных (близких) временных значений в глаголе (ср. утрату аористов и имперфектов — § 24).

4. Старая система аналитических (составных) форм спряжения претерпела ряд изменений. Утраченными оказались:

а) Формы давнопрошедшего (прошедшего предварительного), состоявшие из вспомогательного глагола **бѣхъ** или **бѣахъ** и т. д. (ср. еще специально вост.-слав. 1 л. ед. ч. **бяхъ**, 3 л. ед. ч. **бяшеть** и под.) и причастий на **-лъ, -ла, -ло**: Того лѣта выгнаша ростовци и суждальци леона єпископа зане оумножилъ бяше цьрковь грабяи-попы (Лавр. сп.Užд. лет., 117а). Церковъ сконца, иже бѣ заложилъ переже отець его (Ипат. лет. — Потебня)[2]. Преставися Святополкъ Мьстиславичь у Корецка, пошелъ бо бѣ брату своему Изяславу в помочь (Ипат. лет. — Потебня), и будущего предварительного (употреблявшегося также в условном значении): ...Кого буду прикупилъ, или хто ми ся будетъ въ винѣ досталъ... или хто ся будетъ у тыхъ людии женилъ, всѣмъ тѣмъ людемъ далъ єсмь волю (Дух. в. кн. Сем. Ив.). Оже ся гдѣ буду описалъ или переписалъ или не дописалъ, чтите, исправливая бога дѣля (Лавр. спис. Сузд. лет., 173а).

---

[1] Остатки его — только формы мн. ч. *небеса* и т. д., *чудеса* и т. д.

[2] Не выжила в дальнейшем в старом виде и древнерусская замена форм давнопрошедшего: былъ отъялъ (Новг. грам. 1265 г.): Тимоѳей былъ, господине, намъ ту землю и съ житомъ отдалъ (Юрид. Акт. 1490 г. — Бусл.) и под. Возможно, что к ней восходит сказочная формула *жили-были.*

б) Форма перфекта: ...Послася изяслав к нему, река: ци сам есмъ сѣлъ кыевѣ? посадили мя кыяне (Лавр. сп. Сузд. лет. 115), утратила свой аналитический характер благодаря опущению вспомогательного глагола (что встречается уже с начала восточнославянской письменности).

в) В форме условного (сослагательного) наклонения (ср. § 25): Єда бых ся постриглъ (Лавр. сп. Сузд. лет., 104 об. β). Людемъ силно налегшим а быша легко дошли църкве (Там же, 96 об. α) — вспомогательный глагол превратился в частицу **бы**.

г) Из новых (образовавшихся в древнерусском) форм давнопрошедшего времени типа *отняли были, имали были* обособился вспомогательный глагол + частица **было** со значением начавшегося, но не закончившегося, не увенчавшегося успехом и под. действия: *пошел было, сказал было* и под.

В целом, таким образом, русский язык проявил тенденцию к сокращению употребления глаголов-связок или к превращению их в частицы.

д) В форме будущего времени несовершенного вида над всеми другими связками, бывшими раньше в употреблении (*иму, начну, учну*[1] и др.), возобладала наиболее абстрактная **буду** (в этой роли не засвидетельствованная вообще в древнейших памятниках) и реже — с эмоциональной окраской *стану*; ср. из старинного языка: ...И внидемъ в роту а ты к намъ, да ни вы начнете бояти ся насъ ни мы васъ (Лавр. сп. Сузд. лет., 120 β — 120 об. α). Кто иметь держати споръ с своимъ баскаком, тако ему будеть (Там же, 170 а).

5. Значительно выравнялась диференцированная по характеру согласных перед передненебными флективными приметами основа (материальная часть слова); ср.: *руке, о волке, ноге, о друге, сохе, о страхе* (др.-русск. *руцѣ, вълцѣ, нозѣ, друзѣ, сосѣ, страсѣ*) — рука, рукою, волка, волку и под.; *волки, боги, страхи* (др.-р. *вълци, бози, страси*) — волков, богов, страхов; *пеки, волоки, зажги, стереги* (ст.-сл. *пьци, жьѕи* и под.) — пеку, жгу и под. Заслуживает внимания при этом, что выравнивания совершались даже вопреки фонетическим особенностям русского литературного языка: **ке, ге, хе** существуют в нем, оставляя в стороне заимствованные слова, только в морфологических группах (упомянутой, *кем* и *ткешь*) и появились еще даже до перехода **кы, гы, хы** в **ки, ги, хи** (XIV в.): Дъмъкѣ — в сев.-русск. Минее 1095 г.

[1] Ср. еще даже в XVII веке: ... А впредь, государь, чаеть, и больши не учну (т) ходить на работу (Хоз. Мороз., № 88).

6. Под влиянием тенденции к уменьшению фонетической весомости конечных слогов с звуковой характеристикой, не существенной для различения соответствующих категорий, изменились приметы: твор. ед. ч. женского рода существительных на **-ою**, **-ею** изменился в **-ой**: *рукой* из *рукою*; утратилось неударяемое **и** в повелительном наклонении: *стань, поставь*; **-ся** в глаголах после гласных изменилось в **-сь**: *родилась* и под.; неударяемое окончание инфинитива **-ти** перешло в **-ть**: *видѣти—видеть*. Сюда же, вероятно, надо отнести и переход во 2 л. ед. ч. **-ши** в **-шь**.

7. В исторических (совершившихся на русской почве) изменениях форм склонения имен существительных вообще охранялась диференциация признаков отдельных категорий (ср. имен. мн. мужского склонения на **-а́**, **-я́** при родительном ед. ч. с **-а**, **-я** без ударения, род. мн. мужского склонения без окончания при именительном ед .ч., имеющем другую примету (§§ 3, 6), местный ед. с ударяемым **-у** обычно при неударяемом **-у** в родительном,—§ 2.

Отступающий случай представляет частичное распространение на **о**-основы окончания род. пад. ед. ч. **-у**, при дательном ед. ч. с таким же окончанием,—падеже у той категории имен существительных, на которую распространилось окончание **-у** в родительном ед. ч. (материальные, абстрактные), без предлога малоупотребительном. Что касается вытеснения именительного мн. ч. винительным в **о**-основах, то этому отклонению способствующими оказались несколько моментов: 1) отсутствие подобного различения во множественном числе у **а-** и **ь-** основ; 2) давнее неразличение именительного и винительного в ед. ч.; 3) тенденция к устранению смягчающих окончаний.

Омонимными стали, однако, окончания ряда форм в склонении имен прилагательных, знаменательных и местоименных,—черта, имеющая параллели в других языках и объясняемая природой прилагательных как категории, сопровождающей имена существительные. Последние и сосредоточивают в себе суть падежных различений, тогда как для прилагательных они имеют значительно меньшее значение.

8. Приобретения в области флективных морфологических категорий сводятся: к появлению частичной диференциации падежей предложного и местного в склонении ед. числа мужского рода (ср. § 2), к частичной же диференциации родительного вообще и родительного „количественного" (определенного и неопределенного количества),—ср. § 1. И то и другое приобретение представляют результаты семантической утили-

зации избыточных примет падежей, принадлежавших разным основам.

9. Новыми категориями нефлективными, развившимися из старых флективных, являются: деепричастия и сравнительная степень наречного типа, обе возникшие за счет категорий исчезнувших (причастий действительного залога и склоняемых прилагательных в сравнительной степени).

10. Книжным путем из чужого языка введены: причастия действительного залога и страдательного на **-нный** (может быть и на **-тый**), полезные главным образом для целей более экономного выражения усложненного фразного содержания, и получившие относительно слабую продуктивность причастия наст. вр. страдат. зал. на **-мый**. Этим же путем вошли в литературный язык формы превосходной степени (*сильнейший, величайший*) и не выжившие такие же формы сравнительной.

IV. УДАРЕНИЕ.

§ 1. Ударение русского литературного языка, рассматриваемое вне его истории, производит впечатление исключительно прихотливого: им. ед. ч. *голова́*, род. ед. ч. *головы́*, дат. ед. ч. *голове́*, но вин. ед. *го́лову*; или вин. мн. ч. *го́ловы*, но род. мн. ч. *голо́в*, дат. мн. ч. *голова́м*, тв. мн. ч. *голова́ми*, предл. мн. ч. *голова́х*; ед. ч. м. р. *мо́лод*, ед. ч. ср. р. *мо́лодо*, мн. ч. *мо́лоды*, но ед. ч. ж. р. *молода́*; 1 л. ед. ч. *хочу́*, но 2 л. ед. ч. *хо́чешь*, 3 л. ед. ч. *хо́чет*; прош. вр. м. р. ед. ч. *по́нял*, ср. р. ед. ч. *по́няло*, мн. ч. *по́няли*, но ед. ч. ж. р. *поняла́* и под.

Далеко не все из этих прихотливых отношений в системе форм русского языка могут быть удовлетворительно объяснены в настоящее время: ряд фактов до сих пор не получил еще в науке удовлетворительного решения; другие, объясненные с большой правдоподобностью, требуют для своего истолкования привлечения очень большого и специального материала из родственных языков, притом материала, указывающего на то, что причины этих явлений в большинстве лежат в пластах глубокой древности.

Полезно поэтому, не претендуя на объяснение в данной области всего и даже многого, ограничиться использованием положений наиболее отчетливых, построенных на материале, относительно легко доступном проверке. Вот важнейшие из таких положений.

Как доказывает сравнительная грамматика индо-европейских языков, по своему происхождению древнейшие славянские гласные а и ы были **долгими**, как восходящие к звукам: первый — ā (долгому а) или ō (долгому о) других индо-европейских языков, второй — к ū (долгому u). Ср.: 1 а) русск. *ба-ю* „говорю“ — греч. (дорийск.) φᾱ-μι „говорю“, лат. fā-ri „говорить“; русск. *брат* — греч. φράτωρ „член братства“, лат. frāter „брат“; 1б) русск. *по-яс* — греч. ζωστός „подпоясанный“ (ζ — из j), лит. júostas „подпоясанный“ (лит. uo из *ō); русск. *зна-ть*, греч. γι-γνώ-σκω „знаю“, лат. (g)nō-sco.

2. Русск. *мышь* — древнеинд. mūš, греч. μῦς, лат. mūs; русск. *быть* — древнеинд. bhūtiš „бытие“, лит. búti.

Долгими же были звуки: i, восходящее к долгому i (ī) или к дифтонгу ei̯ других индо-европейских языков; ср.: 1) русск. *грива* — древнеинд. grīvā „затылок“; русск. *ил* — греч. ἰλύς; русск. *линь* — литовск. lýnas; 2) русск. *до-стиг-ать* — греч. στεῖχω „ступаю, иду“; русск. *зима* — греч. χεῖμα, лит. žiemà (ie из *ēi); ě (ѣ), восходящее к долгому е или к дифтонгам ai̯, oi̯; ср.: 1) ст.-слав *вѣра* — латин. vērus „истинный“, готск. tuz-wērjan „не доверять“; ст.-слав. *сѣмѧ* — латинск. sēmen „семя“, литовск. sėmens „льняное семя“ (лит. ė из ē); 2) ст.-сл. *лѣвъ* „левый“ — греч. λαιός из *laivos; ст.-слав. *берѣте* (повел. накл. мн. ч.) — греч. φέροιτε „несите“; u(у), восходящее к дифтонгам au̯, ou̯ (с предшествующей мягкостью — eu̯); ср.: русск. *сухой* — греч. αὖος из *sausos, литовск. saũsas; русск. *тур* — греч. ταῦρος, лат. taurus.

Краткими в древнейшем славянском были звуки о и е: первый, как соответствующий а (а краткому) или о (о краткому) других индо-европейских языков; ср.: русск. *ор-ать* „пахать“ — греч. ἀρόω „пашу“, лат. arāre „пахать“; русск. *дом* — греч. δόμος, лат. domus; второй — как восходящий к краткому е; ср.: русск. *небо* — греч. νέφος „облако“, лат. nebula „туман“, нем. Nebel „туман“; русск. *мед* — греч. μέθυ, др.-верхне-нем. metu, лит. medùs.

Редуцированными были звуки ъ (из краткого u) и ь (из краткого i), в определенных положениях в позднейшую эпоху особной жизни славянских языков отпадавшие и выпадавшие.

Как позволяет заключить сличение славянских языков между собою, с одной стороны, и с балтийскими (литовским и латышским) — с другой, в древнейшем состоянии все они различали **интонации** (движения тона) как определенную принадлеж-

ность ударяемых и неударяемых гласных каждого слова. Из славянских — этимологическая (историческая) тональность до сих пор сохранена в сербо-хорватском и в диалектах словинского языка, которые поэтому являются важнейшими источниками наших сведений об интонационной старине. Сохранили интонации и оба живых балтийских. Косвенные данные, иногда не уступающие по значению прямым свидетельствам сербского и словинского, дают чешский, словацкий, польский, кашубский, памятники вымершего полабского и болгарский.

Распределение старых интонаций было тесно связано с количеством и происхождением соответствующего гласного. Рефлексы долгих монофтонгов искони имели интонацию восходящего характера (условно называемую акутовой или акутированной), рефлексы дифтонгов — интонацию нисходящего характера (условно называемую циркумфлексовой или циркумфлектированной)[1]. Нужно однако иметь в виду, что наряду с обыкновенными дифтонгами существовали в древнейшую эпоху еще и дифтонги с долгой слоговой частью (**ā͜i, ō͜i, ē͜i, ā͜u, ō͜u, ē͜u**), указания на которые извлекаются из свидетельств др.-индийского, греческого и других языков. Рефлексам таких дифтонгов, в отличие от обыкновенных, принадлежала акутовая интонация. Гласные краткие имели свою интонацию, которая, судя по косвенным данным, качественно напоминала циркумфлексовую.

Все существенное, относящееся к характеру интонаций и отношениям дифтонгов в чередованиях, проявляется в природе очень распространенных в славянских языках дифтонгических сочетаний, условно реконструируемых в виде: **tort, tert, tъrt, tьrt, tolt, telt, tъlt, tьlt** (**or, er** и т. д. между двумя согласными), причем здесь и русский язык, вместе с украинским и белорусским утративший старые интонации и только наиболее верно из всех славянских языков, как показывает их сличение с другими индо-европейскими, сохранивший старое место ударения слов, оказывается отчетливо сохранившим и следы старых интонаций. Это доказывают сопоставления хотя бы с сербским и словинским: 1. Русск. *горóх, порóг, морóз, берёза, колóда, ворóна, дорóга, сорóка*; серб. гра̏х, пра̏г, мра̏з, бре̏за, кла̏да, вра̏на, дра̏га „долина“, свра̏ка; словин. gràh, род. gráha, pràg,

[1] По терминологии Ф. Ф. Фортунатова, распространенной главным образом среди ученых так называемой „московской“ школы, — длительная и прерывистая интонации.

род. pr̄ága, mràz, род. mráza, bréza, kláda, vrâna, drága „долина“ и под.

2. Русск. *вóлос, гóлос, кóлос, гóлод, вóрот, хóлод, вóрон, мóлод, дóрог, зóлото*; серб. влâс, глâс, клâс, глâд, врâт, хлâд, врâн, млâд, дрâг, злâто; словин. vlâs, glâs, klâs, glâd, vrât, hlâd, vrân, mlâd, drâg, zlatô (из zlâto), т. е. в полногласных сочетаниях русского языка, развившихся из старых односложных групп (**tort** и под.), прежнему движению тона в пределах слога стали соответствовать различия в месте ударения теперь ставших двусложными сочетаний.

Различие интонаций в рефлексах групп **tort, tert** и под. объясняется различием количества сонорного в них: tort, tert и под. рефлектировались с циркумфлексовой (русск. **óро, éре, óло**), а tor̄t, ter̄t и под. (т. е. с долгими **r** и **l**) — с акутовой (русск. **оró, ерé, олó**).

Так же, как различались интонациями tort, tert и т. д. и tor̄t, ter̄t и т. д., различались ими и другие дифтонгические сочетания: сочетания редуцированных с плавными tъrt, tьrt, tъlt, tьlt (с циркумфлексовой) и tъr̄t, tьr̄t, tъl̄t, tьl̄t (с акутовой); носовые: ǭ, ę̄ (из om, en и под.) с циркумфлексовой и ǭ, ę̄ (из om̄, en̄ и под.) — с акутовой. Ориентацию в соответствующих случаях дают опять таки языки сербо-хорватский и словинский; ср.: русск. полный — серб. пу̏н, русск. долгий — серб. ду̏г; но русск. волк (др.-русск. вълкъ) — серб. ву̑к, словинск. vôlk; русск. торг — серб. тр̑г „товар“, словин. tȓg; русск. мука — серб. му̏ка, диал. словин. mǫ́ka; но русск. дуб — серб. ду̑б, словин. dôb; русск. мясо — серб. ме̑со, словин. mesô (из mȇso).

Сказанное об интонациях в основном относится к слогам подударным и неударяемым, начальным, срединным и конечным. Нужно, однако, иметь в виду, что главным образом последние в роли флективных элементов (примет склонения и спряжения) очень часто представляют большие усложнения первоначальных отношений. Объясняется это тем, что гласные флексии в ряде случаев являются продуктами различных стяжений (типа o + ī, ō + i и под.), характеризовавшихся новыми особенностями интонированья, во-первых, и, как носители определенных смысловых функций формального порядка, легко подвергались действию разных уподоблений родственным формам — во-вторых. Важно еще и то, что фонетические законы конца слова (в меньшей мере — начала) нередко специфичны, отличаются от законов

слогов срединных (срединное, напр., oi̯ рефлектируется всегда как ě (ѣ), но конечное в зависимости от специальных условий может выступать как i). Все это вместе взятое не позволяет безоговорочно применительно к конечным слогам прилагать установленные положения об отношении характера интонации срединного слога и происхождения гласного славянского из соответствующего древнейшего. Очень важные указания на характер интонации конечных слогов дают полабские тексты — в полабском ударение перетягивается на конечные циркумфлексовые гласные и не переносится на акутовые.

Специально уже на славянской почве явились новые интонации (они неизвестны как соответствия ни древне-греческому, ни балтийским языкам). Их три. Называются они новоакутовая (долготная), новоциркумфлексовая и вторая, или новоакутовая, интонация краткостей. Из них для русского языка не представляет интереса явившаяся в специальных условиях из акутовой, опознаваемая главным образом по показаниям словинского и кашубского языков новоциркумфлексовая; но две другие определенным образом отложились и в истории русского. Новоакутовая по своему происхождению всегда восходит к старой циркумфлексовой. Условия ее появления почти во всех случаях, где она наблюдается, спорны, но опознается она без всяких затруднений по показаниям чакавского наречия и посавских говоров сербо-хорватского языка, где выступает как особая долготная восходящая интонация, и эти показания косвенным путем, но тоже вполне отчетливо, находят себе подтверждение в соответствующих фактах языков словинского, чешского, словацкого, польского, кашубского и др. В восточнославянских языках новоакутовая интонация внешне совпала с акутовой: чакавск. vrátiš, mlátiš — русск. воро́тишь, моло́тишь, укр. воро́тиш, моло́тиш; чакавск. grája — русск. диал. горо́жа, укр. диал. горо́жа; чакавск. (род. п. мн. ч.) gláv, brád, русск. голо́в, боро́д и под.[1].

В тех же самых морфологических категориях, где на долготных по происхождению гласных появлялась из циркумфлексовой новоакутовая, на гласных по происхождению краткостных (о и е) являлась вторая (новоакутовая) интонация краткостей. Наиболее ясные указания на нее дает словинский

---

[1] О специально украинских отражениях этой интонации см. в статье автора „Порівняльно-історичні розвідки в ділянці укр. наголосу", „Мовознавство", № 7 (1936 г.).

язык, в котором, кроме конечных слогов, краткие гласные удлинились и выступают в соответствии древнейшей славянской новоакутовой — с восходящей долготой: nósi „носит“, vózi „вóзит“ и под. (в других случаях, при старой интонации краткостей, удлиненные **о** и **е** в словинском выступают с нисходящей интонацией); им. ед. vólja „воля“, kóža „кожа“; род. мн. sóv „сов“ и под.

В ряде говоров русского языка в начальном слоге слова вторая интонация краткостей опознается по переходу **о** в **уо**; ср., напр., в говоре Леки бывш. Егор. уезда Рязанской губ.: гуонит „гонит“, пруосут „просят“, вуола, куожа; в никольском говоре, описанном Мансиккою, — род. мн. суоф, нуок (сов, ног) и под.

В литературном языке след этой интонации отражен только в нескольких словах архаического и стилистически народного слога, в которых перед начальным **о** подударным явилось **в**: *вотчина, вотчим, вострый* и в слове восемь (старинное *осмь*); ср. словин. ótčim, óster, ósem.

§ 2. Важнейшие явления древнейшей эпохи славянских языков, уясняющие современные отношения русского языка, следующие:

1. Явления, охватываемые так наз. законом де-Соссюра — Фортунатова.

Согласно этому закону, ударение с краткостного слога или циркумфлексового долгого переходило на долгий акутовый. Переносу ударения на долгий акутовый не препятствовал промежуточный слог, если его гласный был редуцированный, краткий или долгий циркумфлектированный.

Отражающие этот закон категории:

1. Бородá — бóроду, боронá — бóрону, полосá — пóлосу; водá — вóду, горá — гóру, косá — кóсу.

Соответствующие формы именительного падежа ед. ч. восходят к древнейшим * bordā, * bornā и под., * vodā, * gorā и под.[1] (⤙ — знак подударной нисходящей интонации, ͻ — восходящей безударной).

2. Бéрег — на берегý, вóрот — на воротý (см. поговорку — „Брань на воротý не виснет“), нос — на носý, воз — на возý, род. — на родý, мед — на медý.

---

[1] В отступающих случаях, вроде *вóля, кóжа,* словинский указывает на особый характер интонации **о** — vólja, kóža.

3. Литер. род. и дат. ед. ч. гру́ди — местн. пад. ед. ч. в груди́ (им. мн. ч. гру́ди); сев.-русск. род. и дат. ед. ч. во́лости — мест. пад. ед. ч. — в волости́; литер. род. и дат. ед. ч. ко́сти, пе́чи, но́чи — местн. пад. ед. ч. на кости́, на печи́, в ночи́.

Перенос через циркумфлексовый слог иллюстрируют сев.-русск. — на площади́, в очереди́; ср. род. и дат. ед. ч. пло́щади, о́череди.

Такие ударения встречаются и у поэтов приблизительно до последней четверти девятнадцатого века: На роковой стою очереди́ (Тютчев). Там сбыт малеваному хламу, На этой затхлой площади́ (рифма — *не подходи*) (Фет) и др. Их узаконяла грамматика А. Востокова („Русская грамматика ... по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная", 1874, 12 изд., § 184).

4. В твор. падеже мн. ч. ь-основ по этому же закону: людьми́, костьми́, плетьми́; ср. им. мн. лю́ди (серб. љу̑ди), ко́сти, пле́ти.

5. В нечленных формах прилагательных перенос на окончание ед. ч. жен. рода: мо́лод, мо́лоды: молода́, ве́сел, ве́селы: весела́, зе́лен, зе́лены: зелена́.

6. Акутовым характером окончания 1 л. ед. ч. настоящего времени глагола объясняется передвижение: хочу́: хо́чешь, хо́чет; могу́: мо́жешь, мо́жет... мо́гут.

7. Этот же закон отражен в случаях: ра́довать (серб. ра̏д), ми́ловать (серб. ми̏ло), но дарова́ть (серб. да̑р), пирова́ть (серб. пи̑р), горева́ть, ночева́ть и под.

Закон этот обнаруживается и в длинном ряде других случаев, но требующих специального углубления в материал других языков и учета действия многочисленных выравниваний.

2. З а к о н А. А. Ш а х м а т о в а. В древнейшую эпоху славянских языков циркумфлексовая интонация под ударением встречалась только в начальном слоге. Это заставляет предполагать, что в тех случаях, когда она ранее была на срединных, она оттягивалась к началу. Так же, как в сербо-хорватском и словинском, этот закон особенно отчетливо проявляется в русском языке в случаях оттягивания ударения на предлоги. Последние воспринимались как нечто единое со словом, которым они управляли, и поэтому начальный слог слова фонетически действовал как срединный; ср. на́ берег (бе́рег), за́ волосы (во́лосы), за́ мостом, на́ мост (ст.-слав. мостъ). (Ср.: Чем на́ мост нам итти, Поищем лучше броду (Крылов, Лжец), за́ воду, на́

гору, на́ поле, на́ море, за́ лесом (серб. ле̑с), на́ зуб (серб. зу̑б). — Зуб на́ зуб не попадает.

3. Ударение со слога краткостного или циркумфлексового перетягивалось (уже в древнейшем славянском) на следующий циркумфлексовый, если за ним следовал слог с редуцированным гласным. Ср.: де́сять — деся́тка (древн.— десѧтъка), у́пряжь — упря́жка (упрѧжька), слу́чай — случа́йно[1] (древн.— сълучаjьно) у́жас — ужа́сно[1] (древн.— ужасьно).

4. Ударение в пределах рядом находящихся слогов со второго редуцированного гласного переносилось на первый: гумьно́ — *гумьнь'це — гуме́нце, лукъно́ — *лукънь'це — луко́нце, полотьно́ —* полотьнь'це — поло́те́нце, кольцо́ — *кольчь'ко,— коле́чко, крыльцо́ — *крыльчь'ко — крыле́чко.

5. Переход нечленных прилагательных в членные сопровождался в древнейший период славянских языков такими изменениями (метатониею) в словах с односложной основой: 1) акутовые подударные долготы корневых слогов, изменив интонацию в новоциркумфлексовую, остались на старых местах[2]; 2) ударение с циркумфлексовых долгот и с краткостей перешло на членную часть слова; 3) в словах с ударяемой флексией ударение оказалось оттянутым на корень[3].

Ср. к 1) серб. ду̏г, си̏в, ми̏о, ти̏х — русск. долгий, сивый, милый, тихий; ко 2) серб. мла̑д, дра̑г, зла̑т, су̑х, ту̑п; бо̑с — русск. молодой, дорогой, золотой, сухой, тупой, босой; к 3) серб. ср. р.— бе́ло < бело, цр́но < црно, го̀ло < голо, до̀бар (ср. р.— до̀бро < добро) — русск. белый, черный, свежий хороший (ср. р. бело́, черно́, свежо́, хорошо́); голый, добрый.

Принципиально те же отношения, но с некоторыми специальными усложнениями имеем у прилагательных на **-ьнъ, -ьна, -ьно:**

1. Верный, сильный, славный, болотный, морозный, ср.— ве́ра, си́ла, сла́ва, боло́то с накоренным неподвижным ударением, что указывает на акутовую интонацию корня, и серб. ве̏ра, си̏ла, сла̏ва, бла̏то, мра̏з.

---

[1] Свидетельства сербского и словинского согласно говорят, что в префиксальных образованиях **ь**-основ и **о**-основ, если они имели краткостный или циркумфлексовый префикс, заударная долгота носила циркумфлексовый характер.

[2] В русском языке эта рефлексация представляет только сохранение старого места ударения.

[3] Принцип в важнейшем обоснован А. Беличем (Акценатске студиjе, 1913).

2. Ручной, лесной, мясной, головной, смешной, родной, тройной, ср.— *рука, лес, род, голова* с подвижным ударением (рука́ — ру́ку, лес — в лесу́ — леса́, голова́ — го́лову, со́ смеху) и серб. ру̑ку (вин. ед.), ле̑с, ме̑со, гла̂ву (вин. ед.).

3. Трудный, грешный, конный, сонный, ср.— род. ед. труда́, греха́, коня́, сна (из съна́).

Часть слов типа второго, так как в именительном падеже ед. ч. женского рода, по закону де-Соссюра — Фортунатова, им принадлежало в нечленной форме конечное ударение, в членной уподобилась типу третьему. Так, вероятно, объясняются голо́дный, холо́дный (ср. го́лод, хо́лод) с рефлексами новоакутовой в русском и в некоторых других языках.

Производные от непрефиксальных дву-[1] и многосложных существительных со срединным ударением или начальным акутовым сохраняют ударение существительных: кручи́на — кручи́нный, гвозди́ка — гвозди́чный, жа́лоба — жа́лобный, у́лица — у́личный.

При циркумфлексовой или краткостной интонации первого слога ударение переносится на членную часть: кружевной, островной[2] — кру́жево, о́стров.

Производные от префиксальных существительных (абстрактных или слабо конкретизировавшихся) распределяются по таким основным группам:

а) приво́з — привозно́й, вхо̀д — входно́й, прое́зд — проездно́й. Эта категория, теперь очень производительная, видимо, первоначально не существовала и развилась под влиянием образований группы *б*;

б) о́тпуск — отпускно́й, при́куп — прикупно́й;

в) сбо́р — сбо́рный, спо́р — спо́рный, упо́р — упо́рный, позо́р — позо́рный, уга́р — уга́рный, уда́р — уда́рный, пожа́р — пожа́рный;

г) стар. поко́ра — поко́рный, укр. уго́да — уго́дный, опо́ра — опо́рный.

Префиксальные образования, не производные от существительных, сплошь вошли в сферу типа *а*: затяжно́й, обложно́й, отставно́й, покупно́й.

Группа префиксальных прилагательных с именным корнем имеет сплошь накоренное ударение: подру́чный, подко́жный, поиме́нный, побо́чный, наго́рный.

---

[1] Полногласные сюда не относятся.

[2] Теперь в *остров* о уже не воспринимается как префикс.

Повидимому, в очень большом количестве случаев русский язык пользуется книжными старославянскими и по их образцу созданными формами с ударением основного слова; таковы, напр.: ве́чный (ср. серб. *в̑ек*, которое дает повод подозревать, что русская форма имела бы конечное ударение, — и *вѣчну́ю* в Чуд. Нов. зав. XIV в.), за̑падный (тип за̑пад, судя по аналогиям словинского и сербского, имел циркумфлектированный префикс и заударную циркумфлексовую долготу, что заставляет ожидать ударения на членной части прилагательного), о́пытный (то же самое), о́блачный (то же).

§ 3. Изменения места ударения на флексии, которые могут быть прослежены по памятникам и старым авторам, не очень многочисленны. Из них важнейшее относится к склонению имен существительных женского рода на **-а** (-я), в которых тип с неподвижным конечным ударением все больше подвергался в именительном множ. ч. влиянию типа „вода́: во́ду, им. мн. во́ды". Так, в памятниках мы еще имеем: жены́, игры́, свечи́, скалы́, слуги́, сумы́ (вин. мн.), трубы́, шлеи́ (вин. мн.) — (Домостр.), жены́, сестры́ (Уложение ц. Алексея Мих.) и под.

У писателей XVIII века (частично и XIX в.) с конечным ударением выступают именительные пад. мн. ч.: беды́, вдовы́, вины́, войны́, волны́, доски́, дуги́, жены́, игры́, колбасы́, луны́, норы́, поры́, свечи́, сестры́, сироты́, скорлупы́, скалы́, скирды́, совы́, судьбы́, судьи́, сумы́, толпы́ и др. (ср. соврем. вин. ед. ч. беду́, вдову́, вину́ и т. д.). Сравн.: „Ах, когда б я прежде знала, Что любовь родит беды́" (Дмитр.). „Беды́ со всех сторон" (Крыл., Два гол.). „...Ударив об доски́, заросши мхом, железны" (Держ., Евг.). В него-то были все распутные жены́ За сластолюбие свое посажены (В. Майков, Елис.). „С тобой игры́ и смехи, С тобой веселье, радость" (Сумар.). „Я праздности оставлю узы, Игры́, беседы, суеты" (Держ., Благодарность Фел.). „В задоре иногда в игры́ зело горячи Играем в карты мы, в ерошки, в фараон" (Держ., Евг.). „Огнем и жупелом наполнены усы, О, как бы хорошо коптить в них колбасы́" (Ломон.). „Берлину фабришь ты усы... Коптишь голландцам колбасы́" (Держ., На счастие). „Зачем горят свечи́? Стократ милей кинкет" (И. Долгорукий, Нечто для весельч.). „Сестры́ и бабушки вокруг ее постели

В безмолвии сидели“ (Дмитр., Причудн.). „В плену сестры ее увяли“ (Лерм., Хаджи-Абрек). „Дробясь о мрачные скалы́, Шумят и пенятся валы“ (Пушк., Обвал). „Уж проходят караваны через те скалы́, Где носились лишь туманы да цари-орлы“ (Лерм., Спор). „Судьи́ приказных дел у нас не помечали“ (Сумарок., Эпигр.). „Судьи́ дьяки и прокуроры... Умильные мне мещут взоры“ (Держ., На счаст.). „Судьи́ всему, везде, над ними нет судей“ (Грибоед.),— но у него же: „А су́дьи кто?“. „Несем пустые лишь сумы“ (Дмитр., Мышь, удал. от света); „Се он! и в след за ним тех ратников толпы́“ (Княжн.). „...Так за слоном толпы́ зевак ходили“ (Крыл., „Слон и моська“). „Вели в трубы́ гласить и на врагов восстань“ (Сумар., Хор.), но там же и: „И тру́бы их в крови противничей тонули“. „Так точно, как среди камина Теперь огонь щепы́ палит“... (И. Долгор., Нечто для весельч.)[1].

Если даже известное число случаев конечного ударения в именительном множ. числа, как вполне вероятно, нужно отнести на счет церковнославянского влияния, то малоправдоподобно, чтобы значительное число слов — бытовых понятий сохраняло у писателей только книжное, а не живое, разговорное ударение. Наоборот, тип с конечным ударением оказался победившим в винительном ед. ч. в словах *овцу, свинью, семью*, которые, по грамматике Востокова, должны были иметь ударение на корне; ср. у писателей: „А в се́мью не включат — На нас не подиви“ (Гриб.); „Из стада серый волк в лес о́вцу утащил“ (Крыл.). На ударение *сви́нью* указывает рифма в Стар. сборн. XVII в., 241: Бьют быка да свинью не все то про Оксинью.

В женском склонении на согласный у двусложных (в им. ед. ч.) существительных с ударением на первом слоге утрачена сохраняющаяся и теперь в говорах севера ударяемость окончания предложного падежа: сравн. *на площади́* у Востокова и примеры из писателей до последней четверти XIX века.

Немногие имена существительные старого склонения на -ęt (-ят), употреблявшиеся с ударением на корне, подверглись влиянию множ. числа тех, бывших в большинстве, у которых ударение падало на примету -я; ср.: Благими нравами богата, Пре-

[1] Другие примеры см. у С. Обнорского, Именное склонение в современном русском языке, вып. 2, 1931, стр. 380—382.

красных внýчат приведет (Держ.). Ловецки раздаются роги, И вы́жлят лай и гул гремит (Держ.); У Грибоедова колебание: Извольте посмотреть на нашу молодежь, На юношей — сынков и внýчат... В пятнадцать лет учителей научат, и:... Переженил детей, внучáт.

Ряд нечленных (кратких) прилагательных подвергся влиянию членных (полных). Так, по Востокову, в употреблении были еще в его время: *волён, грузён, красён* (о цвете), *ровён, коротóк, легóк, резóв*; по Гречу, средн. род в ед. ч. звучал: *краснó, синё, чернó* и под. У писателей XVIII в. и начала XIX в. находим: А нос у журавля не очень коротóк (Сумар., Лисица и журавль). Рассказ мой будет коротóк (Крыл., Ягненок). Здоров ли? Все так же ль легóк его бег? (Пушк., Песнь о вещ. Олеге). А кошелек, как пух, и тонóк и легóк (Полежаев, День в Москве). Ребенок был резóв, но мил (Пушк., Евг. Онег.). Конечно, смúрен — все такие не резвы́ (Гриб.). Все что-то видно впереди: Светло, синё, разнообразно (Гриб.). Ср. еще у Некрасова — черён, смирён: Гришуха черён, как галчонок, Бела лишь одна голова (Мороз-Кр. нос). Медведь смирён — Видно, стар годами (Мих. Топт.). Теперь: *вóлен* (ср. вóльный), *грýзен* (ср. грýзный), *рóвен* (ср. рóвный) (*ровён* только в фразеологизме „Не ровён час"), — движение аналогии, отражающее общий процесс замирания нечленных форм.

Ударение членных прилагательных с дву- и многосложной основой, в сравнительной и превосходной степени падавшее в книжном языке на корень, в ряде случаев сменилось под влиянием разговорных форм с ударением на е́е — ударением **-е́йший, -е́йшая, -е́йшее**: Ее одели там, как царскую особу, В богáтейшую робу (Богдан.). ...Для Душеньки, когда из мрáчнейшей пустыни Она во образе летящей вверх богини Нечаянно вознеслась... (Богдан.). И что продлится то до пóзднейших времен (В. Майков). А ныне просьбу я повáжнее имею (В. Майков). А слáвнейших певцов стихи пребудут громки (В. Майков). Ты ведаешь, что я для нýжнейших потреб Живущих на земли учила сеять хлеб (В. Майков).

Тредьяковский упрекал Ломоносова в том, что он нарушал это правило ударения.

Причастия страдательного залога на **-нный, -нная, -нное** от односложных основ, оканчивающихся на а, в префиксальных формах под влиянием церковнославянского языка имели неоття-

нутое на префикс ударение. У классиков XIX века и у их последователей еще в широком употреблении остаются формы типа *избра́нный, убра́нный, издра́нный, изгна́нный*: Что есть избра́нные судьбами Людей священные друзья (Пушк., Евг. Он.); Ни музы, легкие подруги прежних дней, Изгна́нного певца не усладят печаль (Пушк., К Овидию). И по́д издра́нными шатрами Живут мучительные сны (Пушк., Цыг.). И труп, от праведных изгна́нный, Никто к кладбищу не отнес (Лерм., Беглец).

В памятниках и у писателей XVIII и начала XIX века фактический перенос ударения с существительных на предлог — обычное явление: на́ дочерь, на́ друга, на́ сторону, по́ чину, при́ людех, про́ гости, про́ гость, про́ гостя, про́ семью, со́ страхом и др. (Домостр.), по́ сыску (Улож. ц. Алекс. Мих.) и под. Ворона сыру кус когда-то унесла И на́-дуб села (Сумар., Ворона и лиса). Сыр выпал и́з роту лисице на обед (Сумар., там же). Ан стала бе́з мужа пустехонька кровать (В. Майков). Забились по́д печи и спрятались в конуры (В. Майк.). Как и́з лука, стрела пустившись завизжала (М. Чулков). Тут кофе два глотка; схрапну минут пяток; Там в шахматы, в шары иль и́з лука стрелами, Пернатый к потолку мечу леток И тешусь разными играми (Держ., К Евг.). Припав к луке летит, как и́з лука стрела (Дмитр., Причудн.). Но серна легкая все силы натянула: Подобно и́з лука стреле Над пропастью она махнула (Крыл., Лев, серна и лиса). Друг на́ друга глядят, но говорить не смели (Дмитр., Лиса-пропов.). Сам думает: „Молчи ж — уж я тебя, воструху!“ И, у́ друга на лбу подкарауля муху, Что силы есть, Хвать друга камнем в лоб (Крыл.). Ср. еще у Пушкина: Друг на́ друга словесники идут (Домик в Коломне). Взвести друг на́ друга курок И метить в ляшку иль в висок (Евг. Он.).

В течение XIX века эта особенность заметно замирала. Востоков (§ 182) считал, что „переход ударения с существительных на предлоги... употребителен только в просторечии“ Русские стихотворцы первой половины XIX века своей практикой не подтверждают этого мнения. Пушкин, напр., в этом отношении показывает себя еще вполне северянином и не только в вещах, стилизованных под народную речь: Город у́ моря стоит (Сказка о царе Салт.); Люди и́з моря выходят (там же), но и в таких, как „Евг. Он.“: Прямым Онегин Чальд-Гарольдом Вдался в задумчивую лень: Со сна садится в ванну со́ льдом...; Взвести друг на́ друга курок..., и под.

Перенос ударения на не у прилагательных: ***не́ люб, не́ весел, не́ дорог, не́ молод, не́ солон*** нефонетический, к слову сказать,

только в случае *не́ мил* (ср. Востоков, § 182)[1], повидимому, в литературном языке окончательно вымер. „Вы что-то не́ веселы стали" (Чацкий в „Горе от ума") встречает реплику Фамусова, где ударение уже падает на прилагательное: Ах, батюшка! Нашел загадку — Не ве́сел я... В мои лета Не можно же пускаться мне в присядку.

Вымершей следует считать и оттяжку в прошедшем времени у глаголов с подвижным ударением при двух начальных согласных. До начала XIX века такая оттяжка встречалась. Из старых примеров см.: Я не́ спал, — и со звоном лиры Мой тихий голос соглася, „Блажен" — воспел я — „кто до́волен..." (Держ., Вид. мурзы). А дома не́ спали лишь я да петухи (В. Майков, Елис.). Не знаю, не́ драли они бы тут чего (В. Майк.).

В русском литературном языке, кроме явно уже устарелых *при́дет — при́дут* и книжн. *у́зришь — у́зрят*, нет случаев передвижения ударения на префикс. В памятниках имеем в соответствии древности, подтвержденной свидетельствами живых славянских языков — сербского, украинского и др., в том числе говоров русского: во́змешь, во́змет, на́чнется, недо́имет, не́имет, по́имет, по́шлешь, по́шлют, у́мрет (Домостр.), во́змет, на́имется, у́чнет (Улож. ц. Алекс. Мих.).

Заметим еще, что в XVIII веке в употреблении были, кроме упомянутого *при́йдешь* и т. д., еще и *на́йдешь* и т. д., *по́йдешь* и т. д. Вот примеры: Здесь нимфы невской Ипокрены, Видения ее лишены, Сердцами по́йдут вслед за ней. Сердцами по́йдут, и устами В восторге сладком возгласят... (Ломон.). Не на́йдет ли еще он в доме жидких тел (В. Майков, Елис.). Слух про́йдет обо мне от Белых вод до Черных (Держ.). Но только лишь при́дет весна, И роза вздохнет лишь румяна... (Держ.). Тут на́йдешь то, чего б не хитрому уму Не выдумать и ввек... (Дмитр.). Бесплодны до́йдут до кончины, Не зная алчной десятины (Радищ.).

Более редки: Не со́рвется вовек, кто б ни был как удал (В. Майков). Ср. еще у Дельвига: Ото́прешься ль? — Нет отзыва! Мы час стоим, другой стоим... (Две звездочки).

Видимо, бесследно исчезла из литературного языка и диалектов очень древняя особенность, еще довольно отчетливо отраженная в памятниках — передвижение ударения в прошедшем времени глаголов класса и типа: говори́шь, твори́шь (с уда-

[1] Кроме последнего случая, все примеры относятся к циркумфлексовой интонации или к краткости.

рением на примете класса во всех формах, кроме 2 л. мн. ч., где ударение падало на окончание -тé. Как и в тех славянских языках, которые сохранили ее непосредственно (чакавское наречие сербо-хорватского и словинский) или сберегли ее отчетливые следы (кашубский), древнерусские памятники представляют эту особенность в таком виде: женский род в единств. числе имеет ударение на -а, а во всех остальных формах ударение отходит на первый слог, не исключая префиксальных образований. Примеры из памятников: сóтворил (Апост. 1564 г.); нáпоил, нáсадил, пóсадил, пóложил[1], сóтворил и под. (Псалт. 1619 г.); прúложили (Улож. ц. Алекс. Мих.); говорилá (Домостр.). В современном языке единственный остаток такого ударения — ж. р. *родилá*, форма специфически-женская по значению.

Значительно увеличилось в литературном языке число глаголов с приметой, вместо ударения на ней (и на -и-, -я- в 3 л. мн. ч.) получивших ударение на корне,— явление, отражающее усиление в литературном языке элементов южнорусских за счет северных и церковнославянских: *вáришь* (ср. у Пушкина — „Ты пищу в нем себе варúшь"), *гáсишь, гýбишь* (ср. у Сумарокова: Но кто меня губúт, того не внушено (Синав и Трувор), *кáтишь, кóпишь, лéнишься* (ср. у Державина: Лето. Мышлю ленúшься петь в хоре прелестном), *лéчишь* (ср. у В. Майкова: Нет, знать, скорей судьба Мой краткий век промчит, Чем просвещение те нравы излечúт), *пýстишь* (ср. у Держ.: С брéгов суда спущены́; еще у Пушкина: Огромный запущéнный сад, Приют задумчивых дриад), *тáщишь* (И все сокровúща из моря Тащúт повергнуть ей к стопам, — Богданович; такое ударение еще обычно, напр., у Некрасова), *тýшишь* (ср. у Держ.: И солнцы ею потушáтся), *вéртишь* вытесняет еще недавно широко распространенное *вертúшь* и под. Изредка наблюдается урегулирование в сторону конечного ударения (ср. у старых авторов: Мы просим, вóпим и желаем (Хераск.). Вóпит Марко несчастный в темнице, Вóпит жалобно, гласно взывает (Восток.), День прошел — царица вóпит (Пушк.). Еще Грот (Русское правописание, V) именно *вóпят* выставлял как нормативную форму, хотя в „Словаре русск. яз." 1891 г. под его редакцией отмечалось только *вопя́т*; теперь установились: вопúшь... вопя́т.

Слово *дышáть*, формы наст. времени которого издавна принадлежали и к тому и к другому классу, имело в них соответ-

---

[1] *Ложить* в настоящем времени раньше имело ударение на примете класса — *ложúшь* и т. д. (ср. соврем. *ложúшься*).

ственно ударения *дышешь...*, *дышут* и *дышишь, дышат*. Ср., напр., у Державина: Или средь рощицы прекрасной В беседке, где фонтан шумит, При звоне арфы сладкогласной, Где ветерок едва дышит... (Фелица). Под жемчугами драгими Груди нежные дышат (Русск. девушки). У него же однако и *дышут*: Дышут пока сады ароматно, Розы спеши собирать (Весна). Чуть дышут ветерки, Чуть слышан стон (Персей и Андромеда). Теперь, независимо от принятой орфографии, ударение в формах 2 л. ед. ч. и далее падает только на корень.

Значительным изменениям, иногда на относительно коротких промежутках времени, подвергалось ударение иностранных слов, напр.:

Химия: В земное недро ты, Химия, Проникни взора остротой (Ломон., Ода 27 авг. 1750 .). Ср. нем. Chemie.

География: Ср.: И села ею же блаженны, География, покажи (Ломон., Ода 27 авг. 1750 г.) — ударение, отражающее, видимо, также немецкое произношение.

Философ: Женатый философ, Тщеславный, воссияли, И честь Детушеву в бессмертие вписали (Сумар., Епист. о стих.) — немецкое ударение вместо в конце концов победившего уже в XVIII в. греческого.

Бальзам: О, Йонг, несчастных друг, несчастных утешитель! Ты бальзам в сердце льешь, сушишь источник слез (Карамз., Поэз.). Карамзин, видимо, сохранял еще греко-латинское ударение bálsamon - bálsamum.

Музыка: Но ныне к обоим вы, Нимфы, собирайтесь, и равно обоей музыкой наслаждайтесь (Ломон.). Престаньте воспевать! песнь ваша непрелестна, Когда музыка вам прямая неизвестна (Сумар., Епист. о стих.). Или музыкой и певцами Органом и волынкой вдруг, Или кулачными бойцами И пляской веселю мой дух (Держ., Фелица). Бранна музыка днесь не забавна. Слышен отвсюду томный вой лир... (Держ., Снигирь). Одушеви моей музыкой песнопенье (Батюшк., Послан Г. Велеурскому), — ударение, долго державшееся скорее всего под немецким и французским влиянием. *Музыка* встречается приблизительно с третьей четверти XVIII века (ср., напр.: Восстала музыка из разных тамо лир... Что с музыкой текло тут время золотое (М. Чулков, Плачевное падение стихотворцев). Там музыка гремит, в огнях пылает дом (Карамз., Меланх. 1800), но входит окончательно в употребление только около середины XIX века.

Машина: Иль смотрим, как вода с плотины с ревом льет И, движа ма́шину, древа на доски делит (Держ., Евг.). Но у него же: Рабочих в шуме голосов, Маши́н во скрыпе, во стенаньи... (Ко втор. соседу). Первое ударение отражает, скорее всего, воздействие латинского máchina, второе — нем. Maschíne, фр. machíne.

Мелодия: И часто ангелы в небесных мелоди́ях На лирах золотых хвалили песнь твою (Карамз., Поэз.), — ударение, соответствующее греческому, французскому и немецкому и уступившее место новому *мело́дия* под влиянием общей тенденции, идущей от латыни, не делать ударения на **-ия**.

Жемчуг: Там трон — жемчу́гами усыпанный алтарь (Ломон., Петр. В.). Жемчу́гу бездна и сребра Кипит внизу, бьет вверх буграми (Держ., Водоп.). Под жемчу́гами драгими Груди нежные дышат (Держ., Русск. девушки). Не трудно разуметь, что для ее услуг Горстями сыпались каменья и жемчу́г (И. Ф. Богданович).

Колебание видим, напр., у И. Крылова: Ведь идет слух, Что все у богачей лишь бисер да жемчу́г (Свинья), но: Хоть же́мчуг находить близь берега и можно... (Водолазы). У Пушкина обычное ударение жемчу́г, но с род. ед. ч. и далее на флексии: Поэт бывало тешил ханов Стихов гремучим жемчуго́м. В „Русалке" однако: Змеей, змеею он меня — Не же́мчугом опутал.

Варианты ударения — *жемчу́г* (ударение, естественное у слова тюркского происхождения) и *же́мчуг* (ударение, предполагающее передаточную среду) принадлежат говорам и из них попадали в литературную речь.

V. СИНТАКСИС.

§ 1. Зависимость падежей.

Изменения, происшедшие в исторической жизни русского языка в синтаксисе падежей, многочисленны. Большею частью они очень специальны. Ограничиваемся рассмотрением только некоторых категорий более или менее общего характера:

1. Глаголы со значением длящегося восприятия (реже — чувственного восприятия вообще) в древнерусском[1] управляли родительным падежом, как падежом не вполне

[1] Старославянские параллели см. В. Вондрак. Древнецерковнославянский синтаксис в перев. Н. Петровского. Каз., 1915, стр. 13 — 14.

охваченного объекта (полный охват издавна выражался винительным):

Слушать с род.: ... Так же и с своими государевыми бояры и соколничими и здумными людьми того собранья слушал... (Улож. ц. Алекс. Мих.). 168 года, февраля в 17 день, преосвященный собор слушали сказок (Дело Ник., № 9). И великий государь и власти и бояря того писма слушали (Там же, № 34), Слушали мы в соборной церкви... всенощного пения... (Там же, № 36). Ср. у Крылова: И тот дурак, Кто слушает людских всех врак („Зерк. и обез.").

Смотрить (*смотреть*; ср. наше *смотритель*): Всегда в торгу смотрити всяково запасу (Домостр., 38). И у торговых людей смотрят товаров (Больш. чертеж, 6). И я, холоп твой, был с ним на рудне, и рудни он смотрил... (Хоз. Мороз., № 78). Микита Зюзин, выслушав грамотки и писма своего смотря, сказал, что грамотка ево рука... (Дело Ник., № 141).

Осматривать: И я, холоп твой, взяв с собою выборных крестьян, и осматривал его, Никиткина, житья (Хоз. Мороз., № 101).

Глядеть: Овечку стрыгут, а другая тово же глядит (Стар. сборн., 1836); ср.: того и гляди...

Кушать (значение „отведывать, пробовать"): И всякой семейной ествы господарыня или дворецкой сам кушает (Домостр., 51).

Чаять: А побегу де их чаять с казаками на Дон (Мат. Раз. II, № 43)... Будет в них, по их роспросу, почаете каково доброво дела и государствам нашим прибыли (Мат. пут. Ив. Петлина, 301).

Дозирать: И везде всякой порядни ключнику дозирать (Домостр., 47).

Примечать: И всего того добра примечати и внимати (Домостр., 32).

2. Родительный неполного охвата употреблялся также в древнерусском при ряде глаголов, теперь требующих винительного:

Беречь: И ехать с великим береженьем и раденьем — судов беречь накрепко... (Хоз. Мороз., № 30). Да Любиму ж беречь вотчинных моих бортных лесов... (Хоз. Мороз., № 149).

Оберегать: ...И оберегать Нижняго и Арзамаса и понизовых городов, смотря по тамошнему делу (Мат. Раз. III, № 25). И велел ему оберегать Нижнего Новагорода и Арзамас (sic!) и тех и иных уездов (Там же). И Нижнего и Нижегородского уезду и иных мест оберегать (Там же).

Стеречь: А будет кто у кого наймется стеречь двора, или лавки, или чего нибудь... (Улож. ц. Алекс. Мих.). Денга рубля стережет (Стар. сборн., 665). Лугвица птица путей стережет (Стар. сборн., 140). Ср. выше — *дозирать*.

Просить: ...Про то они слышали ж, что он того посоха у патриарха просил (Дело Ник., № 36). Ср. современное *просить* с род. неопределенного количества.

Спрашивать: ...И тех денег спрашивают ныне в монастырской приказ в платеж (Дело Ник., № 114).

Расспросить: И про то, государь, роспросити пана Юрья Мнишка и его дочери (Памятн. Смутн. врем., 25).

Жалеть: И мы... нагайским людем до нашего указу ходити не велели, жалея нашего государства (Памятн. Смутн. вр., 45). Жалея Струны, таковую пагубу приял (Аввак., 83). Ср. современные *жалеть денег, жалеть сил* при объекте неопределенного числа.

Приподнять: И царь против государева имени приподнял шапки и спрашивал про государево здоровье (Мат. путеш. Ив. Петлина, 276).

3. Родительный падеж целового при *кто, что, который* в древнем языке часто встречаем там, где мы теперь употребляем **из** с родительным: ...А хто моих бояр иметь служити у моее княгини, а волости имуть ведати, дають княгине моей прибытъка половину... (Духовн. в. кн. Сем. Ив.). ...Что де ни есть около моей вотчины дворян и детей боярских, и татар, и мордвы... (Хоз. Мороз., № 5). А будет приезжих людей учнут хто что продавать воровской рухледи и лошади, и тех людей велеть приводить к себе в съезжую избу и роспрашивать их гораздо (Хоз. Мороз., № 149). Ср.: А что моих людии деловых... всем тем людем дал есмь волю (Духовн. в. кн. Сем. Ив.). И после пожару бывает им смотр, чтоб кто, чего пожарных животов захватя, не унес (Котош., 91). ...Женам и девкам дело указати дневное всякому рукоделию, и что работы... (Домостр., 27). А который нас в лицех, на том денги (Юрид. акт. 1577 г.). А который нас крестьянин в лицех (Там же, 1598 — Бусл.).

4. Характерно для др.-русского употребление родительного падежа в фамилиях, произведенных от прозвищ типа прилагательных. Параллельно фамилиям на **-ов** от крестных имен (чей?) для фамилий такого типа берется родительный лица — единственного или множественного числа: князь Дмитрей Алексеевич Догоруково (Дело Ник., № 34). И мы, великий государь, велели ево, патриарха, проводить с Москвы за Земляной город

окольничему нашему князю Дмитрею Алексеевичю Долгоруково... (Там же, № 40). И сентября в 25 день писали они, боярин и воеводы, на Царицын к Левонтью Плохово (Мат. Раз. II, № 24). С товарыщем своим с окольничим и воеводою с князь Костянтином Осиповичем Щербатого (Мат. Раз. III, № 22).

Реже случаи употребления родительного множественного от фамилий и под., произведенных не от прилагательных. Они обозначали только нечто вроде „из семьи таких-то“: Потом, тоя же зимы, по мале времени поехал изо Пскова князь Псковский, Иван Михайлович Репня Суздальских князей, государю великому князю жаловатися на пскович... (Сказ. о Пск. взят., 5). Княжны старицы Александры Гагариных да старицы Федосьи Давыдовых (Юрид. акт. 1679,— Бусл.).

В настоящее время число фамилий типа родительного падежа сильно сократилось, и многие из них давно перешли в форму именительного падежа: уже в XVII в. вм. „Долгоруково“ писали и *Долгорукой* (ср., напр., в „Улож. ц. Алекс. Мих.“, 1); „Щербатово“ заменили на *Щербатов* и под.

5. Родительный и творительный времени в древнерусском употребляются шире, чем теперь.

Примеры первого:

Родительный времени: ...И тыб его отпустил к нам часа того (Грам. Иоанна IV царьгр. патриарху 1558 г.). ...А часа того Обрам толмач отделаетца, и мы его тогды к тебе отпустим (Грам. Иоанна IV швед. королю 1573 г.). А коево дни пир, тово вечера или порану самому государю пересмотрити, все ли по здорову (Домостр., 49). И того ж часу ...митрополит Павел и бояря... сказали... (Дело Ник., № 34). Нынешние де ночи... внезапу шум учал быть (Там же, № 36). И тое ж ночи... посох святителя Петра чюдотворца подали великому государю (Дело Ник., № 39). Да того ж дни прислал к нам святейший Ермоген... две грамоты (Отписка нижегородцев к вологж.). ...Потому что они прошлой ночи на свадьбе были в чужом жилище (Куранты).

Примеры второго:

А яз здесе... семи часы, дал Бог, жив до божией воли и поздорову есми совсем (Пис. в. кн. Вас. Иоанн. 1530—1532 г.).

Ср. еще в языке XVIII века: О, коль ночною темнотою приятен вид твой при луне! (Держ.) Поди-ка, сын мой, добрым часом (Дмитр.). Я вот свой (дом) построил сими днями (Крыл.), и даже в начале XIX века: Туда зарею поспешаю С смиренным заступом в руках (Пушк., 1815).

Родительный времени сводится теперь к наречным формам *сегодня* (из „сего дня“), *третьего дня* (ср. народн. *третьёводни*) и к немногим случаям, вроде *первого мая, седьмого ноября* и под., где в родительном времени стоит *первого, седьмого* (числа). *Мая первого дня* теперь уже ощущается как архаизм.

Творительный времени ограничен существительными со значением времени, приближающимися все больше к наречиям (ср. ослабление их способности согласовывать с собою прилагательные). Современное сужение употребления этих падежей отчасти — результат общей тенденции славянских языков значения временные и пространственные у имен выражать предлогами, сохранив старину при сочетаниях с числами, отчасти результат, так сказать, обреченности корней с временными значениями на сближение или совпадение с наречиями, выполняющими сложную роль, а в некоторых случаях — последствие естественной потребности диференцировать выражаемые значения. Сравн. с этим наблюдение Потебни (Из зап. II², 452): „Позднейший язык устанавливает большую разницу между протяжением времени, означенным творительным, и протяжением действия, падающим в это время. Теперь являются уже архаизмами выражения, как „... впервые годом (за весь год), да и то с горем“, Даль, Посл. 47; „Она и в три часа напроказить может столько, что и веком (за век) не пособить“, Фонв.; „Я в сорок пять часов, глаз мигом (на миг) не прищуря, верст больше семисот пронесся“ (Гриб.).

2. Творительный причины, орудия и средства.

И в кровли, и в суши, — и тому подворью и всякому обиходу домовному старостию обетшания нет (Домостр., 59). И вы, бояре наши и воеводы и всякие служилые люди, против нас, великого государя, стояли неведомостью и боясь от изменника нашего смертные казни... (Памятн. Смутн. врем., 44). Правильною виною посадил ево, Струну, на цепь за сие (Аввак., 83 стр.). У Никона патриарха у благословения были они простотою своею (Дело Ник., № 36). Оставил де я патриаршество собою... (Дело Ник., № 6). А скаску де он, Григорей, писал поспешанием, исторопелся (Дело Ник., № 9). И летось твоим нераденьем и обленкою много у меня потошу пропало (Хоз. Мороз., № 31).

Во многих случаях этот творительный в XVIII веке отражает влияние латыни. Соответствует он нынешним сочетаниям с **из-за** с родительным и **благодаря** с дательным:

Любовник легче вином в цель свою доходит (Кант., Сат. 1).

Лукавствуй ты иль нет, Димитрий мной увянет (Сумар., Дим. Самозв.). Избавь Россию мной, о, небо правосудно! (Там же). Воспомни, что тобой злой рок меня унес, И вырони о мне хоть каплю слез... (Сумар., Песня XXXII). Страждешь ею так, как я тобой (Там же). Лишился я тобой спокойства и забав (Сумар., Элег. 4). Я время, мысли, ум и все тобой гублю (Там же). ...Мной, сколько можно было, Нещастие тебя под стражею щадило (Сумар., Хор.). Лишь ветром плыть (Держ., Вельм.) ...Как дерн бугрит соха, злак трав падет косами, Серпами злато нив... (Держ., Евг.). ...Сим средством не потеряем мы ни одной черты из ево похвальных дел... (Крыл., Похв. речь дед.). Богатый вдруг чертог не ветерком, но сам собою растворился (Дмитр., Причудн.). С чего ж начать свою мне оду, Покамест жар мой не простыл, Чтобы попасться ею в моду? (И. Долгорукий, Авось). Представь мне щеголя, кто тем вздымает нос, Что целый мыслит век о красоте волос (Сумар., Эпист. о стих.).

3. Творительный при страдательных причастиях и родственных им аналитических формах: А для каких дел, и то тебе нами будет сказано (Дело Ник., № 94).

Чаще, однако, в древнерусском (эта особенность встречается и в начале XIX века) в параллель такому употреблению творительного выступает, повидимому, за иноязычными образцами, от с родительным.

Местный падеж без предлога, нечастый в старославянских памятниках, в древнерусском нередок; ср., напр., Лавр. спис. летоп.: Белегороде затворился Мстислав Романович (145,—Кар.). Поиди сяди Кыеве (45 об.).

§ 2. Творительный предикативный.

Творительный предикативный (сказуемный и родственный сказуемному) — явление характерное для славянских и балтийских языков. И в тех и в других он продукт исторического развития, хотя зародыши схожего употребления, возможно, восходят к более ранним эпохам (Ср. И. Эндзелин, Славяно-балтийские этюды, 1911, стр. 190—191, и E. Fränkel, Das prädikative Instrumental im Slavischen und Baltischen und seine syntaktischen Grundlagen, Arch. f. slav. Philol., 40 (1926), стр. 77—117).

В памятниках — „Синодальном списке Новгородской летописи“ и „Повести временных лет“ по Лаврентьевскому списку творительный предикативный первоначально наблюдается почти

исключительно с формой давнопрошедшего времени: Понеже была бѣ мати его черницею (Синод. сп., 29). Бѣ бо у Ярополка жена Грикинѣ, бяше была прежде черницею (Там же, 29). И бяше была чьрницею (Лавр. сп., 90). В продолжении Новгородской летописи по списку Археографической комиссии выступает и: Преставися архіепископъ новгородчький Семеонъ, бысть владыкою пять лѣтъ и три мѣсяца (411). А чернцомъ былъ на сѣнѣхъ годъ и двѣ недѣли (413).

Большинство известных случаев при глаголе „быть“ в прошедших временах — с творительным, обозначающим человека по его должности или сану. При полусвязочных глаголах вроде „стати“, „творитися“ в этих памятниках в тех редких случаях, где они встречаются, употребляется творительный: И самъ царемъ ста (Синод. сп. лет., 180) и под.[1]

В позднейших памятниках в целом отражаются те же особенности, причем важно с точки зрения отношений, которые мы имеем в литературном языке и сейчас (*быть учеником, быть красноармейцем*), что даже памятники с сильным церковнославянским языковым влиянием имеют творительный предикативный при инфинитивах, т. е. в большинстве случаев не настоящих сказуемых[2].

Только в средине XVII века (Котошихин) употребление творительного предикативного возрастает за счет именительного, но при всем том в будущее время он попрежнему не проникает. Не выступают в форме творительного предикативного и имена прилагательные. Рост употребления творительных предикативных у писателей начала XVIII века О. Патокова[3], думаю, справедливо относит на счет украинско-польского влияния, видя в писателях петровского времени в большей или меньшей мере выученников юго-западной школы на Москве. В период от Ломоносова до Карамзина происходят такие дальнейшие сдвиги:

Творительный предикативный в значении лица, занимающего должность, при *был* окончательно упрочивается, делаясь обязательным:

Хотя бы он царем всея вселенной был (Сумар., Синав и Трув.).

---

[1] Для „творитися“ оба примера — сочетания с причастиями.

[2] В ст.-слав. творит. предикативный при *быти* свидетельствуется уже (для XI в.) Супрасльскою рукописью.

[3] См. статью О. Патоковой — К истории развития творительного предикативного в русском литературном языке, Slavia, VIII (1929 г.), стр. 1—37.

За этим образцом начинают следовать (впрочем, не без сильного колебания в сторону именительного) слова *свидетель, смотритель* (зритель), *неприятель, предводитель, наследник*, главным образом, как видим, со значением лица, временно совершающего определенные действия: Вождь наш, который был смотрителем сего сражения... (Праздн. время, 1759 г., 11). Я теперь был свидетелем пресмешные сцены (Фонвиз.). Свидетельницею, Элиза, ты была (Княжн.).

В духе тенденций, наметившихся уже у писателей петровского времени, учащается творительный предикативный в настоящем времени, в будущем и при повелительном наклонении. В круг слов включаются и отвлеченные, чаще всего — *причиною*. Ср.: Конечно, некто есть причиною ей мук сих (Сумар., Син. и Трув.). Города ныне суть печальными знаками непостоянства (Пр. вр., 298). Сие состояние, предвещающее разум, есть источником большей части наших познаний и заблуждений (Приклон., 35). Заслуживает внимания при этом различие жанров — творительный предикативный в общем чаще в это время в комедии, чем в трагедии, в беллетристике журнальной, нежели в эпосе, и это свидетельствует о продолжающейся борьбе стихии церковнославянской с разговорно-русской. Дальнейший рост употребления творительного предикативного характерен для языка Карамзина, у которого творительный предикативный оказывается предпочтенным именительному с вполне определенной последовательностью во всех случаях, где возможность его раньше только намечалась; ср. даже случаи (правда, отдельные) употребления в этом падеже прилагательных (в широком смысле термина): Боголюбский был, конечно, одним из мудрейших князей (Ист. гос. Рос., III, 19). Победа не была сомнительною (Там же, 100) и под. Язык Карамзина — в основном решающая стадия в истории развития творительного предикативного. В дальнейшем не происходит ничего, принципиально меняющего черты и частость оборотов с ним, наметившиеся у Карамзина,— лишь относительно небольшие отклонения в ту или другую сторону, под пером главным образом выдающихся писателей, получают стилистическую диференциацию. Заслуживает, впрочем, внимания, что в течение XIX века совсем выходит из употребления творительный предикативный с *есть* и, вместо случаев с отвлеченными существительными типа „Ах, этот человек всегда Причиной мне ужасного расстройства“ (Гриб.), „Признайтесь, вы этому одни виною“ (Лерм.), устанавливается или именительный, или сочетание с „является“.

Пути развития в литературном русском языке творительного предикативного отражают, повидимому, тенденцию при соотношениях „именительный подлежащего — именительный сказуемого“ или „именительный приинфинитивный“ — специфизировать часть сказуемого или приинфинитивную, использовав различения постоянного и переменного признака, — тенденцию, имевшуюся уже в древнейшем славянском (если даже не в балтийско-славянском).

Стоит отметить среди прочего влияние и эстетического момента, сказавшегося в избегании сказуемых, формально одинаковых с подлежащими: в древнерусском мы находим, напр.: А положит кто отпустную без боярского докладу и без диачьи подписи... ино та отпустнаа не в отпустную, опроче тое отпустные, что государь своею рукою напишет, и та отпустнаа грамота в отпустную (Суд. 1497 г., 18) или: Ино ся моя грамота не грамотою, а дело не делом (1448, Ак. З. Р. П, 55 — Потеб.). Так же и дворяне московские и городовые, и дети боярские, многие есть старые, издавна тех родов, которые преж сего были во дворянех же при великих князех (Котош., 28).

§ 3. Значение и управление предлогов и наречий-предлогов.

Сравнительно с составом древнерусских предлогов и наречий-предлогов современный литературный русский язык представляет относительно немного отличий: вымирает в нем предлог **про**; не употребляются древние **дѣля, поровень**; ср.: А река Розумница вытекла близко, поровень реки Кореня, по Оскольской и по Ливенской дороге, из Разумного лесу (Больш. Чертеж); **промежъ**; ср.: Чтоб промеж нас какова дурна не учинилося (Дело Ник., № 40); **развѣ**, „кроме“; ср.: А всегда бы жена без рукоделия сама ни на час не была разве немощи (Домостр., 64); из старого сочетания „**въ** — родительный падеж имени существительного или местоимения — **мѣсто**“ возникает наречие-предлог *вмѣсто*; ср. др.-русск.: А в того место новопоставленному даетца иный посох (Дело Ник., № 39). Бедному кус за ломтя место (Стар. сборн., 163). Возможны в старину и сочетания типа: А дотоле ездит по моим селам брат мои Григореи в мое место („вместо меня“) и людми моими володеет (Дух. Остаф. ок. 1396 г. — Срезн.); ср. и: Старой долг за находки место (Стар. сб., 2132).

Заметные изменения произошли в з н а ч е н и я х п р е д л о г о в: **для** с XIX века получило вместо старого значения

причины и интереса („ради") значение цели. Ср. у писателей XVIII века: Мысли, которые тогда были тесно ограничены, для неведения многих вещей и действий, ученым народам известных... (Ломон.), и под. Примеры старинного для — „за": ... И в Латошино, государь, для пашенных лошадей посылал, и ис Латошина пригнали 15 лошадей павловских (Хоз. Мороз., № 52). И как Григорей Байков пришлет к тебе для людей, и тебе б послать к нему крестьян для валового дела... (Хоз. Мороз., № 123).

Под влиянием западноевропейских языков **для** около конца XVIII века приобретает даже значение дательного, особенно при прилагательных и наречиях (сказуемых): *приятный для тебя, для меня трудно* и под.

Противу, противъ утратили из принадлежавших им раньше — значения: 1) соответствие во времени: Да писала еси ко мне наперед сего, что против пятницы Иван сын покрячел (Письмо в. кн. Василия Иоан. 1530—1532 г.); 2) „сравнительно", „подобно", „соответственно" („в соответствии с"), „за": Октября в 1 день принес к Якову и к Тишине Антоней Поссевинус от папы жалованье и платье против Яковлевых и Тишининых поминков (Отч. Я. Молвянин.). И свадебной чин и веселие бывает против того ж (Котош., 15). И вы де тех подчиненных людей противу нашего великого государя указу держите под крепким началом (Грам. 1663). Дьякон Михайло про приход в церковь патриарха Никона... сказал против товарищев своих речей (Дело Ник., № 36).

Передъ перестало употребляться в значении „сравнительно с", ср. др.-русск.: И от того соболи почали быть перед старою ценою дороже (Котош., 91). ... Чтоб перед прошлыми годами гораздо паташу на майданах было с лишком (Хоз. Мороз., № 170).

Характерны также сдвиги в предложном управлении. Существеннейшее, сюда относящееся, можно свести к следующему:

При предлогах с двояким управлением, не мотивированным семантически, установился (или близок к окончательному установлению) только один падеж: **между, меж** в настоящее время фактически управляют только творительным; управление родительным остается чертою почти только архаизирующего стиля; вышло из употребления **с** с винительным: А сидит круг папы с правую сторону шесть кардиналов, а с левую сторону — десять кардиналов (Отч. Я. Молвян.). И те их речи, с обе стороны, толмачат переводчики, а для записки речей, с обе стороны, стоят

секретари и подьячие (Котош., 65). Ср. совр.: *слева, справа, сбоку, со стороны* и под.

Сквозь[1] с родительным, хотя такое управление нередко еще в средине XIX века (ср., напр., у Огарева: Светит сквозь узора мерзлого окна) и встречается изредка даже в наши дни у Демьяна Бедного; ср.: „Ах“, отвечал сквозь слез Малютка голосом, исполненным страданья“, решительно уступило место управлению только винительным. (Ср. ниже еще о **мимо** и под.). При предлогах **надъ** и **предъ (передъ)** утрачен винительный направления, употреблявшийся раньше. **Над**: Над мертвеця идете (Лавр. сп. лет., 80 об.). Ср. по старинному образцу у Ломоносова: Над тучи оным простирайся. **Пред** с винительным: А послух не пойдет перед судью (Судебн. 1497, 50). Еще очень часта эта конструкция в XVIII веке: Она приказала всех нас троих привести перед себя на нелицемерный суд (Данил.). Вдруг предстала пред него одна тень, одетая в скороходское платье (Крыл.) и под.

Наречия-предлоги места утратили старое управление винительным или дательным и управляют теперь только родительным. Ср. др.-русск.: **възлѣ**: Они же доспевше поидоша възле реку Оку горе (Лавр. сп. лет., 145 об.); **мимо**: А мимо Белград потекла и пала в Дон (Больш. чертеж). Да в тож де число шол Волгою мимо Царицын патриарш насад (Мат. Раз., 1, № 9); **подлѣ**: Так питаемся подле море Черное (Ист. об Азовск. сид., 10); **противъ, противу**: Сташа шатры противу Кыеву по лугови (Лавр. сп. лет., 110 об.). Посла и отець свои с вои противу мачесе (там же, 113 об.).

Предлоги места **в** и **на** и параллельно **из** и **с** (значения „средина“ и „поверхность“) стали употребляться менее фразеологично. Ср. др.-русск.: Кони ржут на Москве; бубны бьют на Коломне; трубы трубят в Серпухове (Задон., 7). Писали мы к вам преж сего, чтоб вам на Вологде и в уезде собрати всяких ратных людей (Отписка нижегородцев вологжанам). А генваря в 27 день писали нам с Резани воевода Прокопий Ляпунов и дворяне и дети боярские и всякие люди Рязанския области (Отписка нижегородцев к вологж.). В то же время пришла с Москвы грамотка ко мне (Аввак., 83). И с тех приказов, Казанского и Сибирского, ссылаются с Москвы и из городов на вечное житье всякого чину люди, за вины (Котош., 93).

---

[1] Для Ломоносова, „Рос. грам.“ § 456, **сквозь**, как и **через**, было наречием-предлогом.

Это же следует сказать и о **к, у, от**:... Две грамоты — одну — от всяких московских людей, а другую — что писали из под Смоленска московские люди к Москве (Отписка нижегородцев к вологжанам). Да от Соли Вычегодцкой взят к Москве Кирилова ж монастыря чернец Иона Зуй (Грам. 1647 г.). Ломоносов (Рос. грам., §§ 507, 509, 517) верно поясняет, что „имена городов, по рекам проименованных, полагаются в предложном падеже с предлогом *на*: „На Дону жить прохладно, на Москве весело"; **у**, по его указанию, „требуют усолья и некоторые городы особливо: у соли Камской; у соли Вычегодской; у города Архангельского"; „Предлогом *у* на *где* ответствующие на *откуду* принимают *от*: от города Архангельского, от соли Камской приходят письма"...

Современные различия **в** и **на, из** и **с** и под. еще не до конца могут считаться мотивированными, но сравнительно со старинным языком колебаний меньше. Мы различаем, напр., негорные и горные области СССР: *в Сибирь, в Сибири, из Сибири, в Донбас, в Донбасе, из Донбаса,* но *на Кавказ* и *на Кавказе, на Урал* и *на Урале, с Кавказа, с Урала*; *в Крым, из Крыма* — только кажущееся отклонение (горы „Крым" нет); *на Украине, с Украины* держатся у нас под влиянием украинского языка; говорим *в заводе, в фабрике, из завода, из фабрики* (о помещении), но *на заводе, на фабрике, с завода, с фабрики,* имея в виду все производство; ср. еще: *в опере,* но *на опере „Евгений Онегин"* и под. Для характера сочетания интересно: Он сел на роспуски, поехал на кабак (В. Майков). Установились одинаково: *в Москве, в Сольвычегодске, в Соликамске, в Архангельске, из Москвы, из Сольвычегодска* и под. **На** последовательно употребляется, когда речь идет о том, что „поезд идет" *на Москву, на Харьков* и т. д.

Сильно сократилось употребление **в** и **на** во временно́м значении с предложным падежом: И стрельцы, блюдяся от меня, тех моих изменников в мегновении ока изсекли на малые части (Памятн. Смут. вр., 79). Писывал де он к нему, Никону, по отшествии его в первых годех о здоровье (Дело Ник., № 41). Как в прошлых давных годех земля жилая и пустая роздавана и розверстывана в поместья... (Котош., 96). Такова государева грамота послана... сего ж числа в вечеру, в четвертом часу, в последнем часу ночи (Дело Ник., № 37). И он де поехал из Крестного монастыря за рыбою ноября в последних числех, а в котором числе, того не упомнит (Там же, № 78). И тебе бы, государь, ко мне отписать, в котором числе тово деловова отпустят с Москвы (Хоз. Мороз., № 80). И службу свою в скорых

временах хочю показати добрую (Котош., XXIV). Замирание такого управления проходит через весь XIX век; ср. поэтическое *в ночи* — „ночью“.

О, об почти полностью утратило свои прииментные функции: значение приблизительности „около“: И паде голов о сте кметьства (Новг. лет., Бусл.), значение состава — „квартира о пяти комнатах“, „береза о пяти верхах“ (замирающее употребление). Утрачено и др.-русск. *о чем*? в значении „почему?“: О чом жо ты не искал на Ивашке в ту шесть лет? (Юрид. акт., 1491 г., Бусл.).

Через (чрез) лишилось значения „в течение“; ср.: О непременном вашем ко мне снисходительстве, которое я чрез много лет за великое между моими благополучиями почитаю (Ломон.). Приди, мой благодетель давний, Творец чрез двадцать лет добра (Держ.).

Особого упоминания заслуживает древнерусское, занесенное в старославянский язык из греческого, употребление **от** при формах страдательного залога.— Это от держится в таком употреблении еще в XVIII веке —: Воеводы у нас уставлены от бояринов (Задон., 11). Лучше бы есмя сами на свои мечи навериглися, нежели нам от поганых положеным пасти (Там же, 15). И посечено от безбожнаго Мамая полтретья ста тысяч и три тысячи (Там же, 21). И от них всякое злое чинится: крадут и разбивают, души губят (Стогл., 10). Я более от них любима, чем достойна (Дмитр., Причудн.). Он был слишком умен и нередко даже был за это бит от своих приятелей за картами (Крыл., Похв. речь дед.). Только в известных речениях, пословицах и под. сохраняются еще остатки в прошлом широкого употребления предлогов в таких функциях:

В с абстрактным именем существительным в значении сказуемого: А коли пришлешь ко мне про помощь, а мне в ту пору к тобе будеть нельзя помочи послати, ино то тобе от мене не в измену (Перем. грам. в. кн. Моск. Ив. Вас. с Александр. в. к. Литов. 1494 г.). А сколко числом тое казны придет в году, того описати не в память (Котош., 93). И нам, холопем и сиротам твоим безпомочным, стоять против их было не вмочь (Мат. Раз. III, № 56). ...Чтоб тамошним градским и уездным всяких чинов людем было в страстие (Мат. Раз. III, № 65). И помянутых песенок было не только еще очень мало, но они были в превеликую еще диковинку (Болот.).

Ср. современные: *не в мочь* (в народном стиле), *в диковинку* („Известно, что слоны в диковинку у нас“, Крыл.), „а мне и невдомек“ (из „не в домек“) и под.

На с предложным пад. в значениях „в связи с чем-нибудь, взамен чего-нибудь, за, от кого-нибудь". Ср. архаизм: „Спасибо на добром слове". Др.-русск.: ... И жеребца возму и тысячю золотых на главе твоей возму (Хожд. Аф. Никит.); Ино судити на того волю, на ком ищут (Судебн. 1497 г., 48). А послух не пойдет пред судью... ино на том послусе исцево и убытки и все пошлины взяти (Судебн. 1497 г., 50). И Яков на княжь Николаеве жалованье, на их встрече, бил челом (Отч. Я. Молвян.).

По с винительным цели: Повадился кувшин по воду ходить, тут ему и голову сложить. Ср. др.-русск.: Посла по сыны свое (Лавр. сп. лет., 135). А кто по кого пошлет пристава (Судебн. 1550 г., 50). Огорчась на большова сына Ивана, послал ево одново по дрова (Аввак., 114). Еще ходил я на Шакшу озеро к детям по рыбу (Там же). До бою на стану товарыщ твой околничей наш и воевода Костянтин Осиповичь прислал по него стрелцов (Мат. Раз. III, № 73).

По с предложным: *по прошествии, по истечении, по смерти, по выяснении вопроса.* По малых днех ускочи Игорь князь у половець (Лавр. сп. лет., 135). А по естве отец и мать, и гости жениха и невесту благословляют образами (Котош.). Ср. и в XVIII в.: Если по моей кончине, В скучном бесконечном сне, Ах, не будут так, как ныне, Эти песни слышны мне... (Держ.). Изредка можно встретить в др.-русском такое **по** с дательным: И по многим разговорам патриарх сказал ... (Дело Ник., № 39).

По в значении „во время" в народных *по весне, по зиме, по осени* (с дательным). В литературном языке попадается еще в XIX веке. Ср. из XVIII: И были по зиме рога у нас в торгу (И. Долгор. „Нечто для весельч.").

В древнерусском параллельным было и выражение пространственной последовательности: Потягнете, дружина, по князе (Лавр. сп. лет., 16). И в тоя поры многия люди в церковь пошли... и по них пошли многие старцы (Дело Ник. № 40).

С с родительным причины: *со страху, с похмелья.* Ср. др.-русск.: И он де ему сказал, что сшел с сердца (Дело Ник., № 41). И то ведаю, что с великой ревности и усердства учинил вскоре (Там же) и под.

Про: „Есть, да не про вашу честь", „Оставить про запас". У Жуковского: „И чистых капель меж листов Оставь про резвых мотыльков". „Хоть честный человек, хоть нет — Для нас равнехонько: про всех готов обед" (Фамусов в „Горе от ума" Грибоед.). „Ни за что, ни про что" = „для": А целое блюсти про

господаря, господарыню и про гость (Домостр., 48). Да на нас же, сиротах твоих, правят ядра ореховыи про твой государев обиход (Хоз. Мороз., № 156). Починаетца бочка про доброва гостя (Стар. сбор., 1952). Ср. др.-русск. значение „ради“, промежуточное между значением причины и цели: Про сей мир трудилися добрии людие (Смол. гр. 1229 г.). Святополк про волость же ци не уби Бориса и Глеба (Лавр. сп. лет., 102 об.). И пьют друг про друга за здоровья (Котош.); „из-за“: А про всяку вину по уху ни по виденью не бити (Домостр.). ... Бил меня, сироту твоего, и увечил он, Воин, не про вину, напрасно... (Хоз. Мороз., № 27). Он нас, сирот, бьет и мучит не про дела (Там же, № 60). Били Фому про куму, а Трошку про кошку (Стар. сбор., 247).

§ 4. Число.

Интересная особенность древнерусского согласования, правда, представленная только в немногих памятниках,— Новгор. летоп. по списку XIV в., в Слове похв. св. Борису и Глебу XII в. (по списку XV в. и др.), двойственное число в обоих составляющих пару наименованиях: Перенесена быста Бориса и Глеба на канон святою Петру и Павлу (Новг. летоп.), и под. Там же и в других встречаются случаи двойственного числа в одном члене пары: На память святого апостола (т. е. ед. ч.) Петру и Павла (Лавр. спис. летоп.), поп святую Костянтину и Елены (Новг. лет.), и под.

Возможно, что эти примеры отражают глубокую древность (Соболевский, Гуер); ср.: санскр. mātarā pitarā — мать и отец — родители, собственно „две матери, два отца“, случаи, которые индийские грамматики называли dvandvam. Но не исключена и возможность, что в период падения двойственного числа русские книжники уже просто не владели в достаточной мере системой форм двойственного числа, и под их пером являлись своеобразные синтаксические вязи как продукт искусственного пользования двойственным числом.

Полное формальное согласование в числе, возможное при собирательных именах существительных исстари и обычное главным образом у определений, одерживает победу в истории русского языка над смысловым только к середине XVIII века. Старинные отношения могут иллюстрировать такие примеры: А войско царьское с коня не сседает, николи же и оружия из рук не испущают (Сказ. о Магм.-салт.). ... Множество народа неистовых (Посл. Иоан. Гр. Курб., 13). ... Докаместа Москов-

ского государства и окрестных городов Литва не овладели (Отписка нижегородцев вологж.). Пишут к нам братья наша, разоренные, пленные... Что к нам писали братья наша ... (Там же). И многие наша братья от него разорились и разбрелись розно (Хоз. Мороз., № 36). 168 года, февраля в 17 день, преосвященный собор слушали сказок (Дело Ник., № 9). И преосвященный собор Михайла митрополита допрашивали (Там же).

А смоленская, государь, шляхта, на твою великого государя службу ко мне, холопу твоему, в полк пришли к Шацкому, ноября в 27 день (Мат. Раз. III, № 54). И многие... шляхта на том бою от воровских людей переранены (Там же, № 60). А воровское твое собранье побиты многие (Там же, IV, № 23). А ныне уж в третие около ее духовенство ходят и хотят бесов из нее выгнать латынским языком (Куранты). А в празничные дни, которой приказ стоит на вахте, и им с царского двора идет в те дни корм и питье доволное (Котош., 91). ...И мечет деньги народу, которые тому студенту кричат „виват" (П. Толст.).

Подъезд наш вновь от шведов собранных волохов большую часть снесли и несколько в их платье в полском обозе повесили (Русск. Вед., 1703). Но и купечество знатное парижское повсевременно едят на серебре (А. Матв.).

Для конца этого же века непонимание числового значения *суть* подтверждает П. Толстой: И мы, увидев, что то корабль, а не тартана, и суть неприятельский, почали мы подаватися к Мальту.

Фактическая утрата формы мн. ч. *суть* и возможная ее замена формою ед. ч. *есть* свидетельствуется для XVII в. Котошихиным (28): Так же и дворяне московские и городовые, и дети боярские многие есть старые...

Не справлялись и грамотеи Московской Руси, и в значительной мере еще и представители литературного языка петровского времени с множественным числом в е л и ч и я или в е ж л и в о с т и. Употребление и самых местоимений и согласуемых с ними глаголов у них очень невыдержанно:

1. Мне же осмому лету от рождения тогда преходящу, подвластным нашим хотение свое улучившим, еже царство без владетеля обретоша, нас убо, государей своих, ни коего промышления добротнаго не сподобиша... (Посл. Иоанна Гр. Курб., 12).

И я, крестьянский государь, по своему царскому милосердому обычаю в том на вас нашего гневу и опалы не держим, потому что есте учинили неведомостью и боячся казни (Памятн. Смутн. врем., 44).

И ты, государь, любя меня, тех моих послов, пожаловав, отпустил ко мне... И что вам, великому государю, на нашей востошной стороне годно, и то всякое ваше государево белово царя дело я, Алтын царь, зделаю, как вам, государю, годно. А прошенье мое: чтоб межь нас с тобою послы ходили, и торговым бы нашим людем дорога в твое государство и твоим людем к нам была чиста (Мат. пут. Ив. Петлина, 298—299).

Да приходили ко мне твои государевы послы из Сибири, Иван да Ондрей, и просились в Китай, и я для вас, великаго государя, тех твоих государевых людей послал в Китай... (Мат. пут. Ив. Петлина, 298—299).

2. Примеры из языка начала XVIII века:

Письмо ваше я принял и выразумел, в котором объявляешь о сборе неприятелей и что оные тщатся выбить наших из Польши, а ты будто по указу нашему никуда итить не смеешь. И о том зело удивляюсь. Ибо я писал вам прежде, чтоб вы, как возможно, над неприятелем промысл чинили... (Письмо Петра I Шереметеву, 1705 г.). Господин Губернатор! Рыбу, присланную от вас, принял, за который подарок благодарствую. Також предлагаю... изволь постараться, чтоб на Таган-Роге в удобных местах... насадить рощи дубоваго или инаго какого дерева... (Письмо Петра I к И. А. Толстому, 1707 г.).

§ 5. Притяжательные прилагательные.

Исстари славянские языки знают два способа выражения лица владеющего и родственных оттенков — притяжательные прилагательные (*Иванов дом, сестрина дочь*) и родительный падеж (в старославянском часто — дательный) имени существительного (*дом Ивана, дочь сестры*), — первый что касается гибкости недостаточный тем, что невозможен по отношению к понятиям во множественном числе, вообще не допускает определений к лицу владеющему и легко переводит несобственные имена в общие значения, значения группового свойства, другой — более удобный, с течением времени поэтому возобладавший над первым.

Древнерусский язык обнаруживает контаминации этих двух способов обозначения принадлежности, из которых самая употребительная — „притяжательное прилагательное от имени и родительный падеж фамилии". Ср., напр., такие: ...Да с ним же стряпают у доспеха Юшка да Василей, князь Ивановы дети Щетинина (Разр. кн., Карамз. И. Г. Р., VII). ...Да теж наши изменники возмутили народ, якобы и нас убити, за то, яко ж

ты, собака, лжеши, что будто мы князь Юрьеву матерь Глинскаго, княгиню Анну, и брата его князя Михайла у себя хороним от них... (Посл. Иоанна Гр. Курбскому, 2, 13). ... А на правом крылосе Лопотало да Варлам, не весть кто, а княж Александров сын Васильевича Оболенского Варлам на левом... (Послание Иоанна Гроз. игумену Кирилло-Белоз. монастыря). До братних до Ивановых Федоровича до вотчин (1588 — Бусл.). Государыне моей свету тетушке, княгине Домне Богдановне, Борисова дочь Федоровича Годунова челом бьет (Письмо дочери Бориса Годунова Ксении 29 марта 1609 г.). Да думному дворянину Матюшкину, за которым была прежнего царя царицына родная сестра (Котош., 101). В вотчинах князь Михайла княж Яковлева сына Черкаскаго... (Мат. Раз. III, № 22). ...Как де патриарх пришол к Лахеренской богородице, и протопоп Михайло (с) свещею стоял... А патриарх де к богородицыну образу Лахеренской не прикладывался (Дело Ник., № 40). А сверх митрополичьи скаски черных дьяконов прибавлено... (Там же); ср.: А в скаске Ионы митрополита черных дьяконов Иосифа, Герасима, Варлама...—„черных дьяконов митрополита Ионы". ...У вдовы Матрены Микифоровския жены Плещеева (Дело Ник., № 114). Чтобы они о том государском и святейшаго патриарха указу исполняли (Дело Ник., № 94). Роспросныя стрелецкия речи, которыя были на карауле у Никитцких и у Смоленских и у Троицких ворот про патриарш же приезд... = „речи стрельцов, которые были на карауле...", „про приезд патриарха" (Дело Ник., № 114). И собирают с челобитчиковых грамот и памятей... печатные пошлины (Котош., 111). А вчерась они (бесы) воопче просили, чтоб им поволили опять пребывать здешняго города в некоей сапожной жене, которой имяни не сказали... (Куранты) = ... „в жене сапожника".

Господство конструкций с прилагательными притяжательными проходит еще через весь XVIII век, но с тем ограничением, что они применяются только в случае, если название лица, сделавшееся прилагательным, не имеет при себе зависимых слов:

В комнату, где лежали часы, входили только двое: подрядчик и племянник судейский... (Новик., Трут.) = „племянник судьи". Племянник судейский, хотя мальчишка молодой, но имеет все достоинства пожилого беспорядочного человека (Там же). Будь благоразумен, не безобразь художниковой кисти... (Карамз., Что нужно автору?). Вчерась минул срок полугодовому отсутствию Прозерпинину (Крыл., Почта духов) = „отсутствию Прозерпины";

Возможны иногда прилагательные даже как замена существительных в других падежах: Смертный закон имеют о взятках народных и о нападках на него (А. Матв.) = „о взятках с народа“. Пою того героя, Который во хмелю беды ужасны строя, В угодность Вакхову, средь многих кабаков, Бивал и опивал ярыг и чумаков... (В. Майков) = „в угодность Вакху“, т. е. с заменой дательного; ср. у Ломоносова: Но мы не можем удержаться От пения Твоих похвал („похвал тебе“).

К средине XIX века такие конструкции становятся все более редкими и воспринимаются (ср., напр., „Страшись поэтовой любви“ у Тютчева) как архаические или служат целям намеренной архаизации. Наиболее жизнеспособными оказываются только прилагательные типа *Манин, Танин, мамин* (гл. образ. от собственных имен), как, вообще говоря, не имевшие соперников, по крайней мере, в сочетаниях с родительным множественного („Тань“ и „Мань“ — достаточный раритет в практике языка). *Александров, Петров* и под., хотя в этом отношении не отличались от них, не выжили, видимо, по мотивам омонимичности в форме мужского рода с родительным множественного и с распространенным типом фамилий (борьба с омонимами в истории языка бывает иногда более радикальной, чем это полезно по сути дела).

§ 6. Синтаксическое употребление форм имен прилагательных членных и нечленных.

Современное распределение в литературном языке членных (местоименных) и нечленных (именных) форм прилагательных, первых — в роли определений, вторых — в роли сказуемых и определений предикативных (*высокий дом*, но *этот дом высок, пришел он грустен*), принципиально соответствует отношениям древнерусского языка, с очень сильным, однако, сдвигом в сторону расширения прилагательных членных. Обследование Синодального списка I Новгородской летописи (XIV в.) дало возможность Е. Истриной[1] сделать выводы, в основном, но не без более или менее значительных отклонений в ту или другую сторону, приложимые и к ряду других памятников с относительно чистым русским языком.

1. Членные формы употребляются, „когда определение не имеет в общем смысле предложения существенного значения

[1] Изв. Отд. русск. яз. и слов. Ак. наук, XXIII, I, 1918 (1919), стр. 33 — 62.

и не отличается энергичностью проявления“: Заложиша великый мост выше стараго моста (216), и под. Ср. в „Хожд. Аф. Никит.“: раба своего грешнаго, грешное свое хожение, образом лютаго зверя, травы розныя ядят, и под.

2. Нечленные формы выступают в случаях, когда прилагательное „означает признак, применяющийся к предмету как результат акта мысли, результат умозаключения... Значение именной формы прилагательного может быть определено как значение предикативное“.

Этой формулой охватываются случаи: 1) где имя прилагательное представляет сказуемое: ты еси слеп (132), и ради быша вси по граду (21); 2) где имя прилагательное выступает в роли предикативного аттрибута: а сам приде сдрав (262), вси придоша невврежени (117); 3) в случаях, где имя прилагательное представляет второй косвенный падеж (вин., дат., род.) предикативного характера: не даша его жива (135) (= „не дали его живым“), и створиша волость их пусту (86); 4) где имя прилагательное представляет определение к имени существительному — сказуемому: дивно оружие молитва и пост (289), и бяше град тверд Юрьев (277) = „Юрьев был твердый (крепкий) город“; 5) в случаях, где прилагательное, хотя и представляет определение, заключает в себе значительную весомость высказывания: и умыслиша свет (= „совет“) зол (274), придоша свеи в силе велице (251); 6) в случаях предикативного обособления: отець же, поган сы (= „будучи язычником“), ласкаше его остатися веры хрестьяньскыя (281), князь Ярослав Всеволодовичь, позван царем татарьскымь Батыемь, иде к нему в орду (249), и под.; 7) в установившихся речениях (фразеологизмах).

Ср. к 1: А город каменной, велик и высок. ...А с приезду у тово города пятеры ворота в город, а ворота широки и высоки (Мат. пут. Ив. Петлина, 292). Город велик добре, каменной; бел — что снег. Переходной ко 2-ому: А ныне де остались живы полуголова Федор Якшин... да стрелцов с триста человек и болши (Мат. Раз. I, № 3). ...Князь Никита писал, что они, казаки, учинились силны (Мат. Раз. II, № 23). Ср. и: ...И те, де казаки, учинясь воровски силны, в Астарахань Саратовскою дорогою не поехали (Там же).

2. ...А у образов подписи нет, а образы писаны мудрены (Мат. пут. Ив. Петлина, 293). ...А они де пеши ушли от них в яругу (Мат. Раз. III, № 7). Да товож числа... приехали на Валуйку пеши московские стрелцы (Там же). Ср. еще: ...И Стенка Разин, напився пьян, голов останавливали (sic!) (Мат.

Раз. I, 24). ... А у них будет на их крестьянских жеребьях в тех годах хлеб родится добр, и тот доброй хлеб велят с их крестьянских жеребьев имать на Бориса Ивановича (Хоз. Мороз., № 110). Да с тем же крестьянином прислал ты вошву, и та вошва принята цела (Там же, № 181).

3. Изыскати отца духовного добра боголюбива, и благоразумна, и разсудителна... ни сребролюбива, ни гневлива (Домостр., 12).

Дати ти пут чист (Моск. грам. 1368. — Яг.). ...А его, вора и крестопреступника Стенку, самого было жива взяли... (Мат. Раз. III, № 3). ...Коли то ведетца, что боярскую землю пусту покинуть? (Хоз. Мороз., № 119). И Смирной, государь, Гольцов писал, что принял жеребца здорова и целоножна (Там же, № 52).

5. Стоят башни же велики и высоки и белы — что снег... (Мат. пут. Ив. Петлина, 293). А в Гиляни душно вельми да парищо лихо, да в Шамахеи пар лих... (Хожд. Аф. Никит). И мы де такова судна велика и хороша на той реке не видали, ни слышали (Мат. пут. Ив. Петлина, 295). ...Велел я, холоп твой, ему оставить в тех городех в воеводах на Курмыше из Костромы дворянина добра, в Ядрин из Галича дворянина ж добра... (Мат. Раз. III, № 47). ...В Темникове де городе стоят воровских людей полон город (Мат. Раз. III, № 57). Пришол посол нем, принес грамоту не писаную (во втором случае вопреки ожиданию членная форма) (Стар. сборн., 1879).

А буде тебе самому недосуг, то тебе б приставить человека добра (Хоз. Мороз., № 58). Ниже, уже в соответствии новой тенденции: А как черенки прививати, и тебе б приставить пристава доброва. А которой золу худу привезет, таких бить батоги и ту худую золу велеть высыпать у них на земь... (Хоз. Мороз., № 156).

Специальный вопрос представляет употребление в тех или других формах прилагательных материальных, группового свойства и притяжательных. В Синодальном списке I Новгор. летописи прилагательные на -ьск- употребляются почти исключительно в членной форме; в членной же форме выступает ряд прилагательных, вроде *передний, дворьный, мясопустный*. Материальные преобладают в членной форме: замкы железныя разбиша (131), одьраша... светилна сребрная (140), — факты, естественные с точки зрения отмеченных выше тенденций. Наоборот, притяжательные прилагательные выступают в формах нечленных: из гридьнице владыцьне (217), на княжи дворе (185), по наущению ярославлю (214), и под.

К последним ср. и в позднейших памятниках: На владычень двор (Сказ. о Пск. вз., 7). ...А не в дом патриарш (Дело Ник., № 42). Остался в Манычье в казачье городке (Мат. Раз. II, № 26). На гостине дворе (Мат. Раз. II, № 30). Ис казачья городка от Курман Яру (Мат. Раз. IV, № 5).

Что касается материальных, то в отличие от тенденций, отмеченных в Син. списке I летописи, в других памятниках прилагательные материальные (и родственные им, напр., названия цветов) и имен. ед. встречаются нередко, особенно в постпозитивном употреблении, в нечленной форме: Да сагадак золот со яхонты, да седло золото (Хожд. Аф. Ник.). Да чепь у него велика железна во рте (Там же). Терем шидян (шелковый) с маковицею золотою (Там же). Оплечье объярь черлена, шапка на нем отлас черлен, бархат червчат гладкой... да кафтан бархат зелен рыт (Отч. Я. Молв.). Живут себе мешь гор и лесов по речкам; горы каменны, а леса черные, болшие (Мат. пут. Ив. Петлина, 272). И на корм дали мяса оленья (Мат. пут. Ив. Петлина, 275). Да кумыз из молока же кобылья (Там же). Зипун, тафта бела... (Выходы). Чюга, объярь золотная по рудожелтой земле, травы золоты с серебром... (Выходы). Перевезь золота звенчата (Там же). Бархат червчат двоеморх (Там же) и под.; ср. и — По 5 гривенок коровья масла (Хоз. Мороз., № 48).

При этом очень нередко явное колебание без специальных оснований: Да камку красную, да камку желту (Мат. пут. Ив. Петлина, 299). ...По нем (бархату) травы петелчеты серебрены, нашивка золотая... (Выходы)[1]. Мерин ворон... Мерин рыж... Мерин карь... Жеребец гнедо-пег... Кобыла рыжа... Мерин коур... Мерин саврас (Дело Ник., № 106). Кобыла игреня сросла, кобыла гнеда 5 лет да мерин чал сросл, да жеребенок игрень (Хоз. Мороз. II, № 6).

С суффиксом -ьск-:

Он же, Никон, лечит мужеск пол и женск в крестовой келье (Дело Ник., № 24). ...Что он излечил мужеска полу и женска и девок многое число (Дело Ник., № 94).

Если положиться на свидетельство такого памятника, как Судебник 1497 года, то мы видим, что к концу XV века факты, относящиеся к распределению членных и нечленных прилагательных, почти полностью совпадают с современными, и только в относительно немногом дают о себе знать старые тенденции;

[1] Ср. примеры у И. Ягича — „Критические заметки“, стр. 126.

ср.: А на ком чего взыщет жонка, или детина мал, или кто стар, или немощен, или чем увечен... ино наймита наняти волно (52),— суть дела тут в признаке, названном прилагательным. Идут в этом памятнике по именному склонению еще притяжательные на **-ь, -ий**: без наместнича докладу (собственно „без доклада наместнику") и без диачьи подписи (18) (ср. 42: без диачей подписи), опять таки в духе старых тенденций.

В современном литературном языке прилагательные с суффиксом на **-ск-** и другие прилагательные со значением группового свойства (*охотничий, лисий*), а также материальные, употребляются только в членной форме; притяжательные же на **-ин, -ина, -ино, -ов, -ова, -ово** — только в нечленной. Нынешнее распределение фактов в сопоставлении со свидетельствами памятников позволяет отметить одну общую морфологическую черту имен прилагательных, вообще говоря, не употреблявшихся или редких в сказуемной функции,— различение членных и нечленных форм при них не имело серьезного синтаксического значения, и поэтому они обнаруживали тенденцию отходить полностью или к тому, или к другому типу.

Поскольку прилагательные со значением группового свойства и материальные функционируют преимущественно как определения, естественно, что в конце концов все-таки возобладал общий для определений морфологический тип — членные окончания. Что же касается притяжательных форм на **-ов, -ин**, то русский язык,— и в этом отношении путь его развития совпал с тем, что мы имеем в чешском, польском, украинском и др.,— не выработал вовсе параллельных членных, и это тем примечательнее, что притяжательные прилагательные достаточно употребительны и в функции сказуемых и в функции определений. Причина лежит, повидимому, в специфических свойствах притяжательности, не нуждающейся, как и имена собственные, в дополнительном подчеркивании; ср. отсутствие члена при именах собственных в языках, в которых член — типическая особенность их синтаксической и морфологической системы.

Обращает на себя внимание давнее отсутствие нечленных форм к членным у прилагательных на **-ний**: *поздний, ранний, прежний, дальний, сыновний, мужний* и под. Это объясняется значениями последних — прилагательные на **-ний** вообще обозначают понятия, связанные с пространством, временем и отношениями родства и свойства́, мало употребительными в роли сказуемых. В старинном языке возможны были и нечленные формы:

Он же, Никон, жонку брюхату, служню жену, выдал за муж в неволю (Дело Ник., № 94).

Страдательные причастия прошедшего времени особенно долго сохраняют свою предикативность и потому часто употребляются в нечленной форме: А пытан тать на себя не скажет, ино про него послати обыскати (Судебн. 1550 г., 56) — собственно „будучи пытан".

Кто же пир придет пити незван... (Ак. Арх. ком. I, № 143 — Яг.). Ср. и: А тот площадной подьячей Егорко Петров у него, вора Илюшки, был взят и держал его связана (Мат. Раз. III, № 84).

Однако, чаще, чем прилагательные, они выступают в нечленной форме и в функции атрибутивной (в роли определений) или приближающейся к ней: Ожерелье на цках, на золотых, разрушано, с яхонты и з жемчуги (Моск. грам. 1509 г.— Яг.). Первый, Парфентий, возьмет клобучек, по бархату червчатому шит серебром... второй, Михей, возьмет колокольцы серебряные позолочены (но тут же: третий, Леонтий, возьмет обносцы и должик, тканые, с золотом волоченым) (Урядн., 16). Четыре пуговицы серебреные золочены, девять королков червчетых, две пуговицы хрусталных (Мат. Раз. I, № 9). Два колпока ветхи червчетые, стегоны по дорогам (Там же, из описи). Шапка вишневая суконная с куницею, поношана (Там же). Две подушки покрыты выбойкою (Там же). Четыре шандана медных, один ломан (Дело Ник., № 105). Две кочерги, одна вся железная, другая посажена на дереве (Там же). Рукавицы персщатыя с кистьми серебряными, низаны по местам жемчюгом, подложены атласом лазоревым (Там же). ...А в них живут старицы пострижены (Хоз. Мороз. II, № 6).

Поддерживали такое употребление случаи вроде: Миткалю белого, шит шалками розными, опушен дорогами и киндяком, подложен посконною холстиною в туж меру (Дело Ник., № 105). Пара пистолей попорчены (Дело Ник., № 105)... Кладет перевязь с письмом, в бархате застегнуто (Урядн., 21) с определенно сказуемным употреблением нечленных причастных форм. Возможно, что часть приведенных примеров атрибутивного употребления читалась с паузой („запятой") перед причастиями, и последние тогда могли пониматься как сказуемые. Особенно способствовало сближению сказуемых и атрибутивных сочетаний такого рода постпозитивное употребление последних, отчасти развившееся непосредственно из сказуемых, отчасти внешне напоминавшее порядок слов при предикации.

§ 7. Перерождение форм сравнительной степени прилагательных.

Около XII века формы сравнительной степени имен прилагательных, вступавшие в те же виды согласования с существительными, которые характерны были для прилагательных вообще, начинают обнаруживать в памятниках признаки утраты согласования. Вот несколько приводимых Соболевским ранних примеров утраты согласования: Не еси богатее Давыда (Златостр. XII) — вм. „богатей“. Аже капь льгче будеть (Смол. грам. 1229 г.) — вм. „льгъши“. Несть сол боле пославшаго (Пандекты 1296 г.) — вм. больй. Из более поздних ср. в Син. сп. I Новг. лет., где согласование еще сохраняется: Град же яко яблъков боле (60,— Истр.).

Формальный переход в наречия, повидимому, подготовлен был фактическим употреблением сравнительных форм по преимуществу в роли обстоятельств, — примыкающих слов при глаголах и образованиях, входящих в их систему. Сочетания вроде „ударить сильнее“, „бежать быстрее“, „сделать лучше“, как господствующие, послужили образцом для случаев, где сравнительная степень выступала в роли сказуемого: А тамо того силнее огнь (Син. сп. I Новг. лет., 301 — Истр.). Не седи на преднем месте, егда кто честнее тебе будет (Домостр., 9). ...Не умрет, но здравие будет (Там же, 15). И приезду есмя твоему добре ради, а того будем радостнее, как от тебя услышим про... царя и великого князя Московского здоровье (Отч. Я. Молв.). А тот город тово краше и хорошие (Мат. пут. Ив. Петлина, 291). А в том городе торги тово силние... по утру не продерешься промежу людей (Там же),— употребление, наряду с которым еще долго держится, видимо, книжное, вроде правильных старинных форм: Аще дарует бог жену добру, дражайши есть камени многоценного (Домостр., 17).

Со стороны чисто формальной в основе нынешних наречий сравнительной степени лежат имен.-вин. ед. ч. средн. р.: *выше*, *сильнѣе* и имена мн. ч. муж. р. *лучьше*, *больше*. Относительно частые в памятниках формы на -ши скорее всего восходят к формам им. ед. ч. жен. рода.

Самые употребительные образования — б о л ь ш и, м е н ь ш и, б о л ь ш е, м е н ь ш е, в ы ш е, н и ж е: А будет езду больши рубля или меньши до которого города (Судебн. 1497 г., 28)... Да не ...наведем на ся казни горши первой (Пов. о Пск. взят., 12). А кто взыщет человекех на трех или на четырех по жалоб-

нице, а напишет в жалобнице человек десять или пятнадцать, или болши или менши, и те два или три за себя и за иных товарыщев отвечают, а за иных не отвечают... (Судебн. 1550 г., 20). ... Литра или болши золота (Домостр., 40). А в полон взяли воровских казаков болши шти сот человек (Мат. Раз. III, № 14). А у него, товарища моего..., ратных конных людей не мало, а пеших менши (Мат. Раз. III, № 47). А будет дело выше рубля, или ниже рубля, и им имати пошлины по розчету, а болши им того не имати (Судебн. 1550 г., 8). И ис тех думных дьяков посолской дьяк, хотя породой бывает менши, но по приказу и по делам выше всех (Котош., 23). А те их дети от малые части дослужатся повыше... (Котош., 28).

Для редкой в разговорном языке функции сравнительной степени — функции атрибутивной (определения) — язык выработал формы сравнительной степени (и одновременно превосходной) обычного типа прилагательных: меньший, больший, лучший, младший (последнее с явными признаками книжности)[1] и под., причем управление их родительным падежом фактически не вошло в употребление и потому между ними и настоящими формами сравнительной степени нет действительного параллелизма. Ср. многочисленные примеры, вроде: ... Набрать самоцветново каменья, болшово и середнева и меншова (Мат. пут. Ив. Петлина, 303).

У писателей XVIII и начала XIX века встречаются искусственные по старославянским образцам конструкции типа: ... Огромнейший первого камень схватил (Жуковский). Искусственны же не удержавшиеся сочетания таких прилагательных с **чем**, встречающиеся до самой последней четверти XIX века: Это создание..., несравненно чистейшее и безупречнейшее, чем мы с вами (Достоевский). И я вдруг почувствовала, что не боюсь его, что страх этот любовь, новая и еще нежнейшая и сильнейшая любовь, чем прежде (Л. Толстой).

Перенесение наречных форм сравнительной степени и в определения, выработавшееся едва ли не исключительно в письменной речи,— черта несинтаксическая в том смысле, что подобные формы обычно обособляются ритмомелодически: А бывают с теми послами в ответех бояре: один боярин ис первые статьи родов..., другой, менши того, той же статьи родов, или другой (Котош., 65).

---

[1] Ср. в древнерусском: А молодшие люди на дворе стояли (Сказ. о Пск. взят., 7). Боярскому человеку молодчему или черному городскому человеку молодчему... (Судебн. 1550, 26). И в тех кругах говорили казаки молодчие люди (Мат. Раз. IV, № 22).

§ 8. Синтаксические особенности имен числительных.

Нынешние синтаксические отношения при количественных числительных представляют собою результат своеобразного перерождения системы, существовавшей в древнерусском. **Дъва, дъвѣ** искони являлись прилагательными, согласовывавшимися с именами существительными в двойственном числе. **Три, четыре** были тоже прилагательными, рано утратившими различие по родам и согласовывавшимися с существительными во множественном числе — *три кони* и под. **Пять, шесть... десять... двадцать...** представляли собою старинные имена существительные со склонением типа *честь, чести* и т. д. Как имена существительные, они управляли родительным падежом (множ. ч.) существительных: *пять домов* и под. С утратой двойственного числа как морфологической категории, сочетания вроде *два дуба, два коня* стали восприниматься как сочетания **два** с родительным падежом един. числа, и под влиянием такого понимания и старые сочетания **двѣ сестрѣ, двѣ горѣ, двѣ селѣ, двѣ поли** изменились в *две сестры, две горы, два села, два поля* (двѣ жены; Ипат. двѣ чары... двѣ чашки). Ближайшие числа **три** и **четыре** утратили свои прежние синтаксические особенности и уподобились своими сочетаниями отношениям при **два, две**. Этим было достигнуто известное приближение к конструкции при **пять** и т. д., где тоже имело место управление родительным падежом (хотя и множественного числа)[1]. В косвенных

---

[1] На хронологию установления родительного ед. ч. вм. именительного мн. ч. указывают примеры из Судебника 1550 г. сравнительно с Судебником 1487 г.: Четыре алтыны с денгою (Судебн. 1497 г, 5). Да неделщику ж вязчего 4 алтыны (6). А три годы поживет... А четыре годы поживет... (57). ...Ино судити по тому ж за три годы (63); единственный пример род. ед.— Ино судити за три года (Там же). В Судебн. 1550 г. уже имеем: А дияку четыре алтына (10). Да за доспех убитого три рубля (11; ср. 12: три рубли). Да неделщику ж вязчего четыре алтына без дву денег (Там же). Отдельные случаи сочетаний с имен. мн. встречаются, однако, и позже: Да у Игошки взяли три топоры (1579 г., Акты юр. 93, № 46). И гонебных у него три мерины есть (1601 г., Акты юр., 287, № 278). ...Как за тобою, государем, жили годы по 3 и 4 (1652 г., Хоз. Мороз., № 190). На колоколне колокол в четыре пуды (1671 г., Акты юр. II, 229, № 139). А городы в Мугалской земле деланы на четыре углы (Мат. пут. Ив. Петлина, 288).

Частично, вероятно, в отдельных говорах, под влияние этих конструкций с **три** и **четыре** попадали и сочетания с **два**:

На посаде 21 двор, да 2 дворы пусты (1615 г., Акты юр. II, 51, № 128). У той избы в исподи два мосты (1636 г., III, 376, № 347). Взял два ковры вечаныя (1660, III, 260, № 328), известные и теперь в диалектном употреблении, но не приобретшие широкого распространения.

падежах сочетание **двух, двум** и т. д., как и **трех, трем... четырех, четырем** с именами существительными сохранило прежний характер согласования. Установление сходства *два дуба, три дуба* с конструкциями *пять дубов...* явилось отправною точкою для дальнейшего уподобления: вместо *пяти дубов, пятью дубов* и под., по образцу *двум дубам, трем дубам, двумя дубами* и под., стали говорить *пяти дубам, пятью дубами* и под.

Алтыновым послом 3-им человекам да киргизскому послу да людем их, всего 9 человекам, меду и пива давать всем собча по полведру меду да ведру пива на день (Мат. пут. Ив. Петлина, 300).

Не совсем подчинились подобному влиянию сочетания с **тысяча**, но сравн.: Я французской версификации должен мешком, а старинной российской поэзии всеми тысячью рублями (Тредьяк.). Чтобы тысячам девочкам На моих сидеть сучках... (Держ., Шуточное желание).

Употребление прилагательных при подобных сочетаниях в древнерусском представляло такие особенности:

Прилагательное стояло обычно не впереди существительного, как в других случаях, а за ним, причем возможен был при именительном падеже числительного двоякий тип связи — более тесной с согласованием прилагательного с именем существительным в родительном падеже (но, после утраты категории двойственного числа, только в виде множественного числа) и менее тесный — с именительным множественного (так, как если б после существительного стояла запятая — знак паузы). Ср., напр.: а) Две пуговицы хрусталных (Мат. Раз. I, № 9). А в ней три места дворовых (Новг. писц., 1582 г.). Три ложки оловяных, Четыре торелки оловяных, Три кувшинца стеклянных (Дело Ник., № 105). Три двора крестьянских (1662, Сб. гр. IV, № 24). 3 овина новых (Хоз. Мороз. II, № 6) и б) Два ковша золоты (1389, Сб. гр. I, № 39). Четыре пуговицы серебряные, золочены. Два колпока ветхи, червчатые, стегоны по дорогам (Мат. Раз. I, № 9). Два замка прибойные с ключами, Два щипца железные; ср.: Пара пистолей, попорчены (Дело Ник., № 105). Немного реже случаи вроде: Две круглы гривенки (1328, Сб. гр. I, № 213). Две вдовые попадьи (1673 г.; Акты юр. 256, № 231).

При наличии двух прилагательных, не соединенных союзом **и**, с XVI века в памятниках в употребление входят как распространенный оборот родительный множественного у первого и

именительный мн. у второго: три однорядка лунских черлены, четыре паникадила медных малые, восемь лапок лисьих красные (Потебня).

Естественно, что исконное управление родительным множественного числа имени существительного при **пять... десять...** более способствовало установлению согласования с родительным множественного, поэтому в настоящее время, когда прилагательное заняло обычное вообще в русском место прилагательных (перед существительным)[1], в данных конструкциях в употреблении остался только родительный падеж множественного числа прилагательного: *пять высоких дубов, десять зеленых тополей*[2]. При **два, три, четыре**, сочетания которых с существительными были более своеобразны, причем согласование с последними прилагательных во множественном числе представляло тоже необычный факт, именительный мн. ч. прилагательного сохранялся дольше, и теперь, с изменением места прилагательного, мы имеем рядом: *два высоких дуба* и *два высокие дуба, три зеленых тополя* и *три зеленые тополя*. При этом можно констатировать, что сочетания типа *два высоких дуба, три зеленых тополя* употребляются чаще, и, повидимому, в языке проявляется тенденция установить в конце концов большее единообразие соответствующих конструкций, освободившись от не укладывающихся в общие рамки.

В древнерусском языке очень употребительны числительные прилагательные: **двои, трои, четверы... семеры... десятеры...** (см. Морфол., § 20). Ср.: ...Двои люди, едины смеющеся, а другыи плачющася (Дан. игум. — Срезн.). В султанов же двор 7-ры ворота (Хожд. Аф. Никит.). А заглядывали де те сторожи

[1] Ср.: И, взяв его, те рядовые-два сокольника, Никитка и Мишка... (Урядн., 19).

[2] Для влияния на синтаксические конструкции с **два, три, четыре** конструкций с **пять, шесть** и т. д. характерны др.-русские сочетания, на которые обратил внимание Потебня: по образцу — Работа другую седмь лет (Лавр.). В ту семь ден (Мат. пут. Ив. Петлина, 273). В ту десеть ден (Там же, 286). Он, Иван, взял с них, с новых крестьян, за даточные люди другую 30 рублей (Хоз. Мороз., № 10). Заверстал за ту пятсот пуд моею мягкою рухлядью (Дело Ник., № 48) — винит. пад., стало употребляться: Был в Новегороде 4 недели полную (Пск. I). Дал два рубля новгородскую (Акты истор. 1556 г.). В ту четыре годы, ту урочную четыре годы (Юрид. акт. 1612 — Бусл.). А оброку владыце платили с тое четверти ловли 2 рубля московскую (Писц. кн. Обон. пят. 1563 г., 20 — 22). А от мелива емлют от четверти по 2 ден. московскую (Там же, 115). Ср. и при **сорок** и **пол**: Сорок рублев денег московскую (Акт. юрид.). В тую полтора дни (Пск. I), — причем не обошлось, вероятно, и без влияния родительного-местного двойств. числа прилагательных.

в церковные в двои двери щелми и сквозе замки (Памятн. Смутн. врем., 186). Двои очки, двои кресла с налойчиком кожаным, шестеры сапоги сафьянные (Дело Ник., № 105), четверы петли с крюками (Там же, № 105), двои клещи поваренные (Там же) (ср.: четверы клещи — Хоз. Мороз. II, № 6), двои чюлки валеные (Там же), тридцать семеры сошники и лемехи (Там же), двои возжи волосяные (Там же), трои вачеги суконные, шестеры сапоги сафьянные, трои рукавицы (Там же). З дыму... по трои обувей лаптей (Хоз. Мороз. II, № 3). Двои кайдалы (= кандалы) большие да малые (Хоз. Мороз. II, № 10). И устроены были трои врата триумфалные (Русск. Вед. 1703 г.).

Конструкция с **двои** и под. первоначально требовала полного согласования с существительным числового наименования и прилагательного нечислового (см. приведенные примеры). Но примеры вроде: двои сапог красные, новые (Дело Ник., № 105), двои рукавицы новых, осмеры рукавицы ловецких, починенных (Там же), трои удела конских (Мат. Раз. I, № 9), двои железа ручных (Хоз. Мороз. II, № 9), показывают, что на старые отношения разрушающе действовала пестрота семантически родственных конструкций типа: *две рукавицы новых, пара сапог* и под.

По „Словарю русского языка“ Акад. Наук (вып. 3, 1895, стр. 974) **двои, двоих** в отличие от *двое* ставилось прежде в имен. и вин. пад. при существительных, употребляющихся исключительно во множ. числе: *двои часы, двои сани, двои сутки*, но давно уже выходит из употребления и заменено формою *двое* с род. мн. Древнерусские примеры показывают, что такое различение основание имело, как тенденция, охватывавшая и названия п а р н ы х п р е д м е т о в, издавна. Для других ср., напр.: три мережи ветхих, две бочки порозжих, четыре лодки малых (Дело Ник., № 105) и под.

Ломоносов (Рос. гр., § 487, стр. 188) узаконяет употребление согласуемых с существительными *двои, трои... десятеры* только „для бездушных вещей, которые только во множественном употребительны“.

Любопытно, что почти все примеры, представляющиеся Буслаеву (§ 232, изд. 3) согласованиями *двои, трои...* вообще со множественным числом, на самом деле подходят именно под указанное правило: пятеры рукавицы, трои серги (нормально их пара); Двои дети водить — однем досадить (послов. XVII в.) — „дети“ могло ощущаться как спец. множ. (ср. укр. *дитина* с суффиксом сингулятива); И в помочь свою зовет ноги лише двои (Кант.); Что разшита легка лодочка на двенадцатеры

весельцы (Чулк.) — „весла“ воспринимались, очевидно, первоначально как понятие парное. Ср.: Да на пчельном шестеры пчелы (Хоз. Мороз., II, № 6), — имеются в виду ульи.

В XIX веке у Крылова еще читаем: ...Однако ж пятаков пригоршни трои Червонца на обмен крестьянину дают („Червонец“), причем форма *трои* соответствует как раз не существительному ед. ч. „пригоршня“, а понятому как множ. диалект. *пригоршни* (только множ. ч.); у Даля: В гарнце три (трои) пригоршни. Ср. и др.-русск.: И помелъ бѣ соусѣкъ тъ и в єдинъ оугълъ мало отроубъ, яко же съ троѣ и съ четверы пригърщѣ (Нест. Жит. Феод., 22. — Срезн.). Оуне єсть исполнити пригоръщи с покоемъ, нежели двои пригоръщи с роптаниємъ (Пчела, Публ. библ., 126. — Срезн.). Да на царевичевых же мощех положено орехов с пригорщи (Памят. Смутн. врем., 84).

Формы **двои, трои... десятеры** вымерли, повидимому, потому, что, во-первых, в части фонетически были близки к *двое, трое* и, во-вторых, имели очень узкую сферу употребления. Это же случилось и с параллельным им **обои** (см. Морф., § 20).

Употребление **двое, трое, четверо... десятеро...** с родительным мн. ч. Ломоносов (Рос. грам., § 486, стр. 188) ограничивает только названиями людей, „и то по большой части ниских. Ибо не прилично сказать: трое бояр, двое архиереев: но три боярина, два архиерея“[1]. В дальнейшем, с общей демократизацией стиля, как известно, ослабело значение и последнего различения, а утрата *двои, трои* и т. д. утвердила обязательное перенесение **двое, трое** на случаи, вроде *двое суток, трое саней*.

Такие примеры встречаются уже у писателей XVIII века: Плутал двое суток (Фонв., Письма род.; ср. там же — Сутки на двои), Трое римских торжественных ворот (Там же), и показывают, что утрату *двои, трои...* подготовлял параллелизм близких по смыслу конструкций.

§ 9. Особенности старинного употребления времен и видов.

О том, что река течет, впадает и под., говорится в древнерусском обычно в форме прошедшего времени совершенного вида:

А река большая скрозь по саду прошла и пала в море в том устье, где к Венецеи ворота морские... (Отчет Я. Молвян.).

[1] Видимо, Ломоносов и для своего времени допускал здесь неточность. В нынешнем литературном языке *двое, трое...* допускается только по отношению к мужчинам и словам, не имеющим единственного числа.

А река Москва вытекла по Вяземской дороге за Можайском верст 30 или не много больши... А Нара река пала в Оку, ниже Серпухова с версту... А Упа река вытекла от Куликова поля с Муравского шляху... А Меча река по леву Муравския дороги потекла, и пала в Дон, ниже града Лебядяни верст с 8. Река Донец Северской вытекла из чистаго поля... и потекла под Белград, а мимо Белград потекла и пала в Дон ниже речки Кондрючьи 10 верст (Большой чертеж). А ныне де Юйка Тайша и Бок и Дувар кочуют около реки Маночи да дву Агарликов, до Калаузова; а те все 4 реки впали в Дон реку... (Мат. Раз. IV, № 13). ...Х которым сибирским городам то озеро подошло ближе (Мат. пут. Ив. Петлина, 303).

Реже в древнерусском совпадающие с современным языком случаи, вроде: ...На левую сторону земля пустоши Шепыревы по речку, что течет из под Теплого стану (Межев. 1631 г.— Бусл.)[1].

Будущее от глаголов, главным образом совершенного вида, часто употребляется в описаниях как форма со значением обычного в определенных случаях действия (чаще заключительного):

А кто ея (птицу гукук) хочеть убити, ино у нея изо рта огонь выйдеть (Хожд. Аф. Никит.).

Собирают денги с тех городов..., с кабаков и с таможенных доходов, погодно; а соберетца тех денег в год болши полу-3000 рублев (Котош., 87).

А доходов в тот Приказ... соберется в год мало болши 1000 рублев (88). И етчи и пив за здоровья их государские, того дни бояре и все чины розъедутца по домом (13). И гости, целовав тех жен и пив вино, садятся за стол, а те жены пойдут по прежнему, где сперва были (Котош.). Тогда их (студентов) коронуют... в одной палате или в церкви на середине поставят кресла, в которых тот помяненный студент сядет... и всем в то время там бывшим раздадут печатные листы или тетради, которыя называются комплексы... и потом тот студент всем там бывшим проговорит изрядную рацею о своем испытании и начнет говорить о своей науке (Путеш. П. Толст.). ...Когда запрет многие голосы, тогда на тех органах будут отзываться трубы... (П. Толст.) = отзываются.

Приблизительность указания, как и в современном языке, передается будущим совершенного вида или формою будущего

[1] Ср. и Е. Карский. Изв. по русск. яз. и слов., II, 1929, стр. 24.

времени от „быть“, причем в древнерусском и то и другое употребление чаще и разнообразнее: ...И как царевич пошел по леснице и будет посреди лесницы, и дьяк Мишка Битяговской скоро вскочил... и ухватил его... сквозь лесницу за ноги (Пам. Смут. вр., 767). А будет трубников, и литавръщиков, и суреншиков в царском дому всех человек со 100... А прямых истинных добрых трубачеев выберется в царском дому человек с шесть, или мало болши (Котош., 89). А сколко числом тое казны придет в году, того описати не в память (Котош., 93). И егда буду насреди дороги, изнемог, таща по земле рыбу (Аввак., 114). А как де он будет вверх по Дону от Паншина в третьем городке, и его де, Ивашку, доехали казаки... (Мат. Раз. III, № 2). И как буду я, холоп твой, с твоими великого государя разными людми в Цывилском уезде... и того ж, государь, числа часу в шестом дни пришли ко мне, холопу твоему, на обоз воровские люди чюваша и черемиса... с две тысячи человек (Мат. Раз. III, № 7). Как буду де я, Сергунка, против Симонова лицем Воробьева задом, тут де мои недруги стоят (Шут. челоб. XVII в.).

Отрицание неосуществившегося факта в древнерусском очень часто выражается **не** с формами прошедшего времени многократного вида.

На поруку не давал никого, ни меня не давывал никто (Домостр., 68). И на суде не бывал, ни с кем ни искива (sic!) ни отвечивал... (Там же). Ни кабалы ни записи на себя ни в чем не давывал (Там же). ...И вы де, староста и выборные люди, хлеба ему, Мамлею, не дававыли (sic! — Хоз. Мороз., № 38). И Миките писать к патриарху ни о чом не веливал же (Дело Ник., № 41). ...И по церкве перед ним протопоп свещу не нашивал (Там же, № 40). ...И ево де бывшей патриарх к патриаршу месту не призывывал (Там же). И он, Афонасей, один к Миките не езживал (Там же, № 13). Крестьянина де Фомку он водяным деревом не бивал, и от ево побой он не умирывал, а умер де он своею смертью (Дело Ник., № 100). Никон де монах писем никаких к Москве... не посылывал; и в Ферапонтове де монастыре старцам и мирским людем не давывал; и в сокровенное де место, в землю, не хоранивал (Там же, № 100)... В приводе нигде не бывал, воровского у меня ничего не вынимывали (Пов. о Ерше). А которых, государь, танбовских станичников послал я, холоп твой, на усть Хопра для проведыванья вестей про него ж, вора Стенку Разина, июля в 24 день, и те, государь, танбовские станичники от усть Хопра в Танбов августа по 15 число не бывали (Мат. Раз. III, № 1). ...А по потходе из Казани князь Данилове

боярин и воевода князь Юрья Алексеевичь неписывал и никого не присылывал (Мат. Раз. III, № 18). ...Введен был... к королю в самой его королевской внутренний кабинет, где его величество... никому приватных аудиенций по тот час не давывал (А. Матв.).

В ремарках о действиях драматических персонажей наряду с обычным у нас настоящим временем употребляется в пьесах XVIII века будущее совершенное: ...Гремила тряхнет ферязями, заиграют куранты, и ее девицы составят балет при пении хора (Екат., „Горе-богатырь Косометович").

Сочетание того и другого употребления представляют ремарки вроде: „*Лай* (входит степенно, с восхитительным видом, имея в руках литавру шаманскую, по которой ударяет сперва изредка, потом прибавит шага и ударов и побежит около Сидора Дробина, поет у у у у у у у, представляя вой бури). (Екат., „Шаман сибир.").

Распространено также в ремарках пьес XVIII в. употребление вместо настоящего времени, принятого теперь, прошедшего совершенного: ...Хорев, ее лишась, последовал за ней (Закололся) (Сумар.). *Стародум*. Не хочу ничьей погибели. Я ее прощаю. (Все вскочили с колен). (Фонв. „Недор.").

Такое употребление времен в замечаниях о действиях персонажей перешло к русским писателям из пьес Симеона Полоцкого и авторов-украинцев, положивших начало русскому театру.

Сравн. также из ранних пьес, напр., наряду с ремарками и в настоящем времени, формы будущего совершенного и прошедшего: „*Филипп*. И мне мало. (Паки выпьет, изнова налил)". (Комедия о Дон-Яне и Дон-Педре).

§ 10. Об употреблении наклонений.

Формы нынешнего условного (сослагательного) наклонения и тех аналитических форм, из которых оно возникло, имели в древнерусском гораздо более широкое и разнообразное употребление, чем теперь.

Они очень часты в нем в роли, близкой к повелительному наклонению, и, повидимому, имели смысл „должен, должны..." Ср.: ...Такоже и яз вам приказываю, своей братьи, жити за один, а лихих бы есте люд... и не слушали и хто иметь вас сваживати; слушали бы е... отца нашего владыки Олексея (Дух. в. кн. Сем. Ив.). И тыб и вперед не держала меня без вести

о своем здоровье... (Письмо в. кн. Вас. Иоан. 1530—1532 г.). О всем бы еси о том з боярынями поговорила и их выпросила, да ко мне о том отписала подлинно... (Там же). И как к вам ся наша, великого государя, грамота придет, и вы бы бывшаго Никона патриарха строителю старцу Евфимию ни в чем воли не давали и в монастырских вотчинах потомуже ни в чем ему ведать не велели (Дело Ник., № 66). Как к тебе ся наша, великого государя, грамота придет, и ты б на Коломне у бывшаго Никона патриарха сына боярского ево, Федку Арцыбашева, с женою и с детьми велел сыскать тотчас (Там же, № 54).

Широко пользуется древнерусский язык формами сослагательного наклонения для выражения долженствования или повеления в третьем лице:

Чадо, люби мнишеский чин, и страннии пришельцы всегда бы в дому твоем питалися (Домостр., 64). Жену учи всякому страху божию... и всякои порядне умела бы сама — и печи и варити, и всякую домашнюю порядню умела... (Там же). И всякая порядня по двору бы не валялась, все бы было прибрано и припрятано, а на дворе и в огороде колодязь бы был, а нет колодезя, ино бы вода всегды была (Домостр., 59). И он бы, патриарх, из соборной церкви шол и ехал тудыже, откуда приехал (Дело Ник., № 39). Чюжую кровлю крой, а своя б не капала (Стар. сборн., 2578).

Нужно, однако, заметить, что в древнерусском и форма 2-го лица ед. ч. повелительного наклонения чаще, чем теперь, заменяет 3-е лицо ед. ч.:

А коли нужа, и он ежь в келье (Посл. Иоанна Гр. в Кир.-Бел. мон.). А кому к нему приити беседы ради духовныя, и он прийди не в трапезное время, ествы бы и пития в те поры не было (Там же). А з гостьями беседа бы была о рукодельи... а не пересмеиваися и не переговаривала бы ни о ком ничево (Домостр.). Да ведомо буди тебе, государю... (Дело Ник., № 41).

Интересный пример 3-го лица множ. числа при форме повелительного ед. ч. приведен в „Синтаксисе русского языка“ Шахматова (§ 237): ...И коли, господине, Фофан старец з братьею и староста называют ту землю своею Володимирского селца, и они, господине, возми образ пречистые да поведи, и ты нам, господине, судья, туды и межю учини (1518 г.).

При сочетании предложений сослагательные формы легко приобретают целевое значение:

А в пир на дворе брежен же человек надобе, всего бы смот-

рил и берег, и домашние всякие порядни — не окрали бы чево (Домостр., 49). Переходити и пересмотрити и перенюхать, где огня бы не уронили на погребе и на леднике (Там же, 56). А за доброе устроение и брежение любити и жаловати, всячески доброму бы была честь, а худому гроза (56).

Для древнерусского синтаксиса характерно, между прочим, что формы сослагательного наклонения образуются иногда от страдательных причастий в роли сказуемого без вспомогательного глагола:

А коли избу или мылню топит, а вода бы напередь принесена пожарные ради притчи (Домостр., 59). И питье бы всякое часто в ситце бы цежено (Там же, 48). ... И дерано бы то брежно... убережено бы от всякие пакосьти, и всегда замкнуто (Там же, 52). ...И все бы то сочтено и перемечено (Там же, 52).

Современный литературный язык пользуется только изредка частицею **бы** со значением условности и родственных оттенков при сказуемых прилагательных. Самый распространенный случай — *рад бы*. Возможные в литературном языке фразы вроде „И не спесив бы парень, да в гости не зовут" — явные заимствования из народной фразеологии. В древнерусском они встречались чаще. Ср., напр.: Овцы бы целы, а волки бы сыти (Стар. сборн., 1821).

Очень част в древнерусском в императивной функции или в функции долженствования также и н ф и н и т и в с тою же частицею **бы**:

...И от них всякое зло чинится: крадут и разбивают, души губят: и то бы зло искоренити (Стогл., 10). ...А как, господа, пойдете к нам в сход, и вам бы взяти с собою в поход пороху и свинцу не мало (Отписка нижегородцев вологж.). И вам бы, господа, однолично пожаловати на Вологде и во всем уезде, собрався со всякими ратными людми, на конях и с лыжами, итти со всею службою к нам в сход тотчас... (Там же). ...А розыскать бы про все тихим обычаем, а чтоб ведомо было подлинно (Дело Ник., № 67).

И в современном литературном языке возможно употребление сослагательного наклонения во втором придаточном, сочиненном с первым, вводимым союзом **чтобы**, но в древнерусском эта конструкция встречается несравненно чаще, и едва ли не составляет в нем правила: А устроен тот приказ при нынешнем царе для того, чтобы его царская мысль и дела исполнилися все по его хотению, а бояре б и думные люди о том ни о чем не ведали (Котош., 85).

Ограничение ее в современном языке следует рассматривать как одно из проявлений общей тенденции сокращать повторяющиеся грамматические приметы.

Известное современной экспрессивной речи употребление формы повелительного наклонения ед. ч. от глаголов совершенного вида при всех лицах в значении мгновенно, очень быстро или неожиданно („вдруг“) совершившегося действия встречается почти во всех славянских языках, и хотя в памятниках, вообще мало отразивших экспрессивные конструкции, и трудно отметить такое употребление, по всей вероятности, оно представляет особенность уже древнейшего славянского синтаксиса. Дельбрюк, Grundriss, II, 347, правдоподобно (ср. Vondrák, Vergl. slav. Gramm., II, 395) при толковании его исходит из случаев вроде „Издали увидит леща, да и хвать его зубами“, и объясняет их из приблизительно такого первоначального движения мысли: увидит... и думает (говорит себе): „Хвати его зубами“.

Далее такие случаи становятся образцами для других, где суть дела сводится, без подобного промежуточного движения мысли, уже только к экспрессии и передаче быстроты или неожиданности действия.

Та же форма 2 л. повелительного наклонения при подлежащих всех лиц и чисел может в современном языке обозначать экспрессивно выраженное предположительное условие. Такого рода функция, повидимому, не продукт специального развития русского языка, а, как показывают параллели из других славянских языков, тоже имела свое применение уже в древнейшем славянском.

Исходными тут, повидимому, являлись случаи вроде: *Скажи — и все будет сделано* (= если скажешь); *Только посмотри — и всё увидишь* (= если только посмотришь). Мостик к 3 лицу перебрасывался употреблением формы 2 л. ед. ч. в роли 3 л. ед. ч., и, наконец, соответствующая форма стала употребляться при всех лицах и числах. Употребление, параллельное современному языку, известно и памятникам. Вот примеры, собранные Шахматовым (Синт. русск. яз., I, 1925, § 237): Поцелуй, господине, на том крест твой Остафьевы люди Трифон, да брат его Гаврилко, да Иванко Бородатой, да Устин, как то будет у тебя с тех озер жеребья земецкого не имывали, ино, господине, мы готовы — сбиты (Прав. 1465 — 82). А и без поле, господине, поцелуй крест Федор Морозов, и мы и без поле Митрофановски пошлины платим (Прав. 1552).

§ 11. Синтаксическое употребление и связи инфинитивов.

Заметное различие между синтаксисом русской письменности до XVIII века и позднейшим временем представляет употребление инфинитивов и инфинитивные конструкции. Московская письменность предшествующего времени полностью применяет сохраняющийся и теперь в севернорусских говорах оборот „именительный падеж женского рода с инфинитивом“ в значении нынешнего „винительный, управляемый сказуемым инфинитивом“:

А кто иметь нас сваживати, исправа ны учинити, а нелюбья не держати... (Догов. грам. в. кн. Симеона Иван. с братьями, 1341 г.). А в который город или в волость в которую приедет неделщик или его человек с приставною, и ему приставная явити наместнику или волостелю (Судебн. 1497 г., 37). ...Да к тем делом дияку рука своя приложити (Судебн. 1550, 28). А уже бо, братье, жалостно видети кровь крестьянская (Задон., 18). Тут, брате, испити медвяна чара (Там же)... Судити... и всякая росправа делати... (Улож. ц. Алекс. Мих.). ...И росправа делати, по государеву указу, в правду (Там же). ... И дияку за то учинити торговая казнь — бити кнутом... а подьячего казнити — отсечи рука (Там же). ...Мне де еще молитва говорить; и учал патриарх после ектеньи молитву говорить (Дело Ник., № 40). ...А указу нам, богомолцам твоим, твоего великого государя нет, какова ему пища давать (Дело Ник., № 76). А приехав мне в монастырь, мантия архиерейская и посох у него, Никона, взять (Там же, № 77). А велено им цена ставить всяким зверям по прямой московской цене (Котош., 93)[1].

Но ср.: А обыщется то, что тот жалобник солгал, и того жалобника казнити торговою казнию (Судебн. 1550, 34). А ездити неделщиком и на поруку давати самим с приставными, или своих племянников и людей посылати с приставными (Судебн. 1497 г., 31), т. е. в случаях с объектом мужского рода последний стоит в винительном падеже[2].

---

[1] Изредка этот оборот встречается еще даже в языке Петровского времени: „Прошение имеют, чтобы им мука давать против их братей, рекрютов же... по 3 четверика (П. и бум. Петра I, IV, 457). Еще посылаю роспись артиллерии, которая надобно изготовить (Там же, III, Соб. — Обнор.). И с торгу своего пошлина платить (Посошков).

[2] Отступления, вроде: ...Ино противу послуха наймит наняти вольно..., (Судебн. 1497, 49). Знать сокол по полету. Знать сова по перью (Стар. сборн., 1061 — 1062), встречаются редко. Довольно редки также случаи смешения оборотов с именительным и винительным: А себе бы им тем царю своему турскому нашею смертью слава залезть вечная во всю вселенную, а нам бы, християном, учинити укоризну вечную (Ист. об Азовск. сид., 2).

Оборот „именительный падеж объекта женского рода с инфинитивом" свое истолкование получает в параллели исходного, древнейшего значения инфинитива как дательного падежа глагольного имени существительного, обозначавшего направленность, цель, обязательность и под. Параллельный характер имеют, напр., немецкий оборот Er ist nicht zu finden — собственно „Он не для нахождения" = „его нельзя найти", англ. Ne is not be found—„Он не для того, чтобы быть найденным" — тоже = „его нельзя найти", литовские обороты и под. По всей видимости, первоначально именительный падеж употреблялся только при независимых инфинитивах. В этом отношении поучителен, напр., приведенный выше пример из Дела Ник., № 40, где рядом имеем случай именительного при инфинитиве и управляемого инфинитивом винительного. Ср. и в „Домостр.": А еству мясную и рыбную ... печи и варити все бы сама государыня умела (27)[1].

Удовлетворительного объяснения, однако, до сих пор не найдено для важной детали вопроса, почему данная конструкция охватила только формы женского рода[2].

По своему употреблению в древнерусском инфинитивы отличаются от современного литературного языка еще своею частостью там, где они применимы и теперь. Древнерусские тексты переполнены предложениями типа: А буде в прием против сей росписки в огородах садовного овощу, хоромного строения и рыбных снастей не объявитца, и то взять на мне, игумене Афонасие с братиею (Дело Ник., № 103), и это сообщает древнерусскому сравнительно с современным особый волевой, категорический характер. Там, где мы предпочли бы сказать „можно", „могу", „следует", „надо", „не следует", „нельзя" с инфинитивом, или употребить повелительное наклонение, древнерусский автор пользуется одним инфинитивом или инфинитивом с отрицанием. Ср.: ...И про то, государь, роспросити пана Юрья Мнишка и его дочери... (Памят. Смутн. врем., 25). А з божиею помощию нам, великому государю, преславных государств своих доступати (Памят. Смутн. врем., 47). И то поместье, кому дано

[1] К непосредственному влиянию инфинитивных конструкций восходят, вероятно, случаи с деепричастиями вроде: А буде деловые и огураются, ино, сыскав вина, и за вину бить батоги слехка, а не увечить (Хоз. Мороз., № 61). Едчи рыба, дать ей имя (Стар. сборн., 2731). Ино, соимя рубашка, плеткою вежливенько побить (Домостр., 37). А отдав та рожь Ивану Гурьеву, говорить, что рожь из вотчин вся перевезена (Хоз. Мороз., № 162).

[2] Возможна, впрочем, догадка, что данный оборот установился ранее, нежели названия существ мужского рода стали получать в русском винительный, отличающийся от именительного.

будет за службу и после его жене ж и детем, или кому нибудь, никому им того поместья не продати, и не заложити, и в монастырь и к церкве по душе не отдавать (Котош., 95).

Да князь же мне говорил: сын де мой князь Яныш родился во християнской вере, а держит ляшскую веру, и мне де его не уняти (Памят. Смутн. врем., 22). И я ему говорил, что Печерской монастырь за рубежом в Литве, и за рубеж ехати не смети (Памят. Смутн. врем., 20). А один де из них говорил по книжнему за упокой без престани; а речей де его и тех людей, у которых промеж ими говор и шум велик, не разумети, и их в лица не видети никого же (Памят. Смутн. врем., 185). ... А в лице де никого не видети и речей де их не разумети (Там же). Слатися, господа, нам на таковых людей не уметь (Пов. о Ерше). А женишка наши и детишка они, воры Цывилскаго уезду..., держат у себя, и выехать нам, сиротам твоим, от них, воров, из городу ни куда не сметь и терпим мы, сироты твои, в Цывилску в осаде нужу болшую (Мат. Раз. III, № 10). А выбирают их к той казне своя братья... за верою и крестным целованием, что им тое царские казны не красть, и соболей своих худых, и иные мяхкие рухляди в казну не приносить и не обменивать (Котош., 93).

Для роли инфинитивов как заместителей повелительного наклонения характерны фразы, вроде, напр., следующей:

Заутрени не просыпай, обедни не прогуливай, вечерни не погреши... и часы в дому своем всегда по вся дни пети (Домостр., 62).

Наряду с таким употреблением инфинитивов реже,— однако значительно чаще, чем в современном литературном языке,— выступают инфинитивы с частицею **бы**, в духе распространенных в древнерусском, вместо императивов, форм сослагательного (условного) наклонения: А как... буду на своих государьствах жити, и ему бы попомнити слово свое прямое вместе с панною Мариною за присягою (Памят. Смутн. врем., 89). А яз помню свою присягу, и нам бы прямо обема держати, и любовь бы была меж нас (Там же). И как сядет на Московском государстве, и ему бы вскоре во всем Московском государстве латынская вера укрепити и самому быти крепку в той же латынской вере (Памят. Смутн. врем., 93).

Особенностью древнерусского языка является еще то, что при отрицаниях со значением запрещения в нем обычны инфинитивы одинаково и совершенного и несовершенного вида (ср. приведенные примеры), тогда как современный литератур-

ный язык в этом случае по правилу допускает только несовершенный вид.

Склонность древнего синтаксиса к модальному употреблению инфинитивов находит свое выражение также в замене инфинитивом будущего времени изъявительного наклонения; ср., напр.: ...Как почел снимать с себя митру, и говорил: не быти мне слыти патриархом Московским (Дело Ник., № 13) = „больше не буду называться...", и в употреблении инфинитивов в значении условного наклонения: Да толко де тобе побити бояр, и за них землею станут (Памят. Смутн. врем., 77) = „если перебьешь бояр" ...А меня вам камением побить, и мне де никово кровию своею не избавить (Дело Ник., № 9) = „А если вы меня побьете камнями..." А людей де мне своих послать, и я де опасаюся великого государя гневу (Дело Ник., № 41).

Ближе к современному употреблению: А не побити де бояр, и мне де самому от них быти убиту (Памят. Смутн. врем., 77).

Заслуживает внимания возможность в древнерусском сочетании полнозначного инфинитива с инфинитивом же служебным (Ср. выше пример из Дела Ник., № 13).

Еще Ломоносов (Рос. гр., § 465) считает формами литературного языка в значении принуждения — *быть писать, быть умереть.* См. в XVII в.: И ты б, боярин наш и воевода князь Юрья Алексеевич, велел тех стрельцов у него (sic!) и быть им принять в тех же приказех (Мат. Раз. III, № 70).

Эти сочетания вряд ли были в большом ходу даже в его время,— скорее, и тогда они выступали больше как архаизмы и диалектизмы; ср. былинные: „И мне быть своя заповедь нарушить", „Быть натянуть свой тугой лук", в пословицах (Даль): „Сколько ни плакать, а быть перестать", „Сколько ни браниться. а быть перестать" (Прим. Бусл.) „Грустно мне будет; но быть терпеть" (Радищ., 97, — слова крестьянки Анюты). Впрочем, их и упоминаемые далее сочетания инфинитивов с *было* реакционный А. С. Шишков и в начале XIX века воспринимает еще как ценные русские идиомы: „Силу наших речей, таковых, напр., как: *мне было говорить, писать было тебе к твоему отцу, быть писать, быть по сему* и проч., выразят ли они (французы) на своем языке, когда переведут их из слова в слово...? (Рассуждение о старом и новом слоге российского языка, 1803).

Из богатого древнерусского употребления инфинитивов со вспомогательным глаголом **было** в современном сохраняются главным образом *слыхать было, видать было* (чаще с отрица-

нием), представляющие параллель к таким примерам старинного языка, как: А что чел, мне мало слышать было... (Дело Ник., № 15). ...А кто ехали, того он, Исачко, не видал, потому что в лицо было не видить (Там же, № 36). ...А в лицо де он ис тех людей никого не видал, потому что в лицо человека было не видить (Там же). А в лицо де они тех людей не видали, потому что было не знать (Там же). И Николай де, приняв то писмо, положил у себя; а в то время не чли, потому что чести было ночью не видеть (Дело Ник., № 78). И как их почали бить и сечь и ловить, а им было противитися не уметь, потому что в руках у них не было ничего ни у кого (Котош., 103).

Ломоносов учил („Рос. грам.", № 464), что от порядка слов при инфинитиве зависит различие смысла: *мне было говорить* имеет смысл „я хотел только начать говорить"[1], а *говорить было, писать было* „значит раскаяние в том, что не сделалось". Востоков („Русск. грам.", 12 изд., стр. 124) изменяет и уточняет эти указания в том смысле, что различает еще употребление в утвердительном или отрицательном предложении и вид соответствующих инфинитивов. Он толкует предложения вроде: *Тебе было читать, Ему было прочесть, Вам было поговорить с ним*, как такие, где **было** значит „надлежало", „следовало" (Здесь **было**, по его наблюдению, „употребляется более с местоимениями личными"); после инфинитивов совершенного вида **было**, — учит он, — „показывает намерение совершить действие, и употребляется только с местоимением 1-го лица, напр.: „Прочесть было мне эту книгу...", т. е. „не надлежало", „не следовало". Из древнерусского употребления см.: Чем было волу рычать, ан телега скрыпит (Стар. сборн., 2583).

Теперь у нас еще изредка употребляется вторая конструкция, но с определенной окраской народной речи. Ср. древнерусск.: В ево ж скаске написано: мантию святительскую и клобук белый Никон патриарх с себя сложил. И в том он, игумен Мисаил, пред преосвященным собором прощался: написал де он так, забывся; написать де было ему: сак и митру, а прежде сказал — солгал де (Дело Ник., № 9).

Кроме подобного употребления, в древнерусском **было** с инфинитивом могло означать „следовало", „следовало бы", „нужно было", „нужно было бы", „предполагалось"; „**было** + **не** + инфинитив" могло значить „нельзя было". Ср.: И я архимариту Еле-

[1] Ср. у него в стихах: Мне было петь о Трое, О Кадме мне быть петь, Но гусли мне в покое Любовь велят звенеть... Мне было петь о нежной, Анакреон, любви ... Мне струны поневоле Звучат геройский шум...

сею и братии на него извещал и бил челом, что было житель-ствовати ему в Киеве в Печерском монастыре душевнаго ради спасения и потом было итти до святаго града Иерусалима и до господня гроба, а ныне идет в мир до князя Василия Острожскаго и хочет платие иноческое скинути... (Памят. Смутн. врем., 21).

Да после смерти же того вора Гришки обьявил поляк, которой жил у него близко, что было тому вору ростриге вести снаряд пушечной болшей из города и ис казны весь для стрелбы, и ехати было ему за посад; а боляром и дворяном и всяким людем быти было с ним же на стрелбы; а литовским людем всем, конным и пешим, быти было с ним же всем вооруженным, с копии и с пищалми, будтося для потехи, и, приехав, было из снаряду всех боляр и думных людей и болших дворян побити; и, росписав было имена, у него всем, кому кого побити, указано; а побив и приехав в город, роздавати ему было тестю своему, воеводе сандомирскому, и его родству многие городы и наша царская казна, что осталася за его воровским расточением; и всех было православных християн приводити в люторскую и в латынскую веру (Памят. Смутн. вр., 68).

Наряду с **было** долженствования и намерения, в прошлом древнерусскому языку было еще известно при инфинитиве **было** в значении частицы **бы** со всеми вообще ее значениями:

Да Петр же Тихонович указал им, что де было не быть моей пашни и скотному двору (Хоз. Мороз., № 140). Будет по прежнему на патриаршестве Никон утвердитца, и ему было, Федору, куда нибудь укрытца, потому что, приезжаючи от него, ему грозили поддьяконы и поддьяки... за то, что он, Федор, дал скаску на соборе (Дело Ник., № 40). Чем было волу рычать, ан телега скрыпит (Стар. сборн., 2583).

Ср. из языка XVIII века: С к о т и н и н. Все меня одного оставили. Пойти было прогуляться на скотный двор (Фонвиз., „Недоросль").

Древнерусскому были известны в относительно нередком употреблении также случаи инфинитивов со вспомогательным глаголом **будет**:

Где лежит пуста голова, лежать будет и Васильевой голове (Древн.-русск. стих. — Бусл.). ...Чернеческого чину не здержати — отворити будет темна келья (Песни Дж., 87—89). Ино, ох, милыи наши переходы, а кому будет по вас да ходити? (Там же, 94—96). И будя, государь, твоего великого государя жалованья и торговых людей к нам, холопям твоим, не будет

и нам, холопям твоим, помереть голодною смертью и разбрестись будет розно (Мат. Раз. III, № 9). Потерять вам под Азовом-городом турецких голов своих многия тысящи, а не видать вам будет из рук наших казачьих и до века (Ист. об Азовск. сид., 13).

В древнем языке и у писателей XVIII века примыкающий к глаголу инфинитив свободно переносится из конструкции с активной формой глагола в пассивную, — употребление, теперь ограниченное главным образом безличными формами:

Заверстал за ту пятсот пуд моею мягкою рухлядью, которая дана ему была продать, шелком и сафьяны и кисеями тысячи на полторы или на две (Дело Ник., № 42).

Еще в начале XIX века в ходу сочетания инфинитивов **быть** с дательным падежом кратких (нечленных) прилагательных: Зачем же быть, скажу вам напрямик, Так невоздержну на язык, В презреньи к людям так не скрыту? (Гриб.). Ломоносов, признающий за сочетаниями **быть** и причастиями в дательном падеже значение „принуждения“: *быть оправлену, быть обвинену, быть обмануту,* замечает: „Усеченныя лутче служат нежели причастия полныя, *оправленному, обвиненному, обмануmому*“ (Рос. грам., § 465, стр. 196).

В этом отношении он узаконяет только старину (ср. приведенные выше примеры из „Памятников Смутного времени“, 77, и „Воззвания русских людей“) с тенденцией согласовывать полнозначную часть при **быть** с дательным субъекта действия. Позднейшее развитие творительного, как специфической формы предикативности, перенесло и сюда *быть обвиненным, быть обманутым* и под.

§ 12. Относительные (союзные) слова.

Состав относительных слов в древнерусском близок к современному. Из местоимений-существительных и прилагательных в употреблении **что, кто, который, каков, кой**; из местоимений-наречий — **где, когда (когды), коли, доколе, куда (куды), как** и под.

Что, как в современном языке в примитивизирующих стилях (архаизирующем, народном, поэтическом), нередко относится в древнем языке к названиям людей: А по отца нашего благословенью... что нам приказал жити за один, такоже и яз вам приказываю (Дух. в. кн. Сем. Ив.).

Как в русских народных говорах, в белорусском и в украинском языке, относительное **что** для выражения падежных функ-

ций может (но много реже, чем в них) получать при себе дополняющие его падежи от местоимения „он, она, оно“: Трава марона, что корешками ее красят пояски и яица... (Лечебн. Синод. рук., № 480).

Сравнительно с современным языком останавливает на себе внимание очень частое для древнерусского употребление относительных **что, который** и под. в придаточных предложениях, предшествующих главному, чаще всего с оттенком условия:

А каков жалобник к боярину прийдет, и ему жалобников от себе не отсылати... (Судебн. 1497, 2). А кой не пойдет, ино боялся бы государевы казни (Сказ. о Пск. взят., 7). Кое платья не всегда носити, то так краити (Домостр., 30). Кой час пашня поспеет, тот бы час и заставить их пахать (Хоз. Мороз., № 54). ...А которые ссылные подначалные люди в послушании у вас в Кирилове монастыре не учнут быть, и вы бы их велели смирять по монастырскому чину (Грам. 1663 г.). А что в бочках или в коробах мука и всякой запас... то бы было все покрыто (Домостр., 51). А что ему в их ученье учинитца протору, и то велит государь ему заплатить (Грам. ц. Федора царьгр. патриарху 1584 г.). И что вам вперед о тех делех будет наше царское повеление, и вы о том к нам ведомо учините... (Мат. пут. Ив. Петлина, 302). Что к нам писали братья наша, и мы тое грамотку к вам послали (Воззв. моск. людей).

Как особенность древнего синтаксиса при относительных **который, какой** заслуживает еще внимания повторение определяемого имени существительного в новом управлении:

А колько вытей в приставной ни будет, и неделщику езд один до того города, в который город приставная писана (Судебн. 1497, 28). Роспись реке Донцу, и рекам, и кладязям, которые реки и кладязи в реку в Донец с Крымской и с Нагайской страны пали (Больш. чертеж). ...Чтоб они к тому дни, в которой день у него будет радость..., были готовы без мест (Котош., 6). ...Набрать... всякова узорочья, какое в том озере узорочье есть (Мат. пут. Ив. Петлина, 303).

Такое употребление известно было еще в XVIII веке: Восточное плечо реки Немени называется Руса, которое имя, конечно, носит на себе по Варягам Россам (Ломон., — Бусл.).

Допускалось сочетание с **который, какой** и слова (только приблизительно по смыслу) повторяющего употребленное в главном: И так всегда в Венеции увеселяются и не хотят быть никогда без увеселения, в которых своих веселостях и грешат много (Путеш. П. А. Толст., 3). ...Прелестность настоящего

веселия, нашед утомленные силы, немощна произвести в душе столь приятного дрожания, какое веселие получает от нечаянности (Радищ.).

Сходный синтаксический строй имеем в древнем языке при **что**: А что в селе Ильинском двор боярской, и огород, и гумно, и что в гумне конопляник, и до того нам двора и огорода и гумна, и до конопляника дела нет (Шуйск. акт. 1657, — Бусл.). И по такому судному делу на ответчике за безчестъе исца правят денги против жалованья, что ему идет царского жалованья на год (Котош., 120).

Из относительных прилагательных, принадлежавших древнему языку, вовсе вышло из употребления в именительном ед. ч. **кой, кая, кое**, а косвенные падежи ед. ч. и множественное от него встречаются почти исключительно у писателей старых. В целом тенденцию этого местоимения к исчезновению надо объяснить, вероятно, тем, что оно, в отличие от других относительных местоимений, не имело в живом литературном употреблении параллели в вопросительной функции (В народном языке **кой?, кая?, кое?** существуют; ср. у Некр.: „А кой тебе годик?“ — Крест. дети).

У писателей с устарелым языком в XVIII в. можно встретить в роли относительного местоимения формы от **он, она, оно** с частицею **же** (ст.-слав. **иже, яже, еже**):

...Предузнанная гибель... отравляет утехи, ими же наслаждался бы, если бы скончания их не предузнал (Радищ., 57). Они благую в человеке производят тревогу, без нее же уснул бы он в бездействии (Радищ., 84).

§ 13. Союзы и союзные сочетания (речения).

Система древнерусских союзов представляет очень значительные отличия от нынешней. Ограничиваясь материалом, извлекаемым главным образом из московских памятников, можно наметить такие важнейшие особенности старинной системы:

1. Сочинительные союзы.

Сравнительно не часто **а**, в соответствии употреблению, известному из других славянских языков, еще выполняет функцию обычного **и**: ...Ать молить бога, а душу мою поминаеть (Духовн. вел. кн. Сем. Ив.). И сентября в 16 день, на первом часу дни, пришел к Якову Антоней Поссевинус, а говорил Якову и Тишине... (Отч. Я. Молвян.). А которому дадут татя,

а велят его пытати, и ему пытати татя безхитростно (Судебн. 1497 г., 34). И мало постояв, подсокольничий кликнет верховаго Сокольнаго Пути подьячаго, а молвит... (Урядн., 21).

А свободно могло начинать фразу в текстах с параллельным содержанием и допускало, чтобы другие предложения, вводящие дополнительные моменты, начинались с него же или с него и же за словом, им вводимым: А передсудчиком пересуд имати на виноватом две гривны; а менщи рубля пересуда нет. А с списка с судного, и с холопа, и с земли пересуда нет; а с поля со всякаго пересуд. А список оболживит кто, да пошлется на правду, ино в том пересуд, а подвойским правого десятка 4 денги, а имати на виноватом же (Судебн. 1497 г., 64). А на татии и на разбоиники же... князю продажа не взяти (Пск. суд. грам. 1397—1467 г., — Срезн.). Индеяне же не ядят никоторого мяса... а свиней же у них велми много; а ядят же днем дважды, а ночи не ядять, а вина не пиють ни сыты; а с бесермены не пиють ни ядять. А ества же их плоха, а один с одним ни пиеть ни яст, ни с женою; а ядят брынець, да кичири с маслом, да травы розныя ядят, а варят с маслом да с молоком; а ядят все рукою правою, а левою не приимется ни за что, а ножа не держать, а лъжици не знають, а на дорозе кто же собе варит кашу, а у всякого по горньцу (Хожд. Аф. Никит.).

Да, повидимому, лишено было раньше специфической стилистической окраски, связанной с ним теперь:

А к слоном вяжуть к рылу да к зубом великия мечи по кендарю, кованы, да оболочать их в доспех булатный, да на них учинены городки, да в городке по 12 человек в доспесех, да все с пушками да стрелами (Хожд. Аф. Никит.).

А не пойдут опричные люди прочь, и околничему и диаку на тех велети исцово доправити и с пошлинами, да велети их дати на поруку да поставити перед великым князем (Судебн. 1497 г., 68). А кто солжет, и того казнити торговою казнию, да вкинути в тюрму (Судебн. 1550 г., 42).

Также без стилистической окраски могло употребляться и **да и**: А ныне есми послал к митрополиту да и к тебе Юшка Шеина (Пис. вел. кн. Вас. Иоан. 1526—1530). ... То место на шее стало повыше да и черленее (Пис. в. кн. Вас. Иоан. 1530—1532). Однолично б вам сыскивать правдою, никому не норовя, да и ся моя указная грамота прислать ко мне к Москве с сыском вместе (Хоз. Мороз., № 28).

Но ср. также **да и**, иногда заключавшее фразу с уже введенным или введенными **и**: А кто купит лошадь на Москве или

в Московском уезде, и тем те лошади пятнати у пятенщиков на Москве, да и в книги написати по старине... (Судеб. 1550 г., 94). ...А воем своим всегда сердце веселит своим жалованием царьским и алафою, да и речию своею царьскою (Сказ. о Магмете-салт.).

Как и **а**, **да** может быть подкреплено союзом **же**, который следует за словом, вводимым этим **да**: Нам же тогда живущим в своем селе Воробьеве, да те ж наши изменники возмутили народ... (Посл. Ион. Гроз. Курб., 13). И я ему говорил, что Патерик Печерской читал. Да он же мне говорил: да, жив в Печерском монастыри, поидем до святаго града Иерусалима... (Памят. Смутн. врем., 20). И князь Василей и все его дворовые люди говорили мне... Да князь же мне говорил... (Там же, 22).

Это же возможно и при союзе **и**: И познася со многыми индеяны... И они же не учали ся от меня крыти ни о чем... (Хожд. Аф. Никит.).

Сочетание **а** и **же** представляет, повидимому, диалектный союз **аже**:

И на завтрее сошлися в Иконном ряду, аже у него приговорен ехати же чернец Мисайло... (Памят. Смутн. врем., 20). И пришли до Острога, до князя Василия до Острожского, аже князь Василей в сущей во християнской вере пребывает (Там же, 21).

К редким союзам принадлежит парный **как... так и**, соответствующий современному литературному употреблению (по происхождению сравнительное и указательное местоимения-наречия):

...Как нам, всему крестьянскому народу московскому, так и вам..., видячи в конец погибель пришедших всех вас, утвердить совет... (Воззв. моск. людей).

Роль противительных союзов исполняют в древнерусском, кроме уже упоминавшегося **же**, еще **а, но, ано, ан, ино, ин**.

Примеры приводим только на необычные в современном литературном языке:

А чьи судьи на третии не поедут или на кого третии помолвит, ан взятого не отъдаст, то правому отняти... (Дог. грам. Дм. Ив. 1375 г.,—Срезн.). Мене залгали псы бесермена, а сказывали — всего много нашего товару, ано нет ничего на нашу землю, все товар белой, на Бесермьньскую землю (Хожд. Афан. Никит.). ...Полонив меня, хочет постритчи. ...Ино мне постритчися не хочет, Чернеческого чину не здержати (Песн. Дж.,

85—89). Моленой боран отлучился, ин гулящей прилучился (Сборн. XVII в., Бусл., 1420 стр.).

Ано же в древнерусском могло еще иметь значение, параллельное нынешнему, почти вышедшему из употребления **ан** „а вот, а вдруг, но вот" и под.: ...Ан смотришь, тут же сам запутался в силок (Крыл.: Чиж и голубь). ...На утро пришел, ано мне Бог дал шесть язей, да две щуки... (Аввак., 113). Ждал дед внучки, ан ему ни сучки (Стар. сборн., 944). Ср. и сходное по значению **ино**: Пробудился, ино все замерзло (Аввак., 114).

Дальнейшее развитие его имеем, наконец, в значении „ведь": А Шереметеву как назвати братиею, ано у него и десятый холоп, который у него в келье живет, ест лучше братий... (Посл. Иоанн. Гроз. иг. Кир.-Бел. мон., 4).

Союз **ажно** обозначает „и вот, и вдруг":

И мы, бедные... пошли за ними в поход: ажно садятся они на свои бусы и каторги... (Ист. об Азовск. сид., 27). И мы пошли к царским дверям; ажно на месте патриаршеском стоит Никон патриарх, да посох у него в руках Петра чюдотворца (Дело Ник., № 36).

2. Подчинительные союзы.

а) Изъяснительные. Наряду с господствующим в значении изъяснительного союза **что** изредка выступает в древнерусском, как подобный же продукт перерождения определительного местоимения, **кое**: Шлеш ли ся в том, кое их полудвором не владееш? Шлю же сь в толке, кое их есми полудвором не владею (Юрид. акт, 1571,—Бусл.).

В придаточных предложениях с оттенками модального характера **что** и **бы (б)** фактически слились в союз: ...Он, Стенка, на войскового атамана на Михайла Самаренина и на Корнила Яковлева и на иных, которые в войску постарее, похваляется, чтоб их известь за то, что чего они на море ево не отпускали и его оттого унимали (Мат. Раз. III, № 1).

Характерно, хотя и относительно редко, употребление **что** и **было** (= *чтобы*) с инфинитивом в значении будущего времени: Целовали есте крест блаженные памяти отцу нашему великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии и нам, чадом его, что было опричь нашего государьскаго роду на Московское государьство иного государя никого не хотети и не искати (Памятн. Смутн. врем., 43). Ср. подобное модальное **было**=*бы* при формах прошедшего (Морф., § 26) и инфинитиве (Синт., § 11).

Судя по характеру текстов, где его находим, чисто книжным являлось **еже** из анафорического местоимения (є + частица же):

Грозно бо и жалостно, братие, в то время посмотрети, еже лежат трупы крестьянские у Дона великаго на брезе... (Задонщ., 21).

Русскую огласовку имеем в соответствующем ему **оже**: Мы ведаем, оже не кончати добром с тем племенем (Лавр. сп. лет., 105 об.— Карск.). Слышав же король, оже идуть князи... (Там же, 144).

Что касается изредка выступающего **аже**, напр.: Мы ведаем, аже того брат твой не казал (Лавр. сп. лет., 105 об.), то оно, повидимому, в данной функции явилось вторично в результате параллелизма **оже — аже** в значении условных союзов.

Будто (будьто), по происхождению — **будь** (с близким к уступительному значением повелительного наклонения в функции 3-го лица) и местоимение **то**. Семантические параллели представляют: арханг. *буди* в значении союза сравнения: „Что ты глаза вытаращил, буди дикой?", укр. *буцім, буцім то* — „будь сім то"; но русск. диал. *бытто*, повидимому, другого происхождения — из *быть то*, с модально окрашенным инфинитивом; ср. и белор. *быццым*. ... И сказал князь Адам про него королю, бутто он царевичь Дмитрей Ивановичь Углецкой (Памят. Смутн. врем., 22). ...Умыслили написать... воровские листы... бутто те бояре ссылаются листами с полским королем (Котош., 101).

Ср. еще **будто ся**: Ответчики сказали на суде, что де будто ся тех их оброчных земель не пашут (Юрид. акты 1612,— Бусл.).

Союз этот очень легко приближается к сравнительным в примерах вроде, напр., такого: ... И ты б, брат наш, говорил, будьто от кого что слышал, а не собою (Дело Ник., № 44).

Изредка в значении „будто" встречается **чтоб то**: И они, приехав к нам в верхний город Ломов..., и воеводе Игнатью Корсакову и нам говорили лестными своими словами, чтоб то присланы они из войскова от атамана от Степана Разина для обереганья и украенных городов... (Мат. Раз. III, № 39).

В древнейших памятниках, независимо от места их написания, в ходу **яко** в значении „что": Ведеху бо, яко сами убили князя (Лавр. сп. летоп., 16). Увесть царь, яко мало нас есть (Там же, 22. — Карск.). И разуме Ярослав, яко в нощь велить сецися (Син. сп. I Новг. лет., 1.— Истр.).

Этот союз, видимо, чисто книжного употребления, очень долго (до самого XIX века) сохранялся в канцелярском языке.

Из языка литературы XVIII в. заслуживает внимания употребление **чтобы с бы**, отошедшим от условного наклонения, со значением предположения: Я весьма уверен, чтобы оно в переводе весьма понравилось (Фонв., Иос.), и галлицизм **чтобы** после инфинитивов, примыкающих к сказуемым с отрицанием: Ле-Брюн не мог равнодушно слышать, чтобы говорили о Ле-Соеровых картинах (Карамз.).

б) Причинные союзы. В древнерусской письменности в обращении ряд причинных союзов. Одни из них относительные склоняемые местоимения с предлогами или без них, утратившие свой первоначальный характер, другие — местоименные наречия, те и другие — с оттянутой к ним или оставшейся независимой указательной частью. Третья группа — союзы вне отношения к местоименности.

К первой группе относятся:

Оже: Не тяжька заповедь божья, оже теми делы 3 ми избыти грехов своих (Лавр. сп. лет., 79 об.).

Яже: Велика, господи, милость твоя на нас, яже та угодья створил еси (Лавр. сп. лет., 79 об.).

Имьже (твор. средн. рода ед. ч. и частица **же**): Оттоле почаша Печерский манастырь, имьже беша жили черньци преже в печере (Лавр. сп. лет., 53 об.).

Вероятно, сюда же относится и **оли то**: Не мози их держати в граде, оли то створять ти зло, яко и сде (Там же, 25). Этот союз представляет, видимо, є (откуда в русском **о**) + **ли** + **то**.

Что: ...И ты ся за то имаешь, что их тому промыслу учити с великим трудом, что они возростом велики... (Грам. Иоанна IV Царьгр. патриарху 1583 г.). А вам, гостем и торговым людем, и в торговле в вашей волности не было и в пошлинах, что треть животов ваших, а мало и не все, иманы (Памятн. Смутн. врем., 45). И на-розно, государь, ехать не похотели, что иные были, государь, в разъезде... (Хоз. Мороз., № 107). И возлюбили те денги всем государством, что всякие люди их за товары принимали и выдавали (Котош., 100). Ср. и **что** в придаточном предложении, предшествующем главному: А что Олексеи Петровичь вшел в коромолу к великому князю, нам, князю Ивану и князю Андрею, к собе его не приимати, ни его детий... (Догов. грам. в. кн. Сем. Иван. с братьями).

Зане, занеже, заньже (по происхождению **за** (н)є относит. местоимение средн. рода + **же**): Мужи отни похвалу му даша велику, зане мужьскы створи (Лавр. спис. лет., 108 об.). Аз же от мно-

гыя беды поидох до Индеи, заньже ми на Русь поити не с чем, не осталося товару ничего (Хожд. Афан. Никит.). А на Мякку поити, ино стати в веру бесерменскую, заньже христиане не ходят на Мякку веры деля, что ставят в веру. А жити в Гундустани, ино вся собина исхарчити, за не же у них все дорого (Там же).

Понеже (по происхождению **по (н)+є+же**): ...Не токмо свою едину душу, но и всех прародителей души погубил еси: понеже деду нашему, великому государю, бог их поручил в работу, и они, дав свои души, и до смерти своей служили, и вам, своим детям, приказали служити... (Посл. Иоан. Гр. Курб., 10).

Потому что: ...С часу на час ожидаем себе смерти, потому что у нас в осаде шатость и измена великая (Пис. Ксении Годун. к ее тетке, 1609 г.).

Для того что: ...А на сторону в иные дворы девиц и вдов замуж не выдают, для того что те люди у них, мужской и женский пол, вечные и кабальные (Котош., 16). ... И потому у него, бывшего Никона патриарха, тому святителя и чудотворца Петра митрополита посоху быти не доведетца, для того что он уже патриаршеский престол оставил своею волею (Дело Ник., № 39). А посылаются того приказу подьячие с послами в государства... и в войну с воеводами, для того что послы, в своих посолствах, много чинят не к чести своему государю... а воеводы в полкех много неправды чинят над ратными людми (Котош., 85). Да поп Мартин в скаске своей прибавил: великому государю не известил про приход бывшего патриарха Никона, что он вшел в соборную церковь, для того, что он, поп Мартин, был в облаченье (Дело Ник., № 40).

Затем что: И у Лешковскова, государь, у нижнева пруда сваи не биты за тем, что земля мерзл(а)я (Хоз. Мороз., № 52).

В т о р о й т и п представлен собственно одним русским союзом **как**: ...И мы, как есть государи крестьянские, толмача твоего Аврама смертью казнити не велели есмя... (Грам. 1574 г.).

Ср. позднейшее **так как** из „так... как".

Изредка встречается **для того как**: ... И покинуты они были на Саратове, для того как вор шел вверх, а они заболели... (Мат. Раз. III, № 44).

Яко следует считать чисто книжным, церковнославянским: И убиша Захарию посадника и Неревина и Несду Бириця, яко творяхуть е перевет дрьжаще к Святославу (Син. сп. I Новг. лет., 68).

В третью группу входят: древнейшее славянское **бо** и тоже очень древнее же, но вряд ли не только книжное **ибо**: В котором царстве люди порабощенны, и в том царстве люди не храбры и к бою против недруга не смелы: порабощенный бо человек срама не боится, а чести себе не добывает, хотя силен или не силен... (Сказ. о Магмете-салт.).

Определенно книжно-церковным являлось наряду с ним **убо**.

Литературный язык XVIII и первых десятилетий XIX века в существенном пользуется всеми причинными союзами московской письменности, кроме **бо**, остающегося только в сугубо архаических стилях (главным образом церковном)[1] и **зане, яко** — в архаизирующих. В архаизирующем же стиле законодательства и канцелярий широкое распространение получает в причинном значении церковнославянское **поелику** (первоначальное значение — „поскольку", „насколько"; ср. архаическое „поелику возможности"). Вне употребления остаются, конечно, архаические или диалектные и для московской письменности **яже, имьже, оже, оли то.** Приводим несколько примеров из языка писателей: Не усмотрел ли он, спросил, усопшей следа. Сосед советовал вниз берегом итти, Что быстрина туда должна ее снести (Ломон., Притча). А что сия ума забава — Калифов добрых честь и слава, Снисходишь ты на лирный лад (Держ.). От вышереченного не можно заключить, что понеже в стихосложении нашем нельзя быть сочетанию стихов, то, следовательно, и смешенно рифме... (Тред.). ...А как они были для многих язвительны, то обиженные оглашали меня злым и опасным мальчишкою (Фонв., Чистосерд. призн.). ...Как христианина фершала здесь нет... (Фонв., Пут. в Вену). Но как ум гоним в целом свете, то очень скоро наскучил он быть умным... (Крыл., Похв. речь дед.).

Употребление **как** изредка встречается и у позднейших писателей, главным образом у тех, кто не избегает близости к бытовой речи.

Наряду с известным уже древнерусскому языку **потому что** едва ли не чаще употребляется **для того что**[2], пока, наконец,

---

[1] В начале XVIII века он еще употребляется; ср.: Не можно бо ни воинству без купечества быть, ни купечеству без воинства жить (Посошк.). Позднейшие примеры — у Жуковского: Защитой бо града единый был Гектор (пер. „Энеиды").

[2] Само сочетание **для того** издавна имеет значение наших „поэтому", „потому": И как его убили, и те орехи кровию его обагрилися, и для того те орехи на нем во гроб положили (Памят. Смутн. вр., 84).

во второй четверти XIX века побеждает окончательно первое, более четкое с точки зрения специфичности значения (причины, а не цели, повод к чему мог давать предлог в первой части сочетания): По сему описанию Оды видно, что она благородством Материи и высокостию речей не разнится от Эпической Поэзии, но токмо краткостью своею также и родом Стиха, для того что Ода никогда не сочиняется Гексаметром, или шесть мер имеющим Стихом (Тред.). Не ропщите, если будете небрежны в собраниях, а особливо от женщин, для того что не умеете хвалить их красоту (Радищ., 79).

Еще характернее в этом отношении **для того чтобы**: Он никогда не намеревался быть политиком, но не для того, чтоб недоставало ему ума (Крыл., Похв. речь дед.). Смотря иногда на большего моего сына и размышляя, что он скоро пойдет на службу... у меня волосы дыбом становятся. Не для того, чтобы служба сама по себе развращала нравы; но для того, чтобы со зрелыми нравами надлежало начинать службу (Радищ., 73).

Параллельна историческая судьба речения **за тем что**:

Они работают день и ночь, но со всем тем едва-едва имеют дневное пропитание, за тем что на силу могут платить господские поборы (Новик., Трут.).

Ср. еще более редкое **ради того, что**: Не завидуя никакому на свете щастию, ради тово, что они в своем звании благополучны... (Новик., Трут.).

В большом ходу в XVIII в. архаический союз **понеже** (в канцелярском слоге заходит он и в XIX век): Ежелибы человек мог все ведать и знать, то б не имел нужды и в совете; но понеже часто собственное самолюбие ослепляет его в том, что ему полезно, то он обязан бывает иметь прибежище к людям, кои его искуснее (Приклон., 65). Понеже добродетель есть вершина деяний человеческих, то исполнение ее ничем не долженствует быть препинаемо (Радищ., 86).

Сродни причинному значению значение повода, которое принадлежит иногда в старинном языке союзу **что (а что)**:

А что живет у тебя наш человек Обрюта Мамалахов, а уже де и языку вашему научился, и тыб его отпустил к нам часа того (Грам. Иоанна IV царьгр. патриарху 1558 г.).

в) Союзы цели. **Ать (атъ)**: ...То есмь все дал своей княгине ать молить бога, а душу мою поминаеть до своего живота (Духовная вел. кн. Сем. Ив.).

Исходное значение этого союза — „пусть", хорошо засвиде-

тельствованное в памятниках. Употребление вроде того, которое имеем в приведенном примере, представляет собою переходное явление между сочинением и подчинением.

К стилю приподнято-книжному относилось чуждое народному языку **да** с будущим: Избирайте дни, ездите часто, напускайте, добывайте нелениво и безскучно, да не забудут птицы премудрую и красную свою добычу (Урядн., 8).

К нему же относится **да же**: Мы же со владыкой приказали ево среди улицы вергнути псом на снедение, да же граждане оплачют ево согрешение. И сами три дни прилежне стужали об нем, да же отпустится ему в день века... (Аввак., 83).

Чем бы: ...И вы де таких подчиненных людей за такие их бесчинства и за непослушание церковнаго пения и келейнаго правила наказать и смирить не смеете, потому что они сказывают за собою наши, великаго государя, дела того ради, чем бы им из под начала освободитца (Грам. 1663). Умыслили написать на того боярина и на иных трех воровские листы, чем бы их известь и учинить в Москве смуту для грабежу домов (Котош., 101).

Повидимому, чисто книжными являлись в московской письменности **во еже**: Верного твоего раба хотим послати к тебе Федора Михайлова Мамалаха; держали есмя его поучитись ему и наказатись ему и, подщався, научился отчасти еллинской грамоте, во еже перевести ему грамоты (Посл. царьгр. патриарха 1557 г.) и значительно более редкое **якобы**: ...Да те ж наши изменники возмутили народ, якобы и нас убити (Посл. Иоан. Гр. Курб., 13).

Обычное и сейчас **чтобы**—в широком употреблении: ...А пишу вам се слово того деля, что бы не перестала память родилии[1] наших и наша и свеча бы не угасла (Духовная вел. кн. Сем. Иван.). ...И велел присуд имати к себе в казну для того, чтобы судьи не искушалися и неправды бы не судили (Сказ. о Магмете-салт.).

По происхождению **чтобы** — союз *чьто* в соединении с *бы* сослагательного наклонения. Параллельно образование **дабы**; ср. в старославянском: Молитъ сѧ, да бы напасти избылъ (Супрасл. рук.)[2].

г) Союзы сравнения. **Что**, сохраняющееся и теперь в стилизациях под народную речь. Союз этот прямо восходит к

[1] Описка, вм. „родители".

[2] Другие, более редкие союзы, встречающиеся в Лавр. списке летописи, см. Изв. по русск. яз. и слов., II, 70—71.

относительному *что* в случаях вроде *тот, что..., те... что...* и под.

А ныне у вас Шереметев сидит в келье, что царь, а Хабаров к нему приходит да иные чернцы, да едят, да пиют, что в миру (Посл. Иоанна Гр. игумену Кир.-Белоз. монаст.).

Толко братина дховая выпить, и человек пьян будет так, что с меду (Мат. пут. Ив. Петлина, 274). А как они, нагайцы и татары, табунные свои лошади испродадут, и на отъезде своем бывают у царя, что и калмыцкие послы, бывает им стол на царском дворе доволной (Котош., 92). ...И платье им ис царские казны дается, смотря по человеку, что и крымским же послом (Там же). И в том Приказе ведомо Сибирское царство и городы против такого ж обычая во всем, что и Казанское и Астараханское царствы (Котош., 93).

Древнерусские примеры союза **чем** при сравнительной степени, данного прямо или подразумеваемого:

И чем было сосуды ковати, ино лучше бы шуба переменити (Посл. Иоан. Гр. Курбскому, 12). И чем вам камением меня побить и еретиком называть, и я вам от сего времени не буду патриарх (Дело Ник., № 9).— Союз этот по происхождению, несомненно, относительное местоимение, в своей местоименной роли живущее в предложениях вроде: „Чем дальше в лес, тем больше дров", „Чем ночь темней, тем ярче звезды" (А. Майков), со сравнительной степенью в главном и придаточном.

Фразы с опущенным **лучше**, заменившие такие, как „Чем на мост нам итти, поищем лучше броду" (Крылов, Лжец), „Чем кумушек считать трудиться, Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?" (Крылов, Зеркало и обезьяна), т. е., напр., типа „Чем на мост нам итти, поищем броду" и под.: Он рек: „Готов я сам в полицию попасть, Чем от Зевесовых мне рук терпеть напасть" (В. Майк.). Ты, жаворонок, чем по верхам Тебе кувыркаться, кружиться, Ты б корму поискал по нивам, по лугам (Крыл., Добр. лис.), имевшие смысл „вместо того чтобы...", послужили образцом для нового типа с **чем** и оттянутым к нему **бы**, поддерживавшим значение предположения: Тут, чем бы вора подстеречь И наказать его, а правых поберечь, Хозяин мой велел всех кошек пересечь (Крыл.).

Ср. др.-русск.: И тебе было, страдник, чем ко мне к Москве писать и ходока присылать, а до Москвы 500 верст... а к Поздею б тебе и самому ездить, ино 2 дни (Хоз. Мороз., № 150).

Оба эти типа, как видим, ограничены придаточными предложениями с инфинитивами и свойственною последним модальностью (оттенками наклонений).

Дальнейшее усложнение сочетаний с чем представляет эллиптическое (сокращенное) *чем свет* (ср.: Чем свет уж на ногах,— и я у ваших ног.— Гриб.), которое толкуется правдоподобно (Кернер) из „раньше, чем свет настал".

Поскольку **чем бы** принадлежит к народно-эмоциональной речи, не приходится удивляться примитивизирующим сложное предложение конструкциям, иногда входившим с ним в письменный язык: Чем бы пойти, а он остался (пример Буслаева) — контаминация „пойти бы, а он остался" и „чем бы пойти, лучше остаться".

Нежели — союз сравнения при сравнительной степени. В современном литературном языке идет на убыль, уступив господствующему **чем**:

Луче ны есть умрети у Царяграда, нежели с срамом отъити (Новг. I л., 6712 г.).

...Ктомуж муж не так поспешен в сапогах, нежели без сапогов (Юности честн. зерц., 54) — в мысли пишущего было, видимо, „менее поспешен".

В XVIII в. изредка можно встретить плеонастическое сочетание **как нежели**: Не большая-ль теперь случилась мне обида Как нежели была Юноне от Парида? (В. Майков).

По своему происхождению **нежели** восходит к **неже ли**; ср.: (Лучше) ...и в праведнем убожестве неже бы в неправеднем богатестве (Домостр., 62) — текст, в данном месте церковнославянизированный.

В свою очередь **неже** составилось из **не** и **же**. Момент отрицательности, заключенный в другом члене сравнения (утверждение лучшего и под. предполагает отрицание худшего), образец, за которым формально могут последовать иные виды сравнения, имеет многочисленные параллели в других языках; ср. франц. C'est encore plus vrai que vous *ne* le croyez — „Это еще гораздо вернее, чем вы думаете", итал. Adesso è più diligente che *non* lo sia mai stato — „Он теперь прилежнее, чем (был) когда бы то ни было"; *na, ne, nor* после сравнительной степени в шотландских и английских диалектах (Гольтгаузен), подобные случаи в др.-индийском, греческом и др. (Френкель).

Из русских памятников и живых говоров интересный материал у Буслаева: Лепши бы ми смерть, а не курское княжение (Дан. Зат. по ред. XVII в.). Лучше хлеб с водою, а не пирог

с бедою (Стар. сб., I, 1439). Лутче семью (семь раз) горети, а ни однова б вдовети (Стар. сб. II, 318).

Ср. в белор. бежыт (sic!) скорей, чем не конь (Диалектол. карта, стр. 51)[1].

Союз **как-бы** со значением приблизительности естественнее всего возводить к „как бы". Последнее сочетание имело, однако, как показывает диалект. *как-быть* „как будто", соперника в сочетании с инфинитивом; ср. др.-русск.: А посторонь трех болванов стоят два болвана нагих, как быть человек в теле: не розпознаешь издале, что тело или глина,— как быть жив (Мат. пут. Ив. Петлина, 288).

Союзы **акы, яко,** повидимому, в московской письменности были чисто книжными.

В XVIII веке в роли союза сравнения очень употребительно **как**: Щедротой больше, как грозою, В российской царствует стране (Ломон., На рожд. Павла). Мне б лутче умереть, как жити во неволе И зрети хищника на отческом престоле (Сумар., Хор.). Судящим сохранять пристойнее законы, Как строить без ума невежам лексиконы (Сумар., Сат. V). Я очень рад принимать от вас наставления, зная, что они идут от такого человека, которого я люблю больше, как себя (Фонв., письмо от 10.VII 1763). Где лучше, как в своей родимой жить семье? (Дмитр., Причудн.).

О происхождении союза **будьто** упоминалось выше (а). Его функция сравнительная более первоначальна, чем изъяснительная. В современном языке сравнительно со старинным изменилось при нем употребление глагола бывания, теперь обязательно опускаемого; ср.: Как есть — стала гроза великая над нами, страшная, будто гром велик и молния страшная от облака бывает с небеси (Ист. об Азовском сид., 4). Изредка его можно встретить в виде **будтося**: А литовским людем быти было с ним всем вооруженным... будтося для потехи (Памят. Смутн. врем., 69).

д) Условные союзы. Продуктами перерождения служебных глаголов являются союзы **есть ли,** в его фонетическом изменении ставший господствующим в современном литературном языке, и **будет**, в виде „буде", в предреволюционное время еще употреблявшийся в языке законодательства и канцелярий:

---

[1] О другом понимании не в *нежели* и подробности о же см. Преображенский — Этимол. слов. рус. яз., I, 596 — 597.

Есть ли оне обростут телом опять, ино им вина отдается (Сказ. о Магмете - салт.).

Знал старинный язык в редких случаях как союз и просто **есть** (с **бы**): А есть де бы кто к нему подкинул, и он де бы челобитье свое записал (Кал. I, 1680 г.— Яг.).

Будет уже в древнейшей восточнославянской письменности при глаголах будущего времени функционирует как союз. Путь его развития легко себе представить в таком виде. Сначала это часть аналитической формы будущего, получающего в сложном предложении значение условного наклонения; ср. современные фразы вроде: А будет так, придется применить другие меры. Возможны первоначально разные формы *буду*; ср. еще даже в XVII веке случаи вроде: И вотчин, и дворов, и животов... не отъимати, будут которые с ними в мысли не были... Дворов, и лавок, и животов не отъимати, будут с ними они в той вине неповинны (Пам. Смутн. вр., 72).

Оформившаяся союзная функция **будет** уже вполне ясна при втором *будет* глагола: А будет ему и порутчиком его того покраденаго заплатити будет нечем, и их исцу за иск отдати головою до искупу (Улож. ц. Алекс. Мих.). А будет судное дело будет о бесчестии, а не о долгах, и по такому судному делу на ответчике за бесчестъе исца правят денги против жалованья... (Котош., 120).

Ср. и **будет** при инфинитивах: ... Сего дни, о вечерне, быти вам у папы; и будет вам папе кланятися и в ногу его целовати по здешнему обычею, и вам у папы быти; а будет вам папы в ногу не целовати, и вам идти назад, отколе есте пришли, туды и поидете, а у папы вам не быти (Отчет Я. Молв.).

Далее являются предложения типа: *А будет скажет* и т. д., равные развернутой конструкции „А будет (случится), что скажет... то...“

Да будет те судные мужи скажут, что суд таков был... и тем тот и виноват, кто список лживил... (Судебн. 1550 г., 69).

И наконец устанавливается вариант **буде**, уже определенно имеющее и внешние признаки союза: Буде речь моя слаба, буде нет в ней чину, Ни связи, должно ль о том тужить дворянину... (Кант.)

Изредка со значением предположения („если бы“) можно встретить **будет бы**: А будет бы тебе и все крестьяня отказали и жать не пошли, и тебе было мошно ко мне отпи(са)ть тово ж часу... (Хоз. Мороз., № 116). И будет бы он ту свою

долю не стал жать и хлеб обронил, и я бы ему велел большое наказанье учинить... (Там же).

Ежели — по происхождению относительное слово среднего рода с союзами-частицами **же** и **ли**. Возможно, что этот союз в такой форме (є) установился не без книжного влияния, по крайней мере, древнерусские памятники свидетельствуют и об **оже**, которое по всей видимости представляет именно фонетический факт.

...И ежели та жена дворянска роду, мужа ея пожалует царь на воеводство в город, или вотчину даст (Котош.)[1].

А жити нам, брате, по сей грамоте: с татары оже будеть нам мир, по думе; а не будеть, нам дати выход, по думе же (Дог. грам. в. кн. Дм. Ив. 1375 г.— Срезн.).

Это **оже, оже ли, ожь** известно издавна уже из памятников Киевской Руси и решительно уступает место другим союзам условия не раньше XVI века; в конце XV века оно еще выступает, напр., в Судебнике 1497 г.: А имати ему с суда, оже доищется ищея своего, и ему имати на виноватом противень по грамотам... (38); в XVI — встречаем его в виде **ожъ** в пис. в. кн. Вас. Иоан. между 1526 и 1530 годом: А яз, ож даст Бог, сам, как ми Бог поможет, однолично ко Крещенью буду на Москву.— В родстве с ним и **иже**.

Коли: А коли срок отпишут обема исцем вместе, и ему взяти одно хоженое с обеих сторон... (Судеб. 1497, 36). ...Ведь коли ровно, ино то и братство, а коли неровно, которому братству быти? (Посл. Иоанна Гр. игумену Кир.-Бел. мон., 7). А коли одинакои человек, а не богатои и запасистои, держит про гость пивцо (Домостр., 46). Для XVIII в. фонетический вариант **коль** свидетельствуется Ломоносовым (Стих. по поводу спора об оконч. прилаг. 1755 г.): „Или“ уж стало „иль“; „коли“ уж стало „коль“.

Как с условным наклонением: Как бы дано было кому волное господарство, и о том бы размышляли, что то было б самому царю в стыд, будто бы тот человек тем имянем от него уволнился и неподданен (Котош., 28).

Ср. **кабы** в просторечии: Кабы на коня не лысина, цены бы ему не было (Стар. сборн., 1370).

---

[1] В XVIII в. появляется вариант, не получивший широкого распространения — **ежель**: Однако, ежель оной воля охоту ободрит мою... (Ломон., Ода 27 авг. 1750 г.). Но ежель я ошибаюсь в моем заключении... (Болот. Отв. на письмо Щерб.).

Как только: Как толке твой холоп тобя, или брата твоего, или сына у тебя истеряет, да завладеет твоим царством, каково тебе в те поры бывает? (Памят. Смутн. врем., 23).

Только, в результате эллипсиса союза условия, сосредоточившее в себе его значение:

А толко под кровлею, и тово лутче, чтобы в сухе не навьяло и не замокло; дрова толко сухи, ино топица хорошо (Домостр., 55). И толко везде строино по наказу все зблюдено... ино того за его службу жаловати (Там же, 56). Толко тати были, ино знать, или свои крали (56). Толко та дочь представится, ино ее наделком поминают... а толко иные дочери есть, також о них промышляти (Домостр., 14). А он, папа, начается, что московские люди в латынской вере будут, толко их станут накрепко приводити (Памят. Смутн. врем., 94).

Чисто книжным было, повидимому, в языке московской письменности перешедшее из церковнославянского **аще**: ...Но аще хочеши некоторых твоих подовласных детей дати учитися свийскому языку, и ты... вели о том деле договор учинити с нашими намесники выборскими (Гр. Иоан. IV швед. кор. 1573 г.)[1].

Ср. и **аще и, аще ли, аще бы.** В памятниках Киевской Руси ему соответствует фонетически русское **аче**: Аче будеть княжь муж или тивуна княжя, аче ли будеть русин любо гридь, любо купець, любо тивун бояреск, то 40 гривен положити за нь (Русск. Пр., 16—25).

Из московских памятников сравн.: Ино возят аче морем, и они пошлины не дают (Хожд. Аф. Никит.).

Иного способа образование, известное из них же,— **аже, ажь** (= *а же*): Аже кто убиеть княжя мужа в разбои, а головника не ищуть, то вирьвную платити, в чьеи же вьрви голова лежить... (Русск. Пр., 41—49). Ср. и **аже да**: Аж да... пожалует нас Бог, наидем тобе, князю великому, великое (княженье) (Дог. гр. Дм. Ив. 1370 г.— Срезн.).

Наиболее редко встречается **чтобы**: Чтобы к той истинной вере християнской да правда турецкая, ино бы с ними ангели беседовали (Сказ. о Магмете-салт.). Ср. еще **либо** в значении „на случай если“: ... Да послан, государь, галенок ис Павловского на вино на церковное, чтобы, государь, прислать вина, либо обмогутца свещельники (Хоз. Мороз., № 90).

---

[1] Торжественную окраску **аще** для XVIII века пародирует „Живописец“: Аще ежели ему угодно будет прекратить дни ее... (Письма к Фалалею).

В памятниках Киевской Руси и древнейших московских встречается с XIV в. союз **ци**; по происхождению, вероятно, вопросительная частица: А ци о какове деле межи собе сопрутся, ехати им на третии (Дог. гр. Дм. Ив. 1362 г.). А ци по грехом отоимется которое место... (Дух. Ив. Кал.)[1].

Интересен еще в значении „если“ союз **хотя**: Хотя подо мною (ч)то останеться, или лошак, или оружье, то все даю святому Георгью (Рук. новг. Клим. до 1270 г.— Срезн.). О **хотя** в уступительном значении см. в п. е).

В качестве союза ограничительно-условного в древнерусском употреблялся **лише бы, лишь бы** (ср. современное **лишь бы**), составившийся, как **только бы**, из наречия (*лише*) и частицы сослагательного наклонения: Там с ним, царем Турским, переговорим речь всякую, лише бы ему царю наша казачья речь полюбилася (Ист. об Азовск. сид., 12). Успеть вкрасне и вхороше находитца, лишь бы было в чем (Сборн. XVII в.— Бусл., стр. 1422).

Другой относительно нередкий ограничительно-условный союз **развее** (ср. соврем. **разве что**): И не для каких нибуди дел не ходят, развее царь укажет (Котош., 25).

В XVIII в. и позже — **разве**: А эта присловица законная и в приказах наблюдалася не нарушимо, разве ныне по новому уложению оставится (Сумар., „Опекун“).

е) Уступительные союзы. **Хоти.** По происхождению *хоти* — 2 л. ед. числа повелительного наклонения. Скорее всего именно к нему восходит современное **хоть** (ср. **будь** из *буди*, **пусть** из *пусти*)[2]. Соприкосновение этих значений можно видеть, напр., во фразе вроде: „Да карлу хоти, государь, с послом своим пришли ко мне посмотреть (Мат. пут. Ив. Петлина, 299).

Примеры союза **хоти**: Аще людем твоим лучитца с кем брань... и ты на своих брани, а кручиновато дело — и ты и ударь, хоти и твой прав (Домостр., 68). И у всякои бы печи над челом был искренин глинян или железен и, хоти и низок потолок, ино не страх огня (Домостр., 59). ...А то де уже здеся видел: хоти кого безвинно велю убити, а нихто за кого слова не молвыт (Памят. Смутн. врем., 79). Хоти до десяти сводов (Акт. Арх. эксп., I, № 150, 1569.— Яг.).

---

[1] О **ци** подробнее Е. Карский. О некоторых особенностях белорусского языка, Symbolae grammaticae, II, стр. 292—293.

[2] Иначе W. Osten-Sacken, Indogerm. Forsch. XVIII, 3, 1911, возводящий его к имени существительному *хоть* „желание“.

Хотя по происхождению причастие ед. ч. муж. род. (деепричастие) от „хотеть".

Иную форму (множ. числа муж. р.) отражает **хотяче** в значении „хотя бы", известное из „Вопрос. Кир." (Срезн. III, 1393).

Подобный переход значения имеем в литовском norint „хотя", к noriu „хочу" (Вондрак).

А которые воры бывают на разбое хотя и дважды поиманы, а убийства смертного и пожогу не учинили, и таких, бив кнутом по торгом, за первую вину, отрезав левое ухо, сошлют в сылку (Котош., 115).

Возможно, что только новгородским и псковским было употребление в роли уступительного союза **что бы** (Срезн. III, 1580).

Историческое истолкование таких уступительных союзов нового происхождения, как **пусть, пускай,** не представляет никаких трудностей: это формы первоначально повелительного наклонения от *пустить, пускать,* имеющие параллель, напр., в немецком laß(e) „пусти" к laßen „пускать". След первоначальной их роли сохраняется в выражениях вроде „пусть его делает, что хочет", собственно — „пусти его делать...".

Значение уступительного союза имеет в современном языке **если (и),** которому в главном предложении соответствует ...**однако (все-таки)**... или... **то**... В XVIII веке мы встречаем подобное **если** с **но** в главном: Если сия наука была ему любезна, если многие дни жития своего провел он в исследовании истин естественности, но шествие его было шествие последователя (Радищ., 185),— оборот, повидимому, в основном повторяющий церковнославянский: Аще ти есмь на рати не хоробр, но на словех ти есмь крепок... (Молен. Даниила Заточн.). К отраженному здесь синтаксическому характеру ср.: Кто сколько мудростью ни знатен, Но всякий человек есть ложь (Держ.).

ж) Временные союзы. **Донеле, донележе** — „пока" — союз книжный, встречающийся только в текстах с заметным церковнославянским влиянием: И не даж ему власти во юности, но сокруши ему ребра, донележе растет (Домостр., 17).

Дондеже — „пока" — книжный союз: Не движаше ногама, дондеже отпояху заутреню (Лавр. сп. лет., 65.— Карск.).

Егда — „когда", тоже, повидимому, было книжным словом уже в древней письменности: Егда же приспеет час государской милости, тогда подсокольничий Петр Семенович Хомяков велит переднюю избу Сокольничаго Пути нарядить к государеву пришествию (Урядн., 12).

Ср. и более редкое **внегда**: ...Внегда патриарх оставил патриаршество в прошлом во 166 году, июля в 10 день, по поучении говорил так... (Дело Ник., № 13).

Еще архаичнее **яко**: Яко приде, повеле кумиры испровреши (Лавр. спис. лет., 40).

Как — „как только": ...А как того малого грамоте научат, и он бы того малого прислал со старцы или с кем пригоже (Наказ Д. И. Истленеву 1594 г.). А как, господа, пойдете к нам в сход, и вам бы взяти с собою в поход пороху и свинцу не мало (Отписка нижегородцев к вологж.). Также, как бывает день праздновати рождения жен их боярских и дочерей, и оне, боярыни и их дети, к царице и к царевнам ездят по тому ж с калачами сами... (Котош., 35). И как сотник Иван Рыкачов в Кирилов монастырь приедет, и вы б чернцов Кирила Муромца с товарищи и дьячка Якушка у сотника у Ивана Рыкачева взяли и велели их за их вину держати в Кирилове монастыре в смиренье, в черной тяжолой работе... (Грамота 1647 г.).

Как, соотносительное с указательной частью в главном предложении: Да в тож время, как жених бывает у царя, невеста от себя посылает з бояронею к царице и царевнам дары... (Котош., 153).

Ср. и **как аже**: А как аже... на весну лет скроетца, и тебе бы, господине, велеть те запасы грузити в суды (Мат. пут. Ив. Петлина, 267).

С того как — „с того времени, как": ...С того как казаки из Астарахани отпущены, служилых людей на лицо нет пятинадцати человек (Мат. Раз. II, № 26).

С тех мест, как — „с того времени, как": И тою мельницею стали мы, сироты твои, владеть с тех мест, как нас обложил Петр Тихонович (Хоз. Мороз., № 139). Ср. *с тех мест* „с того времени": ...И травы, государь, с тех мест и по се число готовит (Хоз. Мороз., № 87).

Докаместа (= *до ка места*): ...Чтоб топерво Московскому государьству помочь на полских и на литовских людей учинити вскоре, докаместа Московскаго государьства и окрестных городов Литва не овладели и крестьянския веры ничем не порушили и докаместа многие люди не прелстилися и крестьянския веры не отступили (Отписка нижегородцев к вологж.).

Покаместа (= *по ка места*): А с Китайским государством и с Алтыном царем ссылатися им не велено до тех мест, покаместа об них подлинных вестей проведают (Мат. пут. Ив.

Петлина, 275). Покаместа патриарх будет, благословил бы ведать крутицкому митрополиту (Дело Ник., № 7). А до тех демест, покаместа они с московскими стрелцы не виделись, от них, казаков, непослушанья никакого не было (Мат. Раз. II, 23). А покаместа приедут, оставил в аманатех четырех человек салдат (Мат. Раз. II, № 30). Встречаются также **покаместы**: А покаместы пашня поспеет, и тебе бы их заставить у Исакова в меньшом поле лес чистить (Хоз. Мороз., № 54) и **покаместь**: ...Вели пожаловать — дать льготы, покаместь внучата подрастут (Хоз. Мороз., № 62).

Ср. и **до тех мест как**: А к головам московских стрелцов... с приказы писали — велели им, до тех мест как казаки с Царицына на Дон пойдут, побыть на Царицыне... (Мат. Раз. I, № 24).

В XVIII в. в существенном в обращении те же союзы, кроме **яко** и **докаместа**, причем **покаместа** выступает уже только в виде **покамест** (ср. *до тех мест*, видимо, оказавшее на него влияние)[1] и **покаместь** (вероятно, под влиянием многочисленных наречий с мягким окончанием).

Егда и **донеле** принадлежат сугубо-архаическим стилям или писателям, вроде Радищева, пишущим еще старинным синтаксисом.

з) Союзы последовательности (вывода). Господствующий в московской письменности союз вывода — **ино**, предпочитаемый книжному **яко**:

А коли хлебы пекут, тогды и платья моют, ино с одого (sic!) сьтрепня и дровам не убыточно (Домостр., стр. 27, гл. 29).

На утро пришел, ано мне бог дал шесть язей да две щуки, ино во всех людях дивно, потому никто ничево не может добыть (Аввак., 113). Ср. в XVIII веке **ин**: Неведомо мне то, увижусь ли с тобой, Ин ты хотя в последний раз побудь со мной (Сумар.).

Позже устанавливается **так что** из *так, что*: И секли их, воров, конные и пешие, так что на поле и в обозе и в улицах в трупу нельзе было конному проехать (Мат. Раз. III, № 6).

Но возможно и одно **что**: И тогда около их (царевичей и царевен) по все стороны несут суконные полы, что люди зрети их не могут (Котош., 17).

[1] Ср. в XVII в.: ...Вскоре заскорбел и посямест болю (Дело Ник., № 9). ...И вы де, староста и выборные люди, и по ся мест моего жалованья-денег и хлеба ему, Мамлею, не дававыли (Хоз. Мороз., № 38).

В XVIII веке изредка, повидимому, в роли союза последовательности (вывода) выступали **как**: В старинной Греции, в Юпитерово время, Когда размножилось властительное племя, Как в каждом городке бывал особый царь, И если пожелал, был бог, имел алтарь, Меж многими царями один отличен был (Богданович, Душенька)[1] и **индо**; ср., напр., у Фонвизина в „Недоросле“: Как хватит себя лбом о притолку, индо пригнуло дядю к похвям потылицею. У Пушкина в „Сказке о мертв. царевне“: Смотрит в поле, инда очи Разболелись, глядючи С белой зори до ночи.

Чаще встречается **то**, которому бы соответствовало современное „так что“ или даже „поэтому“:

Но он ответствовал: я, братец, признаваюсь, Что век она жила со мною вопреки, То истинно о том не сомневаюсь, Что, потонув, она плыла против реки (Ломон., Притча).

Судя по краткости, уверен, что они Писали их резвясь, а не четыре дни: То как бы нам не быть еще и их счастливей? (Дмитриев, Чужой толк). ...Лишь младенчество проводим, Уже ко старости приходим, И смерть к нам смотрит чрез забор: Увы! то как не умудриться, Хоть раз цветами не увиться И не оставить мрачный взор? (Держ., Приглаш. к обеду). Ему пора уже жениться; по чужим он не гуляет; меня не отдают к нему в дом; то высватают за него другую, а я, бедная, умру с горя (Радищ., 97). Неравенством лет нарушается единый из первейших законов природы; то может ли положительной закон быть тверд, если основания не имеет в естественности? (Радищ., 101)[2].

Повидимому, движение мысли, отражаемое союзом **то** в приведенных примерах из XVIII века, сближало их бессоюзную часть с бессоюзными условными предложениями, имевшими в части выводной (по терминологии античных грамматиков, в аподосисе) именно союзы **то, так.** В дальнейшем такое сближение утратилось, и придаточные предложения вывода (с их союзом **так что**...)[3] изменили свой характер в сторону предложений, стоящих на границе фразных членений (ср. ритмику: „Мы исчерпали все средства. Поэтому... или Таким образом...“), причем

---

[1] См. Словарь русского языка Акад. Наук, IV, 1, 288. Не исключена, впрочем, возможность, что здесь как имеет временное значение.

[2] Примеры из писателей XIX века см. Л. Лобов, Архаизмы в языке Лермонтовской прозы, Учен. Зап. Перм. Госуд. Унив., I, 1929, стр. 108.

[3] Ср. пример из XVIII века: Великолепие короны столько ослепляет наши глаза, так что всякий человек охотно желает лишиться всего драгоценнейшаго для достижения сего высочайшаго достоинства (Приклон., 71).

однако предшествующая им часть не достигла ни внутренне, ни внешне (сравн. характер снижения тона) независимости предложений, предшествующих союзу *поэтому* или союзному речению *таким образом.*

В близком родстве с союзами последовательности состоят союзы, в в о д я щ и е г л а в н ы е п р е д л о ж е н и я, с л е д у ю щ и е з а п р и д а т о ч н ы м и.

Древний язык знает два господствующих союза, вводящих главные предложения, следующие за придаточными условия и родственными им, — это **и** и **ино** (изредка **ино-то**). Оба они сродни друг другу, и употребление их в роли союзов заключительности, бесспорно, развилось из их первоначальной функции сочинительной (сочинительной в узком смысле слова и противительной). По своему происхождению **ино** (ср. *инъ* „другой") должно было вначале иметь противительное значение, хорошо еще сохраняющееся в **ин**; ср. пословицу XVII века: „Есть собака, ин камени нет" (Бусл.) и **ин, ино** в народном языке: Не все для себя, ино место и другим.

Переходной оттенок имеем еще в **ино** после **а**, напр., у Фонвизина (Бриг.): „Ну, мы, наша сторона дело, а ино наплачешься, на нее глядя". Значение „но" известно и из памятников (ср. примеры в словаре Срезневского, вроде: Наг тленных риз сего мира, ино пакы одеян бысть одежею нетленною (Похв. Онуфр. Мин. чет., июнь, 179); но в дальнейшем **ино** получает почти исключительно значение союза заключительности (вывода). Утрачивая оттенок противоположения действительным фактам, принадлежащий выводу в условном предложении, **ино** приобрело свое новое значение, в конце концов совпав с современным „то". С XVII в. употребление **ино** заметно сокращается, и в XVIII в. оно в литературном языке почти выходит из употребления.

Примеры:

Да кто их заимаеть, и они ся жалують князю своему (Хожд. Аф. Никит.). Да которой родится не в отца, не в матерь, ини (и они) тех мечють по дорогам (Там же). И которых статей впрежних судебниках, и воуказех прежних государей, и вбоярских приговорех ненаписано, ите статьи, написав внов, к государю приносили (Улож. ц. Алекс. Мих.). И вам о том государь как наказал, и вы мне скажите (Отч. Я. Молвян.). А когда дворецкого не бывает, и тогда ведает околничей (Котош., 88). А книг у меня нет: коли мя пограбили, ини книги взяли у меня (Хожд. Аф. Никит.).

И в кровли и в суши, и тому подворью, и всякому обиходу домовному старостию обетшания нет (Домостр., 59) = „если покрыто и сухо, то...“

2. А кой не пойдет, ино боялся бы государевы казни (Сказ. о пск. взят., 7). А что ся у статка останет, ино то боярину и диаку имати себе (Судебн. 1497 г., 8). Как которое судно понадобитца, ино бы было готово (Домостр., 54). Рыба покинуть и так побрести, ино лисицы разъедят и домашние гладны (Аввак., 114). А у жены дитя родится, ино бабить муж (Хожд. Аф. Никит.). И только нам благоволит Бог у вас пострищися, ино то всему царскому у вас быти, а монастыря уже и не будет (Посл. Иоан. Гр. игум. Кир.-Бел. мон., 5). ... А у прежних де прикащиков так хлеб в ростроенье не бывал, хотя де и роскроет, ино тотчас и покроют (Хоз. Мороз., № 100).

3. Изредка только в роли заключительного союза выступает **а**: А для того, чтобы царство его не оскудело, а войско царьское с коня не сседает ... (Сказ. о Магм.-салт.).

В ряде случаев, при неоформленности (союзом или интонацией) первой части высказыванья в настоящее придаточное предложение,— **ино**, вводящее главное, заставляет воспринимать первую часть как придаточное по замыслу (чаще всего условное); ср.: Всякаму человеку домовитому доброму, у кого бог послал свое подвореице или деревеньку или лавочку в торгу или онбар или дом каменые или варницы или мелницы, ино бы было по преж писаному — всякой запас куплен в пору (Домостр., 58). Да перед нижним крыльцом сена положить грязные ноги отирать, ино лесница не угрязнится (Домостр., 36). ... Крестиян х твоему государьскому ко всякому делу нарежать н(е)кому, всякоя твое государьскоя дела ставитца неспора, ино я, государь, брожу по дворам крестиян на твою государеву работу повещать (Хоз. Мороз., № 138). Характерны случаи, видимо, с интонацией условия в главном: А вино крестьянину сидеть или пиво варить часто, ино не прибыльно, убыточно (Хоз. Мороз., № 149). Жених замолчал, ино сват заворчал (Стар. сборн., 959).

И, наконец, **ино (ино-то)** сближается по значению с союзом фразного членения „таким образом“ (ср. выше).

Описав привольную жизнь Шереметева и Хабарова, в монастыре, Иоанн Грозный замечает: Ино почто в чернцы, как молвити: „отрицаюся мира?“ (Посл. Иоан. Гроз. в Кир.-Бел. мон., 4).

Потирало чистое положить, а грязное прополоскать ... ино то у добрых людей у порядливой жены всегда дом чист и устроен ... (Домостр., 37). Хотя бы с вами, первыми послами,

царь Белой послал нашему царю Тайбуну что не великое: не то дорого, что поминки,— то дорого, что Белой царь ко царю дары послал,— ино бы де наш царь вашему царю с своими послами противно так же послал, да и вас бы де, послов, пожаловал ... (Мат. пут. Ив. Петлина, 294)[1].

Реже в древнерусском в московских памятниках в роли союза заключительности встречаем теперь сделавшееся господствующим **то**:

Есть в том Алянде и птица гукук... а на которой хоромине седить, то тут человек умреть (Хожд. Аф. Никит.). А толко по вине и по обыску по прямому, а не каетца во грехе своем и о вине, то уже наказание жестоко надобеть (Домостр., 38).

Интересный пример скопления заключительных союзов находим в „Сказании о Псковском взятии": А только тех дву воль не сотворите, ино как государю бог по сердцу положит, ино у него много силы готовой, то кровопролитие на тех будет, кто государевы воли не сотворит" (9).

С выводом целевого характера может выступать **ино бы**: А толко не виновато дело, ино оговорщиком не попущати, ино бы впере (sic!) вражда не была (Домостр., 38).

В церковнославянизированных текстах, где употребляется оборот дательный самостоятельный (дательный с согласованным причастием в смысле сокращенного придаточного предложения), **и** точно также иногда вводит часть, заключающую главное предложение: Умершу же тому воеводе на Мутьянской земле, и краль посла к нему в темницу (Драк., 15). Живущу в Мутьянской земле, и придоша на землю ту туркове (Там же, 16). Ср. и **да**: Нам же тогда живущим в своем селе Воробьеве, да те ж наши изменники возмутили народ... (Посл. Иоан. Гр. Курбскому, 13).

Союз **то** в значениях „ну так, так, а" нередок в памятниках церковнославянских и домосковских, как вводящий фразу, чаще всего вопросительную, связанную с мыслью только что высказанного: Он же рече: то где есть земля ваша? (Пов. вр. л. 6494 — Срезн.). Рече же Володимер: то (в) кое время сбысться и было ли се есть? (Там же).

С XVIII века в русской литературной речи **то** устанавливается почти как единственный союз заключительности (изредка наряду с ним употребляется еще **так**).

---

[1] Заключительный союз в форме инѣ выступает в грамоте ярославского князя Федора Федоровича Толг. монастырю (ок. 1400 г. в списке XV—XVI в.— Срезн. II, 1161).

Современному литературному языку при выдвинутом вперед придаточном предложении цели чуждо употребление союзов в главном. В XVIII веке, однако, и в первых десятилетиях XIX века еще можно встретить в таких случаях **то**, начинающее главное: Чтоб хранить важное дело тайно, то не довольно, чтоб ничего об оном не говорить (Приклон., 66). И дабы в том лучше успеть, то не хотел я даже и показать себя господам каширским дворянам... (Болот.). А чтобы вернее их выжить, то вырубил и продал свои леса (Крыл., Похв. речь дед.). Чтоб видеть его, то надобно поднять две доски (Карамз.). Чтоб плод тебе твои труды желанный дали, То надобно... (Крыл.).

Общие замечания о подчинительных союзах.

Обзор подчинительных союзов древнерусского языка сравнительно с современными позволяет сделать следующие выводы:

1. Большинство выживших союзов представляет собою не что иное, как застывшие формы именительного-винительного и творительного падежей относительных местоимений (**что, чем**); сочетания с предлогами **за, от** и **по** местоименных же указательной и относительной частей главных и придаточных предложений (**затем что, оттого что, потому что, пока**); относительные наречия (**как, между тем как, так как, так что, покуда**); местоименные же образования с частицами **же** и **ли** (**ежели, нежели**).

Если исключить выходящее из употребления **нежели**, то можно сказать, что из старых относительных местоимений в союзах выжили только восходящие к корням с основами **къ — ко, чь — че**, до сих пор выполняющими вопросную функцию.

Другую группу составляют местоименные образования с превратившимися в частицу формами глагола *быть*: **чтобы**, затем — **чтоб, кабы** и комбинации этого же глагола с частицею **ли — если, если бы** и **то — будто**.

Роль заключительного союза на себя приняло бывшее указательное местоимение **то**.

Особняком стоят в системе:

1) Уступительные союзы: **хотя (хоть)**, связанное с глаголом, в ряде славянских языков легко переходящим в формальный (ср. др.-р. „хочем помрети"=„умрем" и под., серб. биħу „буду бить", по происхождению „хочу бить", знаħу — „буду знать", болг. ще бия, ще неса, *ще* — из „хоще") и **пусть** из *пусти* — ср. немец. laßen „пускать, пустить" в роли вспомогательной частицы при повелительном наклонении, и под.

Союзы эти занимают особое место и в том отношении, что с главным вводимые ими придаточные предложения может соединять еще другой союз — **но, однако** и под.

2) Ограничительные союзы-наречия **только, едва, лишь (лишь только)**, которым в главном соответствует обыкновенно **как**.

Что касается союзов иного образования — **дабы** и **ибо**, то первый почти вышел из употребления, а **ибо**, чуждое разговорному языку, в письменном сохранено более или менее искусственно. Ветшают одинокие сочетания **коль скоро, даром что**.

2. Русские союзы развивались в тесной связи с наклонениями служебных глаголов: с сослагательным (условным) — **чтобы, кабы, если бы** (союзы цели и условия), с повелительным — **будто, хоть, пусть** (союзы изъяснения с оттенком допущения, сравнения и уступительности).

3. В состав союзных образований вошло только несколько существительных неместоименных с наиболее абстрактными значениями „пора", „время", „место" и „мера" — **с тех пор как (с тех пор)** и под., **в то время как, покамест** (др.-русск. **покамѣста), по мере того как**.

4. Старинное многообразие союзов сократилось. Ряд бывших раньше в обращении союзов отошел к „народным" стилям литературного языка: сравнительные **что, словно**, условные **коли, кабы** и под.

Едва ли не единственным приобретением (XVIII века) является условный союз **раз**, вероятно, заимствованный (как калька) из франц.: Раз он взялся, непременно сделает — Une fois qu'il s'en est chargé... Днесь скрывать мне тех бесчестно, Раз кого я похвалял (Держ., Храповицкому).

5. Функции союзов уточнились — за относительно немногими исключениями, они специализировались в определенных значениях. Положение, подобное тому, которое отражает, напр., Синод. список I Новг. летоп., когда союз **яко** выполняет функцию изъяснительную, заключительную, причинную, сравнительную, целевую и временную, чуждо современной речи.

Остатком былой неразграниченности являются еще немногие союзы: стареющее в некоторых функциях **как** со значением времени: Под ним, как начинает капать Весенний дождь на злак полей, Пастух, плетя свой пестрый лапоть, Поет про волжских рыбарей (Пушкин); почти вышедшее из употребления **как** причинное: ...А как она была проворная баба и на все мастерица,

то он полюбил ее и сделал ключницей (Акс.); **чтобы** после отрицательных главных: Разве все это не стоит того, чтобы все эти несметные толпы народа пришли сюда и порадовались общей победе? (Гладков).— О неразграниченности, разумеется, не приходится говорить по отношению к случаям близости самих выражаемых союзами значений (время — условие, условие — уступительность).

§ 14. Деепричастия.

Деепричастие во всех славянских, как и в других индо-европейских языках,— категория новая, развившаяся относительно поздно в особной жизни этих языков. По своему происхождению деепричастия сплошь восходят к причастиям (см. Морф., § 29). Правило современного литературного языка о том, что лицо, мыслящееся как носитель действия при деепричастии, должно быть тем же, что и лицо сказуемого (подлежащее), объясняется происхождением деепричастий из так называемых аппозитивных причастий, т. е. глагольных прилагательных, согласовывавшихся с подлежащими, но тяготевших одновременно к сказуемым. Наши деепричастия соответствуют таким, напр., старославянским (древнерусским) причастиям: Якуна яша на Плисе... обнаживъше, яко мати родила... (Синод. спис. I Новгор. лет.). „Якуна захватили на Плисе... обнажившие...“, что по мысли равняется нашему „обнажив“, т.-е. в соответствии современному способу выражения, сообщающему, какое действие сопровождает или сопровождало основное, старинный язык передавал, какой активный признак характеризует или характеризовал подлежащее при осуществлении им действия. Или: Иде пакы Изяславлю... водя с собою и Брячислава, зятя своего (Лавр. спис. лет.). Собственно: „Снова пошел к Изяславлю... ведущий с собою и Брячислава, зятя своего“.

Исстари однако большая предикативная сила деепричастий приводила к тенденции употреблять их как своеобразные эквиваленты придаточных предложений с возможным самостоятельным подлежащим, тенденции, известной и народному языку (И только видели молодца сядаючи, и не видели его поедучи, Сгарели,— сгаремши, карова пала): ...И закрепити тот список святейшему патриарху Московскому и всея Русии, и митрополитом... А закрепя то уложение руками, указал государь списати в книгу (Улож. ц. Алекс. Мих.). И те воры..., поимав его, повели в город... и, приведчи в город, собралося их, воров, болши 5000 человек (Котош., 103). И отстав от них астараханских

служилых всяких чинов людей сорок семь человек и, выговоря тем людям их воровство..., велели их написать в прежние чины за поруками... (Мат. Раз. II, № 24). А укрепя город, был у него, Стенки, под Царицын круг (Мат. Раз. I, № 9).

Особенно частым делается такое употребление деепричастий в XVIII веке, вероятно, у ряда авторов не без поддержки впечатлений французского языка: Приехав в Белев, попалась нам хорошая квартира (Фонв., Пис.-Лоб.). Смотря иногда на большего моего сына и размышляя, что он скоро войдет в службу... у меня волосы дыбом становятся (Радищ., 73). Увидев же множество ветчины, тотчас сварен был оной целый окорок (Болот.-Лоб.). Заходит такое употребление и в XIX век, и характерно, что мы встречаем его в это время главным образом у авторов, хорошо знающих французский язык (у Пушкина, Л. Толстого, Писемского). О неправильности подобных конструкций Ломоносов писал (Росс. грам., § 532): „Весьма погрешают те, которые по свойству чужих языков деепричастие от глаголов личных лицами разделяют. Ибо деепричастие должно в лице согласоваться с главным лицом личным, на котором всей речи состоит сила: идучи в школу, встретился я с приятелем. Но многие в противоположность сему пишут: идучи я в школу, встретился со мною приятель..., что весьма неправильно и досадно слуху, чувствующему правое Российское сочинение".

В древнерусской письменности нередки сочетания деепричастий с относящимися к ним второстепенными членами и вводимых союзами **и**, **а** определенно сказуемных предложений. Эти сочетания производят впечатление фраз, состоящих как будто бы из двух предложений. Самый распространенный тип таких сочетаний — с тем же самым подлежащим и с деепричастием прошедшего времени, предшествующим союзу **и**, **да**, **а**: И нюкнув князь великий Владимир Андреевич гораздо, и скакаше во полцех поганых в татарских (Задонщ., 18). И ты остави веру свою на Руси, да въскликнув Махмета, да пойди в Гундустаньскую землю (Хожд. Аф. Никит.). Борзее отделавшися, да домой ходи (Домостр.). А поставя на поляново нововыборнаго, и приимают у него шапку, и с него кушак и рукавицы (Урядн., 19). Ср. и в случаях безличности: А не будет у которого татя столко статков, чем истцово заплатити, ино его, бив кнутьем, да истцу в его гибели выдати головою, на правеж, до искупа (Судебн. 1550, 55). А не похочет истец по себе поруки дати в том, что ему, свой иск доправя, да того татя привести к судие... (Там же);

ср. в предшествующей фразе: ...А истца дати на поруку, что ему, доправя свое, отдати его бояром ...[1].

Предшественниками этих оборотов были такие же сочетания, где формы, параллельные сделавшимся деепричастиями, были еще причастиями (согласуемыми глаголами прилагательными). Потебня (Из запис. по рус. грам., II², стр. 185 и след.) в этих конструкциях справедливо видит „частный случай того, что можно назвать недостатком связности предложения в древнем и народном языке, сравнительно с нынешним литературным. Союзы здесь как бы назначают еще недостаточно сросшиеся швы между частями предложения". И, а в подобных фразах, по его толкованию, „...усиливают отношение последовательности во времени, вытекающее уже из времени причастия (деепричастия) — „въставъ и рече" собственно значит: „вставши, потом сказал". Как бы однако ни представлять себе наиболее старинный смысл таких оборотов, имеющих себе очень давние параллели в других индо-европейских языках (Ср. Д. Н. Овсянико-Куликовский, Синтактические наблюдения, вып. 1, 1899, Извлеч. из „Журн. Мин. нар. просвещ." 1897—1899, стр. 33 и дал.), для языка московской письменности приходится считаться с, вероятно, сильно тяготевшим над подобными оборотами влиянием параллельных сочетаний — с настоящими придаточными предложениями, за которыми шли в древнерусском главные, тоже начинавшиеся с и, а и да, и сочиненных предложений, из которых второе означало последующее событие, противление и под. Если, как заметил Потебня (Там же, стр. 191), „такого союза обыкновенно не бывает после причастия настоящего" (однако не без исключений, что отмечено им же), то это всего легче понять, приняв во внимание значительно более редкое употребление в придаточных предложениях заменяемых деепричастными оборотами форм настоящего времени. С этой же точки зрения понятно, что а редко вводит деепричастные сочетания, следующие за сказуемною частью (Послаша псковичи воевод своих, а крестное целование правя, Пск. I, 216), так как подобным конструкциям по существу не было параллелей в сочетании главных и придаточных предложений. Влияние конструкций с придаточными предложениями и сочиненных, где второе выражало последующее действие, противление и

[1] В XVIII в. относительно часты такие сочетания у В. Майкова (Елис.): Он вставши со одра и свечку засветил. — Он вынувши перо и пишет имена.— К Силену обратясь и так ему вещает.— Тут Мом пристав к речам и к шутке их подладил.— Оставя важные дела, и прял куделю.

под., позволяет понять характер мысли, действовавший в случаях с разными подлежащими при деепричастии и сказуемом; ср.: И вшед Третьяк в вече, и посадники псковские и псковичи начаша ему говорити... (Сказ. о Псков. взят., 10) — мыслилось: „и вошел Третьяк...“ — И которые послы или воеводы, ведая в делах неисправление свое и страшась царского гневу, и они тех подьячих дарят и почитают выше их меры, чтоб они, будучи при царе, их, послов, выславляли, а худым не поносили (Котош., 85) — мыслилось: „...ведают... и страшатся...“ Ср. еще: И много она, государыня, кричав и причитав и жалостно и умилно глаголя, и предстоящие тут люди и жены всего царскаго двора плакаху без утешения (Пам. Смутн. вр., 769). Такой же характер построения отражается и в архаизирующих конструкциях (срывах со старославянских образцов) вроде: ...Нам бо во юности детства играюще, а князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, локтем опершися отца нашего о постелю, ногу положив (Послан. Иоанна Гр. кн. Курбск.).

Примеры, вроде: А николи же бы слуги государыни не будили, государыня бы слуг будила, а ложася бы спать, всегды от рукоделия молебная совершив (Домостр., 28), представляют, повидимому, только анаколуфы (невольные смешения конструкций).

§ 15. Повторение предлогов.

Одно из характерных явлений старинного синтаксиса, лишь постепенно уступившее место новой упростительной тенденции, — употребление того же самого предлога при приложении и слове, с которым оно согласуется: Серии волцы воют, на реке хотят на Мечи поступити в Русскую землю (Задонщ., 10). Село Семеновьское Володимерьское волости, что есмь купил у Овци у Ивана... село в Дмитрове, что есмь купил у Ивана у Дрюцьского... (Духов. в. кн. Сем. Ив.). И с Колязина поидох на Углечь... и князь велики отпустил мя всея Руси доброволно, и на Плесо, в Новгород Нижней к Михаилу к Киселеву к наместьнику и к пошьлиннику Ивану Сараеву, пропустили доброволно (Хожд. Аф. Никит.). Августа во 2 день Антоней и Яков пришли в город в Венецею... (Отчет. Як. Молвян.).... И чернцы Кирило и Боголеп и Иона и дьячок Якушко посланы в Кирилов монастырь с сотником стрелецким с Иваном Рыкачовым Кирилова ж монастыря на подводах... (Грамота 1647 г.).

В примерах: Се яз, князь великий Семен Иванович всея Руси, с своею братьею молодшею со князем с Иваном и с князем Андреем целовали есмы межи собе крест у отня гроба (Договор. грам. в. кн. Сем. Ив. с братьями, 1341 г.). ...И те чернцы ризничей Кирило Муромец и черной поп Боголеп и Иона Зуй и дьячо́к Якушко Сизма в тех непристойных речах своих на Москве в Приказе сыскных дел пред бояриином нашим пред Григорьем Гавриловичем Пушкиным, да перед дьяком Григорьем Ларионовым винились... (Грамота 1647 г.). ...С стацким министром, секретарем королевским чужестранных дел, с господином с маркизом де Торцием... (А. Матв.) — наряду с указанным употреблением предлогов имеем такое же, как и в современном литературном языке.

Родственное явление — повторение предлога перед прилагательным, следующим за именем существительным:

...А ис конь из своих из ездовых велел есмь дати своеи княгини пятьдесят конь (Духовная в. кн. Сем. Ив.). А бояром или детем боярским, за которыми кормления с судом с боярским, и им судити... (Судебн. 1497 г., 38). И со княгинями бы еси и з боярынями поговорила, что таково у Ивана сына явилося и жывет ли таково у детей у малых (Пис. в. кн. Вас. Иоан. 1530—1552). А перед Бутом же стоит вол велми велик, а вырезан из камени из чернаго (Хожд. Аф. Никит.). Да у нас же, за грех за наш, моровая поветрея (Письмо дочери Бор. Годунова Ксении 1609 г.). Пожаловал меня в поручики в морские галерного флота (Зап. Неклюдова).

Значительно реже это наблюдается при существительных, которым прилагательные предшествуют: На байрам на бесерменский выехал султан на теферичь, ино с ним 20 возырев великих, да триста слонов, наряженых в булатных в доспесех (Хожд. Аф. Никит.), и при втором прилагательном, предшествующем существительному: ...А иныя слуги с великими с прямыми луки да стрелами (Хожд. Аф. Никит.). А похочет тот холоп к своему к старому государю, и того холопа явить бояром (Судебн. 1550 г., 80).

Это же повторение предлога составляет правило для числовых названий: Со сто з дватцать тысечь рублев в год (Котош., 89).

Такое же повторение не встречается, кажется, только в народной поэзии, и, повидимому, в живой речи употребления не имело, а вызывалось исключительно ритмическими моментами,

подобно, напр., повторению предлога, управляющего сочетанием „прилагательное - существительное“: „Во стольном во городе во Киеве“.

§ 16. Отрицания.

При глагольных и входящих в систему глагола формах, если в соответствующую грамматическую пару уже входило **ни**, в древнерусской письменности борются тенденции книжные (церковнославянские) — опускать **не**, с народными, в конце концов победившими в современном языке, — **не** употреблять: ...Зернью играют и пропиваются, ни службы служат, ни промышляют... (Стогл., 10). ...Правды же и суда, и милостивыя любве, и ратнаго строя николи же позабывайте (Урядн., 10). ...Хотя мала вещь, а будет по чину честна, мерна, стройна, благочинна, никто же зазрит, никто же похулит, всякий похвалит... (Урядн., 2).

Ср. в том же самом тексте 1660 г.: Как он, патриарх, превысочайший святительский престол Великия России оставил своею волею, никем гоним — и: ...А престол де он святительской оставил своею волею, никем не гоним (Дело Ник., № 5).

В XVIII веке **не** изредка отсутствует в сказуемом при отрицательных подлежащих у писателей, отражающих влияние языков греческого (через церковнославянские образцы) или латинского: ...С варварами, что ни против кого стоять могли (Воинск. уст., 1716 г.). Ибо всебезпорядочный, варварский обычай смеху есть достойный и никакого добра из оного ожидать возможно (Там же). Ни отечеству добры, ни людям приятны (Кант.). ...Хотя внутрь никто видел живо тело (Кант.). Ср. и при управляющем прилагательном: Вот какой плод происходит от таковых беспутных и ни к чему годных учителей (М. Данилов).

Ни выступает в древнерусском языке при словах, управляемых глаголами или инфинитивами с *не*, только начиная со второго отрицаемого члена: ...Нам, князю Ивану и князю Андрею, к собе его не приимати, ни его детий (Догов. грам. в. кн. Сем. Ив. с братьями).... А ночи не ядять, а вина не пиють, ни сыты... (Хожд. Аф. Никит.). А про всяку вину по уху, ни по виденью не бити... (Домостр., 14). А с слугами бы государыня пустошных речей ни пересмешных отнюдь не говорила (Домостр., 31). Ср. еще в XVIII веке, напр., у Кантемира: Буде речь моя слаба, буде нет в ней чину, Ни связи, должно ль о том тужить дворянину?.. — Нельзя чтоб тот себя письмом своим прославил, Кто грамматических не знает свойств ни правил... (Сумар.). Родства не знает, ни приязни (Радищ., 189). Зимою не

пускает в извоз, ни в работу в город (Радищ., 13). Не знаешь клетки ни оков (Карамз., К бедн. певцу). В XIX веке подобные случаи совсем редки: И нет извне опоры ни предела (Тютч.) и под.

Подобные же отношения имеем при примыкании инфинитивов: Не ты ли, не возмогши прельщением и обещаниями уловить ее невинности, ни устрашить ее непоколебимости угрозами и казнию, наконец употребил обман, обвенчав ее за спутника своих мерзостей? (Радищ., 134).

При двух отрицаемых сказуемых в древнерусском первое стоит с **не**, другое — с **ни**: И вам бы не презрети, ни восхотети видети поруганну образу... (Воззв. моск. людей). ...И мы де такова судна велика и хороша на той реке не видали ни слыхали (Мат. Пут. Ив. Петлина, 295). ...А своим вымыслом в судных делех по дружбе и по недружбе нечего не прибавливати ни убавливати (Улож. ц. Алекс. Мих.).

Однако, возможны и усложнения вроде: ...А изымав ему татя или розбойника, не отпустити, ни посулов не взяти (Судебн. 1550 г., 53).

Не при перечисляемых сказуемых могло восприниматься в XVIII в. как **ни**: Увяла с ними вдруг надежда вся моя: Ни ем, ни пью, ни сплю, тоскую только я (Сумар., Екл., 12).

Изредка в XVIII и начале XIX в. **ни** в значении „даже“ могло усиливать отрицание: ...Соотечественники Вольтеровы не имеют, может быть, ни двух истинных трагедий... (Карамз., Письма русск. пут.). Поверьте, не хочу ни мраморных палат (Дмитр., Причудн.).

Изобразительное отрицание, как экспрессивное, в настоящее время усиливается в духе тенденций славянских языков частицей **ни**, реже **и**. Писатели начала XIX века тут иногда обходились без той и другой. А проку на волос нет в них (Крыл., Март. и очки) — „нет проку ни на волос“, „нет проку и на волос“. Подробности малейшей не забуду (Гриб.). Не позволял себе малейшей прихоти (Пушк.). Любопытно, что еще Буслаев в этих примерах считал одинаково возможным употребление с частицами и без них.

Конструкции с **ни** при относительных словах с более или менее выразительным оттенком уступительности известны русскому языку издавна: А колько вытей в приставной ни будет, и неделщику езд один до того города, в которой город приставная писана (Судебн. 1497 г., 28) и под.

Почти до последних десятилетий XIX века в ходу было усиленное **ни** в виде **ниже** (ни даже). В XVIII веке оно могло про-

сто представлять собой второе отрицание (иногда с предшествующим **и**): У родителей речей перебивать не надлежит, и ниже прекословить (Юности чест. зерц., 3). ...А когда и говорить им случится, то должны они благоприятно, а не криком, ниже с сердца или с задору говорить (Там же, 4). И не дерзостно отвещать: „да, так" и ниже вдруг наотказ молвить: „нет"... (Там же, 6). Судя по древнерусскому, не исключена возможность, что союз этот западнорусского происхождения.

Ср. **ниже** в позднейшем употреблении: ...Не бойся ни осмеяния, ни мучения, ни болезни, ни заточения, ниже самой смерти (Радищ.). ...Нет, никогда я зависти не знал. О, никогда, ниже когда Пиччини Пленить умел слух диких парижан, Ниже когда услышал в первый раз Я „Ифигений" начальны звуки (Пушкин). Ничего не дам, ниже одной крошки (Даль).

В общем можно констатировать, что совершившиеся в истории русского литературного языка изменения в употреблении частицы **не** и союза **ни** сводятся к двум главным чертам:

1. Рационалистические конструкции греческого, латинского и других европейских языков с одним отрицанием не привились, как чуждые народной речи.

2. **Ни** стало по преимуществу парным союзом (**ни... ни**), усиливая экспрессивность отрицания.

§ 17. Частицы.

Употребление частиц в древнерусском представляет некоторые характерные особенности.

1. Особенно примечательно **же** после глаголов и сказуемых в значении современного *тоже, также*. Теперь употребление **же** в этом значении сузилось до роли частицы при местоимениях: **тот же, туда же, там же,** реже — при именах: *Это сделал Иван же* („тоже Иван"). *И пять метров красного же шелку.* В древнерусском **же** в том же значении очень часто и при глаголах, resp. сказуемых вообще:

Сколко чево ис села или ис торгу привезут, и записати... Или кому государь велит что дати, то все записати же (Домостр., 52). ...И сколко чево зделают, то бы было ведомо же (Там же). ...И сама бы хмелново питья отнюдь не любила, и дети и слуги у неи того не любили же (Домостр., 64).

В допросе сказал: про анафему не слышал, потому что стоял де он, архимандрит Киприан, далеко, а про отпуст сказал — не помнит же (Дело Ник., № 2). ... Июля в 10 день пат-

риарх Никон обедню в соборе служил, а он де, Матвей, был же... (Там же, № 13). И вышед ис церкви, ключарю Федору про тот посох он сказывал же (Там же, № 36). И многие друзья и сродники померли же в мор (Аввак., 85). ...И соловскую мызу сожег, и около соловской многие мызы и деревни дворов с тысячу пожег же (Русск. Вед. 1703 г.).

Повидимому, исчезновение такого употребления **же** — результат удачного соперничества более полновесных *тоже*, *также*, сосредоточивших на себе логическое ударение.

2. Исключительно часто в древнерусском употребляется **де**. Сравнительно с современным его употреблением можно сказать, что оно в таких, напр., материалах, как цитируемые ниже относящиеся к делу патриарха Никона, где собраны различные передаваемые свидетельства, встречается сотнями: ...А говорил де он, боярин, ему, патриарху, о том на Москве в соборной церкве... а думной же дворянин Прокофей Кузмич на патриаршество ево не зывал же, только де ему выговаривал... (№ 8). ...И сее де ночи, за полпята часа до света, стоял на часах того ж приказу рядовой стрелец, товарищ ево, Исачко Селиверстов, а ворота были заперты, а он де, Ивашко, з достолными товарыщи были в караулной избе.—По происхождению **де** — 3 л. ед. ч. *дѣє* (*т*) „говорит". Ср., напр., Ипат. летоп. 6658: Аже дѣеши: ты мои еси отець, а ты мои и сынъ... Форму переходную от **дѣє** к **де**, встречаем, напр., в „Сказании о Псковском взятии": ... Третьяк им на вече сказал... от великого князя: „что - дей, отчина моя, посадники псковские и псковичи, только хотите еще в старине прожити, и вы бы есте две воли мои изволили"... (9). А сказывают, что деи, Смоленска не дошед, умер (Соф. Врем. под 1475 г. — Бусл. Хр., 974 стр.).

Из **де** плюс „скажеть" или „скажуть" возникло широко распространенное в народном языке **дескать**.

3. Параллельная **де** по употреблению частица **мол** представляет собою изменение звуковое и семантическое 3 л. ед. ч. *молвит* „говорит", в памятниках, а недавно — и в языке, выступавшего часто в виде так называемой allegro - формы (формы с ускоренным произношением) — *молыт*: А после того атаманов и казаков спросити о здоровье. А молыт ... (Мат. Раз. IV, № 2). ... Изволи молыть вслух: мир вам (Дело Ник., № 41). В памятниках эта частица, сколько знаю, не встречается, но в народном языке широко распространена.

4. Характерно, если принять во внимание современный разговорный язык Москвы и особенно северной полосы России,

относительно слабое проникновение в литературный язык XV — XVII столетий частицы **-то**. В домосковской письменности и в ранней московской частицу **то** мы встречаем в роли приместоименной:

Тому ити роте, у кого то лежал товар (Русск. Пр., 476—478). А жити ны по тому, как то отци наши жили с братом своим с старейшим (Дог. гр. Дм. Ив. 1362 г.).

У имен по своему происхождению частица **-то** — закаменевший остаток постпозитивного члена, параллель к которому представляет, напр., современный болгарский язык: *хлябът* „хлеб", *ръката* „рука", *полето* „поле". Склоняемое местоимение **т, та, то**, утрачивая свою гибкость, постепенно превращалось в частицу, и пути такого перерождения еще отчетливо можно наблюдать в севернорусских говорах. Ср., напр., новгор: — *у меня ребенок-от плачет, вся деревня-та горит, а уголье-то носишь, замараешься*; *руки и ноги отнялись у свекрови-те, любили ее старики-те, ну, вот убежали к своим-те к дядьям-те*; шадринск.: *мужику-ту, мужиком-то, мужики-те, дорогу-ту, дороги-те*, при: новг. *а свекровь-то без ноги, человек-то пяти* и под.; шадр. *мужиков-то, мужикам-то, о дорогах-ту* и т. д.

Следы образования постпозитивного члена отмечены (Халанский) даже в памятниках Киевской Руси: Смердов жалуете и их конии, а сего не помышляюще, оже на весну начнеть смерд тот орати лошадью тою, и приехав половчин ударить смерда стрелою и поиметь лошадь ту (Ипат. сп. лет.).

Но широкое применение в письменности член находит только в XVII веке и только у единичных авторов, главным образом у дающего волю родной стихии протопопа Аввакума[1]: Носи гораздо пироги те по тюрмам тем. А Борис Афонасьевич еще ли троицу ту страха ради не принял? Жури ему: боярин де су одинова умирать, хотя бы то де тебя скать по г... у тому плетми теми и побили, инобы некакая диковина,— не Христова бы кровь пролилась, человечья (Аввак., № 9). Дай мне рыбки той на безводном том месте, посрами дурака тово... (Аввак., 113). Как более ранний пример можно отметить: А обезьяны-то те живут по лесу... (Хожд. Аф. Никит.).

Старославянская книжная традиция (хотя уже древнейшие старославянские памятники — Зографск. еванг., Ассеман. еванг., Супрасл. рук.— недвусмысленно свидетельствуют, что член был известен и древнеболгарскому, но еще не получил в нем боль-

[1] По происхождению нижегородец: „Рождение же мое в нижегородских пределах, за Кудмою рекою, в селе Григорове" (Аввак., стр. 76).

шого распространения) устранила соответствующие влияния севернорусских говоров, и член особенностью русского литературного языка не стал. Частица **-то** в разговорном языке завоевала себе место главным образом на территории, поддерживающей ее существование влияниями говоров, но сузилась до значения подчеркивающей слово, носящее на себе логическое (силовое) ударение: *А ты-то куда смотрел? Надо, чтобы смысл-то был.*

Реже встречается форма членного образования мужского рода. Из обихода литературной речи она исчезла, но еще у писателей начала XIX века ее можно встретить в бытовой речи персонажей: Мост-ат наш каков? (Крылов). Ну, вспомнить не могу: бурак-ат — самый цельный (Кокошкин). В ученьи прок-ат не велик (Гриб.)[1].

5. Частица **-с** со значением почтительности. В современном языке совершенно вышла из употребления, поэтому даже ироническое „слушаю-с", пародирующее старину, тепер обыкновенно понимают как „слушаюсь". В языке XVII и XIX века эта частица имела широкое распространение, особенно в языке чиновничества, и была неотъемлемым признаком словесно выражаемой угодливости: Пожалуйте-с, милости просим-с. Ср. эпиграф-анекдот Пушкина к VI главе „Пиковой дамы": „Атанде".— Как вы смели мне сказать *атанде*! — Ваше превосходительство, я сказал *атанде-с.*

По происхождению частица **-с** — обращение *государь*, далее — *осударь — осу — су*. *Су* встречается до сих пор в говорах и хорошо засвидетельствовано в памятниках (особенно часто у Аввакума): Жури ему: боярин де су, одинова умирать (№ 9). Ну су, всяк правоверный разсуди, прежьде Христова суда, как было мне их причастить, не исповедав? (стр. 89).

Ср. и **-осу** в речи Бориса Годунова: князь Федор-осу Иванович, князь Дмитрей-осу Иванович (Ак. Арх. Экс. II, 77,—Собол.). Более затерто значение **-су**, напр., в „А будет кто молвит, что так жестоко, ино-су совет дати" (Посл. Иоан. Гр. игум. Кир.-Белоз. мон., 8).

Параллели такому сокращению произносимых в быстром темпе обращений в истории языков многочисленны; ср. *барин* —

---

[1] Важнейшая литература: М. Г. Халанский, Из заметок по истории русского литературного языка. II. Изв. русск. яз. и слов. Акад. Наук VI. Л. Милетич, Членът в българския и в руския език. Сб. за народ. умотв., наука и книж., XVIII. Л. Милетич. Показателните местоимения в постпозитивна служба. Symbolae grammaticae, II, 1928.

из *боярин, барышня* из *боярышня* (бояричьна), пол. mość из miłość в титулах и обращениях, чешск. slečna „барышня, девица" из šlechtična „дочь шляхтича" и т. д.

6. Кроме слова *пожалуйста* (из *пожалуй* + *ста*) только в „простонародной" речи употребляется частица - **ста**. Писатели вводят ее в беллетристику для характеристики речи „простонародных" персонажей: „Изволь - ста, мы ваши работники" (Аблесимов, Мельник). „... Я им отдал все мое имение.— По три копейки на рубль?— Никак нет - ста, по пятнадцати" (Радищ., Слова купца третьей гильдии). „Все ли здесь?" — спросил незнакомец. „Все ли - ста здесь?" — повторил староста. „Все - ста" — отвечали граждане" (Пушкин, Ист. села Горюхина). „Мы - ста тебя взбутетеним дубьем Вместе с горластым твоим холуем" (Некр.).

В памятниках частица - **ста** почти не отражена. Соболевский упоминает о ее существовании в „Розыскном деле о Шакловитом" 1689 г.

Несомненного объяснения этой частицы нет. Толкуют ее, напр., как сокращенное „староста" (Шахматов), другие — из „государь" (*ста* из *зда*), — Соболевский (ср. *станя* — в обращении к женщинам); третьи видят в ней остаток повелительной формы „стани, стань" (Халанский и др.); возможно также, что она результат перерождения *„стало быть"* (ср. обычные теперь случаи „пустого" *значит*)[1].

О частицах интересные замечания в „Российской универсальной грамматике..." Курганова,— см. Н. Грунский. Очерки по истории разработки синтаксиса слав. языков, 1, 1910, стр. 31.

§ 18. Косвенная речь.

Одна из наиболее искусственных конструкций литературного языка — косвенная речь, до сих пор остающаяся по существу явлением книжным[2]. Не приходится удивляться, что старинный письменный язык еще остается здесь почти полностью во власти разговорных конструкций: И я ему говорил, что жил в Чюдове у патриарха, а в Чернигове тобе не привыкнути, потому

[1] Другие, менее правдоподобные объяснения приводит Преображенский. Этимологический словарь русск. яз., II, 369 — 370.

[2] О практике разговорного языка, разрушающей все время нормы, рекомендуемые грамматикой, см. подробно у Пешковского, Русский синтаксис в научном освещении, 1928, стр. 552 — 554.

что, слышил я, монастырь Черниговской — местечко не великое (Памятн. Смутн. врем., стр. 19). ...И после поученья перед народом сказал: что я впредь вам не буду патриарх (Дело Ник., № 14). И против той моей отписки писал патриарх с Микитою, что буду к Москве... (Дело Ник., № 41). Сказал Микитка Зузин: ...И я де ему говорил, что не ходи, и он де не слушеет (Дело Ник., № 41). Нихто от митрополита ему не говаривал, что поди к митрополиту на совет (Там же).

Сравн. и контаминации вроде: И он мне сказал, что жил в Чюдове монастыри, а чин имею дияконский, а зовут меня Григорьем, а по прозвищю Отрепьев (Памятн. Смутн. врем., стр. 19). И как Хованской, приехав, почал всем людям говорить, и ис тех людей многие отвещали: „что де ты, Хованской, человек доброй, и службы его к царю против полского короля есть много, и им до него дела нет, но чтоб им царь выдал головою изменников бояр, которых они просят (Котош., 102). ...И говорили при нем козаки, что у них идет силы козаков много, и как де Нижней возмем и в то де число увидят царевича все крестьяня (Мат. Раз. III, № 36).

До самой средины XVIII века, пока латинско-немецкие образцы и грамматико-реторическая культура не вводят элементы косвенной речи в те рамки, в которых она в основном пребывает в письменной речи и теперь, употребление лиц колеблется между формами прямой речи и зависимостью, выдерживаемою в границах очень элементарных синтаксических сочетаний. Для последних определенное изменение лиц и наклонений в придаточном изъяснительном сравнительно с точно сказанным составляет и составляло правило и в разговорном языке: *сказал, что придет*; *сказал, чтобы пришел*, и под.

Сравнительно с древнерусским языком стоит отметить утрату специального союза **либо**: И мы, государь, ожидали тово, либо у нево ноги поздоровеют (Хоз. Мороз., № 69).

§ 19. Порядок слов.

Различие между современным и древнерусским порядком слов довольно значительно. Наиболее характерные отличия следующие:

1. Родительный падеж определительный в др.-русском часто выдвигается вперед.

Или которой хоромины кровля гнила или обетшала (Домостр., 58). Изо всех городов приезжают к нам столники и стряп-

чие, и дворяне, и дети боярские, и всяких чинов люди... (Грам. Пожар.). Чтобы Московского государьства всяких чинов людем от болшаго и доменшаго чину суд и росправа была во всяких делех всем ровна (Улож. ц. Алекс. Мих.). ...Большаго собора поп Каприан сказал... (Дело Ник., № 13). И в том приказе ведомы гости... и серебряного дела мастеры, и многих городов торговые люди (Котош., 97). Хочет де брянских стрелцов голова Афонасей Боев изо Брянска переехать к Стенке Разину (Мат. Раз. I, № 1) и мн. др.

Большею частью такой порядок слов характерен для сочетаний устоявшихся, ходовых, относящихся определенно к письменному языку. Ср. и из языка XVIII века: Всей Франции высоких фамилий дети... имеют воспитание зело изрядное (А. Матв.). Особенно же высоких фамилий дамы между собою повседневно съезжаются (А. Матв.). К крайнему сердец наших сокрушению ни в дали, ни вблизи не видно было мимоидущего судна (Радищ., 17). Наконец, судна нашего правитель... решился или нас спасти, спасаяся сам, или погибнуть в сем благом намерении (Там же). По традиции такой порядок слов в некоторых выражениях сохранялся еще в канцелярском языке до самой революции.

2. Современный язык не допускает при прилагательных (причастиях) отрывать управляемые ими слова, ставя между ними и последними существительные, с которыми эти прилагательные (причастия) согласованы. В языке XVIII и начала XIX века такой порядок слов встречается нередко:

Дружба склонного человека к гневу честным людям весьма не сносна (Приклон., 20). В спасшем Курции отечество свое от пагубоносныя язвы никто не зрит ни тщеславного ни отчаянного или наскучившего жизнью, но героя (Радищ., 87). Теперь бы мы сказали: „В Курции, спасшем свое отечество...“ — Долго в благой перемене в стихосложении препятствовать будет привыкшее ухо ко краесловию (Радищ., 138). Ср.: „... ухо, привыкшее к...“ И сие первородное чадо стремящегося вооружения по непроложенному пути (Радищ., 178). В них сосавшие уста сладости Цицероновы и Демосфеновы растворяются на велеречие (Радищ., 181). ...От мгновенного блеска падающих капель воды с вершины весел (Радищ., 15). Ты огорчаешь давно уже огорченное сердце естественною казнию (Радищ., 166). Хранящий муж честные нравы... (Держ.).

Особенно долго подобный порядок слов держится в языке поэтов: Или разыгранный „Фрейшиц“ Перстами робких учениц...

(Пушк.). Давно закравшийся недуг В младую грудь подруги милой (Рылеев).

3. Случаи употребления **прилагательных** в функции определений за именами существительными в древнерусском гораздо чаще, чем в современном языке, и, повидимому, нередко они не имеют специальной стилистической установки. Ср.: Травы розныя ядят; в снастех золотых; олмаз великий; на кровати на золотой; доспех булатный (Хожд. Аф. Никит.). Церковное платье, и пелены, и сосуды серебряные (Котош., 73). Круживо низано жемчугом мелким, кушак золотной по алой земле (Выходы) и под. Но при всем этом преобладающий порядок слов, вне стилистических устремлений, тот же, что и теперь.

Постпозиция прилагательных в древнерусском, видимо,— результат церковнославянского влияния, в свою очередь отражающего греческое. Этим объясняется по преимуществу приподнято-торжественный характер сочетаний, выступающих с таким порядком слов: ...Чтоб ты, государь наш князь великий Василий Иванович, жаловал свою отчину старинную (Сказ. о Псковск. взят., 8). И по его государеву указу никакой бы вещи без устроения уряженаго и удивительнаго не было (Урядн., 2). И зело потеха сия полевая утешает сердца печальныя и забавляет веселием радостным (Урядн., 6).

Такого рода использование постпозиции прилагательных проходит через весь XVIII век и в основном дожило до нашего времени.

Постпозиция характерна также для намерения подчеркнуть признак, противопоставить его и т. д. Такого рода употребление, широко известное и современному языку, следует считать на славянской почве исконным:

Чтобы у вас вечья не было, да и колокол бы вечной сняли (Сказ. о псковск. взят., 9). Ино у него много силы готовой (Там же). А река большая скрозь по саду прошла и пала в море в том устье, где к Венецеи ворота морские (Отч. Я. Молвян.). ...Принес... Якову чепу золоту, да ферези бархат темносинь гладкой, да кафтанец объяринен (Там же). ...Чтобы всякий чести себе добывал и имяни славнаго (Сказ. о Магм.-салт.).

Почти правилом в древнерусском является постановка имен прилагательных за существительными, сочетающимися с названиями чисел:

Степенной ключник да 4 человека путных, честию будут они против дворян (Котош., 74). В крюках алмазы да три яхонта червчатых (Выходы).

4. Для конца XVII и XVIII века характерна постановка по латинскому образцу глагола на конце предложения:

И от корабля, которой из Царя города пришел в Ливорну, вести, что бунты, которыя осталися в Азии, усмиряются и великия для того радостныя огни учинены были, а паше вавилонскому, которой о том ведомо дал, великие подарки послал (Куранты). ...На острове новую и зело угодную крепость построить велел... и тое крепость на свое государское имянование прозванием Питербургом обновити указал (Русск. Вед. 1703 г.). ...Дабы и вы красоту (sic!) сего парадиза (в котором добрым участником трудов был и есть), в заплату трудов своих с нами купно причастником был... (Петр I, Меншикову, 1710).

Около конца XVIII века латинский порядок слов уже явно уступает место русскому, хотя дань традиции время от времени еще платят, напр., Фонвизин, молодой Крылов, Новиков и др. Сравн.: Учители и ученики совсем ныне других свойств, и сколько тогдашнее положение сего училища подвергалось осуждению, столь нынешнее похвалы заслуживает (Фонвиз.). ...А, может быть, ты и того мнения, что год со всякого нового дня начинается (Крыл., Почта духов). Могу ли я верить своим глазам, чтобы ты, будучи бессмертна, пленилась дурачествами существ, которые едва живыми назваться могут? (Там же): ...Опеленал его сухими пеленками... которые в избе тогда развешены были (Новик., Живоп.), не говоря уже о Екатерине: Олимпиаду я бы и уступил им, если б только Христину получить мог (Имен. г-жи Ворчалкиной). ...А с таким сокровищем люди не столь разборчивы бывают (Там же). И это надобно, чтобы завтра было что порассказать той благодетельнице, к которой колобовый пирог везу (Передняя знат. бояр.).

Старинный язык не только допускал постановку подлежащего среди частей деепричастной группы, но и обычно держался такого именно порядка слов, унаследованного от того времени, когда деепричастия еще не развились из причастий, а последние, как прилагательные, предшествовали определяемым ими существительным: Тут же сведав Пашков и исполняся зависти, збил меня с тово места и свои ловушки на том месте велел поставить (Аввак., 113). И шед мы за Москву реку, и наняли подводы до Болхова... (Памятн. Смутн. врем., 20). А пришед Кирсан к нововыборному, молвит... (Урядн., 18). И взяв его те рядовые два сокольника, Никитка и Мишка, под руки, поставляют на полянов, между четырех птиц, сиречь на попоне (Урядн., 19). Ведая они, что Никон патриарх патриарше-

ской свой престол оставил самоволно... и они для чего к патриарху к благословению ходили? (Дело Ник., № 36). И видя царь, что в тех денгах не учало быти прибыли... велел делати на дворех своих денги медные (Котош., 100).

Особенно характерны случаи, где подлежащее к сказуемому другое: И вшед Третьяк в вече, и посадники псковские и псковичи начаша ему говорити... (Сказ. о Пск. взят., 10). И отпустя я, холоп твой, обоз с теми ратными людми, был у меня, холопа твоего, бой (Мат. Раз. III, № 7). Слышав я важну твоей печали причину, Позволь уже мне мою мысль открыть и советы (Кант.).

В отличие от современного правила, и в языке XVIII века и в первые десятилетия XIX века еще допускается такой отрыв подлежащего от сказуемого частями обособленной деепричастной группы, впрочем, главным образом в стихотворном языке: Желая некогда преславный остров Род Пловущих по морю спасать от непогод... Поставил на брегу пречудную громаду (Ломон., Надп. на иллум. 1752). Но, будучи я столь чудесен, Отколе происшел? (Держ., Бог). Запасшися крестьянин хлебом, ест добры щи и пиво пьет (Держ., Осень во время осады Очакова). Услыша в кабаке он шум тот мимоездом, Хоть не был чумаку ни сват, ни брат, Вступился за него (В. Майк.). Отечество мы зря низверженно в напасть, В отчаяньи его оплакиваем часть (Княжн.). ...И чтобы узы рвать стремяся мог в неволе, Не отягчили бы сих уз еще и боле (Княжн.). Оставя вольность я, блаженство в сих стенах, На нас воздвигшихся свергаю гордость в прах... (Княжн.). Уж с нами становя своих рабов он в ряд, Остатки вольности и наших прав отъемлет (Княжн.). Услыша крот про это, Орлу взял смелость доложить (Крыл., Орел и крот). На ель ворона взгромоздясь, Позавтракать совсем было уж собралась (Крыл.).

„Кузьма Прутков“ пародирует старинный порядок слов, напр., в стихах: „Трясясь Пахомыч на запятках, Пук незабудок вез с собой“.

Примеры из прозы: На завтра собравшись вся наша компания ко мне на квартиру, пошли явиться генералу-адмиралу... (Неплюев). Вшедши и учиня его величеству посол по чину европейскому три обычные поклоны в пояс, отправлял последующую речь, в которое время король стоял (А. Матв.). Не отступая она от девической кротости, размышляла о оном три дня (Карам., Дерев. нога). ...Взяв я от тебя деньги, лихие люди мало ли что подумают? (Радищ., 98).

Ломоносов находил уместным в качестве примера приводить

в своей „Российской грамматике“ (1755 г.), § 467,— „Написав я граматку, посылаю за море“.

Того же самого порядка слов, что и в предложениях со сказуемыми в изъявительном наклонении, древний язык держится при инфинитивных конструкциях с дательным падежом: ... А изымав ему татя или разбойника, не отпустити (Судебн. 1550 г., 53). А едучи ему дорогою на Дон и с Дону назад, от Стенки Разина быть опасну... (Мат. Раз. IV, № 2). А приехав мне в монастырь, мантия архиерейская и посох у него, Никона, взять (Дело Ник., № 77).

Но возможен и порядок слов вроде: И ему, взяв у атаманов и казаков отписки, ехати к Москве на скоро (Мат. Раз. IV, № 2) или: А убив Андрея, он, Васка, выбрав на Ломовах охотников, пошел под Шацкой (Мат. Раз. III, № 44).

Относительные придаточные предложения, обычно с условным смыслом, выдвигаются в древнерусском впереди главных: А кому к нему прийти беседы ради духовныя, и он прийди не в трапезное время... (Посл. Иоанна IV игумену Кир.-Белоз. мон.). В котором царстве люди порабощенны, и в том царстве люди не храбры и к бою против недруга не смелы (Сказ. о Магмете-салт.).

Управляемые относительные **который, кой** до самого XIX века обыкновенно вводят придаточное предложение, хотя встречаются и случаи обычного теперь порядка слов:

И отягченным взорам моим представлялися сгущенные облака, коих черная тяжесть, казалось, стремила их нам на главу и падением устрашала (Радищ., 15). Римляне строили большие дороги, водоводы, коих прочности и ныне по справедливости удивляются (Радищ., 116). Сей добродетельный муж, которого заслуг Россия позабыть не должна, принял нас весьма милостиво (Фонвиз., Чистосерд. призн.). Богиня сама входит... в прекрасных башмаках, которых тоненькие каблучки придавали ей вершка три росту (Крыл., Почта духов). ...За эту речь, о которой красоте я уверена... (Там же). Из подошвы возвышений сих истекает тихая река, коея воды составляет множество совокупившихся источников (Карамз., Пер. Галлера 1786). Здесь покоится глава Нихтланда в мире и бесстрашии на буграх своих, до коих высоты никто не достигал еще (Там же).

В средине XIX века одинаково допускались оба возможных порядка слов (ср. Буслаев, Ист. гр., Синт.). К нашему времени вполне победил тот, который соответствовал нормальному для управляемых имен существительных, т. е. за управляющим

словом. У писателей старшего поколения можно иногда еще встретить *который* на первом месте.

Относительное местоимение в древнерусском не следовало за словом определяемым с тою обязательностью, которая принята в современном литературном русском языке; ср.: ... Чтобы они освободили некоторых твоих сюды в нашу землю, которые умеют учити языка того (Грам. Иоанна IV швед. королю 1573 г.). Вашего архипастырства письмо, августа 13 писанное, мне отдано сентября в 9 день, из которого выразумел вашея святости доброжелание и молитвы... (Письмо Петра I патр. Адр. 1697 г.).

Правило о том, что относительное *который* должно в придаточном предложении следовать за определяемым словом главного, и в XVIII веке строго не соблюдалось: Из того добра никакого ожидать можно, кроме дряхлаго тела и червоточины, которое с лености тучно бывает (Юности чест. зерц., 12). О пользе Истории не потребно бы толковать, которую всяк видеть и ощущать может (Татищев). Ум колеблется, когда приведу на память, что после всех этих веселий меня постигло, которые мне казались навеки нерушимы будут (Зап. Н. Б. Долгорукой 1767 г.). Что же надлежит до второй части руководства к красноречию, то она уже нарочито далече и в конце октября месяца, уповаю, из печати выдет, об ускорении которой всячески просить и стараться буду... (Ломон. Пис. Шувалову). Оснельда во слезах пред очи предстает, Которые она о мне при смерти льет (Сумар., Хорев).

В древнерусском, наряду с употреблением **для** и **ради** в качестве предлогов, они были известны и в постпозитивном употреблении: случая ради скораго (Сборн. XVII в. Бусл., стр. 1416). Жены для в пир, а детей для в мир (Стар. сборн., 973). И понеже корень всему злу есть сребролюбие, того для всяк командующий аншеф должен блюсти себя от лихоимства. ... Того ради всякому командиру надлежит сие непрестанно в памяти иметь и от оного блюстися (Морск. устав 1720 г.).

Наречия-предлоги иногда употреблялись за управляемыми ими именами: Корабль как ярых волн среди... (Ломон.). Не смеют слуги и дохнуть, Тебя стола вкруг ожидая (Держ.). Ходит милого вокруг (Дмитр.).

Ср. и в начале XIX века: Швейцара мимо он стрелой Взбежал по мраморным ступеням (Пушк.).

Допускался в древней письменности отрыв предлога от управляемого им слова вставленным между

ними обращением: И для, государь, тово он ис Павловского отпущен к Москве (Хоз. Мороз., № 69). ... И для де, государь, того отшел он от Олаторя к Арзамасу в ближние места (Мат. Раз. III, № 14). И против де, государь, моих отписок он, околничей и воевода, к тебе, великому государю, писал о указе (Там же, № 19).

Поэтический язык XIX века допускает предлог от управляемого им слова отрывать родительным падежом другого слова, зависящим от этого последнего, но обыкновенно не разрешает зависящее слово выдвигать впереди предлога.

Употребление, параллельное в этом отношении поэтическому языку XIX века, встречается в старинной прозе: А сам на великого князя службе (Юрид. акты, 1479—1481; Бусл.). И приезду есмя твоему добре ради, а того будем радостнее, как от тебя услышим про великого государя, царя и великого князя Московского здоровье (Отч. Я. Молвян.). А лошади стояли в городе Падве на Венецейского ж князя корму (Там же), и нередко оно в XVIII в.: ... От славных вод Балтийских края (Ломон.). Так не все ли равно, что оно в того хозяина или в другого сундуках? .. (Сумар., Опекун).

Но наряду с этим XVIII и начало XIX века еще шире пользуются сочетаниями с выдвинутым родительным, вроде: Едва часы протечь успели, Хаоса в бездну улетели (Держ., На смерть князя Мещерск.). ... И честолюбия избег от жала (Держ., Евг.). Иль, утомясь, идем скирдов, дубов под сень (Держ., Евг.). Так дедовских времен с любезной простотою Вчера один старик беседовал со мною (Дмитр., Чужой толк). ... Сребристыя луны сражаяся с лучами ... (Дмитр., Причудн.). Спускается на пух из роз в сплетенном нише (Там же).

Значительно реже такие конструкции в языке прозы:

Женился полковника Ивана Ивановича Чагина на дочери (Запис. Данил.). Переписался из Глуховского гарнизона служить Гвардии в Семеновский полк солдатом (Там же,—Бусл.). Изволь ... обходиться со мною, как себе с равным (Болот.). Буслаев замечает, однако, что „такое расположение слов и теперь допускается в деловом слоге", т. е. в канцелярском слоге средины XIX века.

В письменности древнерусской мы встречаем такой порядок слов очень часто, и XVIII век в этом отношении только продолжает традицию предшествующего времени: А князь Иван Васильевич Шуйский сидит на лавке, локтем опершися отца нашего

о постелю, ногу положив (Посл. Иоанна Гроз. Курб.). ... И собрався тех городов со всякими ратными людьми, идти в Володимер, к Москве... (Отписка нижегородцев к вологж.). А на которые статьи в прошлых годех прежних государей в судебниках указу не положено... (Улож. ц. Алекс. Мих.). 168 года, февраля в 21 день, сказал патриарш подьяк Матвей Степанов... (Дело Ник., № 13). А вчерась они воопче просили, чтоб им поволили опять пребывать здешняго города в некоей сапожной жене, которой имяни не сказали, или некоторого господина в слуге (Куранты). ...Те бесы просили, чтоб священник, который их выгоняет, поволил, чтоб они, от нее вышедши, вселилися в тетку ее, матери ее родной в сестру... (Там же)... А Михаила митрополита в скаске тово не написано... (Дело Ник., № 9). Да митрополита ж Питирима в скаске написано... А Михаила митрополита в скаске написано... (Там же). А полской король в то время женился брата своего на королеве (Котош., 57). ...Грамоты и памятники, которые посылаются всего Московского государства в городы (Котош., 111). Была замужем тое ж слободы за крестьянином (Мат. Раз. III, № 26).

Да в повелительном наклонении теперь не отделяется от формы глагола. В XVIII в. и в начале XIX в. это допускалось: Да честь твоя пройдет все грады (Держ.). ...В прозе у Батюшкова: Да Музы спасут вас и его от бед и горестей житейских. Ср. и да в значении союза: ...Да праха ног твоих коснусь (Держ.). ...Да словом подтвердит их клятвы он печать (Хераск.).

Отодвинутый от начала придаточного предложения союз или относительное неизменяемое слово до XVIII века встречаются в общем не часто: ...И вам о том государь как наказал, и вы мне скажите (Отч. Я. Молвян.). ... Ино возят аче морем, иныи пошлины не дають... (Хожд. Аф. Никит.). А товарыщ мой холопа твоего околничей и воевода князь Костянтин Осипович Щербатово где ныне, того я, холоп твой, не ведаю (Мат. Раз. III, № 16).

В XVIII веке и в самом начале XIX века главным образом поэты разрешают себе здесь большую свободу: О, коль доволен я, оставил что людей И честолюбия избег от жала (Держ., Евг.). Я медны изваял громады, Злодеев внешних чтоб карать (Радищ., 192). И слово собственностью числит, Невежства чтоб развеять прах (Радищ., 195). Словом: жег любви коль пламень, Падал я, вставал в мой век... (Держ., Признание, 1807). Неискусной хотя его напев, но нежностью изречения сопровождаемой проницал в сердца его слушателей (Радищ., 162).

Лицо любови толь прекрасно, В ночи горят коль звезды ясно... (Ломон.). Песчинка как в морских волнах, Как мала искра в вечном льде, Как в сильном вихре тонкий прах, В свирепом как перо огне, Так я, в сей бездне углублен, Теряюсь, мысльми утомлен (Ломон., Вечер. разм.). ...Корабль как ярых волн среди... (Ломон.). Престол чугунный разрушает, Самсон как древле сотрясает Исполненный коварств чертог (Радищ., 194). И ты, вельможа, в блеске новом Не так ли, твой как пышен цуг (Держ.). К тебе душа моя вспаленна, К тебе, словутая страна, Стремится, гнетом где согбенна, Лежала вольность попрана (Радищ., 200). Но дале чем источник власти — Слабее членов тем союз (Радищ., 201). Не видят грозного владыки, Закон веселью кой дает (Радищ., 197). Награда тут едина слава, Во храм бессмертья что ведет (Там же).

Частица **бы** условного наклонения, теперь никогда не примыкающая к заключительному союзу **то**, в XVIII веке могла отходить в это положение: ...Но если бы ты знал, как там хорошо сочиняют оперы Буффо, то бы ты сделался театральным Буффоном (Крыл., Почта дух.).

В языке XVIII века допускался также отход **бы** к относительному склоняемому местоимению: Тогда и то, что бы нас при благополучном плавании утешать могло, начинало приводить в отчаяние (Радищ., 16).

Стихотворный язык XVIII века в духе классической латыни относительно широко культивирует гипербаты (инверсии, изменения естественного порядка слов), и это делает его фразу трудной для понимания, значительно более трудной, нежели стихотворная фраза Карамзина (конец века), Батюшкова, Жуковского и Пушкина. Классики начала XIX столетия все более сокращают число дозволенных гипербатов, и если это сокращение заметно уже хотя бы на путях от Ломоносова к Державину[1], то только после Пушкина многие из них действительно выходят из употребления.

Благородство, будучи заслуг мзда, я знаю Сколь важно... (Кант.). И мечет горстью твоих мозольми и потом Предков скоплено добро (Кант.). Самых числу дивишься ты знаний, И в один всех мозг вместить смертных столь мнишь трудно, Сколь дворецкому не красть иль судье жить скудно (Кант.). О, радость, торжество! о, слава наших дней, Безмрачных с красотой сравнив-

---

[1] О Тредьяковском, вовсе не считающемся ни с какими естественными ограничениями в размещении слов, не приходится и говорить.

шихся лучей! (Петров). При солнечном простер поезд веселый свете (Петров; ср. пародирующие его манеру стихи в „Елисее“ В. Майкова: Под воздухом простер свой ход веселый чистым Поехал как Нептун по вод верхам пенистым). ...Чтоб брег твой пепл хотя мой скрыл (Радищ.). Смеяся мнимого прещенья, Подъял луч Лютер просвещенья (Радищ., 194). Я, будучи и сам товарищ тех певцов, Которых действию дивился он стихов, Смутился... (Дмитр., Чужой толк).

Если говорить в целом о результатах изменений в порядке слов русского литературного языка, то общие тенденции можно было бы свести к таким:

1. Порядок слов, устанавливающийся в конце XVIII в. и упрочивающийся в XIX веке, делается более соответствующим русской разговорной речи, более свободным от книжных иностранных влияний (ср. отказ от постановки сказуемых на конце предложений, родительных определительных впереди управляющих ими существительных, наречий - предлогов за управляемыми ими именами).

2. Планировка слов в ряде случаев порывает со случайностями их размещения, с возможною их разбросанностью в разговорной речи (ср. пример из конца XVII в.: ...В тех амбарах танцуют люди на веревках мужеска полу и женска преудивительно, также и девицы.— П. Толст.).

3. Гипербаты (инверсии), принципиально разрешаемые в художественном языке, особенно в языке поэзии, становятся в общем менее свободными. Среди других отметим хотя бы урегулирование места союзов и относительных слов.

4. В ряде случаев произошло выравнивание конструкций по родственным образцам. Сюда относится, напр., правило о месте постановки косвенных падежей от **который, что** и под., управляемых именами существительными (*желания которых*... вм. „которых желания“, ...*потребность в чем* вм. „в чем потребность“), правило о неотрывании прилагательных и причастий от управляемых ими существительных (отказ от сочетаний типа „Сгрўжденные полки в защиту На брань ведешь ли знамениту За человечество карать“,—Радищ., 193).

5. Предлоги последовательно заняли место перед управляемыми словами (ср. др.-русск. *грех наших ради*; ...Бога для, господо, постерегите матери моей и деток моих... Дух. Ост. ок. 1396 г.— Срезн.).

§ 20. Общие черты в развитии русского синтаксиса.

Сопоставляя древнерусский синтаксис с современным нам литературным, в целом можно констатировать такие наиболее существенные черты отличия:

1. Моменты управления занимают в новом предложении более влиятельное место, чем в древнерусском: А платье за столом на царе было: кофтан озяминой — камка белая (Мат. пут. Ив. Петлина, 277) = ... из белой камки. А корабли де под Китай под болшей под стену не ходят за сем ден (294). А на вершину на ту реку на Каратал прикочевывает Алтын царь своим улусом (Мат. пут. Ив. Петлина, 295). ... Якож де карабль плавает на море кормило гнило, править ево нечим, таков и аз недостойный... (Дело Ник., № 17). Камки травчатой, жаркой цвет, десять аршин (Дело Ник., № 105).

Особенно важны изменения там, где старые конструкции подавали повод к двусмысленности; ср., напр.: Ты плачешь, Но к чему так сердце отягчать? Или воспомнила ты Киеву досаду? (Сумар., Хор.) = обиду от Кия... Пою того героя, который... В угодность Вакхову, средь многих кабаков, Бивал и опивал ярыг и чумаков... (В. Майков, Елис.) = в угоду Вакху.

2. Подчиненность предложений в новом языке значительно больше того, что было свойственно старинному языку, который часто довольствовался сочинением там, где мы прибегли бы обязательно к подчинению: ... И тебе б прислать на моей лошеди, а однолично б тебе прислать ко мне не мешкав, чтоб поспеть х кушенью, а у меня будут в гостях бояря (Хоз. Мороз., № 44). Это одинаково приходится сказать как о широте употребления, так и об обычно практикуемом количестве степеней зависимости. Такое противопоставление не исключает, однако, и для древнего языка у особенно сильных стилистов или вынужденных к тому переводчиков — сложных периодов, впрочем, относительно редко им удающихся без срывов с правильных конструкций.

3. Современный письменный язык гораздо требовательнее к синтактизации предложения — к выдержанности конструкций. Стиль некоторых древних книжников в этом отношении нередко очень неорганизован. Ср., напр.: Всякаму человеку домовитому доброму, у кого, бог послал, свое подвореице или деревеньку, или лавочку в торгу, или онбар, или домы каменые... (Домостр., 58) — контаминируется „у кого есть“ и „кому послал“. И так нерассудные люди живут в роботе, и на правеже и в долгу до коньца

обнищает (Там же, 59) — смешаны конструкции с множ. числом и с единственным типа синекдохи.

Особенно часто нечувствительны древнерусские авторы к слиянию конструкций безличных с личными: А ездовой путь им стал мешкотно (Мат. пут. Ив. Петлина, 296). Да в прошлых годех, как учинилося у московского царя с полским Яном Казимиром королем недружба и война (Котош., 99). И великого государя к нему милость была такова, какова по отшествии его к нему никогда не бывало (Дело Ник., № 39). А как де стало заря заниматца, и Стенка де Разин пошол к Царицыну (Мат. Раз. I, № 9).

Сами конструкции в ряде случаев подчинены теперь правилам более строгой или однообразной синтактизации. Ср. сказанное выше о лицах в косвенной речи (§ 18), о сочетаниях деепричастных конструкций со сказуемыми, вводимыми сочинительными союзами (*и, а, да*) — § 14, устранение сочетаний „притяжательное прилагательное от имени, согласованное с именем существительным, управляющим родительным падежом фамилии" (...полковника Денисова полку Швыйковскаго твои... ратные люди, Мат. Раз. III, № 60 = „полка полковника Дениса Швыйковского" и под.), отказ от морфологически различных конструкций со значением притяжательности же при сочинении (ср.: ...Чтоб они о том государском и святейшаго патриарха указу исполняли (Дело Ник., № 94).

Изживались также в истории русского литературного языка некоторые морфологически неоднородные сочетания, которые были возможны в XVIII и даже в начале XIX века, напр., причастных оборотов и относительных придаточных предложений: Тем мы отмечаем ложь, вкорененную прежде и которую мы за правду признавали (Кант.). ...Несогнившее тело одного человека, погребенного лет за сто и о котором говорили тогда, якоб он был проклят (Болот.— Прим. Лобова)[1].

4. Требования к организованности порядка слов в прозаической речи в настоящее время несомненно бóльшие.

Сравнительно с современной древнерусская фраза иногда производит впечатление разбросанной, с далеко отставленными друг от друга словами, между которыми грамматическую связь заменяет общая направленность мысли. Это не есть, однако, особенность древнерусского синтаксиса по существу, а только черта слога писателей относительно невысокой выучки и непре-

[1] Л. Лобов. Из истории русского литературного языка. Сб-ник Об-ва филос., ист. и соц. наук при Пермск. Госуд. Унив., III, 1929, стр. 185.

тенциозного (не имеющего специальной эстетической направленности) стиля: И с Колязина поидох на Углечь, с Углеча на Кострому ко князю Александру, с иною грамотою, и князь велики отпустил мя всея Руси доброволно, и на Плесо, в Новгород Нижней к Михаилу к Киселеву к наместьнику и к пошьлиннику Ивану Сараеву, пропустили доброволно (Хожд. Аф. Никит.)[1].

Невозможны в современном языке, особенно в произведении с ясной эстетической установкой, и такие фразы, как: ... И воздадим поганому Мамаю победу, а великому князю Дмитрию Ивановичу похвалу и брату его князю Владимиру Андреевичу (Задонщина, 3) или: И то они писмо к Москве привезли июня в 3 день и мощи благовернаго царевича князя Дмитрея Ивановича (Памятн. Смутн. врем., 84).

5. В целом ряде моментов углубилась эстетизация фразы, напр., требовательность к тому, чтобы без специальной установки не повторялись уже только что употребленные слова:

А бывает на Москве стрелецких приказов, когда и войны не бывает ни с которым государством, всегда болши 20 приказов (Котош., 90). ... Ему грозили поддьяконы и поддьяки Иван Тверитин и иные... за то, что он, Федор, дал скаску на соборе, как он (Никон) оставил патриаршеской престол с клятвою, будто по совету такую дал с Питиримом митрополитом (Дело Ник., № 40). И обшед с тою процессиею город, пришли к столпу резному, о котором в сей книге выше упоминалось, который поставлен на площади (П. Толст.).

Связывание частей фразы и фраз между собою при помощи однообразных *и*, *да* и *а* (ср. § 13) сменяется более эстетичным, с вниманием к тому, чтобы одни и те же сочинительные союзы допускались лишь в рядах (при интонации повторения), а в других случаях выбор их обеспечивал необходимое разнообразие. Свое место как соперники сочинительных союзов занимают в новом языке и выдвигаемые стилистические средства ритмомелодики.

6. Новый синтаксис не нуждается в напоминаниях об уже сказанном в той мере, в какой это было обычным для старинной речи.

а) Ср. старинные обороты в языке грамот, следственных документов и под., где, как и естественно, особенно важно было не смешать, о ком именно идет речь: ... И, пришод, говорил ему, патриарху (Дело Ник., № 17). ... И митрополит Питирим

[1] Ср. и примеры из Лаврент. списка летописи, Изв. по русск. языку и слов., II (1929), стр. 52—53.

Крутицкой в ризницу его, патриарха, стал не пущать (Там же). ...И увидел ключаря Федора Терентиева за ним близко, и я его, ключаря, спрошал (Там же, № 36). Да генваря в 12 день писал ... из Саранска князь Никита Приимков-Ростовской с Аникеем Хомуцким, которой с теми казаки с Москвы отпущен, и прислал под отпискою провожатых роспросные речи о тех же казаках, а в отписке написано и в роспросных речах те провожатые в Саранску сказали так, что и наперед сего в отписке он, князь Никита, писал, что они, казаки, учинились силны, в Астарахань не поехали и Аникея Хомуцкого и их, провожатых, били и ружье у него, Аникея, отняли (Мат. Раз. II, 23).

б) В современном языке относительное слово в придаточном предложении не подкрепляется, как в древнем, повторением существительного, которое оно определяет (см. § 12); у нас теперь невозможны конструкции вроде: На тот княжеский двор сделаны ворота каменные великия под палаты с площади, которая площадь называется Пяцасанмарка (П. Толст.).

в) Современный язык отказался от повторения предлогов при приложениях и допускает пропуск их в повторяющихся членах синтаксического ряда. Мы сказали б и написали: „И услышали псковичи весть о пленении (сограждан) от псковича торговца (приказчика) Филиппа Поповича". В древнерусском писали: И переняша псковичи полоняную свою весть от Филипа от Поповича, от купчины, от псковитина (Сказ. о Псковск. взят., 8). Ср. еще: Укрываясь от сыску у сына своего хлебенного приказу у подьячего у Макара (Мат. Раз. III, № 26) или: И на тех крестьянах на нынешней на 160 год масла не имать (Хоз. Мороз., № 48).

г) Единицы при десятках и под. не сочетаются теперь при помощи *и*, как в древнерусском; ср.: ...Крица по пятидесят рублев и по два рубля и по три (Мат. пут. Ив. Петлина, 294) и предлог при них не повторяется: ...А от Темникова во сте в двадцати верстах (Мат. Раз. III, № 64). У отца моего Савганейка взяли на пятсот на пять рублев (Там же, III, № 10). С них же на год емлют по 20 по 4 борана (Хоз. Мороз. II, № 7).

Важнейшие особенности вошедших в русский литературный язык южнославянизмов.

В качестве южнославянизмов (церковнославянизмов, старославянизмов), устанавливаемых по фонетическим приметам, должны быть отмечены такие:

1. Слова с рефлексами *ра, ла, рѣ, лѣ* в случаях соответствия древнейшим славянским *ор, ол, ер, ел* между согласными и русскому полногласию (*оро, ере, оло*): *градъ* — русск. *город* (в родстве с литовск. gardas, нем. Garten); *прахъ* — русск. *порох*; *глава* — русск. *голова* (литовск. и латышск. galva); *власть* — русск. *волость* (в родстве с лит. valdýti — „владеть"); *прѣдъ, пред* — русск. *перед*; *врѣдъ, вред* — русск. *веред*; *плѣнъ, плен* — русск. *полон* (в родстве с литовск. pelnas); *влѣкѫ, влеку* — русск. *волоку*, и под.

2. Слова с рефлексами *ра, ла*, в соответствии древнейшим славянским начальным *ор, ол* с так называемой циркумфлектированной интонацией[1] перед согласным в начале слова и вост.-славянским *ро, ло*: *раб, работа, расти, разум, разный, ладья*; ср. сев.-русск. *робота, рост*, укр. *розум*, др.-русск. *розный*, совр. *порознь, лодка* (к *работа* — нем. Arbeit, к *лодка* — литовск. aldija).

3. Слова с **жд** в соответствии древнейшей славянской группе **дй** (dj) и русскому **ж**: *рождать* (ср. *родить*) — русск. *рожать*; *насаждать* (ср. *садить*) — русск. *сажать*; *невежда* (ср. *ведать*) — русск. *невежа*.

4. Слова с **щ** в соответствии древнейшей славянской группе **тй** (tj) и русскому **ч**: *возвращать* (ср. *возвратить*) — русск. *ворочать*; *просвещение, освещение* (ср. *светить*) — русск. *свеча*.

5. Подавляющее большинство славянских слов с подударным **е** перед твердым согласным или на конце слова, в которых **е**, не восходящее к старому **ѣ**, произносится не как **о** со смягчением предшествующего согласного, а как **э**: *небо* (ср. русск. *нёбо* в другом значении), *хребет, лев, вертеп, бытие* и под.

6. Слова с **ер** (из **ьр**) между двумя согласными, из которых второй — твердый зубной, имеющие под ударением произношение **е** как **э**, а не **о** со смягчением предшествующего согласного: *перст, дерзкий, серна*.

7. Славянские слова с начальным **ю**: *юг, южный, юродивый*.

8. Слова с твердым **з** из **г** после бывших перед ним в древнейший период славянских языков гласных переднего ряда; *польза* (ср. русск. *легок* и *не-льзя*), *состязаться, непритязательный* (ср. русск. *тягаться*), *осязать* (ср. русск. *посягать*).

9. Многие слова с переходом **ъ** в **о**, **ь** в **е** в открытых в прошлом слогах (в слогах, за которыми не следовали слоги с **ъ, ь** слабыми, впоследствии отпадавшими и выпадавшими), от-

[1] Устанавливается эта интонация на основании показаний главным образом языков сербо-хорватского и словинского (см. глава IV, § 1).

ражающие искусственное сохранение старых глухих (особенно в префиксах и суффиксах): *вопить* (ст.-сл. *въпити*), *уповать* (ст.-сл. *упъвати* при *„уповати“*, явившемся аналогически), *собор* (ср. ст.-слав. предлог **съ**), *собирать, воплощать, восклицать, вознаграждать* (ср. ст.-слав. префикс **въз-**), *множество, художество* (ср. ст.-слав. *множьство* и под.).

10. Многие слова и формы с **ы**, и в соответствии древнейшим славянским **ъ, ь** перед **j**: *выя, убийца, желание, явление, воин, достоин.*

В области словообразования церковнославянское влияние и прямое и косвенное (образование новых слов по южнославянским образцам) исключительно велико. Так, по крайней мере для большинства слов, южнославянский источник несомненен при суффиксах: **-тай** (*ходатай, глашатай*), **-тель** (*утешитель, ревнитель, воспитатель*), **-ч(ий)** (*кормчий, зодчий*), **-ен(е)ц** (*младенец, птенец, первенец*), **-стви(е)** (*благоденствие, путешествие, бедствие*), **-еств(о)** (*количество, убожество*), **-енств(о)** (*главенство, верховенство*), **-ани(е)**, **-ени(е)** (*желание, состязание, соревнование, умение, терпение*), **-изн(а)** (*отчизна, укоризна*), **-знь** (*жизнь, болезнь*), **-ын(я)** в абстрактном значении (*милостыня, гордыня*), **-тв(а)** (*ловитва, жатва, битва*); **-ебн(-ый)** (*враждебный, учебный, лечебный*); **-ейш(ий)**, **-айш(ий)** (*добрейший, сильнейший, величайший*).

Причастные образования на **-щий, -ший, -вший, -мый.**

Из префиксов надо, опять-таки для большинства случаев, церковнославянскими считать: **без-**: *безмерный, бездушный*; **воз-**, (**вз-**): *воспитать, возрастить* (по-русски *вырастить*), *возмутить, вскрикнуть, вскормить*; **из-**: *испечь* (ср. выпечь), *изругать* (ср. „выругать“), *испепелить*; **низ-**: *ниспадать, низлагать*; **чрез-**: *чрезмерный, чрезвычайный* и под.

Меньше привилось даже в искусственном употреблении церковнославянизмов, относящихся к флексии. Таковы:

1. Отдельные звательные формы. 2. Писавшийся и многими произносившийся род. п. ед. ч. женск. рода **ея**. 3. Уже в конце XVIII и в начале XIX века архаичный род. ед. ч. жен. рода прилагательных на **-ыя, -ия**: *из земныя неволи, на пажитях кровавыя войны.* 4. Имен.-вин. падеж. мн. ч. женск. и средн. рода на **-ыя, -ия**: *старыя башни, дальнія дороги*, формы, так писавшиеся и изредка так произносившиеся до 1917 г. 5. Правописание **-аго, -яго** в род. п. ед. ч. муж. и средн. рода прилагательных. 6. Формы нечленных прилагательных и причастий в роли определений у писателей начала XIX в.: *Хотел на*

прежний лад Настроить резву лиру; *Отдай же мне протекши дни* (Пушкин). 7. К церковнославянскому влиянию надо, вероятно, отнести и творительный пад. ед. ч. женского рода на **-ою, -ею**: *своею рукою, чужою землею* и под.

Синтаксическими церковнославянизмами являются:

1. Употребление *есть* и *суть* в роли связки.
2. Обороты, связанные с употреблением причастий.
3. Союзы *ибо, дабы* и др.

ОБРАЗЦЫ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОГО И ДРЕВНЕ-ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКОГО СКЛОНЕНИЯ.

Типы склонения слов мужского рода.

о-*основы*:

Др.-слав.	Др.-вост.-слав.
ед. ч.	
И. влькъ	вълкъ
Р. влька	вълка
Д. вльку	вълку, вълкови
В. влькъ	вълкъ, вълка
Т. вълкомь	вълкъмь
М. вльцѣ	вълцѣ
З. вльче	вълче
дв. ч.	
И. В. влька	вълка
Р. М. вльку	вълку
Д. Т. вълкома	вълкома
мн. ч.	
И. вльци	вълци, вълкове
Р. влькъ	вълкъ, вълковъ
Д. влькомъ	вълкомъ
В. вльки	вълкы
Т. вльки	вълкы
М. вльцѣхъ	вълцѣхъ

jo (je) - *основы и* o - *основы с* ц, ѕ (з), *явившимися из* к *и* г *после палатальных гласных*:

Др.-слав.	Др.-вост.-слав.
ед. ч.	
И. конь	конь
Р. коня	коня
Д. коню	коню, коневи
В. конь	конь, коня
Т. конемь	коньмь
М. кони	кони
З. коню	коню
дв. ч.	
И. В. коня	коня
Р. М. коню	коню
Д. Т. конема	конема
мн. ч.	
И. кони	кони
Р. конь	конь
Д. конемъ	конемъ
В. конѩ	конѣ
Т. кони	кони
М. конихъ	конихъ

Др.-слав.	Др.-вост.-слав.
ед. ч.	
И. отьць, кънѧѕь	отьць, кънязь
Р. отьца, кънѧѕа	отьця, кънязя
Д. отьцу, кънѧѕу	отьцю, отьцеви, кънязю, кънязеви
В. отьць, кънѧѕь	отьць, отьця, кънязь, кънязя
Т. отьцемь, кънѧѕемь	отьцьмь, кънязьмь
М. отьци, кънѧѕи	отьци, кънязи
З. отьче, кънѧже	отьче, кънеже
дв. ч.	
И. В. отьца, кънѧѕа	отьця, кънязя
Р. М. отьцу, кънѧѕу	отьцю, кънязю
Д. Т. отьцема, кънѧѕема	отьцема, кънязема
мн. ч.	
И. отьци, кънѧѕи	отьци, кънязи
Р. отьць, кънѧѕь	отьць, кънязь

Д. отьцемъ, кънѧѕемъ	отьцемъ, къняземъ
В. отьцѧ, кънѧѕѧ	отьцѣ, кънязѣ
Т. отьци, кънѧѕи	отьци, кънязи
М. отьцихъ, кънѧѕихъ	отьцихъ, кънязихъ

ъ-*основы* (*основы на* u):

ед. ч.

И. сынъ
Р. сыну
Д. сынови
В. сынъ
Т. сынъмь
М. сыну
З. сыну

дв. ч.

И. В. сыны
Р. М. сынову
Д. Т. сынъма

мн. ч.

И. сынове
Р. сыновъ
Д. (сынъмъ)
В. сыны
Т. сынъми
М. (сынъхъ)

ь (i)-*основы*:

Др.-слав.	Др.-вост.-слав.
ед. ч.	
И. пѫть	путь
Р. пѫти	пути
Д. пѫти	пути
В. пѫть	путь
Т. пѫтьмь	путьмь
М. пѫти	пути
З. пѫти	пути
дв. ч.	
И. В. пѫти	пути
Р. М. пѫтью, пѫтию	путью, путию
Д. Т. пѫтьма	путьма

мн. ч.

И. пѫтье, пѫтиє	путье, путиє
Р. пѫтьи, пѫтии	путьи, путии
Д. пѫтьмъ	путьмъ
В. пѫти	пути
Т. пѫтьми	путьми
М. пѫтьхъ	путьхъ

Основы на согласные:

ед. ч.

И. камы	дьнь
Р. камене	дьне
Д. камени	дьни
В. камень	дьнь
Т. каменьмь	дьньмь
М. камене	дьне

дв. ч.

И. В. камени	дьни
Р. М. (камену)	дьну
Д. Т. каменьма	дьньма

мн. ч.

И. камене	дьне
Р. каменъ	дьнъ
Д. каменьмъ	дьньмъ
В. камени	дьни
Т. каменьми	дьньми
М. каменьхъ	дьньхъ

Др.-слав.	Др.-вост.-слав.

мн. ч.

И. граждане, жителе	горожяне
Р. гражданъ, жителъ	горожянъ
Д. гражданемъ	горожяномъ, горожямъ
В. граждани	горожяни, горожяны
Т. гражданы, жителы	горожяны, горожями, горожяньми
М. гражданехъ	горожянъхъ, горожяхъ.

Типи склонения слов среднего рода.

о - *основы*:

ед. ч.

И. В. З.	село	
Р.	села	
Д.	селу	
Т.	селомь	др.- вост.- слав. *селъмь*
М.	селѣ	

дв. ч.

И. В. селѣ
Р. М. селу
Д. Т. селома

мн. ч.

И. В. села
Р. селъ
Д. селомъ
Т. селы
М. селѣхъ

jo (je) - *основы*:

ед. ч.

И. В. З.	полє	
Р.	поля	
Д.	полю	
Т.	полємь	др.- вост.- слав. *польмь*
М.	поли	

дв. ч.

И. В. поли
Р. М. полю
Д. Т. полєма

мн. ч.

И. В. поля
Р. поль
Д. полємъ
Т. поли
М. полихъ

Основы на **с (s):**

ед. ч.

И. В. З.	слово
Р.	словесе
Д.	словеси
Т.	словесьмь
М.	словесе

дв. ч.

И. В.	словесѣ, тѣлеси
Р. М.	словесу
Д. Т.	—

мн. ч.

И. В.	словеса
Р.	словесъ
Д.	словесьмъ
Т.	словесы
М.	словесьхъ

Основы на **н (n)** *и* **т (t):**

ед. ч.

И. В. З.	имѧ, отрочѧ
Р.	имене, отрочѧте
Д.	имени, отрочѧти
Т.	именьмь, отрочѧтьмь
М.	имене, отрочѧте

дв. ч.

И. В.	именѣ, отрочѧтѣ
Р. М.	имену, отрочѧту
Д. Т.	именьма, отрочѧтьма

мн. ч.

И. В.	имена, отрочѧта
Р.	именъ, отрочѧтъ
Д.	именьмъ, отрочѧтьмъ
Т.	имены, отрочѧты
М.	именьхъ, отрочѧтьхъ

Остатки ь (i) - *основ*:

дв. ч.

И. В. очи, уши
Р. М. очью, очию, ушью, ушию
Д. Т. очима, ушима

Типы склонения слов женского рода.

а̄ - *основы*:

ед. ч.

И. жена
Р. жены
Д. женѣ
В. женѫ — др.-вост.-слав. *жену*
Т. женоѭ — др.-вост.-слав. *женою*
М. женѣ
З. жено

дв. ч.

И. В. женѣ
Р. М. жену
Д. Т. женама

мн. ч.

И. В. жены
Р. женъ
Д. женамъ
Т. женами
М. женахъ

j а̄ - *основы и* а̄ - *основы с* ц, ѕ, *возникшими из* к, г *после палатальных гласных*:

Др.-слав.	Др.-вост.-слав.
ед. ч.	
И. земля, овьца	земля, овьця
Р. землѩ, овьцѧ	землѣ, овьцѣ
Д. земл͡и, овьци	земли, овьци
В. землѭ, овьцѫ	землю, овьцю
Т. землеѭ, овьцеѭ	землею, овьцею
М. земл͡и, овьци	земли, овьци
З. землє, овьце	земле, овьце

дв. ч.

И. В. земл͡и, овьци
Р. М. землю
Д. Т. земляма

мн. ч.

И. В. землѩ, овьцѩ др.-вост.-слав. *землѣ, овьцѣ*
Р. земл͡ь, овьць
Д. землямъ
Т. землями
М. земляхъ

ь-*основы* (*основы на* *i):

ед. ч.

И. В. кость
Р. кости
Д. кости
Т. костиѭ, костьѭ, др.-вост.-слав. *костию, костью*
М. кости
З. кости

дв. ч.

И. В. кости
Р. М. костию, костью
Д. Т. костьма

мн. ч.

И. В. кости
Р. костии, костьи
Д. костьмъ
Т. костьми
М. костьхъ

Основы на р (r):

ед. ч.

И. З. мати
Р. матере
Д. матери
В. матерь

Т. материѭ др.-вост.-слав. *материю, матерью*

М. матери

дв. ч. не засвидетельствовано

мн. ч.

И. В. матери
Р. матеръ
Д. матерьмъ
Т. матерьми
М. (матерьхъ)

ы - *основы* (*основы на* ӣ):

ед. ч.

И. З. црькы
Р. црькъве
Д. црькъви
В. црькъвь
Т. црькъвыѭ др.-вост.-слав. *цьркъвию, цьркъвью*

М. црькъве

дв. ч. не засвидетельствовано

мн. ч.

И. В. црькъви
Р. црькъвъ
Д. црькъвамъ
Т. (црькъвами)
М. црькъвахъ

СКЛОНЕНИЕ МЕСТОИМЕНИЙ.

ед. ч.

И.	азъ	ты		др.-вост.-слав. *я*
Р.	мене	тебе	себе склоняется параллельно *ты*	диал. др.-вост.-слав. *мене, тебе, себе*
Д.	мьнѣ, ми	тебѣ, ти		др.-вост.-сл. *тебе* и *тобе, себе* и *собе*
В.	мене, мѧ	тебе, тѧ		диал. др.-вост.-слав. *мене, тебе, себе*
Т.	мъноѭ	тобоѭ		
М.	мьнѣ	тебѣ		др.-вост.-слав. *тебе* и *тобе, себе* и *собе*

дв. ч.

И. В. вѣ ва др.-вост.-слав. 2 л. *ва?*, *вы*
Р. М. наю ваю
Д. Т. нама, на вама, ва
В Супр. рукоп. вин. п. 1 л.—*на*

мн. ч.

И. мы вы
Р. насъ васъ
Д. намъ вамъ др.-вост.-сл. *намъ* и *ны*, *вамъ* и *вы*
В. насъ, ны васъ, вы
Т. нами вами
М. насъ васъ

ед. ч.

м. р. ср. р. ж. р.

И. онъ оно она
Р. єго єѩ др.-вост.-сл. ж. р. *єѣ*
Д. єму єи
В. и; после управляющего предлога *нь*; *є* др.-вост.-слав. м. р. *и*, *єго*, ж. р. *ю*, *єѣ*
Т. имь єѭ др.-вост.-слав. ж. р. *єю*
М. ємь єи
К имен. пад. ср.: иже, єже, яже

дв. ч.

И. она онѣ онѣ
В. я и и
Р. М. во всех родах єю
Д. Т. „ „ „ има
К именит. пад. ср.: яже, иже, иже

мн. ч.

И. они она оны
Р. для всех родов ихъ
Д. „ „ „ имъ
В. ѩ я ѩ др.-вост.-слав. м. и ж. р. *ѣ*
Т. для всех родов ими
М. „ „ „ ихъ

К им. пад. ср.: иже, ѩже, яже; др.-вост.-слав. жен. р. *ѣже*.

ед. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.	
И.	тъ	то	та	др.-вост.-слав. м. р. *тъ, тътъ*
Р.	того		тоѩ	др.-вост.-слав. ж. р. *тоѣ*
Д.	тому		тои	
В.	тъ	то	тѫ	др.-вост.-слав. м. р. *тъ, тътъ, того,* ж. р. *ту, тоѣ*
Т.	тѣмь		тоѭ	
М.	томь		тои	

дв. ч.

И. В. та	тѣ
Р. М. для всех родов	тою
Д. Т. „ „ „	тѣма

мн. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.
И.	ти	та	ты
Р.	для всех родов		тѣхъ
Д.	„	„	„ тѣмъ
В.	ты	та	ты
Т.	для всех родов		тѣми
М.	„	„	„ тѣхъ

ед. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.	др.-вост.-слав.
И.	вьсь	вьсе	вьса, вься	ж. р. *вься*
Р.	вьсего		вьсеѩ	ж. р. *вьсеѣ*
Д.	вьсему		вьсеи	
В.	вьсь	вьсе	вьсѫ, вьсѭ	ж. р. *вьсю*
Т.	вьсѣмь		вьсеѭ	ж. р. *вьсею*
М.	вьсемь		вьсеи	

мн. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.	др.-вост.-слав.
И.	вьси	вьса, вься	вьсѧ	ср. р. *вься,* ж. р. *вьсѣ*
Р.	для всех родов		вьсѣхъ	
Д.	„	„	„ вьсѣмъ	
В.	вьсѧ	вьса, вься	вьсѧ	м. р. *вьсѣ,* ср. р. *вься,* ж. р. *вьсѣ*

Т. для всех родов вьсѣми
М. „ „ „ вьсѣхъ

къто	чьто
И. къто	чьто
Р. кого	чесо, чьсо, чесого
Д. кому	чему, чесому, чьсому
В. кого	чьто
Т. цѣмь	чимь
М. комь	чемь, чесомь

СКЛОНЕНИЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫХ.

	м. р.	ср. р.	ж. р.
И. В.	дъва		дъвѣ
Р. М.	для всех родов дъвою		
Д. Т.	„ „ „ дъвѣма		

	м. р.	ср. р.	ж. р.
И.	трие, трье		три
Р.	для всех родов трии, трьи		
Д.	„ „ „ трьмъ		
В.	„ „ „ три		
Т.	„ „ „ трьми		
М.	„ „ „ трьхъ		

	м. р.	ср. р.	ж. р.
И.	четыре		четыри
Р.	для всех родов четыръ (четырь)		
Д.	„ „ „ четырьмъ		
В.	„ „ „ четыри		
Т.	„ „ „ четырьми		
М.	„ „ „ четырьхъ		

СКЛОНЕНИЕ ЧЛЕННЫХ ФОРМ ИМЕН ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ.

Основы на о *и на* ā:

ед. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.	др.-вост.-слав.:
И.	новъй, новый	новое	новая	
Р.	новаего	как м. р.	новыѩ	м., ср. р. *нового*, ж. р. *новоѣ*, *новыѣ*

Д. новуему	как м. р.	новѣй	м., ср. р. *новому*, ж. р. *новой, новѣй*
В. новъй, новый	новое	новѫѭ	ж. р. *новую*
Т. новыимь	как м. р.	новѫѭ, новоѭ,	м., ср. р. *новымь, новыимь*, ж. р. *новою*
М. новѣемь	„ „ „	новѣй	м., ср. р. *новомь, новѣмь*, ж. р. *новой, новѣй*

дв. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.	
И. В.	новая	новѣи	как сред. р.	
Р. М.	новую	как муж. р.		*новою*
Д. Т.	новыима	„	„ „	*новыма, новыима*

мн. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.	др.-вост.-слав.
И.	новии	новая	новыѩ	ж. р. *новыѣ*
Р.	новыихъ	как муж. р.		*новыхъ, новыихъ*
Д.	новыимъ	„	„ „	*новымъ, новыимъ*
В.	новыѩ	новая	новыѩ	м., ж. р. *новыѣ*
Т.	новыими	как муж. р.		*новыми, новыими*
М.	новыихъ	„	„ „	*новыхъ, новыихъ*

Основы на jo, ja:

ед. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.	др.-вост.-слав.
И.	синьй, синий	синее	синяя	
Р.	синяего	как муж. р.	синѩѩ	м., ср. р. *синего*, ж. р. *синеѣ*
Д.	синюему	„ „	синий	м., ср. р. *синему*, ж. р. *синей*
В.	синьй, синий	синее	синѭѭ	м. р. *синьй, синий* или *синего*, ж. р. *синюю*
Т.	синиимь	как муж. р.	синѭѭ, синеѭ	м., ср. р. *синимь, синиимь*, ж. р. *синею*
М.	(синиемь) синиимь		синий	м. р. *синемь*, ж. р. *синей*

дв. ч.

	м. р.	ср. р.	ж. р.	др.-вост.-слав.
И. В.	синяя	синии	как ср. р.	
Р. М.	синюю	как мужск. р.		*синею*
Д. Т.	синиима	„	„ „	*синима* и *синиима*

мн. ч.

	м. р.	**ср. р.**	**ж. р.**	др.-вост.-слав.
И.	синии	синяя	синѩѩ	ж. р. *синѣѣ*
Р.	синиихъ	как мужск. р.		*синихъ, синиихъ*
Д.	синиимъ	„ „ „		*синимъ, синиимъ*
В.	синѩѩ	синяя	синѩѩ	м., ж. р. *синѣѣ*
Т.	синиими	как мужск. р.		*синими, синиими*
М.	синиихъ	„ „ „		*синихъ, синиихъ*

СКЛОНЕНИЕ ПРИЧАСТИЙ.

Причастия наст. вр. действ. зал. (нечленные формы).

ед. ч.

	м. р.	**ср. р.**	**ж. р.**	др.-вост.-слав.
И.		веды	веджщи[1]	м. р. *веда*, ж. р. *ведучи*
Р.		веджща	веджщѧ	
Д.		веджщу	веджщи	
В.	веджщь	веды (веджще)	веджщѫ	
Т.		веджщемь	веджщеѭ	
М.	для всех родов веджщи			

дв. ч.

	м. р.	**ср. р.**	**ж. р.**
И. В.	веджща		веджщи
Р. М.	для всех родов веджщу		
Д. Т.	веджщема		веджщама

мн. ч.

	м. р.	**ср. р.**	**ж. р.**
И.	веджще	веджща	веджщѧ
Р.	для всех родов веджщь		
Д.	веджщемъ		веджщамъ
В.	веджщѧ	веджща	веджщѧ
Т.	веджщи		веджщами
М.	веджщихъ		веджщахъ

ед. ч.

	м. р.	**ср. р.**	**ж. р.**
И.	читаѩ		читаѭщи
Р.	читаѭща		читаѭщѧ

[1] *щ* = шт.

и далее с той же основой и с окончаниями теми же, что и у *веды, веджщи*[1].

Причастия прош. врем. действ. зал. (нечленные формы).

ед. ч.

	м. р.	**ср. р.**	**ж. р.**	др.-вост.-слав.	
И.	ведъ	ведъ	ведъши		
Р.	ведъша		ведъшѧ	жен. р.	*вѣдъшь*

и под.

ОБРАЗЦЫ ДРЕВНЕСЛАВЯНСКОГО И ДРЕВНЕ-ВОСТОЧНО-СЛАВЯНСКОГО СПРЯЖЕНИЯ.

Изъявительное наклонение.

Настоящее время.

	Др.-слав.	Др.-вост.-слав.
ед. ч.		
1.	веджѫ	веду
2.	ведеши	ведеши, ведешь
3.	ведетъ	ведеть, веде
дв. ч.		
1.	ведевѣ	ведевѣ, ведева
2.	ведета	
3.	ведете	ведета
мн. ч.		
1.	ведемъ	ведемъ, ведемы, ведемо, ведеме
2.	ведете	
3.	веджтъ	ведуть, веду
ед. ч.		
1.	велıѫ	велю
2.	велиши	велиши, велишь
3.	велитъ	велить
дв. ч.		
1.	веливѣ	веливѣ, велива
2.	велита	
3.	велите	велита

[1] В соответствии щ старославянского языка в вост.-славянском фонетический рефлекс ч. Ст.-слав. окончаниям на ѧ соответствует ѣ.

20 305

мн. ч.

1. велимъ	велимъ, велимы, велимо, велиме
2. велите	
3. велѧтъ	велять

ед. ч.

1. єсмь	єсмь; єсми — с XIV в.
2. єси	
3. єстъ	єсть, є

дв. ч.

1. єсвѣ	єсвѣ, єсва
2. еста	
3. есте	єста

мн. ч.

1. єсмъ	єсмъ, єсмы, єсмо, єсме; єсмя — с XIV в.
2. есте	
3. сѫтъ	суть, су

ед. ч.

1. дамь	
2. даси	
3. дастъ	дасть

дв. ч.

1. давѣ	давѣ, дава
2. даста	
3. дасте	даста

мн. ч.

1. дамъ	дамъ, дамы, дамо, даме
2. дасте	
3. дадѧтъ	дадять, дадя; дадуть, даду — с XIV в.

Преходящее.

Др.-слав.		Др.-вост.-слав.
ед. ч.		
1. ведѣахъ	зъваахъ (зовѣахъ)	ведяахъ, ведяхъ
2. ведѣаше	зъвааше (зовѣаше)	ведяаше, ведяше и под.
3. ведѣаше	зъвааше (зовѣаше)	

дв. ч.

1. ведѣаховѣ зъвааховѣ (зовѣаховѣ)
2. ведѣашета зъваашета (зовѣашета)
3. ведѣашете зъваашете (зовѣашете)

мн. ч.

1. ведѣахомъ зъваахомъ (зовѣахомъ)
2. ведѣашете зъваашета (зовѣашета)
3. ведѣахѫ зъваахѫ (зовѣахѫ)

ед. ч.

1. моляахъ, велѣахъ
2. моляаше, велѣаше
3. моляаше, велѣаше

дв. ч.

1. моляаховѣ, велѣаховѣ
2. моляашета, велѣашета
3. моляашете, велѣашете

мн. ч.

1. моляахомъ, велѣахомъ
2. моляашете, велѣашете
3. моляахѫ, велѣахѫ

Аорист.

Др.-слав.	Др.-вост.-слав.
ед. ч.	
1. вѣсъ, ведохъ	ведохъ
2. веде	
3. веде	
дв. ч.	
1. вѣсовѣ, ведоховѣ	ведоховѣ, ведохова
2. вѣста, ведоста	ведоста
3. вѣсте, ведосте	ведоста
мн. ч.	
1. вѣсомъ, ведохомъ	ведохомъ, ведохомы, ведохомо, ведохомє
2. вѣсте, ведосте	ведосте
3. вѣсѧ, ведошѧ	ведошя

ед. ч.

1. молихъ	велѣхъ	
2. моли	велѣ	
3. моли	велѣ	

дв. ч.

1. молиховѣ	велѣховѣ	
2. молиста	велѣста	
3. молисте	велѣсте	молиста, велѣста

мн. ч.

1. молихомъ	велѣхомъ	молихомъ, молихомы, молихомо, молихоме
2. молисте	велѣсте	
3. молишѧ	велѣшѧ	велѣшя

ед. ч.

1. зъвахъ	дахъ	
2. зъва	да	
3. зъва	да, дастъ	

дв. ч.

1. зъваховѣ	даховѣ	
2. зъваста	даста	
3. зъвасте	дасте	зъваста, даста

мн. ч.

1. зъвахомъ	дахомъ	дахомъ, дахомы, дахомо, дахоме
2. зъвасте	дасте	
3. зъвашѧ	дашѧ	дашя

Повелительное наклонение.

2 л. ед. ч. веди, рьци

дв. ч.

1. ведѣвѣ, рьцѣвѣ
2. ведѣта, рьцѣта

мн. ч.

1. ведѣмъ, рьцѣмъ
2. ведѣте, рьцѣте

2 л. ед. ч. моли, вели

дв. ч.

1. моливѣ велив ѣ
2. молита велита

мн. ч.

1. молимъ велимъ
2. молите велите

ед. ч.

2 л. даждь др.-вост.-слав. дажь

дв. ч.

1. дадивѣ „ „ „ дадивѣ, дадива
2. дадита

мн. ч.

1. дадимъ „ „ „ дадимь, дадиме, дадимы, дадимо,
2. дадите

АНАЛИТИЧЕСКИЕ (СЛОЖНЫЕ) ФОРМЫ.

Др.-слав. Др.-вост.-слав.

Будущее I.

имамь, хощѫ, начьнѫ вести — иму, хочю, начьну, буду вести и т. д.

Будущее II.

бѫдѫ велъ, вела, вело и т. д.; бѫдѫ пришьлъ, пришьла, пришьло и т. д. — буду велъ, вела, вело и т. д.; буду пришьлъ, пришьла, пришьло и т. д.

Прошедшее сложное (perfectum).

єсмь велъ, вела, вело и т. д.;
єсмь пришьлъ, пришьла, пришьло и т. д.

Давнопрошедшее (plusquamperfectum).

бѣахъ (бѣхъ) велъ, вела, вело и т. д; бѣахъ пришьлъ, пришьла, пришьло и т. д. — бяхъ велъ и т. д., єсмь былъ велъ и т. д.

Условное (сослагательное) наклонение.

Др.-слав.				Др.-вост.-слав.
ед. ч.				
1. бимь	велъ,	-а,	-о	быхъ велъ, -а, -о и т. д.
2. би	„	„	„	
3. би	„	„	„	
дв. ч.				
1. бивѣ	вела,	-ѣ,	-ѣ	
2. биста	„	„	„	
3. биста	„	„	„	
мн. ч.				
1. бимъ	вели,	велы,	вела	
2. бисте	„	„	„	
3. бѫ	„	„	„	

ИЗ ЛИТЕРАТУРЫ.

(Для критического использования).

К главе I.

А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. Л. 1925 и поздн. изд.

В. Истрин. Очерк истории древнерусской литературы. П. 1922.

А. Пыпин. История русской литературы. 2-е изд. 4 тома. 1902.

А. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII в. С.-П. 1908.

Н. Смирнов. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. Сборн. Отдел. русск. яз. и словесн. Акад. наук, том 88, 1910 г.

В. Богородицкий. Общий курс русской грамматики. Изд. 5. М.—Л. 1935.

Е. Будде. Очерк истории современного литературного русского языка (XVII—XIX вв.). 1908 г.

В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М. 1934.

Г. Гуковский. Русская поэзия XVIII века. Л. 1927.

С. Бонди. Тредиаковский — Ломоносов — Сумароков. Статья при издании „Библиотека поэта“: Тредиаковский. Стихотворения. 1935.

П. Берков. Литературно-теоретические взгляды Тредиаковского. Там же.

Я. Грот. Карамзин в истории русского литературного языка. Филологические разыскания. Том I.

Г. Гуковский. Радищев как писатель. Акад. наук СССР. Литературный архив. Материалы и исследования. 1936.

К главе II.

А. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Изд. 3-е 1903 г.; 4-е 1907 г.

И. Ягич. Критические заметки по истории русского языка. Сборн. Отдел. русск. яз. и словесн. Акад. наук, том XVI, № 4, 1889 г.

А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. П. 1915.

К. Н. Meyer. Historische Grammatik der russischen Sprache. I. Bonn. 1923.

R. Jakobson. Remarques sur l'évolution phonologique du russe. Prague. 1929.

Б. Ляпунов. Исследование о языке Синодального списка I-ой Новгородской летописи. С.-П. 1900.

В. Виноградов. Исследования в области фонетики севернорусского наречия. Изв. Отдел. русск. яз. и словесн. Акад. наук, XXIV (1919).

К главе III.

Ф. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, т. I. Последнее 5-е изд. 1881 г.

А. Соболевский. Лекции по истории русск. яз.

И. Ягич. Критические заметки.

W. Vondrák. Vergleichende slavische Grammatik, II. Göttingen, 1928.

K. H. Meyer. Histor. Gramm. der russ. Sprache.

С. Обнорский. Именное склонение в современном русском языке. Вып. I, 1927 г. Вып. II, 1931. Л.

Е. Будде. Очерк ист. совр. лит. русск. языка.

В. Борковский. О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку. Акад. наук СССР. Труды Комиссии по рус. яз., т. I. Л. 1931.

К главе IV.

W. Vondrák. Vergleich. slav. Gramm. II.

А. Соболевский. Лекции по истории русск. яз.

А. Шахматов. Очерк древнейшего периода ист. русск. яз.

K. H. Meyer. Histor. Gramm. der russ. Sprache.

R. Nachtigall. Akzentbewegung in der russischen Formen- und Wortbildung. I. Heidelberg. 1922.

N. van Wijk. Die baltischen und slavischen Akzent- und Intonationssysteme. Amsterdam. 1923.

O. Grünenthal. Zum russischen Akzent. Archiv f. slav. Philol. XXXIX (1925).

К главе V.

W. Vondrák. Vergl. slav. Gramm. II.

Ф. Буслаев. Истор. грамматика русск. яз. II.

А. Потебня. I. Введение. II. Составные члены предложения и их замены. Изд. 2. Харьк. 1888. III. Об изменении значения и заменах существительного. Х. 1899.

А. Попов. Синтаксические наблюдения. Воронеж. 1881 г.

V. Jagić. Beiträge zur slav. Syntax. Denkschriften der Wiener Akad. Phil.-histor. Klasse. 46 (1899).

Д. Овсянико-Куликовский. Синтаксис русского языка. Изд. 2. С.-П. 1912 г.

Е. Будде. Очерк истории совр. литер. русск. яз.

O. Güldenstube. Gebrauch der Kasus im Altrussischen. Archiv für slav. Philologie. XXXVIII (1923) и XXXIX (1925).

Е. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи. Изв. по русск. яз. и словесн. 1929 г., т. II.

Е. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка I Новгор. летописи. Изв. Отдел. русск. яз. и словесн. Росс. Акад. Наук. XXIV и XXVI, 1923.

Некоторые труды менее широкого охвата указаны при соответствующем материале. Детальную библиографию дают в особенности:

В. Виноградов. Очерки по истории русск. литер. языка.

А. Соболевский. Лекции по ист. русск. яз.

А. Шахматов. Очерк древнейшего периода...

ОБЪЯСНЕНИЯ К СОКРАЩЕНИЯМ.

Аввак.— Тексты, изданные при исследовании А. К. Бороздина — Протопоп Аввакум. Изд. 2, 1900 г.— Ср.: Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. Редакция, вступительная статья и комментарии Н. К. Гудзия. Изд. Academia. 1934 г. Исследования: В. Виноградов. О задачах стилистики. „Русская речь". I, 1923. П. Черных. Очерки по истории и диалектологии северно-великорусского наречия. I. „Житие протопопа Аввакума, им самим написанное" как памятник сев.-великорусск. речи XVII стол., „Труды Иркутск. госуд. унив.", XII, 1927.

Акс.— С. Т. Аксаков (1791 — 1859).

Акт. Арх. эксп.— Акты, собранные Археографической экспедицией Акад. наук. С.-П. 1836 и сл.

Акты юр.— Юридические акты, изданные Археографическою комиссиею — 1838 г.— Выписки, относящиеся к числительным, см. в статье В. Г. Егорова — Согласование числительных с существительными в великорусских юридических памятниках XV — XVII вв. „Филологич. записки", LVI, вып. II — III, 1916, стр. 189 — 236.

Алф.— Алфавит, XVII в.

Arch. f. slav. Phil.— Archiv für slavische Philologie.

Ассем. ев.— Ассеманиево евангелие, глаголический памятник древнеславянского языка XI в.

Батюшк.— К. Н. Батюшков (1787 — 1855).

Богдан.— И. Ф. Богданович (1743 — 1803).

Berneker. Slav. etym. Wörterbuch.— Slavisches etymologisches Wörterbuch. 1908 и посл.

Болот.— „Жизнь и приключения Андрея Болотова..." (А. Т. Болотов, 1738 — 1833), 4 т. С.-П. 1870 — 1874 г. Выдержки в „Истор. хрестом. нового периода русск. слов" I. А. Галахова, „Русск. литер. XVIII в." А. Алферова и А. Грузинского.

Больш. чертеж.— Из книги глаголемой Большой чертеж. 1626 г. По изд. Спасского 1846 г. Бусл.[1], стр. 1055 — 1072.

Бусл.[1] — Ф. Буслаев. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М. 1861.

Бусл.[7] — Русская хрестоматия. Памятники древней русской литературы и народной словесности с историческими, литературными и грамматическими объяснениями и словарем. Изд. 7. М. 1898 г.

Бусл.— Ф. Буслаев. Историческая грамматика русского языка.

Воззвание московских людей.— Приложение к „Отписке нижегородцев к вологжанам", Бусл.[1], 992 — 995 стр.

Востоков — А. Востоков. Русская грамматика... по начертанию его же сокращенной грамматики полнее изложенная. Изд. 12. С.-П. 1874 г. Первое изд.— 1831 г.

Выходы.— Из „Выходов" царей Михаила, Алексея и Феодора по изд. Строева 1844 г. Бусл.[1], стр. 1171 — 1174.

Грам. — грамота.

Грам. Пожар. — Из грамоты воеводы кн. Пожарского из Ярославля к вычегодцам, 1612 г. По Акт. Арх. ком. воспроизвед. Бусл.[1], стр. 995 — 999.

Греч. — Н. Греч. Практическая русская грамматика. С.-П. 1827.

Гриб. — А. С. Грибоедов (1795 — 1829).

Дан. Зат. — Даниил Заточник. Бусл.[1] и др. Ср. Н. Зарубин, „Слово... по редакц. XII и XIII вв. и их переделкам". Л. 1932.

Дан. Иг. „Странник" („Паломник") игумена Даниила — цит. Срезн. Написан в конце XI или начале XII в. Списки XV и XVI в. Выдержки в хрестом. Буслаева и Н. К. Гудзия, Хрестоматия по древней русской литературе XI — XVII вв. М. 1935.

Данил. — „Записки артиллерии майора М. В. Данилова, написанные в 1771 г." Изд. П. Строева. М. 1842 г. Повторены в „Русск. архиве" 1888 г. Выдержки в хрест. Алф. и Груз.

Двин. гр. — Двинские грамоты. Ср.: А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV в. С.-П. 1903 г.

Дело Ник. — Дело о патриархе Никоне. Изд. Археографич. комиссии. С.-П. 1897 г.

Дельбрюк, Grundriss. — Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. III. B. Delbrück. Vergleichende Syntax. Strassburg. 3 тома; 1893, 1897, 1900.

Держ. — Г. Р. Державин (1773 — 1816) — **Вельм.** — **Вельмож.** — **Евг.** — **Евгению (Жизнь Званская). Водоп.** — **Водопад.**

Дмитр. — И. И. Дмитриев (1760 — 1837). **Причудн.** — **Причудница. Мышь, удал. от света** — Мышь, удалившаяся от света.

Дог. грам. Дм. Ив. 1375 г. — Договорная грамота в. кн. Дмитрия Ивановича с кн. Тверским Михаилом Ярославичем. По „Собр. госуд. гр." т. I, № 28 — Срезн.

И. Долгор. — кн. И. М. Долгорукий (1764 — 1823)... Нечто для весельч. — Нечто для весельчаков.

Домостр. — Домострой по Коншинскому списку и подобным. К изданию приготовил А. Орлов. М. 1908 („Чтения в Общ. истор. и древн. российских"). Выдержки см. Бусл.[1] 817 — 857.

Драк. — Повесть о Дракуле, по тексту XV в. с дополн. из рукоп. XVII в. Бусл.[7], стр. 211 — 217. Ср.: А. Д. Седельников. Литературная история повести о Дракуле, „Изв. по русск. яз. и слов.", II (1929 г.), стр. 621 — 659. Текст — 652 — 659. Переиздан в хрест. Гудзия.

Дух. в. кн. Дм. Ив. — Духовная в. кн. Дмитрия Ивановича 1509 г. Изд. в „Собр. госуд. грамот и договоров". Ср.: П. Г. Стрелков. О языке семи древнейших завещаний московских великих князей XIV в., Сборн. общ. и истор., философск. и соц. наук при Пермск. унив. Вып. II. 1927.

Дух. в. кн. Сем. Ив. — Духовная в. кн. Семена Ивановича. 1353 г. Изд. в „Собр. госуд. грамот и договоров". Воспроизведена фотографически в изд. А. И. Соболевского и С. Л. Пташицкого „Палеографические снимки с русских грамот преимущественно XIV в." Ср. исследование Стрелкова.

Дух. Ив. Кал. — Духовная в. кн. Ивана Калиты. 1327 — 1328 г. „Собр. госуд. грам. и дог." Ср. исследов. Стрелкова.

Дух княг. Юл. Волоц. 1503 г. — Духовная грамота княг. Юлианы, жены кн. Василия Борис. Волоцкого около 1503 г. (в списке). Собр. госуд. грам., т. I, № 131 — Срезн.

Дух. Остаф. ок. 1396 — Духовная новгородца Остафия. По „Акт. юрид. быт.", том I, № 84, Срезн.

Екат. — Екатерина II (1729 — 1796). Шаман сибир. — Шаман сибирский. Имен. г-жи Ворчалкиной — Именины госпожи Ворчалкиной. Передняя знат. бояр. — Передняя знатного боярина.

Задонщина. — Сводный текст по двум спискам XV и XVII вв. Бусл.[7], стр. 189 — 202. Бусл.[1], стр. 1311 — 1334. Ср.: П. Симони. Памятники старинного русского языка и словесности XV — XVIII ст. Сборн. Отд. русск. яз. и словесн. Акад. наук. Том С, № 2, 1922, и С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. С.-П. 1906 г. По последнему текст напечатан в хрест. Гудзия, стр. 120 — 126.

Закл. Вл. Степ. — Закладная двинского владельца Власия Степановича 1349 г. по Акт. юр. № 234 — Срезн.

Зап. Н. Б. Долгорукой — Записки Н. Б. Долгорукой (Долгоруковой). 1767 г. — „Памятные записки... Долгоруковой (полный текст, с предисловием и примечаниями издат.). „Русский архив". 1867 г. I. Отрывки в хрестом. Галахова, Алф. и Грузинского и др.

Зап. Неплюева — Записки И. И. Неплюева. „Русск. арх." 1871, №№ 7 и 8. Новое полное издание с примеч. С.-П. 1893 г. Отрывки в хрестоматиях Галахова, Алферова и Грузинского и др.

Зограф. ев. — Зографское евангелие, глаголический памятник старославянского языка XI в. Издано Ягичем в кириллической транскрипции: Quattuor Evangeliorum Codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus. 1879.

Изв. ГАИМК — Известия Госуд. Академии истории материальн. культуры.

Indogerm. Forsch. — Indogermanische Forschungen.

Ист. гос. Рос. (И. Г. Р.) — см. **Карамз.**

Ист. об Азовск. сид. — История об Азовском осадном сидении донских казаков. Сводный текст по двум рукописям XVII в. подробной редакции с некоторыми дополнениями из редакции краткой. Бусл.[7], стр. 281 — 298. Ср.: А. С. Орлов. „Исторические и поэтические повести об Азове (взятие 1637 г. и осадное сидение 1641 г.)". М. 1906. По списку второй половины XVIII в. — в хрестом. Гудзия.

Истр. — Е. С. Истрина.

Кал. — Акты, относящиеся до юридического быта древней России... под редакцией Н. Калачова I — 1857 г., II — 1864, III — 1884.

Кант. — кн. А. Д. Кантемир (1708 — 1744)... Сат. — сатиры.

Карамз. — Н. М. Карамзин (1766 — 1826)... Ист. гос. Рос. — История государства Российского. Меланх. — Меланхолия.

Кн. о ратн. стр. — Учение и хитрость ратного строения пехотных людей, 1647 г.

Княж. — Я. Б. Княжнин (1742 — 1791).

Котош. — О России в царствование Алексея Михайловича сочинение Григория Котошихина. Изд. 4. С.-П. 1906.

Крыл. — И. А. Крылов (1769 — 1844). Похв. речь дед. — Похвальная речь в память моему дедушке, говоренная его другом в присутствии его приятелей за чашею пуншу. Два гол. — Два голубя. — Зерк. и обез. — Зеркало и обезьяна.

Куранты. — „Переводы с печатных листов от курантов" 1665 г., листики голландской газеты в русском переводе (иначе — письменные листы, вестовые письма). Изд. по рукописи Забелина Бусл.[1], стр. 1143 — 1146. Ср. „Чтения Общ. истор. и древн. росс.", 1880, II и „Летоп. занят. Археограф. комис.", вып. IV.

Лавр. лет. и **Лавр. спис. летоп.** — Лаврентьевский список летописи 1377 г. Последнее издание в 1926 — 1927 г. в „Полном собрании русских летописей", под редакцией Е. Ф. Карского.

Лавр. спис. Сузд. лет. — Часть Лаврентьевского списка, излагающая историю Суздальской Руси с 1111 до 1305 года. Язык описан В. П. Борковским в „Трудах Комиссии по русскому языку". 1931 г., т. I.

Лерм. — М. Ю. Лермонтов (1814 — 1841).

Лечебн. — Лечебник. XVII в. Бусл.[1], стр. 1351 — 1356.

Ломон. — М. В. Ломоносов (1711 — 1765)... **Рос. грам.** — Российская грамматика. Цитир. по изд. 1755 г. Ср. Сочинения М. В. Ломоносова с объяснительными примечаниями акад. М. И. Сухомлинова. Изд. Акад. наук. Том IV, С.-П., 1898 г., стр. 27 — 224. **Надп. на иллум.** — Надпись на иллюминацию.

В. Майков. Елис. — „Елисей, или раздраженный Вакх" Василия Ив. Майкова (1728 — 1778).

А. Матв. — гр. Андрей Артамонович Матвеев (1666 — 1728). „208 генваря в 25 д. записная книга всяким ведомостям, что с каких известий с приезду своего в Гравенагу сего же генваря... писал к великому государю к Москве тайно своею рукою..." (1700 — 1702). Отрывки в „Ист. хрест." I. Галахова, „Русск. литер. XVIII в." Алф. и Груз.

Мат. пут. Ив. Петлина. — Материалы, относящиеся к путешествию в Монголию и Китай Ивана Петлина в 1618 г. — Ф. И. Покровский. Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618 г. (мнимое путешествие атаманов Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева в 1567 г.). „Изв. Отд. русск. яз. и словесн. Акад. наук". 1913 г., том XVIII, кн. 4, 1914, стр. 257 — 304.

Мат. Раз. — Материалы для истории возмущения Ст. Разина, собр. А. Поповым. М. 1857.

Межев. 1631. — Из Межевой (писцовой) выписи на поместье казанского жильца Девятого-Змеева. По изд. Акт. юрид. 1838 г. Бусл.[1], стр. 1075 — 1078.

Mikl. Lex. palaeoslov. — F. Miklosich. Lexicon palaeoslovenico-graeco — latinum. Vindobonae. 1862 — 1865.

Мстисл. грам. ок. 1130 г. — Грамота в. кн. Мстислава Владимировича и его сына Всеволода новгородскому Юрьеву монастырю, между 1128 — 1132 г. Снимок в приложении к „Древн. памятн. русского письма и языка" И. Срезневского. 1866. Воспроизводилась в „Славянской хрестоматии" Г. Воскресенского, I., М., 1882 и в позднейших хрестоматиях.

Некр. — Н. А. Некрасов (1821 — 1877). **Мих. Топт.** — Михаил Топтыгин.

Нест. жит. Феод. — „Житие... Феодосия, игумена печерьского", написанное Нестором до 1093 г. — Изд. О. Бодянским по списку XII в. — Чтения общ. древн. 1858 г., кн. III. — Исслед. Лукьяненка — О языке Несторова Жития... Феодосия Печерского. „Русск. филол. вестник", LVIII.

Новик. — Н. И. Новиков (1744 — 1818)... **Трут.** — „Трутень".

Новг. IV лет. — Новгородская IV летопись — Полн. собр. русск. летоп., т. IV — Выписки Срезн.

Никон. лет., 1453. — Русская летопись по Никонову списку. — Выписки Срезн.

Обнорск. — С. П. Обнорский.

Опис имущ. ц. Ив. Вас. — Опись домашнему имуществу царя Ивана Васильевича по спискам и книгам 90 и 91 годов. „Временник Моск. Общ. ист. и древн. росс." VII — Срезн.

Ор. Бор. Год. 1589. — Оружие и ратный доспех ц. Бориса Федоровича Годунова. По рукоп. Архива Оружейной палаты № 678 — Савваитов. — Срезн.

Остр. ев.— Остромирово евангелие. Новгородский список старославянского текста, 1056 — 1057 г. Фото - литогр. изд. 1889 г. Исследования языка: М. Козловского.— Исследование о языке Остром. ев. 1885 г., В. Щепкина и А. Шахматова. Особенности языка Остром. ев. в приложении к переводу старослав. грамматики Лескина — 1890 г., Н. Каринского.— Остром. ев. как памятник русского языка. „Журн. М. Н. П." 1903 г. № 5, Ф. Фортунатова — Состав. Остром. ев. „Сборн. статей, посв. Ламанскому", II, 1908.

Отписка нижегородцев к вологж.— Отписка нижегородцев к вологжанам о походе Прокопия Ляпунова к Москве 1611 г. Воспроизведена по Акт. Арх. экспед. Бусл.[1], стр. 989 — 995.

Отч. Я. Молвян.— Из отчета посла Якова Молвянинова о посольстве его от Ивана Грозного к папе Григорию XIII в 1582 г. По изд. в „Памятн. дипломатических сношений древней России с державами иностранными" Бусл.[1], стр. 886 — 891.

Пам. Смутн. врем.— Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени.— Изд. второе. С.-П. 1909. Изд. 3-е. РИБ, т. XIII, 1925 г. Ср. выдержки в хрест. Гудзия.

Парем. 1271 г.— Паремейник.

Перем. грам. в. кн. Моск. Ив. Вас. с Алекс. в. кн. Литов. 1494 г.— Перемирная грамота великого князя Московского Ивана Васильевича с велик. князем Литовским Александром. По сборнику Муханова М. 1836 г., цитир. Срезн.

Песни Дж.— Песни, записанные для Ричарда Джемса в 1619 — 20 г. г. Памятн. старинного русс. языка и словесн. XV — XVIII столетий. Вып. II, 1. Изд. П. Симони. С.-П. 1907 г.— Хрест. Бусл.[1] и поздн.

Пис. в. кн. Вас. Иоанн.— Письма вел. князя Василия Ивановича жене его Елене 1526 — 1530 и 1530 — 1532 г. По изд. Археографич. комиссии в Письм. русск. госуд. I. 1848 г. Бусл.[1], 753 — 756.

Пис. и бум. П. I.— Письма и бумаги императора Петра Великого под редакц. А. Ф. Бычкова. 4 тома. С.-П. 1887 — 1900.— Отдельные письма в хрестоматиях Галахова, Алфер. и Груз. и др.

Писц. кн. Обон. пят.— Писцовые книги Обонежской пятины 1496 г. и 1563 г. Ак. наук СССР. Материалы по истории народов СССР под общей редакцией М. Н. Покровского. Вып. 1. Материалы по истории Карельской АССР. Л. 1930.

Плат. цар. Евд.— Платье, головной и спальный уборы царицы Евдокии Лукьяновны 1642 г. по рукописи Архива Оруж. палаты № 679; опис. П. Савваитовым 1865 г.— Срезн.

Пов. вр. л.— Повесть временных лет. „Се повести временьных лет, откуда есть пошла Руськая земля, кто в Кыеве поча первее княжити, и откуда Руськая земля стала есть". Составлена в начале второго десятилетия XII века. Важнейшие списки — Лаврентьевский 1377 г. и Ипатьевский конца XIV или начала XV в. Лаврент. список — Полное собр. русск. летоп., том I, изд. 2, 1926 - 1927 гг. Ипатьевск.— Полное собрание русск. летоп., том II, изд. 3, 1923 г.

Пов. о Ерше — Повесть о Ерше Ершове сыне Щетинникове XVII в.— Н. Л. Бродский, Н. М. Мендельсон, Н. П. Сидоров. Историко - литературная хрестоматия. Часть II. Древняя письменность. XI — XVII в. 1916 г., стр. 354 — 357. Ср. хрест. Гудзия, стр. 343 — 346.

Погод. Прол. XIV в.— Погодинский Пролог.

Погод. сборн. XV — XVI стол.— Погодинский сборник.

Посл. Иоанна Гр. в Кир.-Бел. мон. — Из Послания Иоанна Грозного игу-

мену Кирилло-Белозерского монастыря Козьме с братиею, около 1578 г.— Бусл.[1], 849—856. Цитир. с нумерацией Бусл.[7]. 262—268.

Посл. Иоанна Гр. Курбск.— Из Послания царя и великого князя Иоанна Васильевича всея России ко князю Андрею Курбскому против его, князя Андрея, письма, что он писал из града Волмера 1564 г.— Бусл.[7], 256—261. Ср. „Сочинения князя Курбского", т. I, под редакц. Г. З. Кунцевича. Акад. наук. 1914 г. по спискам XVII в.— Перепечатаны в хрест. Гудзия, стр. 195—205.

Потеб.— А. А. Потебня.

Похв. Онуфр. Мин. чет., июнь — Слово похвальное Онуфрию из Минеи четии июньской по списку XV—XVI в.— Срезн.

Пр. вр.—„Праздное время, для пользы препровожденное", журн. XVIII в.

Прав. 1465—1482 и 1552 г.— Правые грамоты.

Преображ. Этим. слов.— А. М. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. 14 вып. 1910 г. и дал.

Приклон.— Энциклопедия, или собрание нравоучительных мыслей и рассуждений о разных материях, сочиненная по алфавиту и с французского языка на российской переведенная коллежским асессором Иваном Приклонским. М. 1763.

Пск. I.—Первая Псковская летопись.— Полн. собр. русских летописей. IV.

Пск. суд. грам. 1397—1497.— Псковские судные грамоты.— Срезн.

Путеш. П. Толст.— „Путешествие стольника Петра Толстого по Европе в силу царского указа от 7205 года января 11-го дня" (1697). Изд. в „Русск. арх." 1888 г. №№ 2—8. Отрывки в „Русск. литер. XVIII в" Алф. и Груз.

Пушк. А. С. Пушкин (1799—1837).

Радищ.— А. Н. Радищев (1749—1802). Цитир. по „А. Н. Радищев. Путешествие из Петербурга в Москву". Школьн. библиотека классиков. Л.—М. 1933. Ср. изд. Academia, 1936 г., т. II, с комментариями по воспроизведенному фотолитографски первому изданию.

Разр. кн.— Разрядные книги Московского государства XVI и XVII вв. Изд.— Дворцовые разряды, томы I—IV, 1850—1855, Книги разрядные, т. I—II, 1853 и 1855, „Чтения в Общ. истор. и древн. росс.", 1902, в. 1, 2, 1907, 2, 3.

Рост. Жит. Нифонта, 1219 г.— Ростовское житие Нифонта. Старший, недатированный список в Выголексинском сборн. XII в.

Рук. новг. Клим. до 1270 г.— Рукописанье новгородца Климента.— Срезн.

Русск. Вед.— Русские Ведомости. „Ведомости о военных и иных делах, достойных знания и памяти, случившихся в Московском государстве и во иных окрестных странах. Начаты в лето от Христа 1703, от генваря, а окончены декабрем сего года".

Отрывки в хрестом. Галахова, Алф. и Груз. и др.

Русск. Пр.— Е. Ф. Карский. Русская Правда по древнейшему списку (1282 г.). Л. 1930. Ср.: С. П. Обнорский. Русская правда, как памятник русского литературного языка. Извест. Акад. наук СССР. 1934 г., стр. 749—776.

Ряз. Корм. 1284— Рязанская Кормчая 1284 г.

Савв. кн. — Саввина книга, писанный кириллицею старославянский памятник XI в. Изд. В. Щепкиным в 1903 г. Исследование языка — В. Щепкина. Рассуждение о языке Саввиной книги. С.-П. 1899 г.

Сб. Ак. наук.— Сборник Отделения русского языка и словесн. Академии наук.

Синайск. требн.— Синайский требник, глаголический старославянский памятник XI в. Изд. Geitler'a, Zagreb, 1882.

Синод. сп. лет.— Синодальный список I Новгородской летописи (конец

XII — серед. XIV в.). Издан. Археограф. комиссией в „Полном собрании русских летописей", т. III. Ср. изд. 1888 г.— Исследования: Б. М. Ляпунов. Исследование о языке Синодального списка I-ой Новгородской летописи. Е. Истрина. Синтаксические явления Синод. списка I Новгор. летописи. „Изв. Отд. русск. яз. и слов. Акад. наук", XXIV, кн. 2 (1919).

Сказ. о Магм.-салт.— „Сказание о Магмете-салтане" Ивана Пересветова средины XVI века.— Н. Л. Бродский, Н. М. Мендельсон, Н. П. Сидоров. Истор.-литературн. хрестоматия. Часть II. М. 1916. Стр. 217—219. Ср. В. Ржига. И. С. Пересветов, публицист XVI в., М., 1908 г. и хрестом. Гудзия, стр. 189—194.

Сказ. о Пск. взят.— Сказание о Псковском взятии. „Псковское взятие, како взят его князь великий Василий Иванович". Из Псковской летописи по изд. Археографическ. Комиссии, т. IV, Бусл.[1], 953—960. Цитир. по Бусл.[7], 217—223. Ср. хрест. Гудзия, стр. 185—188.

Смирн.— Н. А. Смирнов. Западное влияние на русский язык в Петровскую эпоху. Сб. Ак. наук 88, С.-П. 1910.

Собол.— А. И. Соболевский.

Соф. Врем.— „Софийский временник", т. е. летопись Новгородск. св. Софии, по рук. Публ. библ. XV—XVI в., изд. П. Строевым. М. 1820—1821. Отрывки воспроизведены Бусл.[1], 963—972.

Срезн.— И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. I. С.-П. 1893 г. Т. II. 1902. Т. III. Дополн. 1912 г.

Стар. сборн.— П. Симони. Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX стол. Вып. первый I—II. С.-П. 1899.

Стогл.— Из Стоглавника, или Стоглава XVI в. по рукописи XVII в. Бусл.[1], стр. 803—816.

Судебн. 1497 и 1550 г.— Судебники Иоанна III и Иоанна IV. Текст с указателем напечатан проф. М. Клочковым. Харьк. 1915.

Судн. дело о табаке.— Из судного дела о табаке 1680 г. по Акт. юрид. 1838 г.— Бусл.[1], стр. 1213—1215.

Сумар.— А. П. Сумароков (1718—1777). Хор.— Хорев. Синав и Тр.— Синав и Трувор. Дим. Самозв.— Димитрий Самозванец. Epист. о стих.— Эпистола о стихотворстве. Епигр.— Эпиграммы.

Супрасл. рук.— Супрасльская рукопись, памятник старославянского языка XI в. Изд. Северьяновым в „Памятниках старославянского языка" II, 1. С.-П. 1904.

Тамож. Весьег. гр. 1563 г.— Таможенная весьегонская грамота в списке 1666 г. „Акт. Арх. экспед.", т. I, № 298 — Срезн.

Татищев — В. Н. Татищев (1686—1750). „История Российская с самых древнейших времен, неусыпным трудом через тридцать лет собранная и описанная покойным, т. е. астраханским губернатором В. Н. Татищевым". Кн. I в двух частях. М. 1768—1769 г., II — М. 1773, III — М. 1774, IV — С.-П. 1784, V — в „Чтениях в Обществе истории и древн. российских", кн. 4, 5 и 9 (1847—1848). Отрывки в хрестоматиях Галахова, Алфер. и Грузинск. и др.

Тред.— В. К. Тредьяковский (1703—1769).

Тютч.— Ф. И. Тютчев (1803—1873).

Улож. ц. Алекс.—Уложение царя Алексея Михайловича, изд. 1649 — „Уложение, по которому суд и расправа во всяких делах в Российском государстве производится..." Изд. 10-ое. С.-П. 1820 г. Отрывки Бусл.[1], стр. 1102—1110.

Урядн.— Урядник Сокольничья пути. Отрывки по изд. Новикова в „Древн. российск. вивлиофике" и объясн. Бусл.[1], стр. 1263—1282. Цитир. по Бусл.,[7] стр. 313—325.

Фонв.— Д. И. Фонвизин (1745 — 1792). **Бриг.**— Бригадир. **Недор.**— Недоросль. **Иос.**— Иосиф. **Пут. в Вену** — Путешествие в Вену. **Чистосерд. призн.**— Чистосердечное признание.

Хераск.— М. М. Херасков (1733 — 1807).

Хожд. Стеф. Новгор.— Хождение Стефана Новгородца, средины XIV стол. Текст и исследование: М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы. Л. 1934.

Хожд. Афан. Никит.— „Хожение" Афанасия Никитина, под 1475 г. в Софийском временнике. Выдержки Бусл.[1], 956 — 968. Ср. Полное собрание русских летописей, том VI, стр. 357 и дал. В хрест. Гудзия, стр. 147 — 152.

Хоз. Мороз.— Хозяйство боярина Б. И. Морозова.— Материалы, напечатанные в издании Акад. наук СССР — Труды Истор. - археограф. института, т. VIII. Материалы по истории феодально - крепостного хозяйства. Вып. 1. Хозяйство крупного феодала - крепостника XVII в. Л. 1933 г.

Царств. лет. XVI в.— Летописец царственный, содержащий Российскую историю от 6622/1114 года, то есть от начала царствования в. кн. Владимира Всеволодовича Мономаха до 6980/1472 г., то есть до покорения Новгорода. 1772 г.

Zeitschr. f. slav. Phil.— Zeitschrift für slavische Philologie.

Чуд. Нов. зав.— Чудовский Новый завет. XIV в. Изд. в снимке М. 1892 г.

Чулк.— М. Д. Чулков (1734 — 1792).

Шуйск. акт.— Акты, изданные в дополнении к описанию города Шуи Борисовым.— Бусл. Ист. грам.

Шут. челоб. XVII в. — Шуточная челобитная. Бусл.[1], 1447 — 1448.

Юности честн. зерц.— Юности честное зерцало, или показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов. 1719. Отрывки в хрестоматиях Галахова, Алферова и Грузинского, Сиповского и др.

Яг.— И. В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка. С.-П. 1889.

Ярл. Тайд. 1351 г.— Ярлык царя Тайдулы митр. Феогносту (в списке). Собр. госуд. грам., т. II, № 2 — Срезн.

Ярл. Мен. Тим.— Ярлык хана Менгу Тимура 1267 г. (в списке). Сбор. госуд. грам., т. II, № 2 — Срезн.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

МОГИЗ № 32
Цена 20 р.